

Slav 740.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,
OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

0

АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ,

изданная почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Н. СМОЛЬЯНИНОВА.

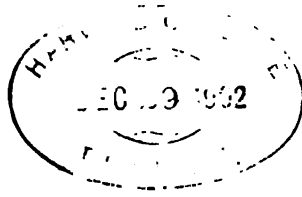
Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Гербъ князей Куракиныхъ.

1901.

С. 8 кн. 74. 3

Вилсефинт
(9).

Дозволено цензурою. Москва. 30 октября 1896 г.

АСТРАХАНЬ.
Паровая Губернская Типографія.
1901.

В святыи томъ изданія князя Ѳ. А. Куракина, подобно предыдущимъ четыремъ книгамъ, раздѣляется на двѣ почти равныхъ части, изъ которыхъ первая (1713 г.) посвящена петровской эпохѣ, а вторая (1777 г.)—екатерининскому времени.

Къ первой группѣ принадлежитъ 110 писемъ: 76 князя Б. И. Куракина, 16 канцлера графа Г. И. Головкина, 4 князя А. Д. Меншикова, по два—царя Петра, графа А. Г. Головкина, князя В. Л. Долгорукова, нашего посланника въ Лондонѣ барона Шака, по одному—А. И. Дашкова, царицы Екатерины I, вице-канцлера барона П. П. Шафирова, Жоржа Ли, трансильванскаго князя Ракоци и неизвѣстнаго лица. Вторая группа охватываетъ 9 документовъ разнаго содержанія и 155 писемъ: 14 заботливой бабушки княгини А. И. Куракиной, 10 ея дочери княжны Аграфены Александровны, 10 епископа ростовскаго Самуила, впослѣдствіи митрополита кievскаго, 8 барона Дюбена, 8 князя С. В. Куракина, 7 Шарпантье, 6 русскаго торговаго агента въ Амстердамѣ Ольдекопа, по пяти—поэта Богдановича, князя Алексѣя Куракина, П. А. Левашова, канцлера графа Панина, знаменитаго французскаго портретиста Рослена и, наконецъ, И. В. Страбова. Далѣе корреспондентами князя Александра Борисовича за 1777 г. были: датскій дипломатъ Алефельтъ (2 письма), нашъ посоль въ Франціи князь Барятинскій (1 письмо), шведская графиня Біельке (1 письмо), старыи княжескій дворецкій

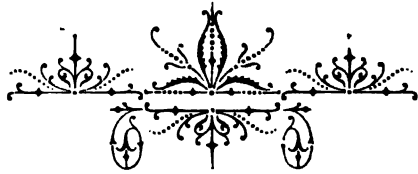
Терентій Ворошнинъ (1 письмо), Христіанъ Геббе (1 письмо), графъ И. А. Головкинъ (1 письмо), Иванъ Гренъ (1 письмо), стокгольмскій знакомецъ Князя Гюльденкроне (1 письмо), Деболи (1 письмо), директоръ Академіи Наукъ Домашневъ (1 письмо), Сергѣй Дуровъ (1 письмо), Карлъ, герцогъ сюдерманландскій, впоследствии король шведскій Карлъ XIII (1 письмо), графъ Кейзерлингъ (1 письмо), будущій канцлеръ С. А. Колычовъ (1 письмо), И. И. Крокъ (1 письмо), княгиня Н. П. Куракина, урожд. Нарышкина (2 письма), Генрихъ Левецау (4 письма), королевскій портной Лесаажъ, одѣвавшій блестящаго Князя (4 письма), баронъ Лефортъ, внукъ петровскаго любимца (2 письма), Людовикъ, герцогъ виртембергскій (1 письмо), посолъ въ Лондонѣ графъ Мусинъ-Пушкинъ (2 письма), А. В. Нарышкинъ (2 письма), датскій посланникъ Нюсенъ (1 письмо), нашъ посланникъ при датскомъ дворѣ баронъ Остенъ-Сакенъ (3 письма), И. А. Остерманъ (1 письмо), князь Понятовскій, братъ короля польскаго (2 письма), профессоръ и затѣмъ ректоръ Лейденскаго университета Пестель (1 письмо), фельдмаршалъ князь Репнинъ (2 письма), секретарь русскаго посольства въ Стокгольмѣ Рюкманъ (3 письма), извѣстный впоследствии протоіерей Самборскій (1 письмо), графъ Спарре (1 письмо), П. А. Ступишинъ (1 письмо), Станиславъ II, король польскій (1 письмо къ Тизенгаузену), масонъ Евграфъ Сысоевъ (2 письма), французскій писатель Тюрпэнъ (2 письма), Яковъ Убри (1 письмо), графъ Ферзенъ (2 письма), его жена (1 письмо), шведскій канцлеръ Ульрихъ Шефферъ (2 письма), выборгскій губернаторъ Энгельгардтъ (1 письмо), герцогъ меклембургскій Эрнестъ (1 письмо).

Перечисленные нами имена, принадлежащія болшею частью наиболѣе виднымъ дѣятелямъ XVIII в., уже сами говорятъ объ историческомъ значеніи помѣщенныхъ здѣсь документовъ.

Копіи для IX т. „Архива“ были заготовлены еще нашими прежними сотрудниками А. О. Лебедевымъ и Г. П. Рофастомъ. Въ корректурѣ дѣятельное участіе принимали П. К. Рамзейеръ и Д. А. Куломзинъ; послѣднему, кромѣ того, принадлежитъ и составленіе алфавитнаго указателя. Многія цѣнныя примѣчанія любезно сообщилъ намъ издатель Русскаго Архива почтенный П. И. Бартневъ.

В. Н. Смольяниновъ.

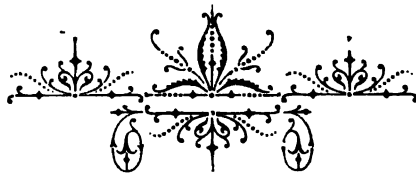

БУМАГИ
КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

1713 г.

ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ.

БУМАГИ
КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

1713 г.

ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ.

1578. Le baron de Schack—au comte G. Golovkine.

Londres. 1 (12) juin 1713.

Le ministre de Holstein, comte Dernat, me demanda il y a trois jours si je n'avais pas reçu de lettres du prince Menchikov, et lui ayant répliqué que non, il me dit que j'en aurais assurément avec l'ordinaire prochain: qu'il avait des avis certains que non seulement le roi de Pologne avait ratifié la déclaration que le comte Fleming avait faite au roi de Danemark, mais aussi que le prince Menchikov m'enverrait des ordres de déclarer ici que Sa Majesté Tsarienne ne pouvait pas considérer la Cour gottorpéenne pour son ennemi.—Je lui répondis là-dessus que je ne pouvais pas croire que le prince Menchikov m'écrirait une lettre de la teneur dont il [est question]; qu'en tout cas je n'accepterai point d'ordre de lui dans cette affaire puisque le Prince étant aussi éloigné de la personne de Sa Majesté Tsarienne que je le suis, il ne pouvait savoir mieux les intentions de Sa Majesté que je le sais: que je me tiendrai à mes ordres et instructions aussi bien dans cette affaire que je fais à l'égard de toutes les autres et que je tâcherai d'appuyer ici autant qu'il convient les intérêts et les vues du roi de Danemark comme d'un allié de mon souverain: sur quoi le Comte m'ayant dit finalement que je lui permette en attendant de se rapporter auprès du ministre d'ici à la déclaration du

prince Menchikov et à la lettre qu'il m'a écrite. je lui répliquai qu'il en pouvait user comme il lui plairait. mais que de mon côté je devais déclarer que Sa Majesté mon maître, ne se séparait point de son allié, le roi de Danemark. ni dans l'affaire de Holstein, ni dans aucune autre occasion. J'ai donné incessamment part de cet entretien à l'envoyé de Danemark, monsieur Rosenkrantz. afin de concerter mieux avec lui les mesures nécessaires pour contrecarrer autant qu'il est possible aux intrigues qui sont cachées là-dessus et aux suites désavantageuses qui en pourraient résulter.

Les malintentionnés ne cherchent pas seulement d'obliger le roi de Danemark. de rétablir l'administrateur, mais aussi, s'il est possible. de désunir l'alliance du Nord. et ce dessein serait beaucoup facilité par la restitution de l'administrateur puisque si Sa Majesté Tsarienne et le roi de Pologne venaient à vouloir souffrir tranquillement que le roi de Danemark fût forcé sous le prétexte de la garantie de la paix de Travendahl de rétablir l'administrateur, cela serait assurément une grande erreur qui, à mon avis, pourrait produire facilement une paix particulière puisque:

1. Le roi de Danemark serait frustré par là de l'espérance de pouvoir parvenir à son but principal. qui est d'acquérir la conclusion d'une paix. moyennant un équivalent, cette partie du duché de Schleswig et Holstein qui appartient à la maison de Gottorp laquelle dans l'état, où elle est, y donnerait les mains plus facilement que si elle venait à être rétablie dans l'entière et tranquille possession de ses pays.

2. Les finances du roi de Danemark sont tellement épuisées que je ne saurai croire qu'il soit dans l'état de continuer la guerre avec vigueur, s'il venait à être privé du secours qu'il tire des revenus du pays de Gottorp.

3. Ceux qui en Danemark ne trouvent pas leur convenance dans la continuation de la guerre ne manqueraient pas de se prévaloir de l'aigreur du Roi contre ses alliés et si alors la Suède venait à offrir quelque peu que ce fût, il ne serait pas difficile de porter le Roi à prêter l'oreille aux propositions d'une paix particulière.

Je trouve d'autant plus nécessaire de traverser ici les négociations du comte Derna, en conformité de mes premières instructions, que je sais pour sûr et que je vois journellement de mes propres yeux que ledit comte va de concert en tout avec le ministre de Suède, le comte Guldenbourg: je les ai vus encore aujourd'hui ensemble pour parler au grand trésorier, mylord Oxford, et qu'après ils se rendirent auprès de mylord Bolingbrok pour y proposer conjointement leurs affaires.

Je suis toujours persuadé que la prétendue déclaration du prince Menchikov n'est pas telle que le comte Derna la publie puisque le ministre de Danemark dans le détail qu'il a envoyé à monsieur Rosenkrantz de tout ce qui s'est passé avec le comte Fleming n'en fait pas mention, parlant au contraire du prince Menchikov en des termes qui ne marquent que de l'estime et de la considération que le Roi a pour lui.

En finissant cette relation je viens de recevoir l'avis que l'on embarque actuellement sur l'escadre des bombes et que l'ordre est donné qu'elle fasse voile vers la mer Baltique. Cela m'alarme d'autant plus que j'apprends de bonne main que l'ambassadeur de France a dit aujourd'hui à un de ses confidants que l'on avait pris des mesures justes et bonnes pour rétablir le roi de Suède, et que la Cour de la Grande-Bretagne y avait été animée par le danger dont la Suède était menacé par l'expédition que Sa Majesté Tsarienne a entreprise en Finlande. L'envoyé de Danemark cherchera demain

de parler sur ce sujet à mylord Bolingbrok pour apprendre ce qui en est, et pour moi, je tâcherai par d'autres voies de développer ce qui est sur le tapis. Si le ministère d'ici a résolu cette expédition, c'est uniquement dans la créance que les alliés du Nord ne sont pas bien d'accord entre eux et sans cela toutes les instigations de la France n'auraient eu aucun effet. Aussi ne veux-je pas encore abandonner toute espérance de pouvoir détourner le coup et pour cet effet je ne manquerai pas de mettre tout en usage avec modération et avec vigueur et d'aller de concert en cette affaire avec les ministres de Danemark et de Pologne.

1579. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. іюня 15. С.-Петербургъ.

Его царское величество изволилъ прибыть сюда сего іюня во вторыйнадесять день и, по прибытіи своемъ, изволилъ писать къ генераль-фельдмаршалу князю Меншикову, чтобъ онъ съ войски его величества еще задержался тамо до сентября мѣсяца, пока у турковъ съ его царскимъ величествомъ учивится примиреніе, что дай, Боже; ибо проходъ войска его величества чрезъ Польшу, ежели бы нынѣ идти, не безъ подозрѣнія бы былъ у нихъ. турковъ,—о чемъ писалъ и его королевское величество польскій.

Отъ пословъ нашихъ изъ Адрианополя, послѣ отпущеннаго апрѣля 10-го, новѣйшихъ не было, и не безъ сумнѣнія здѣсь,—чрезъ такъ долгое время никакого извѣстія нѣтъ. И ежели какія явятся въ Голландіи подлинныя вѣдомости, извольте, ваша милость, сюда писать и отъ нихъ присылаемыя письма, ежели будутъ, немедленно сюда отсылать.

1580. Le prince Boris Kourakine—au comte de Schönenbecke.

Le 16 juin 1713.

Je ne doute point que votre excellence ne sache parfaitement de quelle manière les traités de paix à Utrecht ont été conclus et dans quelle situation les puissances maritimes se trouvent par cette paix. Vous n'ignorez pas aussi, monsieur, quels étaient leurs sentiments à l'égard de la guerre du Nord avant la conclusion de leur dite paix. Or, j'ai crû à propos et de l'intérêt de Sa Majesté, mon maître, de faire connaître à votre excellence, dans les conjonctures présentes, que les mêmes puissances continuent tout sérieusement leurs mêmes vues et intentions par rapport à la guerre du Nord, et pour cet effet elles ont fait faire par leurs ministres plusieurs fois diverses avances et propositions à ceux des hauts alliés du Nord et entre autre ils insistent fortement que les ministres des alliés du Nord aient à se déclarer sur la nomination du lieu, où le congrès de paix se doit faire. Quoique je n'aie point d'ordre positif de la Cour sur ce sujet, cependant, jugeant pour les intérêts communs des hauts alliés du Nord, et particulièrement pour ceux de mon maître, et sachant bien que la France ne laisse point et ne laissera pas de coopérer par toutes sortes de voies en faveur de la Suède dans les lieux qui lui seront les plus commodes, quoique je n'aie point d'ordre positif, dis-je, de la Cour sur ce sujet, j'ai crû de notre intérêt de soutenir provisionnellement que la ville de Dantzic est le lieu le plus propre et le plus commode pour tous les partis intéressés dans la guerre du Nord et que les villes de Hambourg, de Lubeck et de Brunswick étaient non seulement trop éloignées, mais que la première était même suspecte à cause de la grande multitude des

partisans suédois. de sorte que par plus d'une raison je n'ai pas pu approuver ces propositions: mais comme M. le baron de Gersdorf ne parait pas convenir de sentiment avec moi sur la ville de Dantzic. je laisse à juger à votre excellence si mon choix est probable ou non, car outre la commodité du lieu. je trouve de l'intérêt de la République que le congrès s'y fasse et pas ailleurs. C'est pourquoi souffrez. monsieur. que je vous prie d'avoir la bonté de m'informer promptement de votre réponse et en même temps de vos sentiments sur ce sujet. Si vous me voulez aussi honorer de votre correspondance. je vous assure que je la cultiverai de ma part avec toute la sincérité imaginable.

1581. Князь Б. И. Куранинъ—графу Г. И. Головинну.

1713 г. іюня 16. Гага.

Министры гишпанскіе по се число еще своихъ трактатовъ о коммерціи не окончили, и съ здѣшними Статы, также и съ Англією, чають вскорѣ быть заключену. Но трудность имѣють паче другихъ съ дукомъ савойскимъ, для того что она, Гишпанія, прежде окончанія дѣлъ съ домою аустрійскимъ не хочетъ ему, дуку, Сицилію отдать.

Объ отдачѣ Люксембурга Статомъ хотя Франція многія трудности находила, однакожъ, нашедъ посредство, сошлись, и отдача будетъ учинена сего 27 по нов.

Что же принадлежитъ о разореніи Дюнкирхена, и въ томъ находятся не малыя трудности. для того что Англія въ трактатѣ своемъ упомянула, что Дюнкирхенъ будетъ тогда разоренъ, когда эквивалентъ за оную фортецію будетъ отданъ, о которомъ артикулѣ нижняя камора парламента въ Англіи просила экспликаціи на сіе, что значитъ эквивалентъ; и еще на то отповѣди парламентомъ не учинено. Но здѣсь преду-

считается, что она, Англія, обязалась ей, Франціи, оную фортецію возвратитъ въ цѣлости, и того для постановленъ сей терминъ въ трактатѣ своемъ за эквивалентъ. И намѣреніе ея, Англіи, нынѣ открывается такое, чтобы здѣсь Статомъ декларовать, что ежели они, Статы, для своихъ общихъ интересовъ съ нею, Англіею, хотятъ видѣть въ разореніи Дюнкирхенъ, то надлежитъ имъ, Статамъ, возвратитъ ей, Франціи, городъ Турне. А будетъ они, Статы, того не похотятъ учинить, то она, Англія, привуждена будетъ Дюнкирхенъ, не разоря, ей, Франціи, возвратитъ. Однакожъ еще милордъ Страффордъ здѣсь по се число такой декларации не учинилъ. Но здѣсь, ожидая того, разсуждаютъ, что Статы Турне никогда за эквивалентъ ей, Франціи, вмѣсто Дюнкирхена, не возвратятъ; но еще паче къ своему интересу сіе находятъ, для того что, когда Дюнкирхенъ ей, Франціи, возвращенъ будетъ, министерство нынѣ аглинское чрезъ ту отдачу народу всему аглинскому непостоянство покажетъ и злость отъ всѣхъ на себя повесутъ, отчего вскорѣ можетъ замѣшаніе учиниться. Къ чему и нынѣ вновь начинаются виды быть, что весь тотъ народъ аглинскій есть неблагодарнымъ нынѣшнимъ миромъ для трактата коммерціи; и предусматривается такъ, что чрезъ два года всѣ мануфактуры шолковыя и другихъ штофовъ въ Англіи разорены будутъ для вынѣшнихъ вольныхъ и позволенныхъ торговъ ей, Франціи, о чемъ, не сумнѣваюся, пространнѣ писалъ г. баронъ Шакъ.

Третьягодня получилъ вашего превосходительства письмо, отъ № 13-го, на которое отвѣтствую. Письма отправляются съ числами, а ежели и безъ чиселъ отправлены, можетъ быть, забытностью моею, а не подъяческою, для того погрѣшенія, здѣсь прилагается, для вѣдѣнія, табель, подъ которыми нумеры, которыхъ чиселъ были отправлены.

За приобщеніе новинъ отъ вашего превосходительства попремному благодарствую и впредь о томъ же прошу.

Проекты посланные генераловъ безъ ихъ именъ, для того что я о нихъ за мѣсяць еще именами писалъ, а нынѣ увидѣлъ несходные ихъ запросы, но нашель сходно повторять. А на желаніе вашего превосходительства нынѣ объявляю.

Г. Кровштейнъ, генераль-майоръ отъ кавалеріи, въ службѣ статской, породю голландецъ; просиль рангу генерала-лейтенанта.

Кирхбахъ, бригадиръ отъ инфантеріи, въ службѣ саксонской, саксонецъ родомъ; просиль рангу генерала-майора.

Діемаръ, бригадиръ отъ кавалеріи, родомъ голшти-нецъ, въ службѣ статской; просиль рангу генерала-майора.

И всѣ тѣ помянутые офицеры въ службѣ нынѣ остались статской для того, — до заключенія мира чаяли многіе, — что они, Статы, будутъ кассировать свои войска, и того для въ службу, хотя и съ великими запросами, охотно шли. Но, по учиненіи мира, Господа Статы взяли резолюцію всѣ свои войска содержать во время мирное въ своей службѣ; и того для какъ выше-помянутые, такъ и другіе, остались въ службѣ ихъ, статской, а саксонскій маршировалъ на Рену при своихъ войскахъ. И того для я здѣсь не вижу способа, чтобы могъ генераловъ сыскать, но чаю способнѣе сыскать въ Германіи, также и дешевле, для того здѣсь въ службѣ всѣ офицеры обыкли брать великое жалованье.

Здѣсь прошлой почты въ письмахъ тайной корришпонденціи изъ Франціи явилось, будто король прусскій вступилъ въ аліансъ съ нею, Францією, Швецією и прочими, и каковъ плянъ учиненъ того трак-

тата, — въ такой силѣ, какъ при семъ прилагается подъ литерою А.

Однакоже не могу обнадежить, что сіе заподлинно между тѣми дворами учинено, но больше всѣ того чаявія, что не можетъ быть состоятельно. Но при семъ довошу о томъ же прусскомъ Дворѣ, о другихъ вѣдомостяхъ, о которыхъ здѣсь къ Статомъ получена вѣдомость вчерашняго дня; однакожь, оный ихъ корришповдевтѣ объявилъ, что не можетъ ихъ увѣрить о подлинномъ намѣреніи того Двора и объ окончаніи трактата; содержаніе онаго при семъ слѣдуетъ.

Министры. шведскій и голштейнскій, уже давно трудятся, при томъ прусскомъ Дворѣ въ интересъ свой чего сыскать, и къ тому концу нынѣ привели.

Король прусскій учинилъ трактатъ съ дукомъ голштейнскимъ и обѣщаль интересы его, дука голштейнскаго, взять въ свою протекцію, какъ онъ при нынѣшнихъ случаяхъ резонъ имѣеть, что есть директоромъ всего цыркуля Нижней Саксоніи, также и гарантомъ за другими потенціями трактата травендальскаго. Того для обѣщаетъ въ интересъ его, дука голштейнскаго, учинить, собравъ своихъ войскъ въ меклембургской землѣ 20000, и декларовать потенціямъ тѣмъ, которыя гарантами были трактата травендальскаго, что онъ, по обязательству того акта, намѣренъ вступить съ войски своими въ Голштейнію и короля датскаго принудить земли дука голштейнскаго возвратитъ и въ награжденіе понесенныхъ убытковъ изъ Голштейніи короля датскаго нечѣмъ наградить. Ежели же добродѣтельно :король датскій къ тому всему не поступитъ, намѣренъ оный прусскій Дворъ тогда противу его войну декларовать. Тотъ же прусскій Дворъ учинилъ трактатъ съ графомъ Велингомъ, генераломъ шведскимъ, о Помераніи, что онъ, король прусскій, беретъ въ секвестръ Висмаръ, гдѣ гарнизонъ свой обѣщаль посадить пополамъ съ

дукомъ голштейнскимъ; также Штеттинъ беретъ себѣ въ секвестръ, который содержать хочетъ однимъ своимъ гарнизономъ. И при томъ кондиція положена, дабы при трактатахъ мирныхъ сѣверной войны искать способа тому городу Штеттину, чтобы былъ уступленъ со стороны шведской въ вѣчное владѣніе королю прусскому; Стральзундъ будетъ содержанъ гарнизономъ шведскимъ, также и островъ Рюгенъ тѣми гарнизонами, которые будутъ выведены изъ Штеттина и Висмара.

Однакоже все сіе за вѣрно принять невозможно, но будемъ ожидать съ будущими почтами подтверженія. Но здѣсь о семъ разсуждается: ежели король прусскій въ такомъ намѣреніи есть начать тѣ дѣла противу датскаго, подѣ претекстомъ, какъ гарантъ, или директоръ, Саксоніи нижняго цыркуля, то имѣетъ дальній видъ. И надобно того чаяніа быть, когда принудитъ датскаго къ миру, и потомъ безопаснѣе себя можетъ противу другихъ воюющихъ въ интересахъ Швеціи объявить и не токмо замѣшаться въ сѣверныя дѣла, но и въ имперскія.

Что же принадлежитъ до секвестра, Штеттинъ не можетъ такъ подозрѣніе другимъ привцемъ имперскимъ придать, какъ Висмаръ, а особливо курфюрсту ганноверскому. Но вчерашняго дня въ конгрессѣ генеральномъ при всѣхъ министрахъ министръ ганноверскій говорилъ, что курфюрстъ его не можетъ того понести, чтобы Висмаръ видѣтъ осаженъ гарнизономъ короля прусскаго; и безпокойство всегда будетъ имѣть тотъ ганноверскій Дворъ для провинціи своей Саксонъ-Люксембургской.

На вышепомянутую его, прусскаго Двора, намѣренную декларацію, прежде вступленія въ тѣ дѣла, здѣсь, конечно, сходны не явятся, и никто въ имперіи, развѣ одна Англія. Наконецъ о всемъ разсуждается, что ему, прусскому Двору, невозможно противу датскаго

поступить непріятельски, для того что самъ будетъ къ большему бездѣйству принадлежать, потому что союзные его, короля датскаго, противу Двора прусскаго принуждены будутъ непріятельски поступить. И ни который принцъ въ имперіи такъ не принадлежитъ въ военномъ случаѣ къ своему разоренію, какъ прусскій, для того что всѣ его провинціи въ раздѣленіи и отовсюду отворены безъ всякаго барьера. И на все сіе будетъ впредь ожидать съ будущею почтою конфирмаціи и по тому поступать; а особливе буду требовать отъ Шлейница о подлинномъ намѣреніи въ семъ дѣлѣ ганноверскаго Двора и принятія ихъ мѣръ.

Хотя ваше превосходительство и въ близости отъ тѣхъ краевъ, однакоже не чаю, чтобы пространно о правленіи нынѣшнемъ Швеціи могли что вѣдать,—того для при семъ доношу.

Здѣсь получена вѣдомость прошлой недѣли изъ Стекольма и изъ Швеціи, что сенатъ беретъ резолюцію созывать депутатовъ со всѣхъ провинцій и обще съ тѣми правительство свое привести въ прежнее состояніе, для того видятъ короля своего поступки, несходные съ интересомъ его отечества, но только для своей одной каприціи войну продолжаетъ. И намѣрены, согласясь, выбрать полномочныхъ министровъ и дать имъ полную мочь, чтобы трактовать о мирѣ и избрать мѣсто къ сѣзду по согласію съ медиаторы. Здѣсь, какъ вижу, всѣ къ сему сходны являются, чтобы прежнее правленіе возставлено было, но и сама Англія, чаю, того же мнѣнія.

А.

Плянъ аліянса, будто учиненнаго между Франціею, Швеціею и прусскимъ Дворомъ, въ которомъ включены дукъ голштейнскій, мекленбургскій, гессенъ-нассельскій. Содержаніе того:

Король прусскій обязуется войска свои въ Голштинію послать и короля датскаго къ возвращенію

дукатства, голштейнскаго, готторпскаго принудить и повесенные убытки заплатить, дукатство бременское въ прежнее владѣніе возвратить, и короля датскаго къ миру съ Швеціею привудить, въ Висмарь свой гарнизонъ посадить, также и въ другія мѣста, и всю Померанію тотъ прусскій Дворъ общаетъ въ секвестръ взять до окончанія войны сѣверной (въ чемъ общаются гварантировать между имъ, прусскимъ Дворомъ, и Швеціею она, Франція, и дукъ голштейнскій). И такимъ образомъ тишину въ нижнемъ цыркулѣ саксонскомъ онъ, король прусскій, общаетъ возстановить, — потомъ въ имперіи поцессъ взять въ бискупствѣ гильдексенскомъ и тѣмъ развращеніе пезарю и пезарству учинить, чрезъ что бы съ Франціею миръ скорѣе могъ учиненъ быть.

Король французскій общаетъ ему, прусскому, дать субсидію—неопредѣленное число войскъ, также трудиться и вспомоствовать будетъ въ Польшѣ, дабы ему же, прусскому, во владѣніе взять нѣкоторые мѣста въ Пруссехъ Польскихъ.

Король шведскій общаетъ ему, прусскому, во владѣніе отдать Штеттинъ со всеми принадлежностями, также изъ Пруссъ Польскихъ нѣкоторые города за нимъ, прусскимъ, удержать. Ландграфъ гессенъ—кассельскій помощныхъ [войскъ] нѣсколько тому прусскому Двору общаетъ. Взаимно тому король прусскій и шведскій общаютъ изъ дѣтей его, ландграфа, въ Курляндію дукомъ возставить. Что же принадлежитъ къ интересомъ его царскаго величества и короля польскаго, — о томъ нигдѣ не упоминалось.

1582. Князь А. Д. Меншиновъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. іюня 17 (28). Гамбургъ.

Послѣ послѣдняго моего, отъ 25 мая, къ вашему сіятельству отправленнаго письма, по се время умедлилъ

я отзываться за тѣмъ, что съ того числа были мы въ нашемъ маршѣ, который продолжался даже до 31-го того же мая, а съ того времени трактовали съ Гамбургомъ о нашей претензіи, о которой и на сихъ дняхъ согласились безъ всякой трудности, понеже господа гамбургчане добровольно намъ склонились дать двѣсти тысячъ курантъ талеровъ какъ за претензіи, такъ и за добрый нашъ поступокъ, понеже надлежащія къ Гамбургу земли и дворы отъ войскъ нашихъ не токмо какое разореніе, но ниже малое отягченіе не понесли, понеже подъ жестокимъ штрафомъ оное заказано было, дабы никто въ тѣ мѣста отъ войскъ російскихъ не вступалъ, чего ради, сверхъ дачи намъ вышереченной суммы денегъ, сей городъ зѣло насъ благодарилъ и весьма нами доволенъ, какъ послѣ изъ печатныхъ курантовъ вамъ извѣстно будетъ.

Между симъ всѣми мѣрами старались мы, чтобъ аліатовъ нашихъ къ тому склонить, дабы еще нынѣшней компаніи чинить дѣйствія, а именно, чтобы королю датскому достать Висмаръ, а отъ стороны короля польскаго атаковать Стральзундъ и учинить транспортъ на Рюгенъ и потомъ бомбардировать Стральзундъ, къ чему оставлялъ я ауксиліарный корпусъ войска російскаго восемь тысячъ инфантеріи и 3000 кавалеріи. И уже, было, о томъ, почитай, согласились, и договорные пункты къ заключенію были изготовлены. Но король датскій вдругъ оное всему нашему союзу толь полезное дѣло опровергнулъ, представляя будто невозможность въ поставкѣ артиллеріи и отъ всеконечной нужды въ деньгахъ. Того ради нынѣ мы стараемся, чтобы хотя въ одной Помераніи надъ Стральзундомъ и Рюгеномъ учинить сей кампаніи дѣйствія, къ чему оставляемъ корпусъ російскаго войска, въ четырехъ тысячахъ состоящій; а по равной же части отъ нашихъ союзниковъ ихъ войскъ употреблено будетъ, и всѣ оныя

совокупленные войска будутъ подъ командою фельдмаршала Флеминга, и чаемъ съ помощію Божіею на сихъ дняхъ о томъ трактаты заключить, и, по заключеніи оныхъ, будемъ съ помощію Божіею съ достальною нашею арміею маршъ свой продолжать къ отечеству вашему. Между тѣмъ же вашего сіятельства съ прежняго 26-го нумера дубликатъ и оригинальное 27-го нумера писаніе исправно до меня дошли, такожь и пріятнѣйшій вашъ презентъ въ цѣлости врученъ, за что вашему сіятельству благодарствую.

Что же изволите требовать отъ насъ извѣстія, какимъ образомъ съ дукомъ и съ княженіемъ голштейнскимъ мы поступаемъ, и вамъ за пріятеля или за непріятеля его признавать,—и на сіе отвѣтствую, что мы оному дуку и его княженію никакой непріязни и въ томъ княженіи непріятельскихъ поступъ не чинили и всегда вели добрый порядокъ, за что насъ здѣсь оный дукъ, пріѣхавъ изъ Гамбурга къ намъ въ квартиру, публично благодарилъ за всѣ наши въ его княженіи добрыя поступки. А какъ его ведетъ король датскій—за пріятеля-ль или за непріятеля, о томъ объявитъ министръ датскій. А что къ обязательству въ тѣхъ дѣлѣхъ съ министромъ датскимъ, и въ томъ можете ваше сіятельство поступать, усматривая сходства съ интересомъ его царскаго величества.

О дѣйствіяхъ нынѣшнихъ, кой часъ проектъ заключенъ будетъ, немедленно съ оваго копію къ вашему сіятельству пришлю. И хотя дѣйствія въ Помераніи начнутся, однакоже, между тѣмъ, мнитсѣ мнѣ за потребно, чтобъ о неутральствѣ соглашались на такихъ кондичіяхъ: 1) чтобъ имперіею приняли у насъ города померанскіе; 2) чтобы королю шведскому никакого транспорта на сей берегъ, а наипаче въ Померанію и въ Польшу не чинить. По семъ надлежитъ соглашаться исподоволь, продолжая время, чтобы тѣмъ онымъ обла-

стямъ, которыя въ томъ вступать будутъ, дать образъ, что мы того нейтральства желаемъ; а между тѣмъ бы дѣла померанскія окончатся могли.

Что же, наконецъ, изволите писать, будто отъ насъ на городъ Гамбургъ контрибуція наложена, и то не есть контрибуція; но господа гамбургчане со всякимъ благодареніемъ оную сумму намъ дали, какъ о томъ выше сего пространно помянуто.

1583. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головнину.

1713 г. іюня 19. Гага.

По отправленіи моихъ писемъ прошлой почты, отсель новаго не имѣю что сообщить, токмо изъ Стекольма получена вѣдомость, что сенать вскорѣ отправляетъ вѣсколько судовъ для перевоза своихъ войскъ изъ Голштейніи въ Швецію, дабы оттуль, какъ наискорѣе, учинить транспортъ не малыхъ войскъ къ Або въ Фивляндію, также о генералѣ Штейнбокѣ подтверждаетъ, что король датскій его свободна вскорѣ намѣренъ учинить.

1584. Князь А. Д. Меншиковъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. іюня 20. Плау.

Вашего сіятельства писаніе, отъ 8-го дня сего іюня, изъ Гаги писанное, мы получили, на которое отвѣствуемъ. Ежели оное дѣло, о которомъ къ намъ писать изволите, къ общему сѣверному союзу касающееся, фундаментальное начало имѣетъ, то извольте, обще съ аліатовъ нашихъ министрами, въ то дѣло вступать. И когда оныя совершенно намѣрены свои пользы въ томъ дѣлѣ чрезъ деньги искать, то и вашему сіятельству такимъ же образомъ надлежитъ въ томъ

поступать. А именно, ежели всё тѣ какъ отечественные возвращенные, такъ и завоеванные провинціи и города, кои уже нынѣ въ нашихъ рукахъ, въ томъ числѣ и Рига съ Лифляндами, за царскимъ величествомъ утвердятъ, то извольте на расходы, въ томъ дѣлѣ будущіе, до трехсотъ тысячъ ефимковъ обѣщать; а той знаемой вамъ особѣ вначалѣ обѣщать пятьдесятъ тысячъ, а потомъ прибавливать по своему разсмотрѣнію, токмо чтобы все вышереченное за царскимъ величествомъ осталось. Но развѣ, чаю, его царское величество уступить Финляндію, коя сей кампаніи завоевана съ помощью Божіею будетъ, кромѣ Выборга, который для С.-Петербурга весьма нуженъ и отнюдь уступленъ не будетъ. О вышереченныхъ деньгахъ извольте договариваться и письменные реверсы давать такіе: какъ скоро миръ на вышереченномъ заключится, того часа тѣмъ особамъ, коимъ отъ васъ обѣцано будетъ, вексели дадутся, гдѣ они принять похотятъ, — въ Англіи или въ Голландіи. А отъ насъ ваше сіятельство твердо можете быть обнадежены, что, кой часъ миръ заключится, того часа на тое вышереченную сумму вексели къ вамъ пришлемъ по вашимъ письмамъ, гдѣ тѣ ефимки вамъ будутъ потребны. И въ томъ никакого сумнѣнія имѣть не извольте, но токмо всѣми мѣрами старайтесь, чтобы такой полезный намъ миръ съ помощью Божіею учинить, и, между тѣмъ, извольте къ намъ обо всемъ, что въ томъ чиниться будетъ, почасту писать.

О поведеніи здѣшнемъ вашему сіятельству возвѣщаю, что мы отъ Гамбурга въ маршъ свой поднялись съ 9 мая сего іюня, между тѣмъ, заѣзжали мы своею особою въ нѣсколькихъ шквадронахъ кавалеріи къ Любеку ради претензіи. И хотя многое стараніе имѣли къ полученію оной претензіи, но не могли къ тому сей городъ склонить; но, наконецъ, чрезъ депутатовъ

согласились, чтобы намъ отъ той претензіи отстать, а, вмѣсто того, имъ насъ презентовать суммою, во 100000 марокъ состоящею, и съ тѣмъ отъ нихъ отѣхали. Оное число взяли мы не на государя, а подъ такимъ видомъ, будто они насъ подарили, для того что ежели бы такое лицо было, что такая малая сумма взята на государя, изъ того-бъ его царскому величеству безславіе могло произойти. И того ради извольте и вы разгласить, что тою суммою Любекъ подарилъ насъ за нашъ добрый порядокъ, что надлежанимъ до того города мѣстомъ во время вывѣшняго нашего марша никакого отягченія не учинилось. На сей недѣль отправлена была отъ насъ къ Висмару партія, и подъ Висмаромъ взяли наши шведовъ: 1 вахмистра, 9 рейтаръ, 10 солдатъ.

1585. Князь Б. И. Куранинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. іюня 23. Гага.

Объявляю, что нужно есть къ вашему вѣдѣнію. Фельдмаршалъ князь Меншиковъ въ срединѣ мѣсяца іюня, какъ изъ писемъ вижу, вступить въ Польшу и будетъ путь свой продолжать до Ливоніи. И слышу, что король польскій писалъ, чтобъ отъ того марша удержаться и дать бы прежде дѣла окончать турецкія; но какая его резолюція будетъ, еще знать не могу. Я чаю, что отъ онаго Двора проектъ учиненъ для прохода войскъ такимъ образомъ, чтобы не всѣмъ вдругъ идти и проходить, чтобы возлѣ самыхъ границъ прусскихъ и нѣкоторою частью также и чрезъ Прусы Брандбургскіе идти, дабы тѣмъ свободнѣе отговорку можно дѣлать, что идутъ не чрезъ Польшу, но чрезъ землю короля прусскаго. Въ Помераніи войскъ російскихъ только остается 4000 подъ командою Петра

Яковлевича, также все саксонскія и нѣсколько датскихъ, — а надъ всѣми командируетъ фельдмаршалъ Флемингъ. И намѣрены сей кампаніи доставать островъ Рюгенъ и Стральзундъ и тѣмъ удержатъ транспортъ шведскій въ имперію, а другія мѣста, Штетинъ и Висмаръ, также и всю Померанію чтобъ отдать въ секвестръ которымъ потенціямъ неутральнымъ въ имперіи. Въ семь интриги происходятъ не малыя прусскаго Двора, и хочеть взять себѣ въ секвестръ все помянутое, и уже войскъ на границахъ Помераніи и въ мекленбургской землѣ поставилъ 20000. И на сихъ дняхъ посланный отъ него генералъ Боргъ къ датскому Двору прибылъ, но какое предложеніе учинилъ, — не знаемъ; во чаемъ, — предложить, чтобы земли дука голштейнскаго, которыя нынѣ король датскій подъ собою имѣеть, возвратилъ ему, дуку, назадъ или-бъ отдалъ ему, прусскому, въ секвестръ до окончанія мира. Но слышимъ, что прусскій въ противномъ отвѣтъ намѣренъ.

1586. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головинну.

1713 г. іюня 25. Гага.

Дѣла здѣшнія обѣихъ потенцій морскихъ какъ были еще въ ведокончаніи и въ нѣкоторой конфузій, такъ и донынѣ продолжались. А нынѣ оныя дѣла приходятъ еще къ большому безпокойству. Какъ послѣднія письма изъ Англіи сюда объявили, что нижній парламентъ въ трактатѣ коммерціи, учиненномъ нынѣ съ Франціею, усмотрѣлъ несходство съ интересомъ своимъ: осьмой и девятый артикулъ въ ничто обратилъ и тѣмъ оный трактатъ коммерціи нарушилъ.

Содержаніе тѣхъ артикуловъ осьмого и девятого изволите усмотрѣть въ трактатахъ коммерціи, посланныхъ отъ меня чрезъ почту. Но при семъ особливе

силу того дѣла объявлю, что есть къ предосужденію интересовъ ей, Англіи, изъ того. Четыре species товаровъ, — тѣ есть: 1) рыба кить и ея сало, 2) сукна и шерстяныя парчи, 3) рыба соленая въ бочкахъ, 4) сахаръ чищенный головной, — которые входили во Францію по учиненному тарифу 1664 г., какъ было постановлено съ оныхъ малую пошлину брать, и тѣмъ она, Англія, великій авантажъ своей націи имѣла; но нынѣ на тѣ помянутыя товары чрезъ трактатъ позволено отъ нея, Англіи, ей, Франціи, наложить пошлину на тѣ товары по тарифу 1699 г. И потому за великою пошлиною невозможно подданнымъ аглинскимъ во Францію будетъ торговать.

Изъ сего предусматривается, также и изъ другихъ несогласій, которыя умножаются тамъ, быть въ ней, Англіи, великимъ замѣшаніемъ и перемѣнамъ немалымъ. О семъ не сумнѣваюся, что пространнѣе пишетъ г. баронъ Шакъ.

Изъ Франціи въ письмахъ здѣсь явилосся, что будто курфюрстъ палатинскій подъ рукою учинилъ тому французскому двору предложенія къ миру между цесаремъ и цесарствомъ и Франціею.

Содержаніе тѣхъ есть: цесарь уступаетъ Фляндры и Брабантъ весь дуку баварскому во владѣніе по его смерти, также и за короли сардинскаго признать хочеть; но взаимно тому, чтобы дуку баварскій отрекся своего наслѣдствія дукатства баварскаго. А оное дукатство чрезъ цесаря и цесарство будетъ отдано во владѣніе первородному его сыну, дука баварскаго, который въ томъ вѣчнымъ наслѣдникомъ застанеть. О семъ предложеніе разсуждается, что сіе отдѣленіе особымъ владѣніемъ сына дука баварскаго лучшій способъ придасть окончать намѣренныи трактатъ о сватовствѣ за помянутаго сына дука баварскаго одной арцидукеши.

Однакожь сіе предложеніе заподлинно еще здѣсь не примается, но разсуждается, ежели-бъ за вѣрно было, то можетъ быть къ немалому предосужденію здѣшнихъ Господь Статовъ для того, ежели дукъ баварскій владѣтелемъ всѣхъ Фляндровъ и Брабанта будетъ, то они, Господа Статы, барьера своего, нынѣ постановленнаго, едва-ль содержать могутъ какъ чрезъ дѣла политическія, такъ чрезъ иждивенія великія, чего для нынѣ всѣ имѣющіе свои гарнизоны въ тѣхъ мѣстѣхъ содержать третью или половиною на властныхъ своихъ деньгахъ, но другія части содержатся съ доходовъ тамошнихъ краевъ. Но во время владѣтельства дукъ баварскаго всего того отлучены будутъ.

Нынѣ всѣ здѣсь дѣла какъ наружно, такъ и тайно, которыя происходятъ между всѣми потенціи въ окружности Франціи, еще къ постоянному концу своему не пришли. И того ради трудно, предусматривая, о нихъ разсуждать, какъ особливе нынѣ на Ренѣ о войнѣ цесарской съ Францією, которое бы предусмотрѣніе къ интересамъ его царскаго величества небезполезно было; но явиѣе покажетъ намъ конецъ сей кампаніи, также и въ Англии новый парламентъ, котораго избраніе будетъ начато сентября мѣсяца.

Топерь доношу, что привалезитъ о дѣлахъ властныхъ къ интересамъ его царскаго величества.

Третьягодня посоль аглинскій милордъ Страффордъ, бывъ въ конференціи съ депутаты статскими, предлагалъ именовъ королевы своей, что королева его уже многократно имъ, Статомъ, свое мнѣніе о дѣлахъ сѣверной войны объявляла, дабы трудиться, какъ наискорѣе, оную войну прекратить, чего для и нынѣ велѣла ему, милорду Страффорду, имъ, статскимъ депутатомъ, предложить, дабы, согласясь, обѣимъ потенціямъ морскимъ въ тѣ сѣверныя дѣла вступить. И какъ уже отъ аліатовъ сѣверныхъ къ тому добрая воля и

сходство многожды явлены были, но за несходствомъ короля шведскаго можетъ быть, что сіе дѣло продолжалось,—и того ради находить сходно, дабы объѣмъ потевціямъ морскимъ, согласясь между собою, учинить плянъ, на какомъ основаніи сѣверныя воюющія должны миръ учинить. И ежели-бъ хотя съ одной стороны на тотъ плянъ соглашенось было, а съ другой за противно принято было,—чтобы тогда противную сторону къ принятію того пляна принудить, и тотъ миръ утвердить и гwarantировать.

При томъ же онъ, милордъ Страффордъ, имъ, депутатомъ, резоны съ своей стороны давалъ, для чего надобно въ семъ дѣлѣ спѣшить потевціямъ морскимъ и окончатъ сѣверную войну. Разсуждаетъ, ежели прежде окончанія войны у цесаря съ Францією миръ учиненъ будетъ, къ чему уже будто и виды есть, тогда Франція, имѣвъ свободныя руки, не токмо въ политическихъ дѣлахъ замѣшается въ интересъ Швеціи, но и явнымъ образомъ оной коронѣ оружіемъ вспомогать будетъ, отъ чего можетъ новый огонь загорѣться, и война до сихъ потенцій коснуться; тогда многіе убытки обѣ потенціи морскія принуждены понести будутъ.

Потомъ депутаты статскіе, вышепомянутое его, милорда Страффорда, предложеніе выслушавъ, взяли на доношеніе въ собраніе статское и обѣщали на то отповѣдь учинить. Но при томъ же они, депутаты статскіе, ему, милорду Страффорду, отъ себя свое мнѣніе объявили, или, просто назвать, не ивформе декларовали, что Господа Статы Генеральныя готовы обще съ ея королевинымъ величествомъ вступить въ дѣла сѣверныя къ примиренію той войны чрезъ свои добрыя средства и во всѣхъ поступкахъ добродѣтельно и чрезъ негоціацію, а не инымъ какимъ насильнымъ образомъ, чрезъ что бы могло дать предосужденіе или и непріятельскій самый видъ кому изъ воюющихъ сѣверныхъ

той или другой сторонѣ показать, чрезъ что, конечно, могутъ они, Господа Статы, въ новую войну замѣшаться безъ всякаго себѣ интереса, также и съ тѣми потенціями въ непріятельство прійти, съ которыми ихъ подданные имѣютъ великое коммерцію. И еще они, депутаты, ему, милорду, повторяютъ подтверждаютъ, что, конечно, Господа Статы никакимъ инымъ видомъ въ тѣ сѣверныя дѣла мѣшаться не будутъ, токмо своими добрыми средствами и добродѣтельными поступки о примиреніи той сѣверной войны.

И по сей вышепомянутой деклараціи депутатовъ статскихъ изволите видѣть, какое ихъ, Господь Статовъ, доброе и склонное намѣреніе въ интересъ его царскаго величества и его аліатовъ. И какъ могу видѣть здѣсь по состоянію всѣхъ дѣлъ, что къ сему ихъ доброму намѣренію, сверхъ другихъ причинъ, понуждаютъ ихъ наша добрая воля и склонность, являемая къ миру. Но ежели оная умалится, тогда не могу знать, могутъ ли быть всегда того намѣренія, какъ нынѣ, о чемъ я прежними своими письмами уже довольно давалъ знать.

Та помянутая конференція токмо была между депутаты статскими и посломъ аглинскимъ, въ которую министръ цесарскій, ни ганноверскій призваны не были, какъ то всегда обыкновенно бывало, что цесарь и помянутый курфюрстъ въ тѣ дѣла сѣверныя мѣшались съ ними, потенціи морскими. Но нынѣ оныя взяли себѣ подозрѣніе и предусматриваютъ, что Англія намѣрена его, цесаря, и курфюрста отлучить и въ тѣ сѣверныя дѣла съ одною Голландією вступить.

Но третьягодня министръ цесарскій баронъ Геемсъ, бывъ у меня, говорилъ, что всѣ прежнія предложенія добрыхъ средствъ были учинены воюющимъ сѣвернымъ обще со стороны цесаря, Англіи и Голландіи; но нынѣ оны, Геемсъ, усмотрѣлъ, что Англія отлучаетъ отъ тѣхъ

дѣлъ цесаря. Того для желалъ отъ меня вѣдать, какого намѣренія я есмь по предложенію потенцій морскихъ въ принятіи ихъ добрыхъ средствъ, — ежели предлагать будутъ безъ цесаря, и имѣю-ль я на то указъ отъ Двора своего, чтобъ оныя добрыя средства или медіацію принять отъ потенцій морскихъ, выключая цесаря.

На что я ему, барону Геемсу, отвѣтствовалъ, что всѣ предложенія здѣсь были о дѣлахъ сѣверной войны чрезъ его цесарское величество и потенціи морскія обще, на которыя предложенія его царскаго величества склонность всегда являлася. А чтобы, выключал его цесарское величество, вступать въ тѣ дѣла, на то не могу иного отвѣтствовать за недостаткомъ себѣ указовъ и на доношенія свои впредь буду ожидать отъ Двора указовъ и по тѣмъ поступать.

Потомъ онъ, Геемсъ, многое разсужденіе имѣлъ и приводилъ, что цесарь причину имѣетъ мѣшаться въ тѣ дѣла сѣверныя для провинцій въ имперіи, въ которыхъ нынѣ сѣверныя воюющія войну имѣютъ. Но намѣреніе Англіи видитъ, для чего она цесаря отлучаетъ, — дабы Францію въ тѣ дѣла вмѣшать.

Топерь я, съ своей стороны, на сіе требую указа, ежели потенціи морскія безъ цесаря въ тѣ дѣла вступать, вступать ли въ тѣ дѣла безъ него, цесаря, и безъ другихъ принцевъ цесарскихъ. И какъ сіе, видится, дѣло деликатное, того для не успѣлъ нынѣ вскорѣ о семъ и здѣшними мнѣніи пространно доносить, но въ предбудущую почту отправлю.

Вчерашняго дня отъ собранія статскаго присланъ ко мнѣ меморіаль, съ котораго копію при семъ прилагаю, и притомъ прошу особливе о семъ дѣлѣ къ доношенію его царскаго величества и милостиваго скорого рѣшенія по оному желанію. И хотя-бъ и какая проступка оного шипера была, но весьма нынѣшнее время требуетъ, чтобы здѣшнимъ Господамъ всякое удоволь-

ство казать. А изъ сего малаго дѣла можетъ припасть подозрѣніе немалое къ навигаціи въ Балтическомъ морѣ его царскаго величества, которая еще вновь устанавливается; а паче здѣсь въ народѣ худое мнѣніе придастъ, какъ вамъ извѣстно, что народное мнѣніе въ республикахъ есть дѣйствительное. Дерзновенно могу доносить, что я бы чаялъ,—сходивше съ интересомъ его царскаго величества быть могло, чтобы при нынѣшнихъ случаяхъ никакими видами въ навигаціи противностей здѣшней республикѣ не казать, также ни Англіи, ни другимъ кому.

Сегодня, въ 12 часовъ, назначено мнѣ быть въ конференціи съ депутаты и посломъ аглинскимъ. Слышу, что будутъ предлагать о мирѣ. Но я съ желаніемъ ожидаю указа на мои посланныя письма, подъ номера 31 и 36, которыми все нужныя дѣла къ сѣверному миру объявилъ.

1587. Князь Б. И. Нуракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. іюня 26. Гага.

Ваше письмо, мой государь, и съ приложенными получилъ, за которыя благодарствую. Что же упомянулось о господинѣ маршалѣ, что онъ изъ службы короля прусскаго отпущенъ; но я въ партикулярныхъ изъ Берлина здѣсь письмахъ видѣлъ, что онъ назначается быть полномочнымъ министромъ къ сѣвернымъ дѣламъ. Но я свое мнѣніе объявляю,— что лучше бы было, ежели бы кто назначенъ былъ другой. О семъ прошу вида никакого не дать, для того, чтобы не произошло изъ сего какого несогласія между мною и имъ.

По прибытіи его милости князя Александра Даниловича къ помянутому Двору, и что въ дѣлѣхъ происхо-

доть будетъ, прошу приказать мнѣ дать знать, понеже самая нужда о всемъ томъ мнѣ вѣдать. Но здѣсь наслушано, будто Дворъ нашъ, также и польскій, позволили прусскому Двору всю Померанію въ секвестръ взять. И сіе предусматривается весьма къ предосужденію датскому Двору для того: ежели въ имперіи у него, датскаго, руки будутъ связаны, гдѣ бы войну могъ продолжать, то чають, что онъ, датскій, миръ партикулярный принужденъ будетъ учинить.

Также прошу на прежнія мои письма, чтобы приказали рекомендовать, гдѣ надлежитъ, дабы мои отсель отправленныя ко Двору нашему письма, также и ко мнѣ отъ Двора, безъ умедленія отправлены были, въ чемъ есть нынѣ весьма нужда, для того что уже дѣла сѣверныя здѣсь начинаются.

1588. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головнину.

1713 г. іюня 27. Гага.

Вчерашнягодня былъ я позванъ, также министръ польскій и датскій, въ конференцію, въ которой намъ обще были предложены добрыя средства потенцій морскихъ,—и каковъ отвѣтъ учиненъ, и содержаніе всего того, изволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ протокола *).

Топерь самое время есть мнѣ требовать, чтобы на всѣ мои предложенія, также и его царскому величеству доношенія, мнѣ нынѣ даны были указы, и учинено было полное рѣшеніе, дабы въ медленіи бѣльшаго предосужденія интересомъ его царскаго величества чего не учинилось, и чтобы мнѣ въ чемъ не погрѣшить, за неполученіемъ нескорыхъ и краткихъ указовъ.

*) Т. VI „Архива князя Ф. А. Куракина“, стр. 31—34.

Того для при семь прилагаю подь литеры А, В, С свои доношенія **) и чего требую, и на то ремарки съ моимъ мнѣніемъ по состоянію здѣшнихъ дѣлъ въ запасъ, ежели бы то востребовано было вѣдать, также и о другихъ принадлежащихъ къ тому дѣлѣхъ. И со всѣмъ тѣмъ разсудилъ я за потребно послать нарочнаго курьера, а дубликаты чрезъ почту сего же дня отправилъ. И взаимно сему также прошу, мой государь, ко мнѣ отвѣдь учинить, ежели позволите, чрезъ курьера, и чтобы тогда дубликаты того же дня были отправлены чрезъ почту, дабы мнѣ, какъ наискорѣе, отвѣдь получить. Какъ изъ протокола изволите видѣть, опредѣлено время мнѣ отвѣтъ учинить на оныя предложенія въ семь или восемь недѣль.

Вашего превосходительства письмо, отъ 14-го нумера, вчерашняго дня чрезъ почту получилъ, въ которомъ я усмотрѣлъ, что мое письмо, подь № 31-мъ, уже ко Двору дошло, на которое паче всѣхъ другихъ чаялъ себѣ получить пространные указы. Но симъ письмомъ мнѣ отвѣтствовано, ссылаяся на прежнее вашего превосходительства письмо, отъ 13-го №, которое на поманутое мое доношеніе мнѣ ничего не отвѣтствуетъ. И для того я за невѣдѣніемъ тѣмъ нынѣ въ конференціи на предложенія потенцій морскихъ не могъ ничего отвѣтствовать, но все взялъ на доношеніе ко Двору, какъ сама изволите видѣть.

И для лучшаго вѣдѣнія топеръ объявлю, чего я требовалъ тѣмъ своимъ письмомъ, подь № 31-мъ.

1. Изъявлялъ здѣшнихъ Статовъ, такъ и Англии, ихъ мнѣнія о сѣверной войнѣ, что тогда соглашались, какимъ бы образомъ миръ учинить въ такомъ случаѣ, ежели весьма король шведскій не похочетъ, и что безъ его воли оный миръ учиненъ могъ быть. И на то я

**) Тамъ же, стр. 35—38.

чаялъ, что мнѣ будутъ объявлены мнѣнія дворовыя, какимъ образомъ въ такомъ случаѣ мнѣ поступать.

2. Что ко мнѣ присланные указы къ дѣламъ съвернымъ въкакимъ образомъ несходны есть, какъ топерь довесу. Въ инструкціи мнѣ молвлено, что не примать медиации другихъ потенцій, ежели не учинять обнадеживанія въ наслѣдственныхъ земляхъ, что останутся во владѣніи его царскому величеству. А потомъ присланные указы повелѣваютъ, чтобы мнѣ, получа отъ князя Долгорукова вѣдомость, ежели онъ размѣнялся съ министрами нашихъ аліатовъ учиненными пляны мирными, съ которыхъ копія ко мнѣ прислана съ г. Остерманомъ, и при случаяхъ мнѣ оный плянъ велѣно здѣсь объявить. И топерь время самое его объявлять, токмо князь Долгоруковъ и по се число о размѣнѣ ко мнѣ онаго не писалъ; а хотя-бъ и отписалъ, и ежели-бъ я его здѣсь топерь объявилъ, то бы весьма учинилъ противу указовъ инструкціи моей для того, когда плянъ объявить, то уже стало принятіе медиации или добрыхъ средствъ,—и потомъ вступать дѣйствительно въ негоціацію, тогда уже мнѣ будетъ трудно требовать обнадеживанія по содержанію моей инструкціи.

Въ томъ же письмѣ я доносилъ о разности проекта, или мирнаго здѣсь пляна, который явился отъ датскаго Двора, и на то ожидалъ я отповѣди,—пріятенъ ли онъ нашему Двору есть и повелѣно ли по немъ будетъ согласиться, и дабы не могли быть мы съ министромъ датскимъ въ разныхъ мнѣніяхъ.

Еще здѣсь въ пополненіе прошу ваше превосходительство, чтобъ изволили донести его царскому величеству, дабы взятые корабли голландскихъ купцовъ были освобождены, и тѣмъ бы Господамъ Статомъ удовольствие показать. А и впредь бы лучше отъ такихъ ссоръ убѣгать и весьма имъ, голландцомъ, дать сво-

боду, для того при нынѣшнихъ случаяхъ вельми опасно, чтобы симъ не дать какого подозрѣнія здѣсь.

1589. Князь Б. И. Муракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. іюня 30. Гага.

По отправленіи моего курьера прошлой недѣли съ доношеніемъ о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, съ которыхъ дублировать при семъ посылаю, третьягодня министры, польскій и датскій, имѣли со мною конференцію для сношенія въ учиненномъ каждымъ ко Двору своему рапортѣ о томъ дѣлѣ, какъ въ дубликатахъ объявлено, и, что возможно было открыть другъ другу, объявляли. И при всѣхъ тѣхъ сношеніяхъ объявили мнѣ, что они доносили Дворамъ своимъ, дабы ихъ величества прежде, не давъ имъ указовъ, послали нарочныхъ курьеровъ ко Двору его царскаго величества для соглашенія къ сходнымъ резолюціямъ, дабы намъ обще имѣть здѣсь равные указы. Равнымъ же образомъ и я имъ объявилъ свое о томъ доношеніе Двору.

И ежели что изволите сообщать тѣмъ Дворамъ, прошу токмо чтобы не важное для одного лица, а особливе датскому Двору, для чего нынѣ мнѣ онаго Двора министръ по своимъ поступкамъ нѣкоторое подозрѣніе придаетъ. И хотя разглашеніе объ интригахъ того дѣла здѣсь есть, однакоже не хочу доносить, подлинно не увѣдавъ, Двору своему, [чтобы] неправымъ доношеніемъ въ болѣе несогласіе не привести, котораго уже и такъ довольно есть. А къ престоереганію тѣхъ интригъ уже я предъ десятью днями довольно даль знать князю Долгорукову.

Въ той же конференціи я, съ своей стороны, говорилъ и утверждалъ ихъ, что ежели какіе указы или предложенія къ миру они отъ Дворовъ своихъ получаютъ

прежде моего для отдаленности его царскаго величества, и чтобы, не снесшись со мною и не обождавъ принадлежащихъ мнѣ указовъ отъ Двора, ни въ какія дѣла не вступали и не отвѣтствовали, и пропозицій никакихъ не подавали; на что мнѣ обѣщали по моему желанію все то учинить, и что указы они имѣютъ, чтобы безъ общаго согласія однимъ никому, что принадлежитъ къ общимъ интересомъ, ничего не дѣлать. Но взаимно сему и я, съ своей стороны, имъ то-жъ обѣщаль, что безъ ихъ согласія не буду дѣлать ничего.

Вчерашняго дня я искалъ случая, прежде отправленія сей почты, здѣсь въ республикѣ съ наипервыми персонами говорить и вѣдать ихъ подлинное намѣреніе о дѣлахъ сѣверныхъ, а наипаче знать о такихъ ихъ спѣшныхъ поступкахъ къ тому, и какая бы нужда припадочная, или какой ихъ собственный интересъ въ томъ былъ, чтобы такъ скоро въ дѣлахъ сѣверныхъ поступать; на что мнѣ отвѣтствовали, что они все то чинятъ однимъ видомъ, а не прямымъ намѣреніемъ, для утѣшеній Англіи; но прямымъ своимъ намѣреніемъ весьма спѣшить тѣми дѣлами сѣверными не хотятъ. И притомъ меня обнадежили, что они во всемъ томъ дѣлѣ продолжать и отлагать отъ времени до времени будутъ, какъ наивозможно и сходно съ интересы его царскаго величества будетъ. И просили меня, чтобы сіе въ самомъ секретѣ содержано было.

И топерь доношу вашему превосходительству. По сему помянутому обнадеживанію, ежели сходно съ интересомъ его царскаго величества будетъ, могу продолжать отъ времени до времени до тѣхъ мѣстъ, пока ихъ обѣщаніе мнѣ инако не отмѣнится, а особливе для избранія и назначеванія мѣста къ съѣзду мирныхъ трактатовъ.

Министръ датскій сего утра мнѣ сообщилъ, что король его далъ ему указъ учинить здѣсь декларацію,

ежели цесарь и цесарство кому похотятъ отдать въ секвестръ Померанію шведскую и островъ Рюгенъ, и Висмаръ, и оную будутъ гварантировать, овъ на то позволяетъ. И хотя я могу равную же декларацію по даннымъ мнѣ указомъ учинить, но какъ слышалъ, что вѣккіе о томъ трактаты происходятъ между княземъ Меншиковымъ и Дворомъ прусскимъ, того для писалъ къ нему, князю Меншикову, и буду ожидать отвѣди и по тому поступать.

Дѣла наши при Портѣ, по послѣднимъ письмамъ, переиѣнились, и весьма, слышимъ.—къ нашему предосужденію.

1590. Баронъ П. П. Шафировъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. іюль.

Вашего сіятельства благопріятнѣйшее писаніе, отпущенное изъ Гаги іюня отъ 12-го, получилъ я при письмахъ его превосходительства посла г. Матвѣева сего іюля 8-го и за увѣдомленіе въ ономъ о воинскихъ дѣйствахъ его царскаго величества противъ непріятеля, такожь и о прочихъ поведеніяхъ, отъ сердца благодарствую, за что долженъ вашему сіятельству служить. Прошу прилежно, дабы и впредь изволили меня содержать въ пріязни своей непремѣнна и продолжать благопріятную свою корреспонденцію, которую я, съ своей стороны, съ охотою буду отпирать.

О заключеніи межъ его царскимъ величествомъ и Портою двадцатипятилѣтняго мира не сумнѣваюся, что ваше сіятельство изволиге быть извѣстны по прежнимъ моимъ, отъ 23-го іюня и отъ 3-го іюля, при которомъ послѣднемъ и списокъ съ трактата, для лучшаго извѣстія вашего сіятельства, посланъ, на что съ желаніемъ ожидаю отвѣта.

Нынѣ же доношу въ извѣстіе, что, по отпускѣ послѣдняго моего, на сихъ дняхъ по лживымъ непріятельскимъ внушеніямъ разгласилось здѣсь въ народѣ, будто войска его царскаго величества многія идуть къ Бендеру и уже близъ онаго обрѣтаются, отчего начался великій въ народѣ ропоть. Такожъ невѣдомо, съ какой причины и муфтій отставленъ и посланъ въ ссылку. Я, увѣдавъ о помянутой народной молвѣ, посылалъ къ Портѣ пристава своего для подлиннаго извѣстія, имѣютъ ли о томъ подлинную вѣдомость, которому объявлено, что вѣдомости изъ Бендера о томъ нѣтъ, а въ народѣде, какъ выше объявлено, говорятъ единогласно, и желали вѣдать отъ насъ о томъ подлинно.

На что мы объявили, что вѣдомости о томъ не имѣемъ, а молву народную слышимъ,---и, можетъ быть, развѣ приблизились какія войска къ границамъ, еще не зная о мирѣ, и для престоереженія отъ татаръ. И для того, по предложенію отъ насъ, позволено послать къ генералъ-фельдмаршалу г. графу Шереметеву нарочнаго офицера съ письмами о возвращеніи оныхъ войскъ въ російскія границы, буде гдѣ обрѣтаются въ походѣ, который офицеръ сего іюля 10-го числа и поѣхалъ. Но что изъ того воспослѣдуетъ, о томъ впредь явится, и ваше сіятельство не оставлю безъ извѣстна.

Я въ великомъ нахожу себя возмущеніи о премѣнахъ тѣхъ людей, которые вамъ миръ помогали заключить, а именно, рейсъ-эфендія, о которомъ въ послѣднемъ моемъ вашему сіятельству, отъ 3-го сего іюля, доносилъ; ибо нынѣшній рейсъ-эфендій весьма безъ дѣйства, а муфтій каковъ будетъ,—не вѣдаемъ. И нынѣ въ министеріи турецкомъ, кромѣ Бога, никого помощника себѣ не имѣемъ: везиръ безприступенъ, а кегаля его ни съ какимъ подаркомъ не припускаетъ ни близъ. А се поистинѣ уже и давать стало нечего; одинъ токмо

Богъ знаетъ, какія иждивенія изощли въ здѣшнихъ премѣнахъ, и трудились до послѣдней силы въ заключеніи сего мира. А и живемъ, почидай, на своемъ корму. Сіе вамъ, яко моему благодѣтелю, за конфиденцію доношу для собственнаго вашего извѣстія.

Польскіе послы обрѣтаются, почитай, безъ дѣла, и турки съ ними ничего не чинятъ, а отговариваются отъ нихъ тѣмъ, будто ожидаютъ еще отъ хана вѣдомости, которому, будто, велѣли мирить августову партію со станиславовою. А подлинно, сказываютъ, велѣли полякомъ предлагать, чтобы приняли Станислава Лещинскаго за короля польскаго и отетали отъ Августа. А между тѣмъ, или для вспоможенія той противной партіи и ко страху полякомъ, или и для своей отъ его царскаго величества стороны и отъ короля Августа осторожности, послали изъ Царьграда къ прежнимъ въ прибавку двадцать полковъ, да отсюда пять полковъ янычаръ и знатную артиллерію, такожь велѣли идти наскоро изъ Анатолиі вѣсколькимъ напашамъ, и, говорятъ, что оныя на рубежахъ будутъ.

Объ отравленіи короля шведскаго изъ сей области вывѣ не слышится ничего, и живетъ оный въ квартирѣ своей, которая отсюда въ милѣ токмо разстояніемъ. И сказываютъ, живетъ зѣло мизерно и весь израненъ, отъ которыхъ въ превеликой болѣзни, и не токмо что изъ хоромъ на дворъ выходитъ, но ниже съ постели встать можетъ. А корму со всеми людьми на пропитаніе дается только левкомъ по семидесяти.

Сего времени получили мы извѣстіе изъ народной молвы, о чемъ уже и при Портѣ говорятъ, что послано отъ нынѣшняго хана на Украину для впаденія татаръ знатный корпусъ, какъ сказываютъ, съ тридцать тысячъ, которые были близъ Кіева; но отъ войскъ царскаго величества регулярныхъ и нерегулярныхъ и отъ калмыковъ весь оный такъ пораженъ, что, сказываютъ,

спаслось ихъ и назадъ ушло только съ четыре тысячи, а прочихъ побили и въ полонъ взяли, а и достальныхъ-де провожали даже до Двѣпра. Только не вмѣняютъ того намъ за противность, понеже оны посланы были отъ хана безъ указа Порты. Дай, Боже, чтобы то правда была, дабы тѣ хищники впредь охоту потеряли къ такимъ нападеніямъ.

Однакоже не изволь ваше превосходительство сего публиковать до подлиннаго о томъ подтверженія.

При семъ же вашему сіятельству доношу. Увѣдомленъ я отъ вѣрныхъ рукъ, что отъ Порты предложены нынѣ королю шведскому три пропозиціи: чтобъ онъ ѣхалъ въ свою землю добрымъ манеромъ съ конвоемъ ихъ, по опредѣленію съ польскимъ посломъ; буде помянутымъ образомъ въ свою землю онъ, король, ѣхать не хочетъ, то-бъ ѣхалъ куда на островъ и жилъ бы помирнѣе; буде же и тѣмъ недоволенъ, то чтобъ онъ, король, обосурманился. Но какой отвѣтъ отъ него учиненъ, о томъ еще невѣдомо.

1591. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. іюля 3. Гага.

Здѣсь являются многія жалобы отъ купцовъ къ Статомъ, которые торгъ имѣютъ въ Балтическое море, что корабли ихъ, купеческіе, отъ каперовъ російскихъ нѣкоторые побраны, также при Гельсингфорсѣ 4 фрегата сожжены, и матросы многіе побиты, а остальные за арестъ взяты и въ войска его царскаго величества отвезены.

И вчерашняго дня были у меня комиссары отъ купечества того и просили, чтобы взятые ихъ матросы были освобождены.

О семъ оставляю къ разсужденію вашему превосходительству, но чаю, чтобы лучше оныхъ свободить,

А о томъ всемъ случившемся дѣлѣ надѣюсь, что ваше превосходительство изволите приказать ко мнѣ отписать, чтобъ я, зная, могъ здѣсь во всемъ поступать.

1592. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1718 г. іюля 7. Гага.

Въ Утрехтѣ третьягодни министры гишпанскіе съ министры англійскими и савойскими трактатъ мирный, также и коммерціи, заключили; но нынѣ остались въ недоковчаніи дѣла съ ними, министры гишпанскими, токмо у португальскихъ и у здѣшнихъ Статовъ.

Франція, конечно, трудится къ примиренію войны съ цесаремъ, и уже знаки къ тому весьма есть, что, по окончаніи кампаніи, въ негоціацію вступятъ. И сіе дѣло происходитъ чрезъ курфюрста палатинскаго, чего она, Франція, не хотя явно декляровать его, курфюрста, медиаторомъ для своей чести, но тайно нынѣ за такого-жъ употребляетъ, зная онаго курфюрста обязанія свойства съ цесарскимъ дворомъ, в который наче другихъ съ тѣмъ дворомъ въ конфиденціи и въ доброй коришпонденціи пребываетъ.

Какъ я прежнимъ своимъ письмомъ объявлялъ, и притомъ нѣкоторыя газеты, подчертя о пожженныхъ корабляхъ, послалъ,—и нынѣ о томъ дѣлѣ интересованные тѣхъ кораблей куцы здѣсь, въ Гагѣ, статскому собранію жалобу приносили. И потому здѣсь все весьма неблагоприятны являются, впервыхъ, что подданныхъ ихъ корабли пожжены, а наипаче, что слѣжители на тѣхъ побиты, а остальные за арестъ взяты, и гдѣ обрѣтаются, донынѣ о томъ знать не могутъ. И о семъ дѣлѣ здѣшнихъ Господь Статовъ неблагоприятность весьма есть предосудительна къ нашимъ интересамъ, а особливе при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ.

И третьягодня пенсіонарій города Амстердама Банкуръ былъ у меня нарочно отъ своего города о семь дѣлѣ имѣть разговоры. И, впервыхъ, говорилъ, какимъ образомъ они во всѣхъ дѣлѣхъ являлися къ интересомъ его царскаго величества не токмо склонными, но и парціальными, за что отъ стороны непріятеля его царскаго величества многіе себѣ въ торгахъ убытки повесли и себя оному вовсе въ подозрѣнія дали, что напередъ не безъ опасенія есть и явному непріятельству между ними и короною шведскою происходить. И за всѣтъ ихъ добрыя поступки къ интересомъ его царскаго величества они не чаяли, чтобы такое непріятельство къ Статомъ было показано: и подданныхъ корабли пожжены, и служители на тѣхъ побиты, а друіе за арестъ взяты. И для продолженія впредь доброй дружбы и корришпонденціи на все то желаютъ они имѣть сатисфакцію.

На что ему отвѣтствовалъ, что я никакого извѣстія отъ Двора о семь дѣлѣ по се число не имѣлъ. И ежели такъ и случилось, то каждому натурально можно разсудить, что сіе, можетъ быть, въ невѣдѣніи учинено, не зная, что оныя корабли подданныхъ статскихъ, но чая за прямыя непріятельскіе,—и того для не можетъ здѣсь привятыся ни въ какое непріятельство.

На то мнѣ помянутый пенсіонарій сказалъ, что они весьма чаяли, что уже о семь мнѣ отъ Двора было дано знать и чтобы здѣсь искать способа къ удовольствованію подданныхъ ихъ, статскихъ, которые въ томъ великій убытокъ понесли; также и оставшимъ о убишихъ нѣкоторое награжденіе имѣть. А когда по се число сюда отъ Двора его царскаго величества знать не дано, то признавають быть сему дѣлу уничтожену.

При томъ говорилъ, что съ тѣхъ кораблей спаслись животомъ два шипера съ нѣсколькими матросами, которые доношенія свои учинили, что когда шлюпки

его царскаго величества къ кораблямъ ихъ пристали, тогда они, шиперы, поднимали павиліонъ голландскій и казали пашпорты статскіе во свидѣтельство, что они не шведы; также и безъ всякой противности ихъ на свои корабли впустили. Однакоже всѣ тѣ засвидѣтельства и добрый поступокъ оныхъ шиперовъ имъ не вспомогли.

На конецъ всего того я, по своихъ разговорѣхъ, взялъ на доношеніе ко Двору. И при семъ, объявя вашему превосходительству, требую на все отъ его царскаго величества указа. Но съ моей повинности доношу, что весьма здѣшнихъ при нынѣшнихъ случаяхъ раздражать не надлежитъ.

Я не сумнѣваюся, что уже Двору отъ другихъ не донесено, какимъ образомъ дѣла при Портѣ премѣнились и являются быть къ предосужденію его царскаго величества, и что чаютъ войнѣ быть, нежели миру. И уже будто послы его величества посланы опять въ Семь башень. Однакоже къ Статомъ о томъ отъ ихъ министровъ еще извѣщенія нѣтъ.

Я прежде сего просилъ своимъ письмомъ о попѣ, чтобъ указомъ съ Москвы ко мнѣ повелѣно было отправитъ, также и определенное бы жалованье ко мнѣ переводить попрежнему, какъ при г. Матвѣевѣ, и о семъ никакого указа въ посольской канцеляріи отъ вашего превосходительства не имѣли. Того для повторительно прошу о посылкѣ ко мнѣ попа и о переводѣ определеннаго его ко мнѣ жалованья, чего для безтрудное дѣло нахожу по примѣру попрежнему. На сіе впрядь буду ожидать рѣшенія.

Посоль князь Долгоруковъ, резидующій при датскомъ дворѣ, ко мнѣ писалъ, что извѣстный плавъ о мирѣ за вѣкоторую трудностью и споромъ отъ графа Флеминга не развѣнвъ; о чемъ будетъ самъ пространно доносить, и ко мнѣ не приславъ.

1593. Князь Б. И. Нуракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. іюля 11. Гага.

Съ прібада своего изъ Помераніи и по се число по указамъ старался, дабы трактатъ коммерціи къ окончанію привести. Но нынѣ на то, по многимъ державнымъ съ депутаты статскими конференціямъ, отъ Господь Статовъ, изъ тайнаго собранія ихъ, резолюцію письменную получилъ, которую, переводя, при семъ посылаю подъ литерою А, экстрактъ изъ того съ особымъ изъясненіемъ подъ литерою В и на все то, что принадлежитъ до трактата коммерціи, мое доношеніе подъ литерою С. И ежели заблагоразсудится прибавить нѣчто въ проектъ къ лучшему сходству, тотъ съ отвітками посылается подъ литерою Д. Къ сему же въ запасъ посылаются, для лучшаго вѣдѣнія, трудные оба артикула, третій и пятый,—ежели по вышепомянутому проекту Д въ нихъ несходны явятся, дабы помянутые два артикула прежънить и поставить въ той силѣ, какъ подъ литерою Е, ежели то за благо изобрѣтено будетъ. Въ доношеніи же своемъ я упомянулъ, по заключеніи трактата коммерціи, какъ обыкновенно то бываетъ, что подтверждають оный трактатомъ союза оборонительнаго, — и ежели позволено здѣсь будетъ о томъ трудиться, того для на примѣръ посылается проектъ подъ литерою F.

И на все то посланное отъ меня буду впредь ожидать полнаго рѣшенія и указа его царскаго величества, премилостивѣйшаго нашего государя.

При томъ же прошу ваше превосходительство, дабы безъ умедленія могъ получить указы и къ окончанію сіе дѣло приводить, понеже склонность и охота здѣшнихъ Господь со временемъ есть, но времена бываютъ премѣнны. И того для вадлежитъ къ скорому окончанію приводить, нежели продолжать.

1594. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головнину.

1713 г. іюля 13. Гага.

Вчерашняго дня ваше, мой государь, письмо, отъ 7 іюля, получилъ; низжайше благодарствую за приобщенныя новины, что происходило въ шведѣ въ конференціи. Но впредь прошу повелѣть ко мнѣ отписать, дабы могъ вѣдать о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, что при дворѣ вашей резиденціи будетъ происходить, и знавъ бы по тому могъ свои мѣры примать.

Здѣсь разглашено чрезъ постороннія письма, что декларация съ нашей стороны и польскаго двора учинена, что отъ дворовъ нашъ весь оный трактатъ, учиненный у прусскаго съ голштейнскимъ, апробуется, и о семъ здѣсь не малое разсужденіе есть.

Здѣсь въ дѣлахъ нашихъ больше не произошло ничего, токмо нынѣ по сей декларациі конечно здѣсь похотятъ, чтобы сему равно было декларовано. И тогда не могу знать, какъ въ семъ дѣлѣ поступить, чего для отъ князя Александра Даниловича Меншикова мнѣ ничего не дано знать, и ежели повелитъ, то учиню. Англія ничего иного требуетъ, токмо сего.

Министръ шведскій Пальмквистъ планъ мирный объявилъ. Содержаніе того есть гораздо кратко, чтобы по трактатомъ вестфальскому, оливскому, травендальскому и альтранштадтскому все содержано было въ цѣлой своей силѣ; завоеванное все отъ короны шведской въ сію войну было бы возвращено. А о награжденіи за понесенныя убытки впредь объявить, вступя въ негоціацію.

Я, съ своей стороны, никакихъ предложеній не учинилъ. И ежели бы повелѣно было, я бы не желалъ учинить, чего для къ самому миру никакого вида нѣтъ,

для того что по послѣднимъ вѣдомостямъ видится быть войнѣ турецкой.

Благодарствую, мой государь, за отправленіе моего курьера.

1595. Князь Б. И. Куракинъ — князю А. Д. Меншикову.

1713 г, іюля 14. Гага.

Въ известномъ дѣлѣ вашей свѣтлости уже такія предложенія учинилъ, какъ мнѣ ваше письмо повелѣвало, дабы миръ такъ прибыточный царскому величеству исходатайствовать, чтобы всѣ завоеванные города и провинціи отъ шведа; также и Ливонія и особливе городъ Рига, остались во владѣніи его царскаго величества, и довольную сумму тѣмъ персонамъ объявилъ. Но сіе вмѣняется отъ нихъ за невозможное, и того для неохотно въ сіе дѣло вступаютъ; а особливе разсуждали о Ливоніи, что уже она по деклараціямъ царскаго величества уступается коронѣ польской. Но и за тою короною трудно обнадежить, чтобы могло состояться и содержано быть, для того что коронѣ шведской невозможно безъ оной примириться, развѣ чрезъ насиліе военное къ тому принуждена будетъ, а не чрезъ негоціацію.

Однакожь я то дѣло съ тѣми персонами продолжаю для того, хотя-бъ и къ концу пожелаемому отъ насъ такъ приведено быть не могло, но, между тѣмъ, лучше ихъ склонность къ нашимъ дѣламъ будетъ безъ помѣшательства, нежели такъ оставить.

Вчерашняго дня министръ датскій меня спрашивалъ, ежели я былъ увѣдомленъ о конференціяхъ въ шведѣ и о деклараціи, какову ваша свѣтлость и графъ Флемингъ учинили на вопросъ министровъ прусскихъ къ интересамъ дука голштейнскаго и на учиненный

трактатъ между нимъ, дукомъ, и королемъ ихъ; и что ваша свѣтлость, и помянутый графъ Флемингъ не токмо декларовали, что его царское величество и король польскій не имѣютъ никакой причины въ тѣхъ дѣлѣхъ голштейнскихъ имѣть, или дука голштейнскаго за непріятеля признавать, но и оный помянутый трактатъ альянса между королемъ прусскимъ и дукомъ голштейнскимъ апробуете. И нынѣ, безъ сумнѣнія, здѣсь потенціи морскія отъ меня и министра польскаго будутъ требовать такой же деклараціи, того для впредь буду ожидать вашей свѣтлости на то повелѣнія.

Со стороны турецкой являются дѣла быть премѣнны къ предосужденію нашему, однакожь изъ Адрианополя прямо еще вѣдомостей не имѣли.

Здѣсь въ дѣлѣхъ нашихъ послѣ предложенія послѣдняго, для чего я отправилъ курьера ко Двору, ничего болѣе не происходило, но токмо весьма министръ аглинскій и другіе понуждаютъ меня отвѣтомъ.

Министръ шведскій Пальмквистъ каковъ планъ мирный объявилъ, то при семъ слѣдуетъ, чтобы по трактатомъ вестфальскому, олавскому, травендальскому и альтранштадтскому все содержано было въ цѣлой своей силѣ,—завоеванное все отъ короны шведской въ сію войну было бы возвращено. А о награжденіи за понесенные убытки впредь объявить, вступя въ негоціацію.

Сего момента получилъ я письмо отъ барона Шафирова изъ Адрианополя, отъ 25 мая по новому, и отъ посланнаго графа Колліерса изъ Константинополя, съ которыхъ копія отправлю завтра чрезъ гамбургскую почту, чего для нынѣ не успѣлъ писать.

Сего-жь утра, бывъ у меня, министръ цесарскій баронъ Геємсъ сообщилъ мнѣ пріятныя вѣдомости и казалъ письмо отъ двора своего, писанное чрезъ принца Траудена, что они ко двору своему получили курьера изъ Адрианополя, отъ 25 іюня по новому, съ тою

вѣдомостью, что миръ съ его царскимъ величествомъ и между Портою по многимъ трудностямъ заключенъ. А что будетъ опредѣлено о королѣ шведскомъ, еще знать не могутъ; также и послы польскіе ратификаціями размѣнялись.

1596. Нязь Б. И. Куракинъ — Б. П. Шереметеву.

1713 г. іюля 14. Гага.

Хотя многіе виды къ утишенію войны съ турецкой стороны были, но по послѣднимъ вѣдомостямъ сюда явились оныя дѣла премѣнны, о которыхъ пространно не пишу, но, чаю, уже вамъ, мой государь, сихъ часовъ извѣстнѣе быть не токмо чрезъ письма, но и чрезъ военное дѣйство. Однакоже, какъ здѣсь разсуждаютъ по обстоятельствамъ тамошнихъ дѣлъ, то видится впредъ еще быть премѣнамъ, для того что претензіи ихъ, турецкія, есть не такія, чтобы были обязаны съ интересомъ шведскимъ, но партикулярныя и такія, которыя безъ всякаго къ нимъ властнаго интереса, изъ чего ни продолжать войны, ни такъ великихъ убытковъ понести ей, Портѣ, не для чего. И по сему бы видѣлось вѣчто впредъ постановленія вновь нашего мира съ ними, ежели также какихъ погрѣшеній съ другихъ сторонъ учинено быть не можетъ.

По тѣмъ же оттуль вѣдомостямъ видится, что они, турки, не есть въ состояніи что нашимъ краемъ учинить, кромѣ однихъ курсовъ татарскихъ. Что же принадлежитъ до Польши, то, конечно, съ корпусомъ войскъ своихъ туда отъ Каменца вступать и будутъ партію ставиславову возставливать въ силу.

Дѣла въ Помераніи есть нынѣ въ томъ состояніи, что, по выходѣ войска его царскаго величества изъ Голштеніи, вступя въ Померанію, нынѣ обрѣтаются, и

еще никакихъ тамъ военныхъ дѣйствъ не началось. И трактуются съ прусскимъ дворомъ, дабы оную Померанію всю отдать въ секвестрацію до окончанія сѣверной войны. И чаемъ, что сіе дѣло учинено будетъ; токмо будетъ ли по обѣщанію содержано, трудно узвать. И войскамъ его царскаго величества не чаемъ изъ имперіи выступить прежде мѣсяца сентября.

Здѣшнія дѣла состоятся въ томъ: Франція съ царемъ войну продолжаетъ и, чаемъ, что сей зимы она прекратится. И потому видимо, что сѣверныя въ войнѣ одѣ останутся. Просимъ Вышняго, дабы оную счастливо и намъ окончать.

О генеральномъ мирѣ сѣверномъ хотя труды отовсюду прилагаются, но трудно сказать, ежели-бъ оный могъ вскорѣ учиниться, но паче, ежели съ турецкой войны что будетъ.

1597. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головинну.

1718 г. іюля 14. Гага.

Трактатъ мирный и о коммерціи между Статы и министры гишпанскими еще не окончался, но вскорѣ оному чаютъ быть на сихъ дняхъ заключену, и потомъ останутся одни португальскіе.

Статы прошлой недѣли въ собраніи своемъ взяли резолюцію еще кассировать изъ войскъ своихъ 25 тысячъ, и останется всего со всѣми гарнизонами съ 40 тысячъ, что, и по учиненіи мира рисвикскаго, въ такой слабости они, Статы, себя не оставляли.

Изъ Англіи подтверждаютъ, что верхняя камора взяла резолюцію адресъ королевѣ вновь подать, дабы претендента отлучить отъ близости Англіи и особливе о томъ просить дука лоренскаго, котораго въ провинціяхъ оный нынѣ обрѣтается. И о семъ въ парламентѣ

было предложено партиёю виговою, но многіе изъ партиі торрисовой къ сему склонны являюся, и ежели далѣе распространяться о семъ будетъ, то могутъ послѣдовать вѣкоторыя премѣны. Но министерство нынѣшнее его, претендента, нарочно содержитъ въ близости, въ провинціяхъ дука лоренскаго, для того, види королеву въ тяжкой болѣзни, и чтобы при нужныхъ случаяхъ могли его вскорѣ перевезти въ Англію.

Что же принадлежитъ къ интересамъ его царскаго величества, о тѣхъ топерь доношу.

Министръ датскій Альфельдъ вчерашняго дня, бывъ у меня, объявилъ мнѣ, что онъ заподлинно уведомился, что фельдмаршалъ князь Меншиковъ и Флемингъ, будучи въ шведѣ въ конференціяхъ, на вопросъ министровъ прусскихъ декляровали, что его царское величество и король польскій никакого интереса въ дѣлахъ голштейнскихъ не имѣютъ, и каковъ трактатъ аліанса учиненъ между его королевскимъ величествомъ прусскимъ и дукомъ голштейнскимъ, они, помянутые фельдмаршалы, апробуютъ. И при томъ говорилъ, что оный трактатъ, учиненный между прусскаго и голштейнскаго, никакого иного содержанія, токмо самое противу короля его.

И по той учиненной декляраціи министры прусскіе, призвавъ генерала Девица, также и министра ихъ двора датскаго, имъ предложили, что король ихъ имѣетъ учиненный трактатъ съ дукомъ голштейнскимъ къ возстановленію его, дука, въ прежнее владѣніе. Того для они, министры, просили ихъ, министровъ датскихъ, дабы учинили доношеніе двору своему, чтобы король ихъ добродѣтельно оставилъ провинціи дука голштейнскаго ему въ прежнее владѣніе, и для скорого-бъ и лучшаго окончанія, чтобы они, министры, имѣли полную мочь и инструкціи трактовать съ министры голштейнскими при дворѣ ихъ, прусскомъ; а ежели король датскій къ

тому склоненъ не будетъ, тогда король ихъ, прусскій, приметъ иныя мѣры. И при томъ онъ, Альфельдъ, разсуждаетъ, что когда такая декларация учинена, то видится, что король его во всё ссоры съ другими оставленъ одинъ. И посему, какъ Англія, такъ и Голландія, безъ сомнѣнія, противу короля его явятся и флотъ въ Балтическое море отправятъ. И при томъ сказалъ, что они знаютъ, для чего она, Англія, по се число удерживалась флотъ свой противу короля его посылать,—для того, чтобы тѣмъ не нарушить коммерцію російское къ городу Архангельскому; но нынѣ весьма иного мнѣнія будутъ.

На что я ему, Альфельду, сказалъ, что я отъ помянутаго князя Меншикова никакого извѣстія не имѣлъ; и хотя какія декларации и учинены отъ помянутаго князя, также и графа Флеминга, которыя, разсуждаю, быть къ общей пользѣ союзныхъ сѣверныхъ, а не къ предосужденію никому изъ нихъ.

И сего же дня писалъ я къ князю Александру Даниловичу, дабы мнѣ повелѣлъ дать знать о той декларациі для того, когда здѣсь отъ меня будутъ требовать учинить о томъ декларацию, дабы могъ равно поступить. Но Англія больше ничего не ищетъ, какъ сего, чтобы со стороны его царскаго величества такая декларация была учинена здѣсь или въ Англіи, и чтобъ, оную имѣвъ, свободнѣе что могли учинить противу датскаго короля или и свою эскадру въ Балтическое море отправить. И во всемъ томъ я здѣсь буду поступать, сносившися съ нимъ, княземъ Александромъ Даниловичемъ.

Третьягодня Статы получили вѣдомость о турецкихъ дѣлѣхъ чрезъ партикулярную корришпонденцію, а не отъ министровъ своихъ. И того для оныя новизны еще здѣсь за вѣрно не примаются.

Содержаніе оныхъ, -- что послы его царскаго величества были призываны въ Диванъ, которымъ каймаканъ указомъ салтанскимъ объявилъ послѣднюю резолюцію Порты, положа руки свои на алкоранъ, являя, что то за присягою содержано будетъ, что салтанъ миръ содержать хочеть, токмо чтобъ отъ его царскаго величества позволено было давать хану крымскому на годъ по 40000 червонныхъ, также и на Украинѣ, которыхъ земель они просили, казакамъ поселиться, которые нынѣ при королѣ шведскомъ есть. Ежели же на то они, послы, топерь не позволить, то салтанъ укажетъ ихъ всѣхъ тирански наказать и посадить на колѣ. На то они, послы, отвѣтствовали, что учинить подарокъ хану крымскому токмо нынѣ тою суммою могутъ, не обязываючись платежомъ повсягоднымъ; а уступки земель на Украинѣ они безъ полной мочи весьма учинить не могутъ. И потомъ возвращены были въ домъ свой. И что изъ того послѣдовало, въ письмѣ не объявлено.

И для сего такъ важнаго дѣла имѣлъ я вчерашняго дня довольный разговоръ съ ратпенсіонаріемъ, желая отъ него вѣдать на сіи премѣнныя турецкія дѣла. И при томъ онъ мнѣ свое мнѣніе объявлялъ, что ежели та война со стороны турецкой будетъ нынѣ начата, — и, впервыхъ, видится, за позднимъ временемъ не могутъ что великаго учинить, развѣ что нападеніе въ Польшу учинить, и потомъ кампанія окончается, и въ зиму надобно искать способа къ примиренію съ нею, Портою, также и обязываться въ союзъ съ другими потенціями. И рассуждаетъ, что нынѣ лучше всѣ тѣ дѣла при Портѣ оставить такъ, безъ всякаго старанія, для того, чтобы тѣмъ дать успокоить интриги французскія и шведскія, также и ихъ при Портѣ внутреннія, чего для они, турки, имѣвъ великіе подарки съ одной и съ другой стороны, понуждены были нарочно къ частымъ премѣнамъ въ дѣлѣхъ тѣхъ.

И какъ онъ можетъ предусмотрѣть во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, и находить одинъ способъ всѣхъ сильнѣе, чтобъ его царское величество во всю сію зиму прилежное стараніе имѣлъ чрезъ министровъ своихъ трудиться повсюду царскій дворъ къ своему интересу склонять, а особливо резидующему министру его царскаго величества при томъ царскомъ дворѣ полныя инструкціи имѣть и оный дворъ къ интересомъ своимъ приводить. И хотя до сихъ мѣстъ оный царскій дворъ противу турка будто бы являлся быть ко вступленію въ союзъ несклоненъ,—и то правда: тому причину имѣлъ для того, что обязанъ былъ въ войнѣ съ Франціею,—но нынѣ по всему видится, что оная война съ Франціею, по окончаніи сей кампаніи, примирена будетъ,—тогда цесарь можетъ имѣть свободныя руки съ войски своими въ семьдесятъ тысячахъ противу турокъ воевать. И хотя нынѣ еще та война съ Франціею продолжается, но, между тѣмъ, надобно къ созрѣванію сего дѣла предуготовленія чинить.

И уже оный цесарскій дворъ, конечно, предусматриваетъ, что отъ сей турецкой войны есть великое опасеніе, для того что Франція приводитъ ихъ, турковъ, въ войну противу царскаго величества сколько для интереса шведскаго, но вдвое для своего, потому что когда король шведскій въ силу возставленъ будетъ, также и Станиславъ—въ Польшу, а его царское величество принужденъ будетъ примириться,—тогда вся оная потенція турецкая на цесаря нападеть, въ которомъ случаѣ его царское величество не будетъ въ состояніи помогать. А Станиславъ въ интересъ Франціи также будетъ обязанъ молчать.

Я прошу ваше превосходительство всѣ тѣ разговоры помявутаго пенсіонарія въ секретѣ повелѣть содержать. также и напредъ, гдѣ его имя упоминается будетъ.

Милордъ Страффордъ, бывъ у меня, говорилъ мнѣ, чтобъ я своимъ доношеніемъ ко Двору часто упоминалъ, дабы могъ указы пространные получить на тѣ всѣ ихъ предложенія извѣстныя, на которыя я требовалъ и требую указа немедленнаго чрезъ посланнаго нарочнаго своего курьера. Того для я прошу ваше превосходительство оными указы не умедлить.

Но при семъ же доношу. Ежели оныя дѣла турецкія премѣнятся, то весьма всѣ тѣ дѣла по намѣренію аглинскому къ примиренію сѣверной войны премѣнны будутъ, для того, какъ я признаваю, что она, Англія, тогда спѣшить тѣмъ мирнымъ дѣломъ не будетъ, чая быть въ лучшемъ состояніи Швецію.

Я бы чаялъ не въ противность интересомъ его царскаго величества при премѣнѣ нынѣшнихъ дѣлъ турецкихъ, ежели война начнется, чтобы назначить два или три мѣста къ избранію потенціямъ морскимъ, какъ медиаторомъ, гдѣ бы должно быть конгрессу для трактованія сѣвернаго мира, и которое отъ нихъ изъ объявленныхъ мѣсть избрано будетъ, чтобы туда и полномочныя его царскаго величества и его аліатовъ посланы были. Токмо надобно выбрать такія мѣста, въ которыхъ бы не обрѣтались резидующіе министры шведскіе, для того, чтобы въ то назначенное мѣсто они были принуждены нарочно пріѣхать. И ежели бы пріѣхали, то бы могло быть дѣло публичное во всей Европѣ, и тѣмъ бы немалую пользу могли въ турецкихъ дѣлѣхъ имѣть, что бы короля шведскаго могло весьма имъ, туркамъ, подозрительна учинить.

1598. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головнину.

1713 г. іюля 17. Гага.

Третьягодня, когда были въ обыкновенномъ конгрессѣ въ каморѣ де-треве, милордъ Страффордъ и

ратпенсіонарій меня спрашивали, ежели уже я есть въ состояніи имъ отвѣтствовать на извѣстныя предложенія ихъ добрыхъ средствъ, также и подать имъ со стороны царскаго величества предложенія къ миру. На что я отвѣтствовалъ, что еще указа не получилъ отъ Двора, и получить было не можно; какъ я имъ объявилъ, что нарочно о всемъ томъ обстоятельно по ихъ предложеніемъ Двору учинилъ доношеніе чрезъ нарочнаго курьера, которому еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ отправленъ.

Потомъ онъ, милордъ Страффордъ, и ратпенсіонарій мнѣ говорили, чтобъ я непрестанно повторительно доносилъ Двору и требовалъ на то подлиннаго рѣшенія отъ его царскаго величества. для того что уже министръ шведскій со стороны короля своего предложенія учинилъ. И топерь то дѣло мирное остановилось за неотвѣтомъ отъ Двора его царскаго величества. И на конецъ тѣхъ разговоровъ я имъ обѣщалъ Двору о всемъ томъ часто доносить.

И потомъ министру датскому Альфельду, также и польскому Герседорфу было то-жъ помянутыми господами предложено. И г. Альфельдъ отвѣтствовалъ, что надѣется вскорѣ получить. Но министръ польскій сказалъ, что онъ еще отвѣта никакого не получилъ и надѣется не скоро получить, для того что король его, какъ онъ чаеть, будетъ прежде о всемъ томъ дѣлѣ сноситься съ его царскимъ величествомъ и чтобъ обще согласныя мѣры во всемъ томъ принять, и равные указы къ своимъ министрамъ дать.

И вчерашняго дня разсудилъ я за благо быть въ партикулярной конференціи съ ратпенсіонаріемъ, желая отъ него на всѣ тѣ дѣла къ примиренію сѣверной войны его намѣренія вѣдать, дабы могъ явственнѣе Двору доношеніе учинить, по чему бы чаялъ лучше можно принять свои мѣры.

И, впервыхъ, мое предложеніе ему, пенсіонарію, было, что я усмотрѣлъ изъ вчерашнихъ ихъ съ милордомъ Страффордомъ мнѣ разговоръ, что объ потенціи весьма спѣшать, дабы сѣвернымъ воюющимъ вступить въ негоціацію мирную; но какимъ образомъ оная начата можетъ быть и окончена, никакого вида нѣтъ къ тому, для того что король шведскій весьма къ миру несклоненъ, также и министры его о томъ трактовать указовъ не имѣють. А что министръ шведскій Пальмквистъ хотя плянъ мирный или предложенія учинилъ, по которымъ никогда состоятельно быть не можетъ, и знавъ то несостоятельство, тѣмъ только объявляютъ, будто они, шведы, являются склонны къ миру. Но когда отъ насъ будутъ, отъ союзныхъ сѣверныхъ, предложенія учинены, тогда оное дѣло мирное тѣмъ будетъ принуждено остановиться, для того что министръ шведскій, не имѣвъ указовъ, далѣе въ негоціацію не вступитъ.

И на то онъ, пенсіонарій, мнѣ отвѣтствовалъ, что они, съ своей стороны, въ помянутомъ дѣлѣ не спѣшаютъ, но Англія въ томъ спѣшно поступаетъ. Того для они не хотятъ отъ нея отлучиться,—ей, Англіи, послѣдствуютъ, для того что уже изъ многихъ разговоръ милорда Страффорда онъ, пенсіонарій, его призналъ неблагодарна, что будто Статы медленно въ семъ дѣлѣ поступаютъ. И по многимъ разсужденіемъ онъ, Страффордъ, ему, пенсіонарію, объявлялъ чаяніемъ, что ежели сіе дѣло такъ продолжится, и медленный поступокъ отъ Статовъ будетъ, то, можетъ быть, что Англія, оставя ихъ, Статовъ, будетъ соглашаться съ Франціею и съ прусскимъ дворомъ, дабы тѣмъ сѣвернымъ потенціямъ вступить въ тѣ сѣверныя дѣла.

И по томъ своемъ отвѣтѣ онъ, пенсіонарій, имѣлъ ко мнѣ партикулярное разсужденіе, что онъ весьма того мнѣнія есть, чтобы царское величество позволилъ

вступать въ негоціацію мирную безъ продолженія времени и еще-бъ искалъ охотно, съ своей стороны, ежели возможно, тотъ сѣверный миръ учинить, нежели продолжать, для того, когда Франція, миръ учиня съ царемъ, будетъ свободныя руки имѣть, то, безъ сумнѣнія, будетъ королю шведскому сильною рукою помогать какъ войскомъ, такъ и деньгами, не токмо малыми, но милліонами, и что весьма его, короля шведскаго, ова, Франція, въ силу возставитъ. И тогда, ежели онъ, король шведскій, будетъ съ войски своими въ Польшѣ обрѣтаться, то и со стороны турецкой не безъ опасности будетъ его царскому величеству, хотя бы нынѣ и миръ учиненъ былъ. Ежели же сумнѣніе какое есть со стороны его царскаго величества, чтобы, вступя въ негоціацію, аліаты его царскаго величества не отлучились, или тотъ миръ не окончается,—и того для разсуждалъ, что ежели аліаты его царскаго величества увидятъ его несклонность ко вступленію въ негоціацію и къ миру, тогда больше опасности имѣть надобно объ ихъ партикулярномъ мирѣ. Также и миръ чрезъ ту негоціацію къ окончавію своему приведенъ быть не можетъ, то интересы его царскаго величества останутся въ той же силѣ, каковы и донынѣ были.

При томъ разсуждалъ, для чего они послѣдуютъ Англіи и, будто, сиѣшати, сверхъ всѣхъ вышепомннутыхъ своихъ доводовъ, что приваляется къ властнымъ интересомъ его царскаго величества, они, престоерегая и свой властный интересъ, чтобъ отъ нея, Англіи, въ сихъ сѣверныхъ дѣлахъ имъ не отлучиться. Для того, ежели Англія, озлобяся, оставя ихъ, Статовъ, и въ тѣ сѣверныя дѣла вступить съ Франціею и съ прусскимъ дворомъ, къ чему многіе уже виды есть, Господа Статы многую утрату интересу своему учинятъ въ коммерціи своемъ Балтическаго моря. Къ тому-жъ онъ, пенсіонарій, чаеть, что изъ того ихъ выключенія изъ негоціа-

ція сѣверныхъ дѣлъ не безъ предосужденія будетъ и самымъ интересамъ его царскаго величества.

И, наконецъ, просилъ меня, чтобъ я донесъ его царскому величеству, дабы ббольшую свою склонность явилъ къ миру и повелѣлъ вступить въ негодіацію. И когда вступитея въ тѣ мирные договоры, въ которыхъ будетъ находиться столько трудностей, что весьма сами отъ себя продолжительны будутъ, а скоро окончатся не могутъ,—а потому каждый будетъ поступать во всемъ, согласясь съ тѣми временами дѣлъ.

Я топерь, съ своей стороны, прошу ваше превосходительство всѣ сіи мои доношенія въ благоразумное свое разсужденіе взять и пространно его царскому величеству довести, понеже сіи дѣла политическія въ свое время дѣлаются, а не всегда. А что я въ прежнемъ своемъ письмѣ, отъ 44 нумера, писалъ объ обнадеживаніи здѣшнихъ къ продолженію,—и по вышепомянутому разговору видится, что уповать на то обѣщаніе невозможно. И того для буду съ желаніемъ ожидать подлинныхъ и пространныхъ указовъ его царскаго величества на всѣ мои посланныя чрезъ курьера доношенія.

Здѣсь получена вѣдомость, отъ 25 іюня по новому, изъ Адрианополя, что миръ сызнова съ его царскимъ величествомъ заключенъ; а что́ будетъ съ королемъ шведскимъ опредѣлено,—того не вѣдаютъ.

1599. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. іюля 17. Гага.

Вчера съ вашего превосходительства письмо, отъ 14 мая, изъ Адрианополя получилъ, на которое отвѣтствовать не успѣлъ, токмо разсудилъ вамъ кратко объявить, разсуждая быть нужно къ вашему вѣдѣнію, впервыхъ, что министръ шведскій, по предложеніемъ

потенцій морскихъ, добрыя ихъ средства принялъ, и мирный плянь или первыя свои предложенія уже прошлой недѣли въ руки ихъ здѣсь отдалъ, и теперь требуютъ отъ насъ.—И когда, обще съ аліатами, его царскаго величества будутъ предложенія первыя пода ны, тогда вступятъ въ негоціацію трактатовъ мирныхъ.

Второе. Фельдмаршалъ князь Меншиковъ указъ получилъ, чтобъ ему съ войски еще промѣшкать въ Помераніи до октября мѣсяца или сентября.

1600. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1718 г. іюля 21. Гага.

Баронъ Шакъ изъ Англіи писалъ ко мнѣ, что посоль французскій дукъ Домонтъ предлагалъ министру датскому и польскому медиацию, короля своего, также и ему, барону Шаку, намѣренъ, было, то-жъ учинить, но онъ, баронъ Шакъ, не допустя его, посла французскаго, до тѣхъ разговоровъ, о другихъ дѣлѣхъ разговоръ началъ имѣть, и такъ отъ него отлучился. И того дня онъ, Шакъ, писалъ нынѣ ко Двору и требовалъ указа, чтобы могъ отвѣтствовать впредь на предложеніе о медиации министру французскому.

Я по своей повинности долженъ донести, чтобы на то ему, барону Шаку, указъ повелѣнъ былъ дать, дабы онъ никакого отвѣта послу французскому не чинилъ, но всегда бы былъ на доношеніи своему Двору. И лучше иного способа не можетъ найтись, чтобъ отъ ея, французской, медиации убѣгать; а ежели бы позволено было ему, барону Шаку, что отвѣтствовать такъ, какъ бы было сходно съ дѣланіемъ Франціи, то не безъ предосужденія интересамъ его царскаго величества будетъ, а паче, что здѣшной республикѣ по-

дозрѣніе великое учинится, также цесарю и всему цесарству. А ежели же позволите отвѣтствовать въ такой силѣ, какъ мнѣ въ инструкція повелѣно, также надѣюся, что ваше превосходительство изволите разсудить, что не есть сходно при нынѣшнемъ времени такой отвѣтъ учинить, но развѣ при самомъ крайнемъ случаѣ, и то не въ Англіи.

Еще напоминаю при семъ вашему превосходительству, дабы могъ получить какъ наискорѣе указы на мои посланные доношенія чрезъ курьера. И особливо требую, какія бы предложенія имъ, потенціямъ морскимъ, или какой иной отвѣтъ учинить, для того что ежели не будемъ никакъ отвѣтствовать, то весьма Англія приметъ за противно и злобою немалою поступить. И милордъ Страффордъ непрестанно мнѣ говоритъ, дабы какъ наискорѣе получить указы отъ Двора и имъ отвѣтъ учинить.

1601. Графъ Г. И. Головинъ—ниязю Б. И. Кураину.

1713 г. іюля 24. С.-Петербургъ.

Письма милости вашей, писанныя изъ Гаги, отъ 25 іюня чрезъ почту и отъ 27 того же мѣсяца чрезъ присланнаго курьера, получилъ я въ сихъ дняхъ исправно, о которыхъ, по разобраніи цифръ, его царскому величеству немедленно донесъ. И его величество тѣ ваши письма, такожь протоколъ, и доносительные пункты, и разсужденіе изволилъ слушать, на которые симъ моимъ вашей милости, по указу его величества, отвѣтствую.

На присланные ваши пункты, какъ милости вашей при конгрессѣ мирныхъ трактатовъ поступать, обо всемъ обстоятельно рѣшительныя статьи посылаются при семъ. Изволите по онымъ статьямъ чинить и над-

лежащее союзничьимъ министромъ объявить, дабы въ томъ конгрессѣ они, обще съ вами, съ согласія поступали.

Что же изволите писать о пропаломъ кораблѣ амстердамскихъ купцовъ, зовомомъ „Шесть братьевъ“, который прошлаго года изъ Амеландіи былъ отправленъ съ товарами въ Ревель и задержанъ былъ отъ шведовъ, и потомъ паки отпущенъ, и будто отъ россіянъ взятъ и увезенъ, а куда,—того и сами просители не вѣдаютъ,—и его царское величество тотъ меморіаль изволилъ слушать и изволилъ говорить, что такой голландскій корабль прошлаго года не токмо отъ россійскихъ людей взятъ, и слуха о немъ не было; въ чемъ изволите Господь Статовъ достовѣрно обнадежить. И изволилъ говорить, что развѣ тотъ корабль взяли паки шведы подъ флагомъ его царскаго величества для ссоры; однакожь его царское величество указаль о томъ во всѣхъ своихъ Балтискаго моря пристаняхъ справиться,—нѣтъ ли таково гдѣ судна. А что несчастіе случилось подданнымъ Господь Статовъ въ сожженіи галіотовъ отъ войскъ его царскаго величества, и то учинилось отъ самихъ ихъ; ибо оны, по обычаю нейтральному, стоя болѣе недѣли подъ обороною шведскою и видя его царскаго величества флотъ, не дали о себѣ знать; о чемъ пространно къ вашей милости изволилъ его величество самъ писать, съ чего и дубликатъ посланъ. А взятые шиперъ и матросы отсюда паки отпущены въ Голландію, которымъ дано: шиперу пятьдесятъ рублей, матросамъ, двадцати человѣкомъ, по десяти рублей. И дѣло о томъ ихъ несчастіи его царское величество сожалѣетъ; но то имъ случилось самимъ отъ себя.

Писаль сюда посоль князь Василій Долгоруковъ, что онъ сочиненнымъ пляномъ между его царскаго величества съ союзники ни съ датскими, ни съ польскими министры не размѣнялся за нѣкоторымъ отъ

Флеминга въ маломъ дѣлѣ споромъ. И хотя тотъ плянъ и не размѣненъ, однакожь его величество, надлежащія къ мирному конгрессу статьи выписавъ изъ того пляна, къ милости вашей приказалъ послать, какъ въ рѣшительныхъ статьяхъ, 4 и 5-мъ артикулахъ, о немъ именно написано; а прочіе пункты въ томъ плянѣ принадлежатъ только между его царскаго величества съ его союзники.

Сего іюля 13 дня прибыли сюда присланные отъ пословъ нашихъ курьеры, отъ 16 до 20 іюня, изъ Адрианополя, что они между его царскаго величества и Портою учинили мирный трактатъ на двадцать пять лѣтъ, и копию съ того трактата прислали, которымъ надѣются по трехъ дняхъ, по стпускѣ ихъ, курьеровъ, и размѣняться. И съ подлиннымъ трактатомъ ожидаемъ сюда вскорѣ Волынскаго, на который поставленный трактатъ его царское величество и подтвержденную свою грамоту съ посломъ своимъ Дмитріемъ Бестужевымъ, по желанію Порты, послать изволилъ.

1602. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. іюля 24. Гага.

Дѣла гишпанскія вскорѣ окончатся, чего для уже сюда прибылъ дукъ Дорсона и маркизь Монтелионъ.

За писаніе ваше, отъ 6 іюля, благодарствую. Что же въ ономъ упомянулось объ избраніи мѣста къ съѣзду: Гамбурга, Любека или Гаги, и о томъ здѣсь еще предложенія не учинено, и основанія никакого нѣтъ, для того что министръ шведскій къ тому не имѣетъ ни полной мочи, ни инструкціи.

Вчерашняго дня получилъ я письмо отъ Двора, іюля отъ 3 дня, изъ котораго сдѣлавъ экстрактъ, что принадлежитъ о дѣлахъ голштейнскихъ, сообщилъ.

здѣсь министру короля датскаго г. Альфельду, и для подлиннаго вамъ извѣстія прилагаю при семь копію.

Я не сумнѣваюсь, чтобы вамъ извѣстно не было о дѣлахъ короля прусскаго, и какую декларацію его министры учинили фельдмаршалу князю Меншикову, которая есть весьма предосудительна нашимъ дѣламъ. И при семь случаѣ, который бы могъ опасенъ быть отъ прусскаго двора, я не нахожу никакого способа, токмо оной твердой вашей резолюціи: между аліаты сѣверными содержать согласно и твердо общіе интересы и никакой слабости тому Двору прусскому не показать. Того для не чаю, чтобы король прусскій противу насъ и короля датскаго противности какія воспріять могъ.

1603. Князь Б. И. Куракинъ—царицѣ Екатеринѣ I.

1713 г. іюля 24. Гага.

По указу вашего величества три фонтанжа куплены, новой моды, которые дѣланы въ Брабантѣ на заказъ: одинъ—работы малинской, подъ № 1, а два, подъ № 2 и № 3,—работы брюссельской; а о цѣнѣ каждого изъ нихъ изволите извѣстны быть изъ приложеннаго при семь ярлыка. И надѣюся онымъ вашему величеству угоднымъ быть. А ежели изволите хотя одинъ фонтанжъ имѣть чрезвычайный въ работѣ, то возможно и одинъ сдѣлать за ту цѣну, чего всѣ три посланные стоятъ; а для работы требуется времени годъ и больше. И въ такую высокую цѣну безъ именнаго вашего указа я не могъ купить.

Вышепомянутые фантанжи посланы на почтѣ ординарной до Берлина чрезъ г. графа Головкина, а оттуль отправлены будутъ подъ адресомъ графа Гаврила Ивановича Головкина. Того для оную жестянку съ помя-

нутыми фонтанжи изволите приказать спрашивать въ канцеляріи посольской.

Чулки и другіе дитячіе уборы, также и цвѣты, посланы въ Ригу и отправлены подъ адресомъ купца Кордеса.

1604. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. іюля 28. С.-Петербургъ.

Что изволили писать объ объявленіи вамъ отъ Господъ Статовъ и первыхъ персонъ, что они къ сѣверному миру склонность только для вида Англіи являютъ и хотятъ то продолжать,—и то его величеству зѣло пріятно; изволите и въ рѣшительныхъ статьяхъ усмотрѣть о томъ его величества желаніе.

Писалъ сюда къ его царскому величеству изъ Лондона иноземецъ Ральфъ Робинсонъ, что онъ, по указу его величества, пять кораблей въ Ревель отправилъ и съ комиссары королевина величества великобританской контрактъ учинилъ на пять тысячъ бочекъ смолы, которую смолу для отсылки къ нему, Ральфу, велѣно у города отдать корреспонденту его, иноземцу Самойлу Гитерду. И писано къ вице-губернатору Курбатову, чтобъ онъ въ пріемъ взялъ у него, Гитерда, письмо, что ежели деньги за смолу корреспондентъ его, Робинсонъ, издержалъ на покупку его царскаго величества, то оная смола отпускается ему безденежно; буде же оная сверхъ того, то бы по счету заплатили за ту смолу деньги въ Голландіи вашей милости.

Къ его царскому величеству шахова величества персидскаго присланъ былъ посоль, съ объявленіемъ шаховой древней дружбы съ его царскимъ величествомъ, такожъ и съ подарки, который, имѣвъ здѣсь аудіенцію, паки отправленъ въ свою землю, а важныхъ дѣлъ съ нимъ никакихъ не было.

При семь же вапей милости объявляю, что на сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда ротмистръ Волинскій изъ Адрианополя отъ пословъ нашихъ съ трактатомъ мирнымъ, на который подтвержденная грамота съ посломъ Дмитріемъ Бестужевымъ, по желанію Порты, немедленно послана. И тако симъ добрымъ окончаніемъ вашу милость поздравляю.

Со стороны Финляндіи имѣемъ мы вѣдомость, что г. адмиралъ графъ Апраксинъ съ войскомъ въ Гельсингфорсъ вошелъ, и непріятельскіе близъ тамо стоящіе корабли принуждены уступить. А наши купленные и въ Ревелѣ стоящіе корабли съ флотомъ нашимъ счастливо случились. Дай, Всевысшій, и впредь оружію его царскаго величества счастливое происхожденіе!

1605. Грамота Петра I—королю прусскому.

1713 г. іюля 28. С.-Петербургъ.

Увѣдомились мы отъ генерала нашего фельдмаршала князя Меншикова, что ваше величество во время бытности своей въ шведѣ, явилъ къ интересамъ нашимъ пріятную свою склонность и обѣщать изволилъ впредь всегда при такой склонности постоянно пребывать. Того ради за потребно мы избрѣли ваше величество за сямъ возблагодарить, какъ дѣйствительно мы ваше величество отъ всея искренности нашея благодаримъ, уповая, что ваше величество въ такомъ намѣреніи къ упрежденію интересовъ нашихъ постоянно пребыть соизволить. При томъ же увѣдомились мы о намѣреніяхъ вашего величества, что съ герцогомъ голштинскимъ постановлено противъ королевскаго величества датскаго перепускомъ вашихъ войскъ въ онаго службу; о чемъ сжали оное дѣйствительно учинится, то и намъ, яко союзнику вышешмянутаго короля, не безъ

противности будетъ, понеже не королевское величество датскій, но герцогъ голштинскій виновенъ, ибо вышереченный герцогъ администраторъ такъ письменно, какъ чрезъ министровъ своихъ, обнадежилъ насъ и союзниковъ нашихъ, при вступленіи нашемъ въ Голштинію, ничего намъ противнаго не чинить и въ городъ Тонигъ шведовъ не впускать,—итакъ войска наши и союзниковъ нашихъ, будучи тамо, никакихъ противностей оной землѣ не чинили. А потомъ оный герцогъ явилъ склонность свою къ непріятелю нашему, королю шведскому, нарушеніемъ воспріятого нейтральства и защищеніемъ войска непріятельскаго отъ наступленія нашего, отдавнѣмъ оному города Тонинга, и тѣмъ самъ на себя подвигнулъ.

Мы уповаемъ, что ваше королевское величество, усмотря неправые поступки герцога администратора и правыя претензіи союзника нашего, короля датскаго, по своему праводушію и по своей къ намъ братской пріязни никакихъ противныхъ поступковъ противъ короля датскаго, союзника нашего, воспріять не изволите, но паче всякое доброе средство и склонность показать изволите. О чемъ мы пространвѣ повелѣли вашему величеству донести генералу нашему фельд-маршалу князю Меншикову, которому на его предложенія да соизволить ваше величество учинить благо-склонную резолюцію.

1606. Князь Б. И. Куранинъ—царевичу Алексію Петровичу.

1713 г. іюля 31. Гага.

По указу вашему, какъ я прежнимъ своимъ доносилъ, сервизъ серебряный и прочія вещи всѣ закуплены и отправлены къ городу Архангельскому до вице-губернатора г. Курбатова; но здѣсь прилагается счетъ,

который состоитъ въ числѣ дву тысячь четырехсотъ сорока дву ефимковъ и сорока пяти копѣекъ. Но, по указу вашему, Илья Исаевъ ко мнѣ перевелъ только двѣ тысячи рублей московской монеты, всякій рубль по 52 коп. голландскихъ на курсъ вексельный,—итого учинило двѣ тысячи восемьдесятъ ефимковъ. И посему, сверхъ пересланныхъ ко мнѣ денегъ, перешло триста шестьдесятъ два ефимка и 15 копѣекъ голландскихъ, о которыхъ прошу повелѣть своимъ указомъ ко мнѣ перевести, или помянутому-жъ Ильѣ Исаеву въ Ригѣ купцу Кордесу, моему корреспонденту, заплатить. На сіе съ желаніемъ ожидать буду указа.

1607. А. И. Дашковъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. августа 1. Варшава.

Хотя по многихъ моихъ домогательствахъ здѣсь, дабы королевское величество о городѣ Гданскѣ указъ свой послалъ къ министру своему, въ Голландіи пребывающему, чтобъ едино разумѣлъ съ вашимъ сіятельствомъ для трактованія о мирѣ въ томъ городѣ Гданскѣ, однакоже ничто изъ того успѣло, понеже королевское величество сильный на то даль резонъ, что во Гданскѣ тотъ конгрессъ быть не можетъ, дабы Франція въ то не вмѣшалася, яко пріятель шведскій, понеже тотъ городъ вольный. А предлагалъ королевское величество, чтобъ искать иное мѣсто, къ тому удобное, въ имперіи, понеже Франція министровъ своихъ гасардовать тутъ не могла бы, имѣя съ цесаремъ войну. И о томъ королевское величество изволилъ указъ свой послать къ министру своему графу Карбандъ, при цесарскомъ дворѣ пребывающему, дабы такимъ же образомъ тамо старался, какъ выше означено, и дисвадовалъ бы цесарскому двору принимать на себя ту медиацию между высокими сѣверными союзники и коро-

лемъ шведскимъ, пока не отзовутся отъ шведской страны, понеже было бы то безъ пользы.

Здѣсь мы имѣемъ вѣдомости, что турки и татары уже въ маршѣ, имѣя намѣреніе свое идти до Польши, чтобы ввести Станислава въ Польшу и утвердить на тронѣ польскомъ, а Потоцкаго, воеводу кіевскаго, — гетманомъ высокимъ короннымъ, и уже обрѣталися около Яссы въ сорока тысячахъ кавалеріи турецкой, и ханъ съ крымскою и съ судитскою ордами, отъ чего здѣсь есть страхъ великій. И недавно здѣсь корришпонденцію переняли Яблонскаго, воеводы русскаго, съ Станиславомъ, котораго королевское величество указаль взять въ арестъ, и сидитъ здѣсь при крѣпкой вахтѣ.

1608. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. августа 1. Гага.

На письмо ваше, мой государь, отъ 14 мая, прежнимъ своимъ кратко отвѣтствовалъ, а топерь повторить пространно на оное не хочу, для того что уже чрезъ постороннія письма освѣдомилися, что въ призрачній милости Божеской трудами вашими, мой государь, миръ 25 іюня по новому заключенъ, а о кондиціяхъ еще знать не можемъ. И съ такимъ окончаніемъ славнаго дѣла ваше превосходительство поздравляю и притомъ прошу меня о кондиціяхъ обстоятельно увѣдомить.

Здѣсь со стороны непріятели разглашаютъ о такихъ кондиціяхъ, что не чаютъ, дабы отъ Двора была онымъ ратификація прислана, которое разглашеніе здѣсь примается за неправое.

Наше желаніе паче всего ожидать такихъ вѣдомостей, чтобы король шведскій уже въ пути обрѣтался; но когда будетъ еще при Портѣ, всегда безпокойны себя находить можемъ.

1609. Князь Б. И. Куралинъ—графу Г. И. Головинну.

1713 г. августа 1. Гага.

Министръ датскій баронъ Альфельдъ, бывъ у меня, сообщилъ мнѣ письмо министра своего, который въ Вѣнѣ при дворѣ цесарскомъ, что оному датскому министру и польскому предложено посредство цесарское къ примиренію сѣверной войны, а особливе къ установленію тишины въ имперіи, и что цесарь назначиваетъ для сѣзда трактованія всѣмъ, кто имѣетъ интересъ, Брунсвикъ.

Къ тому же вчерашняго дня получилъ письмо отъ г. Матвѣева, который мнѣ объявилъ, что цесарь предложилъ свою медиацию и его царскому величеству, равно какъ и его союзникомъ. Того для разсудилъ быть моей должности обстоятельное Двору доношеніе учинять, какого мнѣнія здѣсь Господа Статы о семъ деликатномъ дѣлѣ находятся,—и дабы, знавъ какъ одной, такъ и другихъ потенцій намѣренія, по чему бы можно лучше мѣры свои примать.

Вышепомянутое предложеніе воюющимъ сѣвернымъ отъ цесаря учинено токмо его персоною одною; но ежели есть его, цесарское, намѣреніе призвать во оное же дѣло потенціи морскія, того по се число не объявилоса. Чего для я повужденъ былъ быть третьяго дня въ конференціи нарочно о семъ дѣлѣ съ ратпенсіонаріемъ и, впервыхъ, желалъ отъ него вѣдать, ежели Господамъ Статамъ отъ двора цесарскаго о помянутомъ дѣлѣ было объявлено, и въ общее согласіе цесарь ихъ къ тому призываетъ ли.—На что онъ, пенсіонарій, мнѣ сказалъ, что они извѣстны о томъ дѣлѣ чрезъ корришпонденцію своихъ министровъ, но отъ цесаря имъ никакого объявленія о семъ дѣлѣ не учинено, развѣ что впредь будетъ учинено.

При томъ я желалъ отъ него, пенсіонарія, вѣдать ихъ намѣренія, — ежели отъ потенцій, воюющихъ въ сѣверѣ, его, цесарская, медиация будетъ принята, тогда Господа Статы пошлютъ ли своего министра въ назначенное мѣсто Брунsvикъ, и дабы оный могъ быть обще съ цесарскими за медиатора, понеже потенція морскія также свои добрыя средства предлагали.

На тотъ мой вопросъ онъ, пенсіонарій, мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ мнѣ топерь подлинное свое мнѣніе о семъ дѣлѣ объявить, не знавъ намѣренія Господъ Статовъ, также и того цесарскаго двора, ежели оный дворъ похочетъ одинъ въ тѣ дѣла замѣшаться, не допуская ихъ, потенцій морскихъ, или общимъ согласіемъ съ ними. Но при семъ, разсуждая, говорилъ партикулярно отъ себя, что принятіе медиации цесарской состоитъ въ волѣ воюющихъ сѣверныхъ. И правда, не находитъ къ предосужденію его царскаго величества вичего, дабы она не могла быть принята. Равнымъ же видомъ надѣется, что и ихъ предложеніе добрыхъ средствъ отринуту не будетъ, чего для уже многожды оное предложеніе было, и его царскаго величества къ тому склонность являлась. Что же принадлежитъ къ посылкѣ ихъ министра въ Брунsvикъ, о томъ еще звать не можемъ, токмо они, также и Англія, какъ онъ чаеть, принуждены будутъ неволею въ тѣ сѣверныя дѣла мѣшаться для своей коммерціи въ Балтическомъ морѣ, также и по обязательству своей гарантіи многихъ трактатовъ между воюющими сѣверными.

Притомъ говорилъ, что никогда способнѣе случая не было и не будетъ Франціи замѣшаться въ тѣ дѣла сѣверныя, какъ чрезъ сіе нынѣшнее предложеніе цесарское, для того что она, Франція, такимъ же образомъ свободнѣе нынѣ будетъ медиацию сѣвернымъ предлагать; и ежели отъ одного принята будетъ, равнымъ

образомъ послѣдовано можетъ быть. Но когда Франція въ оныя дѣла замѣшается, то весьма худого чаянія надобно быть аліатомъ сѣвернымъ къ своимъ интересомъ, и къ убѣжанію отъ того лучше-бъ искать способъ, чтобы ни цесарь, ни Франція въ тѣ дѣла не замѣшались, тогда бы потенціи морскія тѣ дѣла способѣе могли къ доброму окончанію привести. И на конецъ тѣхъ своихъ разговоровъ сказалъ, что союзнымъ сѣвернымъ надлежитъ усматривать, ежели цесарь, взявъ тѣ на себя дѣла, въ состояніи и силѣ-ль есть одинъ ихъ окончать и содержать. И при томъ онъ, ратпенсіонарій, говорилъ, что онъ не сумнѣвается, на прежнія ихъ предложенія чтобы царское величество отвѣтъ не приказалъ учинить и ихъ добрыя средства не принять.

Я изъ всѣхъ тѣхъ его, пенсіонаріевыхъ, словъ усмотрѣлъ, что они не гораздо благодарны являются отъ поступокъ цесарскаго двора, что, выключая ихъ, потенціи морскія, свою медицію одинъ предлагаетъ, также и высоко поступаетъ, якобы, законъ предписавъ всѣмъ, повелѣваетъ и назначиваетъ мѣсто къ сѣзду Брунsvикъ, не прося на то отъ другихъ согласія. Но воюющіе сѣверные больше въ томъ части и ауторы имѣютъ отъ себя назначать и избирать мѣсто къ сѣзду мирныхъ трактатовъ, нежели медиаторы. Правда, что и медиаторы въ томъ избраніи участокъ имѣютъ, токмо не такъ самовластно, какъ оный цесарскій дворъ нынѣ повелѣваетъ.

Топерь надлежитъ предусматривать, что бы при томъ сѣздѣ въ Брунsvикѣ въ дѣлѣхъ могло послѣдствовать.

Изъ декрета цесарскаго, въ Ратисбонѣ объявленнаго, видится, что цесарь сзываетъ въ тотъ конгрессъ брунsvикскій для двухъ дѣлъ, наивпервыхъ, для постановленія тишины въ имперіи и при томъ для генеральнаго мира въ сѣверѣ. И первое изъ тѣхъ скорѣе къ

окончанію можетъ приведено быть, нежели послѣднее. Но какимъ образомъ первое къ окончанію можетъ приведено быть, трудно узнать, ежели къ пользѣ или предосужденію высокихъ сѣверныхъ союзниковъ, а особливо его царскаго величества, для того и одно поставленное нейтральство въ имперіи при случаяхъ разныхъ можетъ быть полезно и вредительно. Но весьма его царскаго величества интересъ есть въ томъ, чтобы генеральный миръ въ сѣверѣ трактовать безъ изыятія партикулярнаго интересовъ. И трудно сказать, ежели-бъ оныя дѣла сѣвернаго генеральнаго мира могли начаты и къ окончанію приведены быть при томъ сѣздѣ, для того не можемъ знать, ежели министры шведскіе къ тому конгрессу присланы будутъ, о которыхъ при сѣздѣ впредь надлежитъ усматривать.

При семъ же нахожу сходно донести, что весьма въ семъ деликатномъ дѣлѣ надлежитъ поступать съ осмотрѣніемъ, чтобы ни цесаря, также больше и потенцій морскихъ не раздражить, въ которыхъ ббольшая сила въ дѣлѣхъ состоитъ, а особливо о сей республикѣ всякую консидерацію имѣть за ея добронамѣренныя поступки во все нынѣшнее время къ интересомъ его царскаго величества. И воистину могу засвидѣтельствовать, ежели бы не оная предудерживала собою Англію отъ противныхъ намѣреній, уже бы давно всѣ дѣла въ имперіи въ иной ситуаціи находилися. Также и впредь надѣюся чрезъ сію республику больше чего къ пользамъ его царскаго величества сыскать, нежели чрезъ другія потенціи.

На конецъ все сіе оставляю въ разсужденіе вашего превосходительства и притомъ прошу къ доношенію всемилостивѣйшему государю.

При семъ же по состоянію всѣхъ тѣхъ дѣлъ свое мнѣніе объявляю, что ежели его царское величество его, цесарскую, медиацию принять позволить, чтобы

потенціи морскія отлучены того не были; также ежели и министровъ своихъ его царское величество къ тому съѣзду кого укажетъ опредѣлить, дабы онѣмъ вскорѣ туда не ѣхать, но усматривать по начинанію дѣлъ тамошнихъ. А между тѣмъ при начинаніи тѣхъ дѣлъ можетъ усматривать и пресерегать интересы тамъ residing министръ г. Шлейницъ и о всѣхъ дѣлѣхъ взаимнымъ образомъ сноситься съ тѣми назначенными министрами.

1610. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. августа 6. Гага.

Ваше, мой государь, письмо изъ Адрианополя, отъ 23 іюня, я получилъ и за приобщеніе тѣхъ пріятныхъ новинъ, которыя чрезъ великіе труды вашего превосходительства во славу имени его царскаго величества интересомъ Россійскаго государства окончалися, т. е. что миръ между его царскимъ величествомъ и Портою вновь заключенъ.

При семъ же поздравляю васъ, мой государь, съ счастливымъ окончаніемъ того помянутаго дѣла и прошу Вышняго, дабы твердо и непоколебимо оное содержано было, и, по окончаніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, дабы могъ видѣть васъ, мой государь, въ отечествѣ въ добромъ здравіи.

Я съ желаніемъ буду ожидать впредь, ежели позволите мнѣ сообщить, на какихъ кондиціяхъ оный миръ заключенъ. Но въ семъ разсуждаю быть мнѣ нужды вѣдать, дабы здѣсь могъ Статомъ сообщить, также и по тому, принявъ свои мѣры, въ дѣлѣхъ поступать. Но здѣсь разглашеніе непріятельское, что, будто, оный миръ весьма постояненъ быть не можетъ, и король шведскій оттуль высланъ не будетъ до тѣхъ мѣстъ,

пока ратификаціями не будетъ размѣненось, и весьма себя флатируютъ, что всё дѣла при Портѣ надѣются въ интересъ свой превратить.

При семъ нахожу сходно сообщить о здѣшнихъ дѣлѣхъ. Войска его царскаго величества въ Помераніи еще всё обрѣтаются, подѣ командою фельдмаршала князя Меншикова, и формальную атаку уже начали чинить. А артиллерія вся будетъ короля польскаго, которая уже сихъ часовъ, чаю, пришла.

Островъ Рюгенъ взятъ и войски російскими и саксонскими содержится, и генераль шведскій Дюкеръ со всеми войски съ того острова сбитъ. И уже больше непріятелю упованія нѣтъ, дабы могъ какой транспортъ учинить на сю сторону въ имперію или въ Польшу.

Сихъ временъ король датскій маршируетъ со всею арміею изъ Стральзунда и будетъ атаку дѣлать тому городу. И артиллерія датская уже изъ Копенгагена моремъ прибыла; при той осадѣ оставлено войскъ его царскаго величества восемь тысячъ, подѣ командою генераль-майора Яковлева. Такъ всё дѣла союзныхъ сѣверныхъ противу непріятеля милостію Вышняго въ счастливомъ состояніи есть и съ великими прогресси, что никогда такъ было. Къ сему же на сихъ дняхъ чрезъ Стокгольмъ получены здѣсь въ интересъ нашъ вѣдомости, что въ гольфѣ Финляндскомъ между флотомъ его царскаго величества и шведскимъ была баталія, въ которой его величество викторію одержалъ, и главный командирующій флота шведскаго вице-адмираль Дили убитъ. На сіе ожидаемъ конфирмаціи.

Изъ Стокгольма пишутъ, отъ 28 іюля по новому, что сенатъ шведскій далъ универсалы собирать депутатовъ со всёхъ провинцій для учиненія великаго консилія, понеже отбытность короля ихъ продолжается, и впредь сколько продолжаться будетъ, — знать не могутъ. Того для хотятъ взять резолюцію, дабы нынѣ въ

отбытности короля ихъ, и хотя противу воли его, предложить сѣвернымъ воюющимъ аліатомъ о мирѣ, также и другія потенціи просить къ примиренію той войны за медиаторовъ, чего для оное королевство уже въ послѣднихъ слабостяхъ находится.

Здѣсь вновь, послѣ отправленнаго послѣдняго моего письма, въ дѣлѣхъ ничего не произошло, за ожиданіемъ ко мнѣ курьера отъ Двора; но что цесарь предложилъ свою медицію и къ сѣзду назначилъ мѣсто Брунвикъ, о томъ, чаю, вамъ, мой государь, извѣстно. Однако о томъ здѣсь Статы никакой своей резолюціи не взяли, и не сумнѣваюсь, чтобы не послали своего министра къ тому сѣзду.

Нижайше благодарствую, мой государь, за сообщеніе мнѣ того, что ваше превосходительство его милость Аврама Федоровича въ отечество приказали отправить, повеже весьма онаго нужда была при нынѣшнихъ несчастныхъ и печальныхъ случаяхъ возвратиться ему въ домъ свой, что какъ отца, такъ и супруги его не стало.

Беру смѣлость въ надѣяніи вашего ко мнѣ жалованья, для подписи на письмахъ, объявить, что указомъ его царскаго величества здѣсь бытность моя въ характерѣ чрезвычайнаго посла; къ тому же въ награжденіе моихъ вѣрныхъ услугъ почтенъ есмь чиномъ тайнаго совѣтника и къ прежнему моему военному чину—генераль-майоромъ.

1611. Князь Б. И. Куракинъ—Н. А. Мусину-Пушкину.

1718 г. августа 7. Гага.

Попремногу благодарствую за письмо ваше, мой государь, пущенное изъ Санктъ-Петербурга, отъ 23 іюля. И что принадлежало показать моихъ услугъ дѣ-

темъ вашимъ, то охотно исполнилъ. И предъ пятью днями отсель въ кумпаніи двое господъ Шереметевыхъ счастливо въ Англію отъѣхали и по двухъ мѣсяцахъ оттуль до Франціи поѣдутъ.

Прошу, мой государь, и впредъ приказать ко мнѣ писать, что принадлежитъ къ ивтересомъ вашимъ,—со всякимъ желаніемъ потщуся исправить.

1612. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. августа 7. Гага.

Посоль аглинскій милордъ Страффордъ подалъ Статамъ меморіаль, въ которомъ напоминалъ о дѣлахъ голштенскихъ, также и о примиреніи войны сѣверной, и повуждая ихъ, Господъ Статовъ Генеральныхъ, дабы, обще согласясь съ нею, Англією, дѣйствительно въ тѣ дѣла вступили. И для лучшаго извѣстія съ того при семъ копію посылаю.

Помянутый меморіаль чтенъ былъ въ собраніи статскомъ, на который иной резолюціи не взяли, токмо что отдать повелѣли въ комиссію депутатовъ чужестранныхъ дѣлъ. А впредъ на оный какая резолюція взята будетъ, буду доносить.

Однакоже могу обнадежить, что здѣсь Господа Статы насильно никакимъ образомъ въ дѣла сѣверныя вмѣшивать себя не будутъ, кромѣ добродѣтельныхъ поступокъ чрезъ негоціацію, и къ предосужденію его царскому величеству ничего не учинять, ежели то доброжелательное намѣреніе будетъ продолжаться всегда такъ, какъ было до сего времени. А когда сія република постоянна себя отъ какого насильнаго замѣшанія въ дѣла сѣверныя содержитъ, тогда не чаю, чтобъ одна Англія, хотя-бъ и противное намѣреніе противу сѣвернаго союза имѣла, что бы могла учинить и въ

оное дѣло дѣйствительно вступить. И для лучшаго извѣстія о доброжелательныхъ намѣреніяхъ сей републики къ его царскому величеству обстоятельно при семъ доношу.

На всѣ прежніе милорда Страффорда о сѣверныхъ дѣлѣхъ, также и на послѣдній его, милордовъ, меморіаль, провинціи Гельдресская, Фришляндская, Зейляндская, Голландская, къ депутатомъ своимъ указы дали, дабы въ тѣ сѣверныя дѣла насильнымъ образомъ не мѣшаться, чрезъ что бы какого нарушенія коммерціи въ сѣверѣ и убытка своимъ подданнымъ не учинить, но во всѣхъ оныхъ дѣлѣхъ добродѣтельно поступать. Но отъ другихъ провинцій еще указовъ къ депутатомъ своимъ не дано, но чаемъ, что вышепомянутымъ послѣдствовать будутъ прежнимъ. И по состоянію всѣхъ нынѣ здѣсь дѣлъ, какъ видимъ, не чаю, чтобъ отъ своего союзника который такъ былъ одолженъ, какъ король датскій отъ его царскаго величества, для того что все здѣшнихъ молчаніе противу короля датскаго (къ чему право и обязательство имѣютъ) за одну конфиденцію персоны его царскаго величества и для содержанія російской коммерціи.

При семъ же доношу о поступкѣ учливомъ посла аглинскаго милорда Страффорда, что, на третій день по отдаваніи помянутаго меморіала президенту статскому, онъ, милордъ, бывъ у меня, мнѣ о содержаніи того меморіала нарочно сообщилъ и при томъ говорилъ, чтобъ я не былъ ни въ чемъ отъ того къ Англіи подозрителенъ, и что Англія никакихъ противныхъ намѣреній противу интересовъ его царскаго величества и его аліатовъ не имѣла и не имѣетъ, токмо ничего больше не желаетъ, дабы миръ въ сѣверѣ учинить, понеже подданные обѣихъ потенцій морскихъ отъ той войны не малые убытки несутъ. А что принадлежитъ до дѣла голштенскаго, о томъ она, Англія, весьма по-

нуждена въ оныя дѣла мѣшаться по обязательству своей гарантіи и дука голштенскаго не оставить.

И потомъ имѣлъ разговоръ со мною о примиреніи сѣверной войны. И, впервыхъ, говорилъ, чтобы со стороны его царскаго величества и его аліатовъ были предложенія учинены, по которымъ бы они могли въ тѣ дѣла вступить, для того что министръ шведскій уже предложенія, съ своей стороны, учинилъ.

На то я ему отвѣтствовалъ, что по учиненнымъ предложеніямъ министра шведскаго нѣтъ никакого вида, дабы могъ въ сѣверѣ учиненъ быть. И хотя бы со стороны его царскаго величества и его аліатовъ предложенія учинены были, и ежели потомъ со стороны шведской вныхъ предложеній учинено не будетъ съ уступкою каждому изъ аліатовъ сѣверныхъ къ удовольствию ихъ, то невозможно будетъ въ негоціацію ту вступать и трактовать; и на тѣхъ первыхъ пропозиціяхъ оная негоціація принуждена будетъ остановиться, за несклонностью къ миру короля шведскаго. И того для потенціямъ морскимъ надлежитъ искать способы, дабы короля шведскаго къ миру склонить; и не нахожу иного способа, токмо дабы обѣ потенціи морскія учиненный миръ съ Портою приложили свой трудъ постоянно содержать и короля шведскаго изъ провинцій турецкихъ отлучить. И тогда его, короля шведскаго, безъ сумнѣнія, найдутъ склонна къ миру; но по которыхъ мѣстѣ онъ, король шведскій, изъ турецкаго владѣнія не возвратится, трудно сіе мирное дѣло къ концу привести.

На то онъ, милордъ Страффордъ, сказалъ, что аліаты сѣверные по своему великодушію поступятъ склонно къ миру и свои умѣренныя пропозиціи первыя учинятъ, которыя апробовавъ, другія потенціи будутъ стараться на оныхъ миръ учинить и содержать. Что же принадлежитъ въ дѣлахъ турецкихъ, и какъ прежде

сего посоль ихъ аглинскій къ интересомъ его царскаго величества какой трудъ свой прилагаль, о томъ Двору его царскаго величества извѣстно. Но нынѣ они въ оныхъ турецкихъ дѣлѣхъ весьма себя взяли содержать нейтрально для того, чтобы, замѣшавшись въ тѣ дѣла, не учинить какого предосужденія своей коммерціи въ Медитерранскомъ морѣ.

На конецъ всѣхъ своихъ разговоровъ увѣщеваль себя быть добронамѣреннымъ къ интересомъ его царскаго величества, и что никакой парціалиты къ сторонѣ шведской не покажетъ, но будетъ долженъ во всемъ изслѣдовать по указамъ королевы своей и трудиться къ общему интересу Европы, дабы миръ въ сѣверѣ учинить.

При семъ объявляю о дѣлѣхъ постороннихъ. Между Статы и Гишпанією еще миръ не заключенъ; но трудность въ ономъ находится объ интересахъ принцеси Урсины, которой доходъ тридцать тысячъ по учиненному трактату съ Францією въ дукатствѣ люксембургскомъ учиненъ. И по возвращеніи изъ Мадрида ожидаемаго вскорѣ курьера, оный миръ заключенъ будетъ.

Король французскій писалъ королевѣ аглинской и изъявлялъ нарушеніе нейтральства въ Италіи со стороны цесарской, — и того для королева великобританская указала своему министру о семъ нарушеніи въ Ратисбонѣ объявить. И сей поступокъ двора французскаго съ аглинскимъ многимъ подозрѣніе придаетъ, чтобы въ Италіи новая война не началась противу цесаря. И является чрезъ партикулярныя корришпонденціи, что между принцы итальянскими, какъ папою, дуккомъ савойскимъ и флорентскимъ, такъ же республикою венецкою, такъ и другими принцы и республики учиненъ аліансъ, дабы цесаря къ миру съ Францією принудить и приналежація провинціи въ Италіи къ дому

аустрійскому умѣренны безъ лишняго распространенія постановить.

Прошлой почты не могъ я отвѣтствовать на письмо вашего превосходительства, отъ № 17, присланное ко мнѣ, и на оное при семь доношу, что его царское величество въ дѣлѣ голштенскомъ указаль мнѣ впредь отвѣтствовать въ такой же силѣ, какъ отъ меня было отвѣтствовано, и еще съ прибавкою такою, какъ мнѣ въ указѣ объявлено. И по тому указу такъ впредь поступать буду.

Что же приваляется о трактованіи прелиминарныхъ статей сѣвернаго мира, и въ томъ со всякою прилежностью, какъ нынѣ, такъ и впредь, трудиться буду; токмо по всѣмъ поступкамъ министра шведскаго вижу, что оный, не имѣя инструкцій и полной мочи отъ короля своего, въ тѣ дѣла вступить не можетъ. И теперь будемъ усматривать двухъ послѣдованій въ тѣхъ сѣверныхъ дѣлѣхъ. Первое, ежели король шведскій изъ области турецкой высланъ будетъ, и миръ между его царскимъ величествомъ и Портою постоянно содержится, тогда, безъ сумнѣнія, принужденъ самъ мира искать будетъ; второе, ежели сенатъ стокгольмскій съ депутаты всѣхъ провинцій, какъ нынѣ послѣдними письмами изъ Стокгольма подтвердили, что діеть генеральный вскорѣ собранъ будетъ, и на ономъ резолюцію возьмутъ, для долгаго отбытія короля своего, противу воли его войну прекратить и миръ учинить. И того для, съ общаго своего согласія, министрамъ своимъ инструкціи и полную мочь дадутъ. И ежели когда изъ тѣхъ двухъ хотя одно учинится, тогда лучшаго упованія быть можемъ, что оная мирная негодіація формально начнется и къ окончанію приведена быть можетъ; но по се число еще никакого склоннаго вида къ миру со стороны короля шведскаго не было.

О мѣстѣ къ трактованію, чтобы быть во Гданскѣ, по возможности своей трудился и труждусь, но никакой склонности ни съ которой стороны къ тому не вижу. Какъ я о томъ прежними своими доносилъ, и министромъ аліатовъ его царскаго величества предлагалъ, также и оныя склонны къ тому не являются, и указовъ отъ дворовъ своихъ мнѣ не объявляютъ; также и отъ министровъ его царскаго величества, которые при тѣхъ дворѣхъ, никакого извѣстія по се число не имѣлъ. И о семъ оставляю въ волю и милостивое разсужденіе премилостивѣйшаго государя. Но при невозможности и другихъ несклонности не нахожу иного способа, токмо развѣ, по волѣ его царскаго величества, то же помянутое мѣсто Гданскъ и къ тому еще другія два или [три] мѣста выбрать,—и о тѣхъ прежде свестись съ своими аліатаы, и, согласясь, объявить объ оныхъ медиаторомъ и отдать въ волю ихъ, изъ тѣхъ выбранныхъ которое они похотятъ избрать.

Въ томъ же письмѣ вашего превосходительства и самое доношеніе. Указомъ его царскаго величества мнѣ велѣно обѣщать дачи милорду Страффорду, также и Витворту и другимъ, кому пристойно,—и по тому указу впредь поступать буду. А нынѣ еще никому никакихъ обѣщаній не учинилъ, для того что еще не вступили въ самое дѣло. Токмо одному милорду Страффорду чрезъ третью персону о томъ далъ знать, токмо числа не объявлю, ежели онъ себя, при вступленіи въ тѣ дѣла, дѣйствительна къ интересамъ его царскаго величества не покажетъ. И о всемъ томъ помянутомъ дѣлѣ, о презентяхъ, министрамъ своихъ аліатовъ сообщилъ, и съ согласія съ ними во всемъ томъ поступать буду, дабы какого имъ подозрѣнія не принять.

Я уразумѣлъ изъ письма вашего превосходительства о намѣреніи его царскаго величества, дабы мнѣ быть при конгрессѣ мирныхъ трактатовъ. Того для

беру смѣлость довести, что я себя къ такому дѣлу нахожу негодна, не въ состояніи: впервыхъ, весьма себя предусматриваю слаба знаніемъ къ такому великому дѣлу; второе, не есть въ состояніи понести великіе убытки, которые необходимо будутъ. И такъ великія изживенія при томъ сѣздѣ будутъ чинить, что не токмо мнѣ возможно будетъ своихъ доходовъ прожить, но и треть моего всего капитала продать, и еще, чаю, недостатокъ будетъ.

И воистину вѣрно вашему превосходительству доношу, чтобъ охотно былъ оный участокъ капитала своего продать и при такомъ случаѣ его прожить, токмо не нахожу къ тому способа, дабы могъ продать; понеже довольную въ томъ практику имѣю, какъ для бытности своей въ Римѣ одну свою деревню съ великимъ трудомъ могъ продать. А для нынѣшней своей бытности также подмосковную деревню продаю, и уже другой годъ купца не найду; и для всѣхъ тѣхъ изживеній здѣшнихъ такъ въ худомъ состояніи отъ недостатка нынѣ себя нахожу, что, чаю, вскорѣ понужденъ буду о свободѣ въ сей моей резиденціи просить. О домовномъ моемъ богатствѣ также принужденъ при семъ объявить, что отъ 4000 руб. моихъ малыхъ доходовъ прошлаго года не имѣлъ больше, какъ съ небольшимъ 1000 рублевъ, — и желаю, дабы указомъ его величества повелѣно было о томъ засвидѣтельствовать въ домѣ моемъ. И отъ того помянутаго малаго и убогаго прихода моего сами, мой государь, изволите разсудить, что не токмо бы могъ къ себѣ что перевести, но и домовнымъ моимъ съ трудностью можно прожить. И на конецъ всѣхъ тѣхъ мнѣ трудностей, ежели воля его царскаго величества, премилостивѣйшаго нашего государя, необходимо есть, чтобы при томъ конгрессѣ мнѣ быть, готовъ со всякою охотою и прилежностью то дѣло поестъ, токмо прощу на всѣ

мои доношенія и нижайшее прошеніе милостиваго его величества опредѣленія, къ тому-жь и вашего превосходительства вспоможенія, дабы чѣмъ могъ жить такъ, какъ надлежало. И того для при семъ, для вѣдѣнія, въ примѣръ посылаю листъ всѣхъ министровъ, бывшихъ въ Утрехтѣ, что которому отъ двора своего было дано.

И уже больше не надлежитъ мнѣ доносить, какъ необходимо есть такія не малыя иждивенія при такихъ случаяхъ чинить, что, чаю, больше извѣстно самому его величеству. И правда, что самое дѣло хотя не въ томъ зависить, однакоже нѣкоторымъ образомъ съ иждивеніемъ чрезвычайнымъ обязано есть, какъ для содержанія чести его царскаго величества, такъ и надѣянія дружбы, для всякаго извѣстія, также и для своей остимы партикулярной, дабы отъ другихъ уничтожену не быть, такъ и для другихъ многихъ причинъ.

Я понужденъ топерь заранѣе вашему превосходительству такъ пространно доносить для того, дабы за опискою впредь мнѣ не остановиться, когда самое время къ тому позоветъ, чтобы чѣмъ могъ, вступя въ оныя дѣла, такія иждивенія учинить. Также и ежели до сего моего доносительнаго письма указомъ его величества мнѣ уже куда опредѣлено ѣхать, или, на примѣръ, въ Брунsvикъ по предложенію цесарскому и другихъ потенцій, то понужденъ дожидать на сіе мое доношеніе премилостивѣйшаго его царскаго величества рѣшенія.

Что же принадлежитъ о баронѣ Шахѣ, какъ ваше превосходительство въ письмѣ своемъ упомянули,—и я воистину нахожу себя быть доволенъ и не желаю ничего такъ, дабы помощника въ тѣхъ дѣлѣхъ имѣть, и помянутаго барона Шака весьма къ тому нахожу годна. Однакоже все то оставляю въ волю премилостивѣйшаго государя; токмо прежде самаго времени оттуль

изъ Англіи ему не надлежитъ отъѣзжать, но чтобы былъ въ готовности.

При семъ же прошу ваше превосходительство, какъ изволили вы сами въ письмѣ своемъ упомянуть, чтобы Богдану Оладьину повелѣно при мнѣ ему быть, котораго я еще и по се число у себя удержалъ. Также прошу показать къ нему милость, чтобы хотя вѣкакое число денегъ на пропитаніе ему опредѣлить. И при сѣздѣ обоимъ, какъ мнѣ, такъ и барону Шаку, по наименьшей статьѣ, надобно намъ каждому по четыре человека жентиломовъ. И не чаялъ бы, чтобы могъ изъ того убытокъ быть, ежели изъ домовъ нарочитыхъ будутъ опредѣлены, и къ такимъ случаямъ нарочно для обыкновенія къ дѣламъ посылають.

Полномочная грамота, присланная ко мнѣ при помянутомъ письмѣ, отъ № 17, не можетъ быть годна, для того что ни мѣсто конгресса не назначено, ни тѣхъ потевцій, которыя будутъ приняты за посредниковъ къ примиренію той войны. Также и отъ министровъ нашихъ аліатовъ принята быть не можетъ, для того что одинъ другого ихъ государи выше поставленъ. И нахожу сходно быть оной въ такой силѣ, какъ я съ курьеромъ своимъ отправилъ, или какъ изволите опредѣлить, токмо престоерегая то, какъ я приложенными на то ремарки здѣсь объявилъ. Однакожь оная полномочная здѣсь можетъ употреблена быть токмо для однѣхъ прелиминарій, ежели когда съ министромъ шведскимъ о томъ трактовано будетъ.

Листъ министромъ полномочнымъ при конгрессѣ утрехтскомъ.

Цесарскіе.

1. Графъ Цинцендорфъ по 5000 ефимковъ на мѣсяць съ наймомъ двора и экипажемъ.

2. Баронъ фонъ-Керхнеръ по 3000 ефимковъ на мѣсяць съ дворомъ и экипажемъ.

Французскіе.

1. Маршалъ Дуксель съ приходы его чиновъ съ 200000 гульденовъ французскихъ; а что особливе давано къ тому съѣзду, знать не могли.

2. Полиньякъ съ доходы его предъ тѣмъ вплоу—100000 гульденовъ.

3. Менажіеръ—70000 гульденовъ французскихъ.

Аглинскіе.

1. Бискупъ бристолюскій—200 фунтовъ стерлинговъ на недѣлю, да на экипажъ выдано 2000 фунтовъ.

2. Милордъ Страффордъ—то же, что и помянутому бискупу, да особливе за резиденцію его въ посольскомъ характерѣ при Статахъ въ годъ дается по 24000 ефимковъ.

Польскіе.

1. Графъ Вертеръ—на экипажъ дано 6000 ефимковъ, да на мѣсяць по 3000 ефимковъ и съ наймомъ двора.

2. Графъ Лоняско—на экипажъ дано то же, да на мѣсяць по полутрети тысячи ефимковъ.

Португальскіе.

1. Графъ Торрока,—несвѣдомъ.

2. Дукъ Луи Доссуна,—несвѣдомъ.

Прусскіе.

Графъ Деновъ—на мѣсяць по 3000 ефимковъ, да на экипажъ 6000; къ тому же дворъ нанятъ отъ короля, и первая карета изъ казны строена, которая цѣною стала въ 40000 гульденовъ голландскихъ. А нынѣ король, по смерти отца своего, продавать велѣлъ.

2. Графъ Мейтернихъ—на мѣсяць полтрети тысячи ефимковъ, да на экипажъ 6000; дворъ королевскій.

3. Маршалъ—на мѣсяць 2000 ефимковъ, на экипажъ 6000, да дворъ королевскій.

1613. Графъ Г. И. Головинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. августа 14. С.-Петербургъ.

Письма милости вашей, отъ 11 и 14 іюля, я здѣсь и съ приложеніями въ сихъ дняхъ, по отшествіи его царскаго величества въ Финляндію, исправно получилъ, на которыя симъ моимъ отвѣтствую.

Что ваша милость изволите писать объ объявленіи вамъ министра датскаго Альфельда, что фельдмаршалъ князь Меншиковъ и Флемингъ, будучи въ шведѣ въ конференціяхъ, на вопросъ министровъ прусскихъ декларовали, что его царское величество и король польскій никакого интереса въ дѣлѣхъ голштинскихъ не имѣютъ,— и его царское величество изволилъ и нынѣ писать, отъ 27 іюля, къ князю Александру Даниловичу, чтобъ онъ, ежели наче чаянія съ королемъ прусскимъ о дѣлѣ голштинскомъ никакого опредѣленія не учинили, какъ возможно его, короля прусскаго, отъ противности королю датскому отводить, представляя, что оное его царскому величеству и союзнику его во всемъ противно есть. О чемъ и въ грамотѣ своей его величество къ королю прусскому писалъ, чтобъ онъ, король, усмотря несправыя поступки герцога-администратора и правыя претензіи союзника его величества, короля датскаго, по своему праводушію и по пріязни къ его царскому величеству никакихъ противныхъ поступокъ противу короля датскаго не воспріималъ, но наипаче бы всякое доброе средство и склонность показалъ. И та грамота послана къ нему, генераль-фельдмаршалу, и предана на его разсужденіе, что ежели у нихъ ничего до полученія той грамоты въ той негодіаціи не произошло, то-бъ оную подалъ; а буде же о томъ что по согласію съ королемъ датскимъ опредѣлено, то-бъ оную и не подавалъ. О чемъ и къ послу господину князю Долго-

„АРХИВЪ КНЯЗЯ О. А. КУРАКИНА“, КН. IX.

рукову, при дворѣ короля датскаго обрѣтающемуся, писано, чтобы короля склонялъ, ежели еще ничего у нихъ не учинено, дабы въ томъ дѣлѣ какія изобрѣли средства, изыскивать, и то дѣло съ дворомъ прусскимъ къ окончанію привелъ, чтобъ изъ того новые непріатели не явились. Чего ради изволите съ нимъ о томъ описываться и по тому поступать и отвѣтствовать, понеже мы не имѣемъ извѣстія отъ нихъ, что ови о томъ учинили.

О турецкихъ дѣлѣхъ, какъ прежде сего милости вашей объявлялъ, такожъ и симъ объявляю, что Порты съ его царскимъ величествомъ миръ паки возобновила на 25 лѣтъ, и уже съ обѣихъ сторонъ трактатами размѣнялись, съ которымъ сюда отъ пословъ нашихъ изъ Адрианополя присланъ господинъ Волянскій, на который его царское величество и подтвержденную свою грамоту съ посломъ Дмитріемъ Вестужевымъ по желанію Порты послать изволилъ. А о ханскомъ повсегодномъ платежѣ денегъ въ трактатѣ не постановлено.

О назначенномъ мѣстѣ къ конгрессу мирному, о которыхъ царское величество желаетъ, уже къ милости вашей писалъ не въ одномъ моемъ, о чемъ и въ рѣшительныхъ къ вамъ посланныхъ статьяхъ именно написано.

Получилъ я нынѣ письмо милости вашей, отъ 17 іюля, и что изволите писать, что паки вамъ подтвердили аглинскій посолъ милордъ Страффордъ и ратпенсіонарій, что уже ли вы получили указъ отъ Двора на предложеніе ихъ къ сѣверному миру, — и о томъ къ вашей милости обстоятельные указы его величества и грамота къ Статомъ вѣрющая отсюда уже посланы чрезъ почту, такожъ и дубликаты съ присланнымъ вашимъ курьеромъ.

Въ сихъ же дняхъ получилъ въ небытія его царскаго величества письма отъ министра господина Мат-

вѣва, въ которыхъ пишутъ, что какъ ему, такъ и польскому, и датскому министрамъ учинилъ предложеніе именемъ цесарскимъ вице-канцлеръ имперскій о медиации войны сѣверной, и мѣсто къ съѣзду назначиваютъ Браунсвикъ. Такожъ не токмо о томъ шведскому министру при дворѣ цесарскомъ предложено, но посланъ указъ къ министру цесарскому, у Порты пребывающему, дабы онъ предложилъ о томъ королю шведскому, а и Портѣ бы предъявилъ, чтобъ она въ тѣ дѣла не мѣшалась; ибо то онъ, цесарь, на себя перенимаетъ, чтобъ сѣверныхъ воюющихъ примирить, о чемъ онъ, цесарь, и въ Ратисбонъ къ собранію цесарственному указъ о соглашеніи и ихъ въ томъ послалъ. И къ тому его, цесаря, предложенію понудили умыслы аглинскіе съ Францією и предложеніе о томъ морскихъ потенцій, не хотя ихъ къ тому допустить, съ которыхъ его, господина Матвѣва, для лучшаго вамъ извѣстія прилагаю при семъ списокъ. А ваша милость ежели еще по посланнымъ къ вамъ его величества указомъ, паче чаянія, не объявили милорду Страффорду и ратшенсіонарію, то изволите по состоянію тамошнихъ дѣлъ въ томъ объявленіи, ежели заблагоразсудите, по тому цесарскому предложенію поудержаться и отговариваться, что еще отъ его царскаго величества указы на то, за отбытостью его величества въ армію въ Финляндіи, не получили. Здѣсь разсуждается: медиация цесарская вамъ безопаснѣе аглинской и другихъ, однакоже все то предается въ ваше разсужденіе, и изволите во всемъ чинить, смотря по тамошнему состоянію. А я о семъ съ нарочнымъ писалъ къ его царскому величеству, и какъ указъ получу, немедленно къ вамъ писать буду.

При самомъ отпускѣ сего получилъ я еще вашей милости письмо, отъ 21 іюля, подъ № 50, изъ котораго выразумя о предложенной медиации въ Англіи отъ французскаго министра датскому и польскому министрамъ,

писалъ нынѣ по тому въ Англію къ барону Шаку,— хотя еще его письма съ цифръ не разобраны,— дабы онъ никакого отвѣта послу французскому не чинилъ, но всегда бы бралъ на доношеніе своему двору.

А что принадлежитъ о присылкѣ къ милости вашей указовъ,— и оныя уже посланы и чрезъ почту, и съ курьеромъ вашимъ. Только изволите ваша милость, какъ я выше сего писалъ, поступать въ томъ по нынѣшнему объявленію цесарскому какъ наилучше, смотря по тамошнему состоянію. А о семъ вновь предложеніи отъ Франціи буду писать къ его царскому величеству, и какой указъ получу, по тому же вашу милость не оставлю безъ извѣстія. И впредь изволите ваша милость его, барона Шака, отъ себя письмами наставлятъ въ такихъ дѣлѣхъ, понеже вы о всемъ томъ полные указы его величества имѣете; а онъ, яко новый министръ, чтобы потомъ не погрѣшилъ.

1614. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. августа 15. Гага.

По отправленіи моемъ прошлой почты, Статы Генеральные взяли резолюцію на меморіаль, поданный милордомъ Страффордъ, и оному письменный отвѣтъ тою резолюціею учинили, которой содержаніе есть въ той силѣ, что онъ, милордъ Страффордъ, въ поданномъ своемъ меморіалѣ упоминалъ о двухъ пунктахъ въ дѣлѣхъ сѣверной войны: первое, что принадлежитъ по общей гарантіи ихъ, потенцій морскихъ, трактата травендальскаго къ интересомъ голштинскимъ и неутралъству въ имперіи; второе, о генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ. И на первый отвѣтствовали, что они, Статы, правда, гарантировать обязались обще съ другими потенціями, токмо та гарантія не обязываетъ ихъ, Ста-

товъ, насильнымъ образомъ противъ другихъ поступать; къ тому-жъ и не есть еще самая причина, которая бы могла къ тому понудить. Также они, Статы, находятъ сходно свое намѣреніе объявить, что они во всемъ томъ хотятъ поступать съ согласіа общаго съ тѣми принцы, съ которыми обязаны быть въ той гарантіи, то есть: цесарь, король прусскій и курфюрстъ ганноверскій.

Что же привалезитъ о генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ, и къ тому они, Статы, весьма являются склонны и въ равномъ намѣреніи съ нею, Англією, дабы оную войну прекратить. Токмо во всемъ къ примиренію той сѣверной войны они съ нею, Англією, обще готовы поступать добродѣтельными поступки, а не насильными. И какъ уже многократно свои добрыя средства воюющимъ сѣвернымъ предлагали, также и впредь предлагать и добродѣтельно трудиться примирить оную войну будутъ. И надѣюся впредь съ той резолюціи копію получить, тогда не умедлю сообщить.

1615. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. августа 18. Гага.

Прошлой почты въ письмѣ своемъ вашему превосходительству упоминаль о статской резолюціи въ отвѣтъ на меморіаль милорда Страффорда, посла аглинскаго, и при семъ съ той посылаю переводъ, изъ которой резолюціи явно изволите увидѣть добронамѣренныя поступки здѣшнихъ Господь Статовъ. И уже больше не можемъ иного засвидѣтельства имѣть объ ихъ доброй склонности къ интересамъ царскаго величества и его аліатовъ, какъ сею резолюцією. И топерь со стороны сей можемъ себя назвать безопасными, для того что здѣшняя республика весьма отреклась, что она въ сѣверныя дѣла не будетъ инаково мѣшаться, токмо

добродѣтельно и чрезъ негоціацію. И того для Англія не въ состояніи есть насильнымъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла сѣверныя.

Министръ датскій Альфельдъ, по указу отъ Двора своего, здѣсь ратненсіонарію декларовалъ, что король его позволяетъ въ городъ Тонингъ впустить ихъ, статскій, гарнизонъ съ частью гарнизона своего, также и курфюрста ганноверскаго, и дабы та крѣпость до примиренія съ дукомъ голштенскимъ тѣми трупы была содержана. Но Статы къ сему не самосклонны являются и своего одного гарнизона безъ аглинскаго сажать не хотятъ, и чтобы тѣмъ отбѣжать отъ нея, Англія, всякой желюзіи.

Дѣла гишпанскія съ здѣшними Статы еще не окончались; и ежели о всѣхъ тѣхъ интригахъ писать обстоятельно, разсуждаю быть внѣ, какъ время тратить, такъ и трудъ прилагать. Того для доношу кратко, что въ тѣхъ дѣлѣхъ предусматривается лукавство Англія, что все то продолженіе по согласію съ Гишпанією чинится для того, чтобъ они, агличане, могли свое коммерцію, какъ въ Гишпанію, такъ и въ Индію, на добромъ основаніи поставовить.

1616. Царица Екатерина I — князю Б. И. Куракину.

1718 г. августа 20. Сарская миза.

Благородный господинъ посоль. Письмо ваше, писанное изъ Гаги, іюля отъ 24 дня, мы получили, въ которомъ изволите писать, что вы отправили къ намъ купленные три фонтанжа новой моды, которые дѣланы въ Брабантѣ, — за что вамъ благодарствуемъ; но токмо оныя фонтанжи еще сюда не привезены.

Что же изволите писать, что возможно сдѣлать одинъ фонтанжъ за такую цѣну, чего всѣ помянутые

три стоять,—того для извольте приказать такой фонтанжъ сдѣлать, чтобы былъ цѣною въ 1000 ефимковъ, также и агажанты самаго добраго мастерства купя прислать къ намъ, и чтобы были съ фонтанжемъ одного маниру. Въ прочемъ пребываемъ вамъ въ милости склонная. Царица Екатерина.

1617. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. августа 21. Гага.

Вашего превосходительства письмо, отъ 11 іюля, получилъ и за приобщеніе всѣхъ тѣхъ обстоятельныхъ новинъ благодарствую. Что же упомянулося объ отправленномъ вашемъ, мой государь, письмѣ, отъ 3 іюля, съ кондиціями,—и я того еще по се число не получилъ, сподѣваюся оному переняту быть въ дорогѣ, или отъ кого удержану въ Вѣнѣ.

Отъ Двора сегодня я получилъ извѣстіе, что господинъ Дмитрій Бестужевъ отправленъ съ ратификаціею къ Портѣ, и того для не сумнѣваюся, чтобы дѣла вашего превосходительства счастливо не могли окончатся.

Изъ Польши отъ времени до времени умножаются здѣсь новины, что войска турецкія уже къ Каменцу Подольскому маршируютъ въ 40000 и въ нѣсколькомъ числѣ татаръ. И, какъ слышимъ, что, на границу пришедъ, хотятъ речи посполитой декларовать, чтобы приняли Станислава Лещинскаго на королевство; а конечно видимъ изъ поступокъ ихъ, турецкихъ, что, между тѣмъ, будутъ трудиться при королѣ Августѣ, дабы Каменецъ-Подольскъ въ руки ихъ отдать. И ежели отдавъ будетъ, не можемъ знать, какой конецъ тѣхъ дѣлъ послѣдовать будетъ.

И по обстоятельству всѣхъ дѣлъ видится, что король польскій и речъ посполитая нынѣ будутъ ста-

ратся при царскомъ величествѣ, дабы повелѣлъ своимъ войскамъ въ Польшу вступить и противу турокъ обще войну имѣть. И уже, какъ изъ газетъ вижу, что о вступленіи войскъ въ Польшу предложеніе будто учинено фельдмаршалу князю Меншикову. Я въ семъ деликатномъ такъ дѣлѣ какого мнѣнія нахожусь, при семъ вамъ, мой государь, сообщаю, равно же сему и Двору доношеніе учинилъ.

Поступокъ лукавый Порты видится въ дву причинахъ къ интересомъ польскимъ: первая, чтобы войски своими на границы маршировать польскія и тѣмъ устрашить и короля Августа, и речъ посполитую принудить къ отдачѣ Каменца; вторая, что ежели она не состоится съ королемъ Августомъ, то бы Станислава на тронъ польскій возставить. И хотя бы то была правда, чтобы тѣ оба пункта въ намѣреніи турецкомъ были, но токмо скорѣ окончатся весьма не могутъ для того, — наприкладъ, ежели король Августъ съ ними, турки, отдавъ Каменецъ, примирится, тогда весьма не есть нужда намъ въ оныя дѣла турецкія вмѣшиваться, и больше тишину съ ними возстановить и покой, чего для что послѣдованіе дѣлъ по той отдачѣ будетъ не противу насъ, но вся та сила упадетъ на цесаря. Тогда мы нужнѣе будемъ къ взысканію пріятства отъ другихъ, нежели сами будемъ обязаны къ войнѣ. Ежели же они, турки, похотятъ Станислава возставить, то дѣло скорѣ учиниться не можетъ. И правда, сіе весьма противу интересовъ нашихъ, токмо въ нынѣшнемъ случаѣ чаю быть сходно съ интересы нашими, чтобы допустить турка ко вступленію въ Польшу, и, между тѣмъ, съ речью посполитою въ большую дружбу обязываться, и смотрѣть послѣдованіе тѣхъ дѣлъ турецкихъ, и по тому, въ предбудущее лѣто примать свои мѣры.

Осада Штеттина продолжается, и артиллерія еще не привезена, и информе атака не учинена.

Дѣла гишпанскія съ Статы еще не окончалися, однакоже чають вскорѣ оконченнымъ быть. Также между песаремъ и Франціею, не сумнѣваемся, чтобы сей зимы миръ не учиненъ былъ.

Я отъ сердца желаю, дабы ваше превосходительство, по полученіи ратификаціи, въ отечество вскорѣ возвратилися, и съ великою бы радостью сіи новины получили, когда-бъ о семъ услышалъ.

1618. Князь Б. И. Куракинъ—царицѣ Екаторинѣ I.

1713 г. августа 21. Гага.

Всемиловивѣйшая государыня царица. Хотя медленіе было въ учиненіи ордина, какъ указомъ вашего величества мнѣ было повелѣно сдѣлать,—и, конечно, требовало времени довольнаго къ вымыслу онаго и сложенію его корпуса и девиза, также и поставленія регуль, дабы все то связано и согласно было съ исторіею правдивою самаго дѣла, съ котораго фундамента сей ординъ въ Европѣ хочеть быть возстановленъ на память чрезвычайныхъ тѣхъ дѣлъ, которыя случились, и въ вѣчную славу имени вашихъ величествъ. И нынѣ оный учиня, въ металлѣ золотой и съ лентою, который есть третьяго ранга, обыкновенный, при томъ же начертанныхъ два на бумагѣ для образца, но изъ тѣхъ первый, который не надлежитъ носить никому, кромѣ вашей одной персоны; второй подъ тѣмъ, который надлежитъ носить принцессамъ крови, также и по регулу ордина двѣнадцати дамамъ,—и все то, также и законъ описанный того ордина при семъ посылаю, и надѣюся всему оному быть въ угодность вашимъ величествамъ, также и согласно съ самымъ дѣломъ.

Ежели же что несходно съ волею вашею учинено, то не можетъ быть за погрѣшеніе принято, понеже

оное приносится къ милостивому рѣшенію вашего величества.

Что же упомянуто въ регулахъ ордина, что оный дастся однѣмъ дамамъ, и сіе учинено съ обычая здѣшнихъ краевъ, — какъ пещарева имѣеть ординъ, который не дается, — токмо однѣмъ дамамъ. Однакоже оное не можетъ ничего предписать намѣренію вашихъ величествъ. На конецъ сего вручаю себя въ милостивую вашего величества протекцію, всемилостивѣйшаго государыня царица.

1619. Князь Б. И. Куракинъ - князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. августа 25. Гага.

Я на свои доношенія ко Двору получилъ курьера назадъ съ указы, которыми мнѣ повелѣно отвѣтствовать на предложенія добрыхъ средствъ потенцій морскихъ, того для я за благо разсудилъ вамъ сообщить о содержаніи тѣхъ указовъ.

Первое. Велѣно учинить обычное благодареніе, и что царское величество ихъ добрыя средства примаеть и въ негоціацію готовъ вступать обще съ свсими аліаты.

Второе. Избираеть мѣсто конгресса Гданескъ и Бреславль и даетъ на волю изъ тѣхъ мѣстъ избирать.

Третье. Предложенія велѣно учинить въ той равной силѣ, на которыхъ соглашеносъ было въ Гуземъ.

Четвертое. Чтобы потенціи морскія обще съ пещаремъ въ тѣ дѣла вступали, для того что безъ пещаря неможно обойтись къ ивтересомъ имперскимъ, также и прежнія времена на предложенія пещарскія вѣкоторымъ образомъ уже обяваны были къ принятію его добрыхъ средствъ, а не медиаціи.

При заключеніи всего того указа его царскаго величества велѣно мнѣ во всемъ томъ поступать съ

общаго согласія съ министры нашихъ союзниковъ. Того для министру датскому барону Альфельду сообщилъ такъ въ равной силѣ, какъ выше я объявилъ, и при томъ его спрашивалъ, ежели имѣеть о всемъ пространные указы, и въ состояніи ли есть отвѣтствовать потенціямъ морскимъ. И на то мнѣ сказалъ, что онъ отъ двора своего не имѣеть никакого указа по тому предложенію потенцій морскихъ на тѣ его доношенія. И того для не есть въ состояніи отвѣтствовать, но будетъ доносить своему двору о намѣреніяхъ его царскаго величества. На то ему, Альфельду, сказалъ, что я не буду отнюдь здѣсь никакого отвѣта чинить одинъ, пока онъ не получитъ указа отъ двора своего.

Топерь я принужденъ вамъ въ извѣстіе дать обстоятельно о немъ, Альфельдѣ. Правда, во всю свою бытность прежнюю добрымъ порядкомъ ко мнѣ поступалъ и со всякою откровенностью, но нынѣ, по возвращеніи своемъ изъ Голштеніи, какъ учинилъ дружбу съ милордомъ Страффордомъ, весьма премѣнился въ своихъ поступкахъ, и не могу инаково называть, что противенъ нашимъ интересомъ сталъ и ищетъ своего партикулярнаго интереса. И правда, съ начала его дружбы съ Страффордомъ являлъ польскому министру и мнѣ, чтобъ и вамъ въ оную дружбу вступить, которое подъ лукавыми поступки и донынѣ видимъ. Но онъ, Альфельдъ, весьма показалъ себя предосудителенъ нашимъ интересомъ и непостояненъ, какъ при семъ слѣдуетъ.

Когда потенціи морскія предложенія учинили, и того же дня онъ, Альфельдъ, мнѣ сказалъ, что онъ готовъ, съ своей стороны, пропозиціи подать въ той же силѣ, которыя здѣсь Статомъ господинъ Гоусъ сообщилъ, и что имѣеть указъ. А нынѣ мнѣ сказалъ, что указа никакого не имѣеть. И ежели они, аліаты, не хотять въ семъ дѣлѣ спѣшить, намъ нужды нѣтъ.

О мѣстѣхъ конгресса онъ, Альфельдъ, не объявляется склоненъ нигдѣ, кромѣ Гаги, для того, чтобы всѣмъ тѣмъ дѣламъ быть въ его рукахъ. Къ тому-жъ онъ сіе дѣлаетъ по слову съ милордомъ Страффордъ, для того что онъ, милордъ, хочетъ въ тѣ дѣла замѣшаться; также и посолъ французскій вскорѣ ожидается, съ которымъ, конечно, дружбу намѣрены учинить. Какъ я заподлинно увѣдомился о нѣкоторыхъ его, альфельдовыхъ, разсужденіяхъ, что онъ весьма ищетъ, чтобы допустить Францію въ сіе дѣло. И сіе весьма противно намѣренію нашего Двора и интересомъ. На конецъ объявляю: весь его поступокъ, альфельдовъ, есть тотъ, чтобы миръ партикулярный учинить и голштѣнскаго дука возставить и имъ, голштѣнцамъ, свое правленіе имѣть.

И опасуюсь, чтобы всѣ тѣ дѣла не испортилъ, и отъ убѣжанія того не нахожу иного способа къ тому, какъ я и прежде писалъ, чтобъ его, альфельдовъ, кредитъ умалять. Но я буду, съ своей стороны, къ вамъ писать о всѣхъ держанныхъ съ нимъ конференціяхъ, для того опасенъ, чтобъ онъ, Альфельдъ, не чинилъ никакихъ доношеній. При семъ же прошу сіе скрытно содержать, чтобы какой вражды между мною и имъ не произошло.

На третій вышеспомянутый артикулъ я ему, Альфельду, говорилъ, чтобы предложеній здѣсь не подавать, но подадутъ полномочные министры при конгресса мѣстѣ, и о цесарѣ, — въ то весьма намъ есть нужнымъ и необходимо тому быть для интересовъ имперскихъ; того для нужно ко всему тому оный дворъ приводить, и прошу о резолюціи того двора мнѣ приказать дать знать.

1620. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. августа 25. Гага.

О кораблѣ „Шесть братьевъ“, о чемъ прошеніе подданныхъ статскихъ было, противу указа, я Статомъ декларацію учинилъ, что такой взять никогда не былъ и ни въ какихъ приставяхъ его царскаго величества не обрѣтается, и развѣ оный взять отъ шведовъ подѣ флагомъ его царскаго величества для нарочной ссоры.

Грамота къ Статомъ прислана и копія на латинскомъ языкѣ, и чтобъ, усмотря, написать въ переводѣ добрыя средства, а не медиаторовъ. И то учинено можетъ быть, и одно слово отъ другого не много разнится, а сила вся одина. И о томъ, также и другихъ дѣлѣхъ, что принадлежить къ съѣзду, въ будущую почту буду доносить, а топерь за другими дѣлами не успѣлъ.

Однакоже разсудилъ за потребно вашему превосходительству заранѣе довести, что въ рѣшительныхъ статьяхъ его царскаго величества на всѣ мои довошенія пространно указами мнѣ опредѣлено, того для нахожу сходно съ его интересомъ, дабы никому инымъ онаго сообщенія не было, для того, какъ изволите вѣдать сами, что нѣкоторыя статьи, какъ о Ливоніи и Фивляндіи, надобно удерживать въ тайнѣ и не объявлять не токмо въ началѣ или въ срединѣ негоціаціи, но развѣ при самомъ концѣ; ежели будетъ невозможно съ бѣльшимъ авантажемъ миръ учинить, то тогда тѣмъ къ концу привести и тотъ миръ заключить.

Я особливе доношу. Когда изволите указъ посылать къ барону Шаку, что ему быть обще у того дѣла со мною, и тогда прошу тѣ секретныя и нужныя пункты ему не объявлять и весьма прошу оныя секретно приказать содержать; но о публичныхъ дѣлѣхъ для формы инструкціи вѣчто написать.

Не извольте, ваше превосходительство, сіе мое доношеніе въ иное какое разсужденіе принять и, чтобъ имѣлъ какое несогласіе съ нимъ, барономъ Шакомъ, и, конечно, какъ вынѣ, такъ и впредь во всякомъ съ нимъ добромъ согласіи пребуду. И о семъ воистину пишу не для какихъ своихъ прихотей, но для самаго интереса его царскаго величества, дабы при Господней помощи съ тою осторожностью счастливо оныя дѣла окончатъ. И правда, я симъ больше на себя труда и страха при-
маю, токмо несмотря на то, понеже влечетъ меня природная вѣрность о семъ доносить. И когда буду имѣть секретныя дѣла той негоціаціи въ однѣхъ своихъ рукахъ, свободнѣе могу во всемъ томъ отвѣтъ дать. А въ томъ не извольте сумнѣваться, чтобы тѣ дѣла одинъ дѣлалъ, и никакого дѣла безъ общаго согласія съ нимъ, барономъ Шакомъ, дѣлать не буду, токмо буду ему все тѣ дѣла объявлять всякое въ свое время, а не прежде времени. А наконецъ оставляю все въ волю и разсужденіе вашего превосходительства.

И топерь объявляю въ примѣръ, какъ то нужно, чтобы не всѣмъ было объявлено о тѣхъ намѣреніяхъ царскаго величества въ привалежащихъ тѣхъ дѣлѣхъ сѣвернаго мира.

Какъ мнѣ въ указѣ молвлено, чтобы приводить въ тѣ дѣла сѣверныя цесаря и курфюрста ганноверскаго, — и о цесарѣ трудности не чаются, для того что интересы имперскими онъ весьма къ тому обязанъ; но о курфюрстѣ ганноверскомъ весьма есть трудность, для того что не можетъ знать, ежели Англія къ тому склонна будетъ. А изъ нашихъ союзниковъ дворъ датскій весьма тому противенъ является и допускать его не хочетъ, что и самъ министръ датскій мнѣ, прежде полученія сего указа, говорилъ. Къ тому-жъ и ежели увѣдаютъ о томъ намѣреніи нашего Двора, то съ Англією и прусскимъ дворомъ тому намѣренію помѣша-

тели будутъ. И усмотря я всѣ тѣ трудности, о томъ ни ратпенсіонарію, ни министромъ союзнымъ не хотѣлъ говорить, но прежде говорилъ съ министромъ ганноверскимъ Ботмаромъ, и опредѣлили въ томъ, по усмотрѣнію дѣлъ, обще трудиться и въ тѣ дѣла ихъ вводить. И разсудили за потребно.—когда здѣсь трудность въ томъ явится, то оставить до сѣзда. Ежели когда оный въ Брунsvикѣ будетъ, тогда безтрудно его, курфюрста ганноверскаго, ввести въ тѣ дѣла можемъ, для того что то мѣсто самое ихъ люнебургскаго дома резиденція есть. Но нынѣ изъ письма господина Шлэйвица вижу, что ему указъ отъ Двора присланъ предлагать о томъ курфюрсту; и объявляетъ мнѣ въ такихъ терминахъ, что его царское величество желаетъ, чтобы курфюрсты были съ другими потенціями къ примиренію сѣверной войны медиаторовъ.

Топерь изъ сего изволите усмотрѣть розницы въ поступкахъ нашихъ: первое, что намѣреніе мое съ Ботмаромъ весьма пресѣчено, и сіе дѣло уже будетъ явно, того для и я нынѣ буду принужденъ говорить пенсіонарію и министромъ союзнымъ объявить для того, чтобы мнѣ тѣмъ не стратить своего кредита и не дать имъ подозрѣнія; второе, что я по указу употребляю вездѣ терминъ добрыхъ средствъ, а не медиацию.

Ежели бы ваше превосходительство могли видѣть, во всѣхъ дѣлахъ здѣсь какія есть частыя премѣны, то бы надѣялся быть согласну съ моимъ мнѣніемъ, что невозможно во всемъ изслѣдовать по указу, но весьма поступать надобно, по состоянію дѣлъ смотря. Но сіе временно при всѣхъ дворѣхъ, что указы приходятъ по премѣнѣ дѣлъ противу интереса.

Здѣсь, по вѣдомостямъ изъ турецкой земли, также и изъ Польши, видится, что турки намѣрены нѣчто противу Польши учинить и съ войски своими маршируютъ къ границамъ польскимъ. И для тѣхъ дѣлъ.

моихъ нѣкоторыхъ здѣсь пріятелей разсужденіе объявляю.

Какъ слышно есть, что турки намѣрены, пришедъ, на границы польскія, учинить нѣкоторыя предложенія, и разсуждается быть тѣ:

Ежели предлагать будутъ речи посполитой одной, то для возставленія Станислава на тронъ; а ежели будутъ королю польскому обще предлагать, то намѣрены нѣчто себѣ отъ Польши взять, а особливо Каменецъ и нѣкоторыя провинція. И о послѣднемъ предложеніи больше чаять надобно, нежели о первомъ, для того что ежели бы они, турки, подлинно намѣрены Станислава возставить, а не искать своего собственнаго интереса для полученія Каменца, тогда бы короля шведскаго при арміи своей имѣли. Но оный и по се число обрѣтается въ прежнихъ своихъ квартирахъ и какъ изъ всѣхъ писемъ является, гораздо съ малымъ удовольствіемъ отъ нихъ. И съ начала всѣхъ дѣлъ турецкихъ, по пріѣздѣ къ нимъ короля шведскаго, еще не видѣли, дабы турки объ интересѣ короля шведскаго съ прилежностью трудились, но его токмо имѣли для претекста; но свой интересъ всегда находили. Такъ и топерь въ дѣлѣ польскомъ то же послѣдовать будетъ.

И на всѣ нынѣшніе марши турецкіе всѣ смотрятъ топерь, наивпервыхъ, что будетъ учинено со стороны его царскаго величества.—содержанъ ли будетъ учиненный миръ съ турки, и оставлена будетъ Польша, или какая иная резолюція взята будетъ. И на то разсуждается такимъ образомъ.

Правда, трудность находится съ обѣихъ сторонъ, какъ оставить можно своего аліата, также, съ другой стороны,—въ войну замѣшаться не безъ труда есть. Но предусматривается, чтобы каждое изъ того учинить въ свое время, т. е. прежде надлежитъ вѣдать ихъ предложеніе турецкое и подлинное намѣреніе. И,

наприкладъ, ежели весьма намѣрены Станислава возста-
вить въ Польшѣ, и речи посполитой предлагать,—и
сие дѣло скорымъ временемъ окончатся не можетъ, а
особливе сей кампаніи, и что король польскій Августъ
въ состояніи будетъ своими саксонскими войски и поль-
скими оборонительно противу турковъ поступить и себя
содержать, и что они, турки, за позднимъ временемъ
осаживать Каменецъ не могутъ. А хотя въ край Польши,
какъ въ Подолію, вступять, тою же дорогою для
квартиръ зимнихъ и назадъ возвратятся. Что же при-
надлежитъ разсудить до предбудущей кампаніи, и то
есть дальняго вида. А между тѣмъ зимнимъ временемъ
многіе способы найдутся къ премѣнѣ ихъ намѣреній
турецкихъ.

И по всѣмъ обстоятельствомъ дѣль видится, что
со стороны его царскаго величества миръ, учиненный
съ турки, лучше содержать, нежели нынѣ оный нару-
шить и въ дѣла польскія замѣшаться. И ежели нынѣ
токмо подъ видомъ будто Польши со стороны россій-
ской оставлено будетъ, то король Августъ съ речью
посполитою принуждены будутъ больше силъ своихъ
умножить, также и въ тѣсную дружбу и въ аліансъ съ
его царскимъ величествомъ противу турковъ вступить
и на предбудущую кампанію въ лучшее состояніе обо-
имъ прійти. Къ тому-жъ нынѣ прямой каналъ есть—
черезъ его, короля польскаго, труды какъ съ цесаремъ,
такъ и венеціаны, въ аліансъ обязываться. И уже нынѣ
изъ поступокъ турецкихъ цесарскій дворъ, а паче ве-
неціане небезопасны есть, для того, когда съ Польшею
примирятся, тогда весьма венгерскую землю посѣтятъ
или Морю, и такъ отъ всякаго по куску себѣ отхва-
тятъ.

Но ежели ихъ турецкія намѣренія есть токмо симъ
маршемъ угрожать Польшу и принуждать къ миру,
чтобы Каменецъ возвратить, и ежели бы то исполни-

лося, и хотя бы то же учинилось, токмо бы миръ учинился,—и король Августъ признанъ былъ за короля, то не видится быть предосужденія интересомъ его царскаго величества и не токмо потерянія Каменца, хотя бы съ той стороны нѣкоторое и разореніе Польшѣ учинено бы было.

А потомъ, ежели бы такъ послѣдовало, чтобъ оная басурманская потенція на венеціанъ напала, то бы къ интересу его царскаго величества было, и тогда-бъ уже со стороны той надежно могли свободныя руки имѣть.

Король Августъ взялъ свои войска съ рѣки Рены, на что цесарь самъ позволилъ. И топерь считается быть саксонскихъ войскъ съ двадцать тысячъ.

Здѣсь дѣла гишпанскія съ Статами еще продолжаютъ, и невозможно знать, ежели скоро къ концу своему придутъ; или еще можетъ быть, что всѣ утишенныя дѣла вновь загорятся.

Прошу, мой государь, приложенное государынѣ парицѣ вручить, въ которомъ ординъ посылается, по указу сдѣланный.

Изъ собранія статскаго прошлой недѣли чрезъ агента Розенбаума приславы ко мнѣ одна резолюція статская да два меморіала на прошеніе подданныхъ ихъ, съ которыхъ копіи при семъ посылаю. А содержаніе ихъ вкратцѣ довошу. Первое, прошеніе ихъ, статское, къ царскому величеству за подданныхъ ихъ купцовъ, дабы позволено было въ Ригѣ, а особливе въ Ревелѣ, свободно купить ржи и другихъ хлѣбовъ и нагрузить на ихъ обрѣтающіеся тамъ корабли. И о семъ они, Статы, особливе грамоту до его царскаго величества писали. Изъ того можно видѣть, какая имъ, Статомъ, въ томъ нужда есть. Но нынѣ здѣсь хлѣбъ въ великой цѣнѣ есть.

Я, съ своей повинности, на то ихъ прошеніе статское къ царскому величеству доношу, дабы позволили оный свободный торгъ хлѣбомъ въ тѣхъ мѣстѣхъ учинить и при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ имъ, Статомъ, въ томъ удовольство показать, отъ которыхъ можемъ надѣяться многократной заплаты получить, какъ уже и дѣйствительно они себя нынѣ во многихъ дѣлѣхъ къ интересомъ его царскаго величества показали. И то-бъ ихъ доброжелательное намѣреніе паче содержать и подтверждать; тѣхъ же купцовъ, которые просятъ о хлѣбѣ, въ пристани гельсингфорской обрѣтается великое число лѣсу, также и дровъ,—и дабы его царское величество, являя къ нимъ, Статомъ, пріязнь, указалъ оное за гвардією въ цѣлости содержать, и впредь присланнымъ тѣ лѣса и дрова свободно отдать. Второе, прошеніе купца Фридриха Инкена на кредитъ его съ подданнымъ его царскаго величества ревельскимъ купцомъ въ 8000 гульденовъ и просить, дабы по прежней сентенціи, какъ прежде сего было учинено подъ правительствомъ шведскимъ, нынѣ милостивымъ указомъ его царскаго величества опредѣлено. Третье, прошеніе купца Рутхера о взятыхъ хлѣбахъ изъ Выборга, о чемъ, чаю, уже есть извѣстно вашему превосходительству, а паче изволите увѣдомиться изъ приложенныхъ при семъ меморіаловъ.

1621. Князь Б. И. Куракинъ—А. В. Манарову.

1713 г. августа 25. Гага.

Не могу чѣмъ воздать за всѣ пріятельскія ваши ко мнѣ склонности, о которыхъ я какъ чрезъ письма, такъ и чрезъ присланнаго моего человѣка, увѣдомленъ есмь.

Я усмотрѣлъ изъ сего полученнаго письма, отъ 26 іюля, писаннаго изъ Санктъ-Петербурга, что извѣстный

дворъ вы, по своему разсужденію, на мое желаніе пріятельски опредѣлили и цѣною договорились за тысячу рублевъ. Того ради на то я взялъ свою резолюцію, по моемъ благодареніи должно, васъ, моего пріятеля, просить, чтобы приказали купчую написать и оную куплю, по обыкновенію, твердо утвердить.

А въ деньгахъ, въ заплатѣ той тысячи рублевъ, я на сей же почтѣ писалъ въ домъ свой, чтобы по волѣ вашей, кому повелите принять на Москвѣ, отдали, или чрезъ вексель въ С.-Петербургу перевести; а лучше желаю, чтобы приказали кому на Москвѣ принять, для того что въ провозѣ не безъ страха есть.

Симъ моимъ остатнимъ письмомъ прежде отправленныя мои письма о томъ дворѣ всѣ за ничто вмѣняются.

Я же велѣлъ на тотъ дворъ посадить одного челоуѣка своего въ жители, котораго прошу во всякихъ случившихся нуждахъ подъ своею протекціею содержать.

1622. Князь Б. И. Куранинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. августа 29. Гага.

На присланныя рѣшительныя статьи отъ его царскаго величества упомянулось въ первой статьѣ, чтобъ отъ медиации отговариваться, а добрыя ихъ средства примать. И въ томъ по указу, сколько возможно, престоерегать буду, токмо въ семь не безъ трудности находится, для того что цесарь свою медиацию предложилъ. Какъ уже, чаю, вамъ извѣстно, и не знаю, ежели оный дворъ похочетъ изъ онаго предложенія тотъ терминъ премѣнить и токмо добрыя свои средства объявить. И ежели оный дворъ въ томъ себя похочетъ содержать, тогда и другіе ему послѣдствовать будутъ.

Также и Франція, безъ сумнѣнія, чрезъ Англiю и Швецію въ тѣ дѣла допущена будетъ, которая, кромѣ медиаторства, никогда добрыхъ своихъ средствъ не предложитъ. Также въ семь дѣлѣ равный участокъ имѣютъ аліаты его царскаго величества, которые ежели медиаторство всѣхъ тѣхъ потенцій похотятъ принять.

Къ сему же господинъ Шлейницъ мнѣ въ письмѣ своемъ объявляетъ, что онъ, получа указъ его царскаго величества, будетъ предлагать курфюрсту, что его царское величество желаетъ, дабы цесарь и онъ, курфюрстъ, съ потенціями морскими были за медиаторовъ сѣвернаго мира. О семь всемъ донести оставляю въ разсужденіе [вашему] превосходительству, а по даннымъ мнѣ указомъ во всемъ поступать буду.

Нахожу своей быть повинности, вашему превосходительству донести, просить, чтобы всѣ экспедиціи отъ Двора ко мнѣ, также и мои доношенія, которыя касаются къ сѣверному миру, были въ рукахъ одного секретаря и содержаны бы были въ самомъ секретѣ, понеже для вѣдѣнія оныхъ при нынѣшнемъ случаѣ охотниковъ много, а особливе какъ резидующіе министры при Дворѣ: резидентъ голландскій, польскій и датскій, также и прочіе, и что всѣ дѣла будутъ секретныя содержаны, то отъ оныхъ пользы лучше можно ждать, а нежели многіе о тѣхъ важныхъ и секретныхъ дѣлѣхъ будутъ знать.

При семь доношу. Когда я получилъ указъ всемилостивѣйшаго государя, за приписаніемъ властной его руки, о дѣлѣ, случившемся въ пристани гельсингфорской, какимъ образомъ корабли подданныхъ статскихъ были пожжены, и разсудилъ за потребно, всѣ доказательства, какъ бы сходнѣе съ интересомъ, выбравъ изъ того указа, чрезъ свой меморіальъ объявить, дабы тѣмъ противныхъ намѣренія къ намъ умягчить, чего для въ сей републикѣ сначала сіе дѣло съ великою против-

ностью было принято. И на тотъ я свой меморіаль, такъ и по пропенію имъ, Статомъ, отъ тѣхъ подданныхъ, которымъ тѣ корабли принадлежали, чрезъ агента Розенбаума ихъ, статская, резолюція мнѣ отана, также и за присягою засвидѣтельства письменныя отъ тѣхъ, которые на тѣхъ корабляхъ были. И со всего того при семъ посылаю копіи. И особливе, ежели изволите приказать оную резолюцію разсмотрѣть, изъ которой изволите усмотрѣть склонность и доброжелавіе ихъ, статское, къ его царскому величеству и всякую умѣренность въ ихъ запросахъ, что уже не взыскиваютъ ничего къ себѣ въ сатисфакцію,—токмо желаютъ, дабы подданные ихъ, кому тѣ корабли привалежали, были за убытки награждены; также взятые шиперы и матросы, и другіе служители корабельные, какъ здоровые, такъ и раненые, были освобождены, также и побитыхъ жены и ихъ дѣти обще были награждены.

Что же въ заключеніе резолюціи ихъ, статской, упомянуто, чтобы мнѣ быть въ конференціи и установить въ престоужность на предбудущія времена, дабы иного предосудительнаго дѣла не случилось, и при томъ они же сами объявляютъ, что о семъ не можетъ постановлено быть безъ трактата навигаціи. И того для отлагаю быть въ конференціи впредь до полученія къ себѣ о всемъ вышепомянутомъ дѣлѣ его царскаго величества указовъ; также и на прежде посланные отъ меня о трактатѣ коммерціи и навигаціи проекты ожидать буду рѣшенія, чтобы при томъ способнѣе въ тѣ дѣла могъ вступить.

Я съ повинности своей доношу его царскому величеству, дабы къ пожеланію ихъ, статскому, въ запросахъ сыскать какое посредство, чѣмъ бы можно удовольствовать, и всей здѣшной републикѣ тѣмъ склонность царскаго величества показать, и оную наивтѣсвую дружбу къ себѣ привести, которыхъ дружба для интересовъ его

величества при нынѣшнихъ случаяхъ весьма есть нужна.

Но чаю, что посредность въ томъ можетъ безъ труда найдена быть такимъ образомъ, чтобы служителей корабельныхъ, также и побитыхъ женъ ихъ и дѣтей хотя нѣкоторою умѣренною дачею денегъ награждать, и чрезъ тотъ малый убытокъ великая заплата впередъ можетъ ожидаться, и тѣмъ въ здѣшнемъ народѣ оное случившееся пожженныхъ кораблей дѣло весьма загашено будетъ.

О купцахъ, которымъ корабли принадлежали, не можетъ къ награжденію ихъ иного посредства сыскано быть, токмо чтобъ его царское величество указалъ имъ дать привилежіе безошлинно торговать на нѣсколько времени и какими товарами въ которыхъ ни есть пристаняхъ въ Балтическомъ морѣ, чего для о семъ мнѣ отъ тѣхъ купцовъ чрезъ другихъ говорено было. И во истину, мой государь, пишу о семъ не для купцовъ и не въ ихъ интересъ, но для его царскаго величества интереса властнаго, дабы чрезъ сію склонную и милостивую поступку его величества къ подданнымъ ихъ статскимъ ихъ, Статовъ, больше въ любовь его царскому величеству обязать и одолжить.

Къ сему же напоминаю на посланный предъ симъ меморіаль и ихъ, статскую, резолюцію о хлѣбѣ, дабы подданнымъ ихъ свободно велѣно было въ Ригѣ и въ Ревелѣ нагрузить купленный хлѣбъ и отвезти въ Голландію. И о семъ мнѣ многократно отъ ратпенсіонарія и отъ другихъ было рекомендовано, дабы писать ко Двору и просить его царское величество. И при томъ мнѣ сильный резонъ дали, что Господа Статы, давъ протекцію своимъ подданнымъ въ пристани, завоеванныя отъ короны шведской, торговать и туда кораблямъ ходить, и за то съ оною въ ссору вступили, но прибылька изъ того еще мало получили. И того для повто-

рительно прошу, дабы въ томъ имъ удовольствіе учинено было, и тѣ въ Ревелѣ корабли, которыхъ съ двѣнадцатьсть есть, нагрузя, съ хлѣбомъ свободно отпустить и тѣмъ бы, особливе городъ Амстрадамъ, удовольствоваться, откуда все надѣяніе имѣемъ во всѣхъ дѣлѣхъ при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ къ интересомъ его царскаго величества. И на конецъ все сіе оставляю въ разсужденіе вашему превосходительству и нужно ли-бѣсть хотя въ единомъ дѣлѣ удовольствіе имъ показать.

1623. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. августа 29. Гага.

Я не чаю, чтобы секвестрація учинилася, чего для наши войска, какъ слышу, въ первыхъ октябрю пойдутъ, и тотъ край безъ того свободенъ будетъ.

Флемингъ своими безпутными интригами всю свою репутацію стратилъ. Что же Штейнбокъ удержанъ будетъ, и, конечно, нужда есть, дабы онъ не помѣшалъ дѣламъ въ Финляндіи.

Я весьма противнаго мнѣнія, чтобы прусскій могъ учинить явнымъ образомъ, понеже все свое владѣніе имѣеть отворенное отвсюду и ниже единого друга имѣеть.

Повторительно объявляю, что въ пути никакихъ кораблей къ нашимъ пристанямъ нѣтъ, и нынѣ отправлены не будутъ, того для и ожидать оныхъ не надлежитъ.

1624. Царь Петръ Алехсѣевичъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. августа 30. Або.

Въ 28 день августа безъ всякаго супротивленія въ сей столичный городъ княжества Финляндскаго вошли. А непріятель, какъ нынѣ слышимъ, намѣренъ идти въ Остерботень, которому послѣдовать такожъ будемъ. И сею новиною вамъ поздравляемъ и притомъ еще напоминаемъ, что мы, хотя и такъ далеко Богъ далъ счастье и хотя болѣе еще будетъ, то однакоже такого намѣренія на шведское государство не имѣемъ, какъ ихъ король имѣлъ на насъ; но при всякомъ благополучіи добраго и полезнаго мира не отрицаемся. Сіе для того пишу, дабы вы могли плевосѣятелямъ о насъ симъ уста заградить; но къ намъ благонамѣренныхъ и друзей нашихъ о томъ нашемъ намѣреніи увѣрить.

1625. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. сентября 1. С.-Петербургъ.

Прошедшаго іюля въ 3 день писалъ я къ милости вашей именнымъ царскаго величества указомъ, дабы ваша милость на предложеніе отъ депутатовъ статскихъ о дѣлѣ голштейнскомъ отвѣтъ учинили именемъ его царскаго величества въ такой же силѣ, какъ вы при томъ предложеніи отъ себя партикулярно отвѣтствовали, съ нѣкоторою еще къ тому прибавкою, съ котораго письма моего посланы дубликатъ и трипликатъ, и надѣюся тѣмъ всѣмъ вамъ врученнымъ быть, и по оному царскаго величества указу быти исполнену.

Потомъ писалъ къ его царскому величеству господинъ генераль-фельдмаршалъ князь Меншиковъ, что въ бытность его и графа Флеминга, такожъ со стороны датской генераль-поручика Девица—Палефельда въ

шведѣ, король прусскій и министры его объявили, что имѣютъ они трактаты съ голштинскимъ дворомъ, по которымъ должны стараться о возвращеніи Голштиндіи герцогу голштинскому, и что желаетъ король прусскій, чтобы король датскій безъ всякихъ ссоръ изъ Голштиндіи выступилъ. И его царское величество изволилъ писать къ королю прусскому, отвращая его отъ противныхъ въ томъ поступковъ, съ которой грамоты при семъ копія прилагается. И тогда же писано о семъ къ господину послу князю Долгорукову, дабы онъ королю датскому донесъ и представилъ, что невозможно ли его величеству изыскать какія средства, какимъ бы образомъ то дѣло къ доброму и полезному окончанію привести. Какіе-жъ отвѣты на посланную грамоту у двора прусскаго, также и господинъ князь Долгоруковъ у двора датскаго получили,—о семъ еще сюда не писали.

Между симъ, его королевское величество датскій въ грамотѣ своей къ его царскому величеству, изъ Фридрихсбурга, отъ 11 іюля, пишетъ, что княжескіе готторпскіе министры у двора прусскаго доступъ получили и оный чрезъ всякія интриги, по ихъ обыкновенію, противъ его, короля датскаго, возбудить ищутъ, подъ предлогомъ, будто его царское величество въ семъ въ его, короля датскаго, пользу не вступится и оному, что подъ такимъ предлогомъ противъ его предпринято будетъ, никоимъ образомъ противень не будетъ. И дабы для того царское величество повелѣлъ министрамъ своимъ въ Вѣнѣ, въ Англіи, въ Голландіи и въ Берлинѣ, при тѣхъ дворѣхъ предложить, что его царское величество съ его величествомъ королемъ датскимъ въ семъ дѣлѣ согласны и всѣмъ и каждому, которые общему ихъ намѣренію какой вредъ и убытокъ причинить похотятъ, будетъ противень.

И царское величество указалъ мнѣ къ вамъ и къ министрамъ же своимъ, въ Вѣнѣ, и въ Англіи, и въ

Берлинѣ пребывающимъ, писать, дабы, согласясь съ министры датскими, отъ стороны его царскаго величества при тѣхъ дворѣхъ объявили и, кому надлежитъ, накрѣпко ввухили, что король датскій, союзникъ его царскаго величества, дукатство голштенское получилъ нарушеніемъ воспріятого нейтральства и впущеніемъ шведовъ въ Тонингъ, и имѣетъ на то претензіи праведныя, какъ пространнѣе о семъ объявлено въ приложенной копіи съ грамоты царскаго величества, къ королю прусскому писанной, и въ письмѣ къ милости вашей, отъ 3 іюля, и что его царскому величеству, ежели кто общему ихъ намѣренію какой вредъ причинить похочетъ, безъ противности быть не можетъ. И что у вашей милости будетъ о семъ чиниться, изволите ко мнѣ писать.

Что же писано къ вашей милости, іюля отъ третьяго дня, и потомъ къ господину послу князю Долгорукову о предложеніи королю датскому, дабы онъ изыскалъ какія средства къ примиренію того дѣла, и нынѣ о семъ, не видя никакой въ томъ надежды, не извольте при предложеніи объявлять, дабы тѣмъ не показать себя слаба въ заступленіи его, короля.

1626. Le comte de Saaros (prince de Rakoczy)—au prince Boris Kourakine.

Fontainebleau, 2 (19) septembre 1713.

Monsieur, j'ai reçu avec sensible plaisir les marques de votre amitié et souvenir par votre lettre du 2 de septembre. L'estime et l'amitié que j'ai pour vous augmentent celui que j'aurai par la continuation de notre correspondance surtout si mon séjour en cette Cour me fournissait des occasions de rendre service à votre maître, pour les intérêts duquel j'ai toujours conservé les

mêmes sentiments. Les conjonctures sont riches certainement de part et d'autre, mais depuis un an, ne sachant plus rien de votre Cour, au moins que l'on me fournisse des occasions, je suis hors d'état d'être utile, malgré les favorables apparences que je trouve ici, si on en voulait profiter. Mandez-moi donc au moins, Monsieur, des nouvelles des progrès de vos armes et négociations avec la Porte et adressez s'il vous plaît mes lettres sous le titre du comte de Saaros à M. Hélistant, marchand banquier et ancien échevin de la ville de Paris, et donnez-moi votre adresse, s'il vous plaît.

На оборотъ писъма адресъ: A M. Gaspari à La Haye.

1627. G. Lee—au prince Boris Kourakine.

Londres, 4 (15) septembre 1713.

Tout le monde sait que Sa Majesté le Tsar a été extrêmement trompé par M. Robinson et M. Frédéric Soltikov quand ils avaient acheté des vaisseaux pour lui. Ils partageaient le profit entre eux qui leur envenait, et M. Robinson le mène d'une manière étrange. Ledit M. Soltikov fricasse l'argent de Sa Majesté avec une garce commune, et il n'est pas propre pour acheter des vaisseaux ou pour faire quelques autres affaires non plus qu'un hérisson est propre pour servir de mouchoir. Dans peu de temps on vendra plusieurs vaisseaux qui appartiennent à la reine et à quelques autres particuliers; ils sont dans un bon état et de divers rangs, lesquels on aura à bon marché. Si Sa Majesté a envie d'acheter quelques-uns et voulait envoyer quelqu'un qui voulût agir pour son intérêt et lui servir fidèlement, elle trouvera en effet une grande différence entre le prix et les autres frais et outre cela elle sera pourvue de bons

vaisseaux, quand la vente se fera; ce que l'on peut savoir au Café de Lloyd dans Lombardstreet, London.

Ни оборотъ письма адресъ: А М. de Kourakine, ambassadeur de l'Empereur de la Grande Russie à La Haye.

1628. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракинъ.

1713 г. сентября 5. С.-Петербургъ.

Письмо милости вашей, ко мнѣ писанное изъ Гаги августа отъ 1, подъ № 51, я здѣсь получилъ, изъ котораго выразумѣлъ, что ваша милость имѣли конференцію съ ратпенсіонаріемъ о предложенной цесарской медиации съвернымъ воюющимъ, которою онъ оказалъ себя быти недовольнымъ, за непризвомъ оныхъ отъ цесаря къ той медиации, и далъ знать, что они повуждены для коммерціи своей въ то мѣшаться. А повеже мы разсуждаемъ, что цесарская и всего цесарства медиация намъ будетъ полезнѣе, нежели морскихъ державъ, и не возмогутъ, отнюдь, французы, ежели будетъ съѣздъ въ имперіи, вмѣшаться за настоящею войною съ цесаремъ,—того ради писалъ я къ вашей милости напередъ сего, по полученіи о томъ вѣдомости отъ тайнаго совѣтника господина Матвѣева, чтобы ваша милость, ежели еще по посланнымъ къ вамъ его величества указомъ, паче чаянія, не объявилъ милорду Страффорду и ратпенсіонарію въ добрыхъ ихъ средствахъ, то-бъ изволили по состоянію тамошнихъ дѣлъ въ томъ объявленіи, ежели за благо разсудите, удержаться и отговариваться, что еще отъ его царскаго величества указа на то, за бытностью его въ арміи въ Финляндіи, не получили. О чемъ я, получа ту вѣдомость, писалъ тогда къ его царскому величеству, требуя указа, что повелить чинить, но еще о томъ донинѣ указа не получили. И для того паки въ подтверженіе вышепомянутаго моего

письма къ милости вашей пишу, что мнится намъ, дабы ваша милость объявленіемъ о принятіи ихъ добрыхъ средствъ умедлили впредь до указа его величества. И кажется, что лучше бы было не говорить вамъ нарочно ратпенсіонарію о цесарской медиациі, ибо она, какъ вы сами можете звать, намъ полезнѣе, нежели и французская, такожь и аглинская, которой и Голландія слѣдуетъ. И надлежитъ нынѣ смотрѣть, каковы Швеція въ томъ поступки воспріиметь и что на цесарское предложеніе отвѣтствовать будетъ, и кого лучше избереть въ медиаторы. Можетъ быть, что она и цесаря, и морскихъ потенцій прииметь. А каковъ отъ его величества указъ получу, о томъ, ни мало умедля, къ вашей милости писать буду.

Пляна къ миру, каковъ объявилъ шведскій посланникъ, извольте потрудиться получить списокъ и къ намъ прислать, понеже нужно о томъ вѣдать, въ какой оный силѣ изображенъ.

Присланные отъ милости вашей проекты и разсужденія о торговлѣ между россійскими и голландскими купцами я слушалъ и въ небытности его царскаго величества нынѣ здѣсь рѣшить оныхъ безъ указа его величества невозможно; когда же его величество изволитъ прибыть сюда, то немедленно по онымъ доносить буду, и что изволитъ опредѣлить, о томъ къ милости вашей писать не оставлю. А, между тѣмъ, ваша милость изволите провѣдать и сюда къ намъ писать: въ Англіи, такожде и въ иныхъ земляхъ голландскихъ купцы равныя ли платятъ пошлины противъ поданныхъ, понеже они отъ насъ желаютъ, чтобъ ихъ голландцы платили равно пошлину, какъ и русскіе.

Какова грамота его царскаго величества къ Голландскимъ Статамъ писана о ластовыхъ деньгахъ, съ той извольте потрудиться секретно получить списокъ и намъ сюда прислать, ибо у насъ оной нѣтъ.

1629. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. сентября 8. Гага.

Отбытность моя въ Амстрадамъ для дѣлъ его царскаго величества не допустила меня писать двѣ почты къ вашему превосходительству, и въ отбытіи моемъ въ дѣлахъ сѣверныхъ ничего больше не происходило.

Прошлой среды министръ царскій баронъ Геемсъ, также и другихъ царственныхъ принцевъ министры были позваны въ камеру де-треве въ конференцію съ депутаты статскими, гдѣ присутствовалъ посоль аглицкій милордъ Страффордъ. И въ той конференціи чрезъ депутатовъ статскихъ и милорда Страффорда помянутымъ царственнымъ министромъ было предложено, что онѣ, потенціи, видя продолженіе войны между его царскаго величества и царствомъ, также и Франціею, разсудили за благо, съ своей стороны, яко были и есть донынѣ добрые пріатели его царскому величеству и царству, предложить, дабы къ примиренію помянутой войны найти какія средства и вступить вновь въ негоціацію, къ чему онѣ, потенціи морскія, не оставятъ добрыми средствами своихъ должностей показать, понеже къ сему ихъ, потенцій морскихъ, понуждаетъ общій интересъ христіанства, дабы въ Европѣ войну прекратить и тишину возставить.

И на то предложеніе министръ царскій баронъ Геемсъ отвѣтствовалъ, что онѣ имѣетъ указъ отъ его царскаго величества отвѣтствовать на предложенія потенцій морскихъ, что онѣ, царь, и царство ни въ какую негоціацію чрезъ предложеніе ихъ, потенцій морскихъ, здѣсь и ни въ другомъ какомъ мѣстѣ съ Франціею не вступитъ и отъ нихъ добрыхъ средствъ не требуетъ, для того что онѣ, потенціи морскія, его царское величество, яко главнаго своего аліата, и

цесарство оставя въ войнѣ, партикулярный миръ учинили, и что онъ, баронъ Геемсъ, о томъ ихъ предложеніи доношеніе Двору своему чинить не будетъ. И по окончаніи своей рѣчи, онъ, цесарскій министръ, возвратился въ домъ свой, а другіе всѣ цесарственные министры ему же равно послѣдовали.

Сіе предложеніе учинено по желанію аглинскаго Двора, когда Статы къ тому весьма склонности не имѣютъ и паче желаютъ, дабы цесаръ въ продолженіе своей войны честный и прибыточный миръ могъ противу Франціи учинить. И какъ можемъ вѣдать, что жестокій отвѣтъ министра цесарскаго весьма есть съ согласія учиненъ съ здѣшними Господами, и что дружба здѣшней потенціи съ цесаремъ и цесарствомъ въ прежнемъ согласіи пребываетъ.

Милордъ Страффордъ весьма явился помянутымъ отвѣтомъ цесарскаго министра неблагодаренъ, и что уже больше упованія не имѣетъ, чтобъ оной негоціаціи мирной между цесаремъ и цесарствомъ и Франціею быть въ его рукахъ, къ чему не малую охоту имѣлъ. И того для, какъ слышу, будетъ онъ отсель отозванъ по трехъ мѣсяцахъ въ Англію, а на его мѣсто будетъ присланъ другой.

Нахожу быть моею повизности доносить все то, что касается къ интересамъ его царскаго величества премилостивѣйшаго нашего государя. Въ бытность свою я въ Амстрадамѣ нашелъ все купечество, которое торгуетъ въ пристани его величества, какъ къ городу Архангельскому, такъ и въ Балтическое море, весьма недовольными, что никогда такъ ихъ неблагодарныхъ и склонныхъ къ жалобѣ, вмѣняя себѣ за великую обиду, какъ нынѣ, не видалъ. Причина той ихъ неблагодарности есть та, какъ мнѣ было сообщено отъ купечества, торгующихъ къ городу Архангельскому, [чрезъ] г. Тессинга и отъ купечества—въ Ригу и Ревель чрезъ сына

господина Матейса Маттена, — что прошедшей зимы указомъ его царскаго величества было опубликовано о вольномъ торгѣ хлѣбомъ у города Архангельскаго, токмо платить пошлины по четверти ефимка съ четверти, — и того для многіе купцы, понесши себѣ не малые убытки, отправили корабли для нагруженія хлѣбнаго. А нынѣ вновь оный торгъ хлѣбный заказанъ и отпуска одному хлѣбу отъ города не будетъ, и тѣ посланные корабли принуждены будутъ возвратиться безъ всякаго груза, изъ чего великій убытокъ и разореніе многимъ купцамъ учинены будутъ, и за одинъ провозъ убытокъ понесенъ будетъ на всякій ластъ по 32 гульдена, кромѣ того, что въ удержкѣ самаго товара, т.-е., что закупной хлѣбъ у города будетъ удержанъ и не пропущенъ.

Что же принадлежитъ до торговли въ Ревель, также прошлаго года указомъ его царскаго величества объявленъ всѣмъ свободный торгъ въ Ревель хлѣбомъ, токмо бы приходили корабли съ нагрузомъ товара, а особливе съ солью, понеже въ томъ городѣ великій недостатокъ соли былъ. Того для многіе купцы отправили свои корабли, нагрузки съ солью, и оную велѣли промѣнять на хлѣбъ. И нынѣ всѣхъ тѣхъ кораблей обрѣтается въ Ревельъ четырнадцать, и изъ тѣхъ ни на одинъ нагрузки не учинено, для того что указомъ его величества оный хлѣбный торгъ запрещенъ, и въ отпускѣ хлѣбномъ отказано. И ежели на обрѣтающіеся тамъ кбрабли нынѣ милостивымъ указомъ его царскаго величества хлѣба нагружать не позволено будетъ, то также оное купечество въ великихъ убыткахъ обрѣтаться будетъ.

И что принадлежитъ до города Архангельскаго, уже тому пособить невозможно до предбудущей весны, для того что ежели до сего ихъ прошенія указъ о свободномъ отпускѣ хлѣбномъ къ городу не посланъ, то нынѣ до отхода кораблей отъ города указомъ уже

поздно поспѣшить. Но которые имѣютъ торгъ свой въ Ревель покорнѣйше просятъ его царское величество, дабы милостивымъ своимъ указомъ опредѣлилъ на помянутые присланные корабли хлѣбъ свой имъ закупной нагрузить и свободно отпустить, чрезъ что и впредь большую охоту торговымъ придасть.

Я при семъ доношу, что сіе воспрещеніе въ Ревель торга хлѣбнаго великую желюзію и неблагоприятность намъ наносить, и, конечно, мнѣніе худое умножаться будетъ; а особливе городъ Амстрадамъ отъ сего заказа хлѣбнаго неблагоприятнымъ принужденъ будетъ явиться. Того для о семъ прошу къ доношенію премилостивѣйшему государю, и чтобъ хлѣбный торгъ въ Ревель позволенъ былъ купечеству голландскому, чѣмъ бы здѣсь не малое удовольствие было учинено, и не безъ пользы-бъ отъ того къ интересомъ его царскаго величества было, а особливе при нынѣшнихъ случаяхъ.

Письмо вашего превосходительства, отъ 20 нумера, получилъ, изъ котораго вижу, что мои отпращенныя письма, отъ 11 и 14 іюля, дошли, и при тѣхъ письмахъ были мои доношенія о трактатѣ коммерціи, на которыя прошу мнѣ указомъ его величества рѣшеніе учинить, чего для сіе дѣло лучше къ оковчанію можетъ приведено быть въ нынѣшнія времена при замѣшаніи всѣхъ дѣлъ сѣверныхъ къ миру, нежели въ иное время.

Въ дѣлахъ голштейнскихъ нынѣ больше ни отъ меня, ни отъ польскаго министра ничего не требуютъ. Но какъ слышимъ, что уже министръ первый дука голштенскаго ко двору датскому пріѣхаль, и о томъ дѣлѣ трактуютъ. И уже къ сходству являюся, что намѣренъ датскій дворъ впустить въ Тонингъ гарнизоны короля прусскаго, курфюрста ганноверскаго, и также требуютъ части статскаго гарнизона. Однакоже здѣсь еще о томъ никакая резолюція не взята. И впредь

что въ томъ дѣлѣ будетъ чиниться, буду писать къ фельдмаршалу князю Александру Даниловичу Меншикову.

Въ томъ же вашемъ, мой государь, письмѣ мнѣ объявлено о предложеніи цесарской медиации сѣвернаго мира, каково учинено въ Вѣнѣ господину Матвѣеву; изъ приложенной его реляціи пространно о всемъ томъ уразумѣлъ.

Что же принадлежитъ къ отвѣту потенціямъ морскимъ на ихъ предложеніе, по присланнымъ ко мнѣ указомъ, ежели я еще о томъ никому не объявлялъ, чтобы до указа мнѣ впредь удержаться, понеже сіе предложеніе цесарской медиации разсуждается быть безопаснѣе аглинской и прочихъ,—и на сіе доношу.

По полученіи указовъ его царскаго величества, до прихода сего письма вашего превосходительства, писаннаго отъ 14 августа, я за двѣ недѣли и больше какъ ратпенсіонарію, такъ и милорду Страффорду партикулярнымъ своимъ разговоромъ объявилъ, что я получилъ указъ въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, что его царское величество ихъ добрыхъ средствъ не отречется обще съ своими аліатами принять. И такимъ образомъ краткое мое объявленіе было для того, что еще съ министры аліатовъ его царскаго величества, польскимъ и датскимъ, не согласились, чтобы обще могли формальный отвѣтъ или свое предложеніе имъ, потенціямъ морскимъ, учинить, которые есть пункты къ соглашенію тѣ:

Соглашеность, и о семъ равные указы давно имѣются.

Польскій къ сему согласенъ, но датскій описывается ко двору.

1. По звычайномъ благодареніи, ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства примать.

2. Чтобы цесарь своими добрыми средствами былъ съ ними, потенціями морскими, при тѣхъ мирныхъ трактатахъ.

Датскій и польскій описываются ко двору.

И объявили оба Брунсвикъ, -- въ томъ соглашеносъ.

Съ датскимъ соглашеносъ, а польскій описывается.

3. Также-бъ и курфюрстъ ганноверскій.

4. Объ избраніи мѣста къ съѣзду Данцигъ или Бреславль.

5. Чтобы предложенія первыя къ миру здѣсь не подавать, а подать при назначенномъ съѣздѣ.

И когда во всѣхъ помянутыхъ пунктахъ съ министрами, польскимъ и датскимъ, соглашеносъ будетъ, тогда учинимъ формальное въ отвѣтъ предложеніе какъ потенціямъ морскимъ, такъ и цесарскому министру. — Того для о семъ доношу, что уже до письма вашего пресвосходительства о намѣреніи его царскаго величества объявилъ, также и чрезъ господина Шлейница ганноверскому курфюрсту предложеніе учинено, и потому и здѣсь его министру чрезъ меня объявлено.

Когда я увѣдомился о предложенной медиации цесарской воюющимъ сѣвернымъ, и того для былъ въ томъ намѣреніи, ежели-бъ его царское величество на мое доношеніе указалъ только примать добрыя средства однѣхъ потенцій морскихъ, тогда намѣренъ я, конечно, себя удержатъ и не отвѣтствовать до того времени, когда-бъ увѣдомился о рѣшеніи царскаго величества на предложеніе цесарское. Но когда увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ указовъ, что и цесарскія добрыя средства его царское величество желаетъ, тогда разсудилъ, что больше трудности не находится.

Я весьма того же мнѣнія себя нахожу, что добрыя средства цесарскія, какъ изъ предложенія тѣхъ видѣлъ, были бы прибыточнѣе и безопаснѣе его царскому величеству, токмо не знаю, ежели оный дворъ такъ прямое намѣреніе въ томъ имѣеть, и еще больше, — въ состояніи-ль есть оное свое намѣреніе исполнить и содержать, какъ въ тѣхъ предложеніяхъ объявлено, — т. е. что онъ, цесарь, не знаю, какимъ образомъ, хочеть

свою машкару скинуть. Сіе, разсуждаю, въ устрашеніе шведу. Также и на предложенія его, цесарскія, ежели король шведскій сходства къ посредству не учинить и не послушаетъ, тогда онъ, цесарь, по согласію съ цесарствомъ, приметъ противныя мѣры, такъ что онъ, король шведскій, будетъ отъ него наказанъ. И еще больше, что онъ, цесарь, его, шведа, къ миру принудить. Все сіе за невозможность вмѣняется, для того что онъ, цесарь, въ своей силы всегда, а особливо въ нынѣшней войнѣ съ Франціею, то учинить. А для исполненія всего того самымъ дѣйствомъ будемъ смотрѣть, ежели онъ, цесарь, есть въ состояніи тѣ свои намѣренія исполнить.

1. Что уже сихъ часовъ министръ шведскій на предложенія его, цесарскія, отвѣдь отъ короля своего получить, чаю, уже могъ. Также и министръ цесарскій, резидующій въ Адрианополѣ, королю шведскому предлагалъ и резолюцію отъ него получилъ. И ежели король шведскій медиации его, цесарской, не приметъ, что въ такомъ случаѣ онъ, цесарь, учинить ему, шведу?

2. Декретъ его, цесарскій, въ Ратисбону посланный, о собраніи въ Брунsvикъ, на который еще отъ принцевъ имперскихъ резолюціи никакой не слышно.

Ежели позволите, чтобъ я по состоянію всѣхъ здѣшнихъ дѣлъ донесъ, но я сумнѣваюсь, ежели бы цесарь былъ въ силѣ своей все то, какъ выше упомянулось, учинить,—и еще того меньше можетъ быть, что и Портъ съ угрозы приказывать, чего для онъ, цесарь, никогда такъ въ страхѣ отъ нея, Порты, не былъ, какъ нынѣ, для того что миръ съ его царскимъ величествомъ заключенъ. Къ тому-жъ есть нѣкоторыя оказательства, что она, Порта, и съ Польшею дѣла свои мирно окончатъ, и потому отъ всей той тягости басурманской ожидается повсечасно нападеніе на него, цесаря, и на венеціанъ. Къ сему-жъ ежели бы видѣть изволили всѣ

дѣла здѣшнія, которыя происходятъ между цесаремъ и цесарствомъ и Франціею. Какъ извѣстно есть, что Ландоо взято; Вилярсъ на сихъ дняхъ съ арміею Рену рѣку перешель, которая армія состоитъ осьмьюдесять баталіоны одной инфантеріи больше, нежели имперская. И, наконецъ, предусматривается, что цесарь и цесарство хотя не сей годъ, но въ предбудущій принуждены будутъ на пожелаемыхъ кондиціяхъ отъ Франціи миръ учинить.

И по состоянію всѣхъ тѣхъ дѣлъ не чаю, чтобы сходно было съ интересомъ на одну слабую партію полагаться и на нее уповать.

Въ тѣхъ же помянутыхъ предложеніяхъ цесарскихъ упомянулося, что Англія и Господа Статы въ согласіи съ Франціею, дабы возставить Швецію въ прежнее состояніе,—и объ Англіи такого согласія съ Франціею не сумнѣваюся. А что принадлежитъ до того же согласія здѣшнихъ Господъ Статовъ, и о тѣхъ склонности къ интересомъ его царскаго величества больше не могу засвидѣтельствовать, какъ прежними своими доношеніи объявлялъ. Но еще къ тому въ дополненіе доношу, что ежели бы здѣшніе Господа по всѣмъ домогательствомъ Англіи и Франціи къ намѣренію ихъ сходны явились, тогда-бъ я чаялъ, безъ сумнѣнія, уже шквадрамъ ихъ, потенцій морскихъ, и французской быть въ Балтическомъ морѣ; но воспрещаетъ ей, Англіи, сіе воспріятіе учинить несходство къ тому здѣшнихъ Господъ Статовъ. А одна она, Англія, весьма опасна есть что учинить, вѣдая взятую резолюцію его царскаго величества, что, въ такомъ случаѣ, все коммерціе съ нею, Англіею, пресѣчетъ и то коммерціе свое въ Голландію продолжать будетъ. А ежели-бъ они, Статы, всѣ съ Англіею согласно въ противныхъ намѣреніяхъ поступили, тогда она, Англія, въ безопасности чаеть быть своей коммерціи, разсуждая, для того что его царскому величе-

ству пресѣчь коммерцію обѣихъ потенцій морскихъ невозможно.

Но здѣшнихъ разсужденіе есть противнымъ образомъ. Впервыхъ, что ихъ самый интересъ есть содержать себя въ дружбѣ съ его царскимъ величествомъ; также предусматриваютъ, ежели-бъ она, Англія, вступила въ ссору съ помянутымъ величествомъ, изъ чего бы коммерцію пресѣчено было, и въ такомъ случаѣ не безъ прибытка себѣ разсуждаютъ быть для того, чтобы все коммерцію российское тогда продолжалось въ одну Голландію. И на конецъ сего не могу обнадежить вовсе, ежели доброжелательное ихъ намѣреніе Господь Статовъ къ интересомъ его царскаго величества твердо и постоянно всегда пребудеть. Однакоже не сумнѣваюсь оному быть такъ, какъ и донывѣ продолжалось, ежели отъ другихъ какимъ небреженіемъ и несходствомъ нарушено не будетъ.

Топерь доношу, что принадлежитъ до добрыхъ средствъ потенцій морскихъ и до медиации цесарской.

Ежели-бъ и намѣреніе было его царскаго величества принять одну медиацию цесарскую, то, разсуждаю, быть трудности, чтобы потенцій морскихъ отъ тѣхъ дѣлъ сѣверныхъ отлучить, для того что онѣ, потенціи морскія, обязаны въ тѣ дѣла вмѣшаться по многимъ трактатомъ своей гарантіи, также и для своей коммерціи въ Балтическомъ морѣ. Но аліаты его царскаго величества, какъ король датскій, такъ и польскій, весьма отлучиться ихъ добрыхъ средствъ не могутъ, а особливо датскій, который всегда въ рукахъ ихъ есть и тѣмъ озлобленія имъ учинить не смѣетъ.

Того же для озлобленія и намъ надлежитъ разсуждать. Какъ я въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ объявилъ о предложеніи цесарской одной медиации, чтобы ни того озлобить, ни другимъ не досадить,—и видится, досада здѣшнимъ важнѣе, нежели перваго злоба,

Напоминаю при семъ. Какъ вамъ извѣстно есть, что Англія и здѣшніе Статы имѣють трактаты, учиненные съ короною шведскою союза оборонительнаго, и того для онѣ, потенціи морскія, не предлагаютъ терминоу свою медиацию, но добрыя средства. И ежели бы выключены были онѣ, потенціи морскія, добрыми своими средствами изъ тѣхъ сѣверныхъ дѣлъ, тогда не безъ опасности бы было, чтобы помощныхъ войскъ коронѣ шведской помянутымъ трактатомъ не дали.

И прекратя о семъ, все оставляю въ разсужденіе вашего превосходительства и по доношенію въ волю и рѣшеніе премилостивѣйшаго государя.

Барону Шаку о чемъ привалезитъ давать знать, съ моей стороны не оставляется, и чтобъ описывался всегда ко Двору на предложеніе о медиации французскаго министра,—и я о томъ давно ему далъ знать.

Посоль французскій Шатоновъ третьягодня сюда прибылъ и кредитивъ свой объявилъ, отъ котораго, какъ слышимъ, многія предложенія Статомъ будутъ учинены какъ о дѣлѣхъ съ цесарствомъ, такъ и о сѣверныхъ.

Послѣднія письма изъ Франціи объявили, что между ею, Франціею, и Гишпаніею, и дукомъ савойскимъ учиненъ трактатъ альянса наступательнаго противу цесаря для начинанія войны въ Италиі.

Дѣла гишпанскія еще продолжаютъ и вскорѣ окончены, конечно, быть не могутъ, для того что Англія того продолженія желаетъ для постановленія твердаго своей коммерціи въ Гишпаніи.

1630. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. сентября 8. Гага.

При начинавѣи осады Штеттина вашу свѣтлость поздравляю и прошу Вышняго, дабы благословилъ вамъ оное славное дѣло счастливо окончать.

Указъ весьма его царскаго величества имѣю, чтобы въ газетахъ печатать россійскимъ, а не московской націи, и которые билеты даются отъ меня, тѣ печатаются россійскимъ. Но корреспонденты партикулярные часто московскимъ упоминають. И уже всѣмъ курантиромъ отъ меня заказано было, токмо сіе въ краткое время установить невозможно, а особливо здѣсь въ вольномъ правленіи.

О дѣлѣхъ сѣвернаго мира больше ничего не происходило, какъ послѣднимъ объявляль. И со стороны нашей медленіе есть отвѣтомъ за тѣмъ, что нынѣ сносимся съ министромъ датскимъ, который ни о чемъ о намѣреніяхъ короля своего неизвѣстенъ.

Въ отлученіи моемъ, когда я былъ въ Амстрадамѣ, министръ цесарскій баронъ Геемсъ, также и всѣ прочіе цесарственныя министры были позваны въ треверсъ-камеру въ конференцію съ депутаты статскими, гдѣ присутствовалъ посоль аглинскій милордъ Страффордъ. И помянутымъ цесарственнымъ министрамъ учинено предложеніе отъ потеецій морскихъ въ сихъ терминахъ, что онѣ, потенціи морскія, видя продолженіе войны въ имперіи между его величествомъ цесарскимъ, всею имперією и Фравцією, и къ утишенію оной войны за благо разсудили предложить, съ своей стороны, дабы какія средства возможно найти и въ негоціацію вновь въ Утрехтѣ вступить.

На то министръ цесарскій Геемсъ отвѣтствовалъ, что онъ имѣеть указъ отъ цесарскаго величества на

всѣ предложенія, которыя ему учинены будутъ, отвѣтствовать потенціямъ морскимъ, что онъ, пѣсарь, чрезъ ихъ посредство ни въ здѣшнихъ краяхъ никогда ни въ какую негоціацію мирную съ Францією не вступитъ, для того что онѣ, потенціи морскія, его, пѣсаря, яко своего главнаго аліата, оставили, и, окончавъ свою рѣчь, не хотя слушать больше, ретировался; тому же равно и другіе всѣ цесарственныя министры послѣдовали.

1631. NN—au prince Boris Kourakine.

Stockholm, 14 (25) septembre 1713.

Vos relations du 1, 5, 8 et 12 du passé m'ont bien été rendues. Puisque vous voulez absolument que les livres soient acceptés comme un présent, je vous en remercie, mais à condition que ceux que vous m'enverrez à l'avenir seront payés par monsieur d'Assendelft, sans plus de façon. La défaite d'une partie de l'armée finnoise, mentionnée dans ma précédente du 12 de ce mois, quoique peu considérable, a pourtant eu cet effet que le Tsar ou son armée (car il n'est pas sûr qu'il y soit en personne) s'est emparé d'Abo, d'où la plupart des habitants s'étaient sauvés avec leurs effets, et comme l'on a eu ici en même temps des nouvelles que le roi de Danemark fait rebrousser chemin à ses troupes en Poméranie, pour les transporter en Zélande, et de là en Scanie, et que le Tsar ayant ratifié la paix avec le Turc, comme l'on vient d'apprendre par la voie de Königsberg, peut présentement employer toutes ses forces contre ce royaume, de sorte qu'on ne sait presque plus comment l'on pourra se garantir ici contre une invasion de l'ennemi. Il est vrai qu'on a résolu de faire partir pour la Finlande le grand-maitre de l'artillerie, le comte Fersen, avec 7 à 8 mille hommes pour y commander en

chef; mais outre que le transport de ces troupes sera très difficile, puisque les moscovites sont maîtres d'Abo, et qu'ils peuvent le devenir bientôt d'Aland, et couper par là le passage du Sinus Botnius, il n'est point apparent que l'armée finnoise qui n'est guère plus forte que de quatre mille hommes, quoique augmentée par le double d'ici, soit capable de résister à des forces si supérieures que celles que les moscovites y ont déjà, et qu'ils y peuvent encore faire venir; de manière que nous pouvons nous attendre à coup sûr à une visite des ennemis dans cette capitale, où il ne serait pas bon, en ce cas-là, de se trouver; aussi ai-je écrit aujourd'hui à Leurs Hautes Puissances pour avoir leurs ordres sur ce que je dois faire, si un pareil malheur arrivait.

Cette triste situation n'empêche cependant pas les Suédois de prendre nos vaisseaux, qui vont et viennent vers et de Riga et autres ports semblables. On en a même deux ici la semaine passée: l'un venant de Viborg chargé de goudron et le second de Rével avec du seigle, et je crois que dans peu de jours ils seront confisqués, comme l'on vient de faire d'un vaisseau de Köningsberg et d'un autre de Lubeck pour la même raison, et les deux vaisseaux anglais qui sont arrêtés ici, pour avoir voulu aller vers les ports susdits, ne manqueront point d'avoir le même sort.

Quelques compagnies du régiment de cavalerie d'Ostrogothie sont arrivés ici et campent hors de la ville, en attendant que d'autres troupes arrivent, et qu'elles puissent poursuivre leur marche vers la Finlande.

Celle-ci partira par la voie du Sund, celle de Lubeck ne paraissant plus guère sûre, depuis que la peste est dans cette ville-là. Voici une lettre qui a été tenue fort secrète et que je vous prie de ménager; vous y verrez comment le roi a pris la démarche de la suspension d'armes en Poméranie, Je vous embrasse de tout mon

coeur avec toute votre chère famille. Délis est allé faire une promenade à la campagne avec mon beau-frère Sparoonfeld et ses deux filles, il y a plus de huit jours qu'il est absent, et comme le temps a été beau, il se sera sans doute bien diverti. Adis.

1632. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. сентября 15. Гага.

Я надѣюся, что мнѣ прикажете дать знать о послѣдующихъ дѣлахъ барона Герца.

Здѣсь министра готторпскаго домогательство состоитъ въ томъ, чтобы войска прусскія, ганноверскія, вольфенбюттельскія, также и статскія въ Тонингъ были впущены, но еще здѣсь никакой резолюціи не берется.

Что же изволили говорить въ конференціи объ Альфельдѣ, что онъ мнѣ не сообщалъ о голштейнскомъ дѣлѣ, однакожъ я здѣсь къ себѣ отъ него, Альфельда, никакого неблагоприятнаго вида не вижу. Но впредь прошу, чтобъ будетъ дотыкаться до его, альфельдовой, особы, тамошнему министерству не сообщать, дабы онъ отъ меня подозрителенъ не былъ, кромѣ тѣхъ дѣлъ, которыя безподозрительны могутъ быть. Какъ нынѣ мнѣ онъ. Альфельдъ, указъ короля своего сообщалъ, что король его волю свою объявляетъ о мѣстѣ къ съѣзду мирныхъ трактатовъ Брунсвикъ, а о предложеніяхъ указано ему, чтобы, согласясь съ нами, здѣсь не подавать, а отослать туда, гдѣ мѣсто къ съѣзду мирныхъ трактатовъ будетъ.

Изъ второго письма уразумѣлъ, какимъ образомъ удержали ваше сіятельство короля датскаго отъ отпуска штейнбокова. И что воистину сіе дѣло есть такъ полезно къ интересамъ его царскаго величества, что

всѣ намѣренныя воспріятія въ Финляндіи къ сему много принадлежатъ, что ежели-бъ онъ, Штейнбокъ, со всѣмъ войскомъ отпущенъ былъ, не безъ опасности бы было въ тѣхъ дѣлѣхъ.

Поступокъ господина графа Флеминга, какъ и нынѣ вижу, учиня несогласіе подъ Стральзундомъ, не додѣлавъ, въ Польшу уѣхаль,—придаетъ великое подозрѣніе, и что проектъ его есть нѣкотораго дальняго вида, такъ что онъ чаеъ быть вредителемъ другимъ. Но я разсуждаю, что въ томъ онъ обманется, и уже та вредность изъ рукъ его и прочихъ ушла.

Что же принадлежить до учиненнаго трактата о впущеніи войскъ въ Штеттинъ и Висмаръ дука голштейнскаго и короля прусскаго, я воистину сходенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства нахожусь. И не знаю, какая-бъ изъ того польза была намъ и нашимъ союзникамъ, что того дука въ тѣ дѣла допустили замѣшаться, такъ принца малаго и убогаго, отъ котораго ни пользы, ни плода можно ждать.

Я объ Альфельдѣ при семъ письмѣ упоминаю, что не желаю того, дабы оный отсель былъ взятъ, но токмо бы не вовсе его доношенія дѣйствительны могли быть. Также не чаю, чтобъ онъ могъ быть употребленъ къ сѣзду мирныхъ трактатовъ. А ежели кто къ тому опредѣленъ будетъ, прошу ваше сіятельство приказать мнѣ дать знать.

О здѣшнихъ дѣлахъ къ извѣстію вашему нахожу сходно объявить кратко, что всѣ дѣла, которыя есть между Франціею, Англіею, Гишпаніею и Статы не токмо скоро могутъ къ согласному окончанію приведены быть, но развѣ новаго развращенія во всемъ ожидать; но какъ и недавно уже каперы бискайскіе нѣсколько голландскихъ кораблей торговыхъ, идущихъ въ Португалію, взяли.

1633. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. сентября 15. Гага.

Съ послѣднею почтою изъ Франціи получили вѣдомость о вооруженіи великаго флота въ Тулонѣ и въ Марсиліи, и что намѣреніе того двора есть атаковать королевство неапольское, и чтобы цесаря изъ Италіи выгнать. Тому же намѣренію и дукъ савойскій способствовать будетъ.

Прошлая почта сюда Господамъ Статомъ принесла неприятную вѣдомость, что каперы бискайскіе взяли шесть кораблей торговыхъ голландскихъ, которые шли въ Лисбону, и что тѣмъ война на морѣ противу голландцевъ отъ Гишпаніи продолжается. И тѣмъ всему голландскому торгу великое предосужденіе есть.

Посоль французскій Шатовъ уже начинаетъ свои здѣсь интриги дѣлать и чрезъ своихъ эмиссаровъ внушаетъ въ провинціяхъ, чтобы Статы еще свои войска убавляли и содержаніемъ великаго войска подозрѣнія не чинили бы, и къ сему чрезъ многія факціи ихъ, статская, склонность есть. И по всѣмъ поступкамъ со стороны Франціи усматривается, — вѣкакій проектъ дальняго вида есть, который не обѣщаетъ ей, Франціи, въ покоѣ пребыть, но вѣчто вновь войною учинить.

1634. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. сентября 19. С.-Петербургъ.

Его царское величество изъ Финляндіи изволилъ прибыть сюда въ Санктъ-Петербургъ съ баталіономъ Преображенскимъ сего мѣсяца въ 14 день благополучно, а прочія войска тамо оставлены. А какія дѣйства военныя въ Финляндіи происходили, о томъ сдѣ-

лавъ изъ журнала экстрактъ, къ вашей милости посылаю при семь.

На письма вашей милости отвѣтъ, такожь и о дѣлѣхъ буду послѣ отпуска сего писать обо всемъ пространнымъ вскорѣ.

1635. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Кураину.

1713 г. сентября 21. С.-Петербургъ.

Получилъ я вашей милости письма, отъ 8, 15 и 18 августа, и, при возвращеніи его царскаго величества сюда изъ Финляндіи, по всѣмъ его величеству доносилъ; такожь и о томъ докладывалъ, о чемъ я къ вашей милости въ отвѣтъ на прежнія ваши писалъ. И его величество, слушавъ то все, указалъ мнѣ нынѣ, въ подтверженіе тѣхъ прежнихъ моихъ, къ вашей милости писать, дабы вы, по прежнимъ посланнымъ его величества указомъ, предложеніемъ о добрыхъ средствахъ морскимъ державамъ, ежели еще по онимъ не объявили, удерживалися и не объявляли до времени, а отговаривалися, что еще, за бытностью его царскаго величества въ Финляндіи, указа не получили. А къ господину Матвѣеву его величества указъ посланъ о медиации цесарской, чтобъ онъ отвѣтствовалъ, когда его паки о томъ вопрошать будутъ, что онъ еще отъ его царскаго величества указа на то не имѣеть, а чаеть, что его царскому величеству оная пріятна будетъ, и что того его величество не отречется; но прежде надлежитъ его величеству снестися съ своими союзники, такожь и то вѣдать, приметъ ли оную король шведскій, и подъ какими кондиціи планъ того мира отъ него, цесаря, прежде расположенъ быть имѣеть. И сіе для того ему умедливать велѣно: 1) усматривать имперскіе члены,—по выданной діетѣ

цесарской согласятся ли всё къ учиненію того сѣвернаго мира; 2) такожь что король шведскій и Порта по предложенію цесарскому отвѣтствовать будутъ, къ тому же вступить ли онъ, цесарь, въ аліансъ оборонительный съ его царскимъ величествомъ, такожь какую помочь чинить похочетъ полякомъ при наступленіи на нихъ турецкомъ.

Къ нему же, господину Матвѣву, посланъ указъ въ отвѣтъ на его письма объ аліанціи оборонительной съ цесаремъ, что его царское величество зѣло склоненъ, и дабы онъ въ то дѣло вступалъ и оное по даннымъ ему прежнимъ указомъ, ежели во всемъ согласятся, заключалъ. При томъ же велѣно ему объявить, что ежели его цесарское величество полякомъ при наступленіи турецкомъ вспомошь не изволить, то и его царское величество тому же слѣдовать будетъ, — понеже его цесарское величество съ ними оборонительный же союзъ имѣеть, и такоже властный его въ томъ есть, но еще и вѣщше, интересъ, какъ и его царскаго величества, дабы ихъ тѣмъ побудить къ вспоможенію полякомъ.

На его же письма о вступленіи противъ турковъ въ великій аліансъ, по разговорѣхъ о томъ съ нимъ, Вакербатовымъ, отвѣтствовано къ нему, что его царское величество охотно къ тому приступить хочеть, и чтобъ онъ о томъ Вакербату объявилъ. А ежели у него будутъ спрашивать цесарскіе и венеціанскіе министры о томъ, то и имъ, что онъ указъ его величества о трактованіи того имѣеть, и что его царское величество къ приступленію того оборонительнаго союза склоненъ, токмо, на какихъ кондиціяхъ оный быть имѣеть, чтобъ ему объявили. О чемъ велѣно ему стараться посторонне чрезъ польскихъ министровъ, представляя имъ изъ турецкихъ нынѣшнихъ намѣреній многія опасности какъ цесарю, такъ и венецомъ; понеже турки, хотя

вынѣшней кампаніи ничего не могутъ учинить, однакоже, предуготовившись въ магазинахъ и укрѣпя пограничныя фортеціи, въ будущую противу Польши что взначутъ, изъ чего потомъ слѣдовать будетъ какъ цесарю, такъ и венетомъ опасность. А о томъ же писано и къ резиденту Дашкову, чтобъ онъ королю предлагалъ, дабы старались о принятіи въ тотъ великій союзъ его царскаго величества. Ему же, господину Матвѣеву, при случаѣ, отъ себя велѣно говорить цесарскимъ министромъ и венеціанскому и папину нунціушу, что ежели цесарь и они вспомогать полякомъ не будутъ по должности своего союза съ ними, то и его царское величество не долженъ будетъ помогать, — чтобы тѣмъ ихъ побудить къ принятію его царскаго величества въ союзъ и къ вспоможенію Польшѣ.

Увѣдомляю милость вашу, что отъ его королевскаго величества польскаго присланъ сюда курьеръ съ грамотою его, въ которой требуетъ помощи противу турковъ, ежели-бъ ихъ наступленіе было, на которую его царское величество еще отвѣтствовать не изволилъ. А каковъ отвѣтъ изволишь учинить, и о томъ тогда вашу милость не оставлю безвѣстна. Сіе все пишу къ милости вашей только для собственнаго вашего извѣстія.

О коммерціи его царскому величеству доносишь, токмо еще свободнаго времени не было его величеству то дѣло слушать. А когда изволишь слушать, и какое его величества на то соизволеніе будетъ, о томъ къ вашей милости писать буду.

Что-жъ изволите писать о жалованьѣ вамъ на съѣздъ, такожь и о полномочной, и я о томъ, излуча время, его царскому величеству донесу.

1636. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. сентября 22. Гага.

Прошлой субботы, т. е. 19 сентября, я и министры, датскій и польскій, были позваны въ конференцію съ депутаты статскими и съ посломъ аглинскимъ милордомъ Страффордомъ, и въ той конференціи учинено намъ предложеніе со стороны потенцій морскихъ, что королева великобританская и Господа Статы генеральныхъ соединенныхъ провинцій прежде сего предлагали свои добрыя средства воюющимъ сѣвернымъ къ примиренію сѣверной войны; и хотя оныя добрыя средства отъ аліатовъ сѣверныхъ приняты, но токмо ко вступленію въ негоціацію не видится никакого начала. Того для разсудили за потребно предложить, дабы учинить армистицію между союзными сѣверными и короною шведскою генерально повсюду, и сего лучшаго способа не находится ко вступленію въ негоціацію, какъ чрезъ армистицію. При томъ же онъ, милордъ, и они, депутаты, надѣются, что мы отвѣтъ пространнѣе учинимъ на ихъ прежнія предложенія ко вступленію въ негоціацію мирныхъ трактатовъ.

На то помянутое предложеніе, впервыхъ, отъ меня было отвѣтствовано. Что привалелитъ до предложенія нынѣ армистиціи, и къ принятію сего не токмо сходно съ интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ, но весьма есть предосудительно; и того для по предложенію оному та армистиція учинена быть не можетъ. При томъ объявлялъ многіе доводы, какое есть изъ того предосужденіе, и для чего принята быть не можетъ. А сверхъ всѣхъ, я имъ послѣдній резонъ представилъ, что сія предложенная армистиція есть весьма предосудительна и противна самому ихъ, потенцій морскихъ, намѣренію и интересомъ.

Какъ ея королевино воличество, такъ и ихъ высокопочетства намѣрены чрезъ свои добрыя средства сѣверныхъ воюющихъ примирить и тишину возставить, разсуждая быть своему въ томъ интересу, а паче для коммерціи въ Балтическомъ морѣ. И на то помянутыхъ потенцій морскихъ желаніе его царское величество и его высокіе аліаты волю свою и склонность къ миру являли, которыхъ намѣреніе и доннѣ неотмѣнно продолжается. Но все продолженіе той сѣверной войны есть за несходствомъ къ тому и упрямствомъ короля шведскаго. И ежели нынѣ по сему предложенію амнистія учинена будетъ, и тѣмъ, можетъ, при нынѣшнихъ случаяхъ дастся отдыхъ непріятелю, тогда паче его, короля шведскаго, упрямство подтвердится, и та сѣверная война еще можетъ продолжена быть на нѣсколько лѣтъ, что есть весьма предосудительно ихъ, потенцій морскихъ, интересомъ и противно самому намѣренію. И на конецъ всего того моего отвѣта я имъ объявилъ, что я о семъ на доношеніе Двору брать не обязуюсь. А ежели хотять предлагать его царскому величеству, чтобы чрезъ своего тамъ резидующаго министра предложили.

Потомъ отвѣтствовалъ министръ польскій баронъ Герсдорфъ съ обстоятельствомъ многихъ другихъ резоновъ и притомъ взялъ на доношеніе ко Двору.

Что же принадлежитъ до пространнаго изъясненія о трактованіяхъ сѣвернаго мира, я и баронъ Герсдорфъ обще отвѣтствовали, что въ предбудущую недѣлю будемъ отвѣтствовать, для того что при сей конференціи министръ датскій баронъ Альфельдъ, за болѣзнию своєю, не могъ быть. Того для должны прежде съ нимъ. Альфельдомъ, согласиться. И тѣмъ та конференція окончалася, отлагаясь до предбудущей недѣли.

При семъ доношу, чего для я о семъ предложеніи объ амнистіи на доношеніе ко Двору не взялъ,

знавъ, что сіе принято отъ его царскаго величества быть не можетъ, и что я отъ персонъ вѣрныхъ увѣдомленъ былъ заранѣе, что здѣшніе Господа не того мнѣнія находятся, чтобъ армістиція была учинена, но токмо являются одною наружностью, будто сходны есть съ намѣреніемъ Англіи, и чтобы чрезъ тотъ видъ свое намѣреніе содержать, какъ они, Господа Статы, объявили ей, Англіи, въ тѣ сѣверныя дѣла мѣшаться чрезъ негоціацію добродѣтельно, а не другимъ какимъ насильнымъ образомъ.

Что же мнѣ въ указѣхъ объявлено, когда будутъ предлагать армістицію, тогда велѣно объявить, на двадцать на пять или на двадцать лѣтъ чтобы была учинена, — и о семъ нынѣ я не объявилъ и вопросовъ никакихъ не сдѣлалъ, не вступая никакимъ образомъ въ ту матерію, для того вѣдая, что на столько лѣтъ учинено быть не можетъ. И прежде вступленія въ негоціацію не нашель, чтобы было сходно о томъ объявить, токмо бы тѣмъ нѣкоторую слабость во мнѣніяхъ придалъ его царскаго величества аліатомъ: можетъ быть, что они сходны никогда къ армістиціи не будутъ.

И сего дня наступающей недѣли былъ я и министръ польскій въ камерѣ де-треве при генеральномъ конгрессѣ и имѣли для пространнаго изъясненія къ сѣверному миру конференцію съ министромъ аглинскимъ, также и съ депутаты статскими, въ которой со стороны нашей было объявлено.

Впервыхъ, говорилъ я, что они, милордъ и депутаты статскіе, уже есть извѣстны, какъ его царское величество и его высокіе аліаты потенцій морскихъ нѣкоторымъ образомъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, объявленныя добрыя средства примаютъ, токмо пространно о другихъ къ тому пристойныхъ пунктахъ не объявили. Но при семъ объявляю, что его царское величество такъ же, какъ прежде, такъ и нынѣ, обязался къ це-

сарскому величеству принять его добрыя средства, которыя обще съ ними, потенціями морскими, къ примиренію сѣверной войны примаеть, и о томъ чрезъ меня министру его, цесарскому, барону Геемсу уже предложено.

Что же принадлежитъ о мѣстѣ къ съѣзду мирныхъ трактатовъ, и какъ прежде довольно предлагалъ, что намѣреніе его царскаго величества, чтобы быть въ городъ Гданскъ,—и когда всѣ интересованныя потенціи несходны къ тому являются, тогда со стороны его царскаго величества предлагалъ городъ Бреславль, на что также равнымъ образомъ сходства не являлось. Но нынѣ высокіе аліаты его царскаго величества согласились, чтобы быть конгрессу въ Брунсвикѣ. Того для его царское величество къ тому конгрессу министровъ своихъ укажетъ послать и при томъ съѣздѣ, тамъ, а не здѣсь, пропозиціи дать. При томъ же его царское величество указалъ мнѣ какъ цесарю, такъ и королевѣ, и Господамъ Статомъ объявить свое намѣреніе, что министры курфюрста ганноверскаго въ тѣ конференціи мирныя допущены будутъ, и что его свѣтлость, обще съ помянутыми потенціи, къ окончанію мирному вспомогать будетъ.

Потомъ говорилъ баронъ Герсдорфъ, министръ польскій, что король его во всемъ томъ согласуется съ намѣреніемъ его царскаго величества,—ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства примаеть. Что же принадлежитъ до цесаря, онъ, Герсдорфъ, такихъ подлинныхъ указовъ не имѣетъ, какъ чрезъ меня было объявлено о принятіи добрыхъ средствъ цесарскихъ. Токмо, какъ король его есть принцъ цесарскій, того для разсуждаетъ необходимо быть, и что оныя добрыя средства король его, обще съ ними, потенціями морскими, примаеть.

О мѣстѣ къ трактованію мирныхъ трактатовъ ко-

роль его согласенъ съ другими потенціями, чтобы быть въ Брунsvикѣ. И того для не умедлить дать указы министрамъ своимъ къ тому съѣзду ѣхать и тамъ предложеніе къ миру учинить.

Потомъ онъ же, баронъ Герсдорфъ, отвѣтствовалъ за министра датскаго барона Альфельда, для того что за болѣзнию своею въ той конференціи быть не могъ. Содержаніе того отвѣта есть, что король его ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства примаеть, мѣсто къ съѣзду мирныхъ трактатовъ декларируетъ Брунsvикъ и министровъ своихъ къ тому съѣзду пошлетъ. И того для топерь здѣсь первыя предложенія не находятъ сходно подать, но оныя будутъ поданы при конгрессѣ мирныхъ трактатовъ.

И на то наше предложеніе милордъ Страффордъ говорилъ, что учинить доношеніе двору своему о всемъ томъ сходно его царскаго величества намѣренію къ миру, также и его высокихъ аліатовъ, и что королевѣ его есть весьма пріятно, что его цесарское величество, обще съ потенціями морскими, въ тѣхъ дѣлѣхъ былъ; такожъ и о курфюрстѣ ганноверскомъ, понеже оный курфюрстъ весьма въ тѣхъ дѣлѣхъ нѣкоторымъ образомъ интересъ свой имѣетъ по обязательству своей гарантіи многихъ трактатовъ въ циркулѣ Нижней Саксоніи.

Потомъ депутаты статскіе также взяли на доношеніе собранію статскому и впредь обѣщали отвѣтствовать.

И по обѣдѣ того же дня былъ я у министра цесарскаго барона Геemса и ганноверскаго—барона Ботмара и имъ, сверхъ прежнихъ объявленій, о той конференціи объявилъ и формальное предложеніе въ равной же силѣ учинилъ. На что оба, возблагодаря его царское величество за откровенные и склонные поступки къ ихъ государемъ, обѣщали доношеніе учинить и мнѣ впредь отвѣтствовать.

Топерь изъ предложенія обще нашего изволите видѣть, что министръ датскій о цесарѣ со стороны короля своего ничего не упомянулъ, однакоже меня увѣрилъ, что и король его цесарскія добрыя средства приметъ. И о томъ онъ заподлинно вѣдаетъ, хотя и указовъ отъ короля о томъ не получилъ; но можетъ быть, что отъ короля его уже въ Вѣнѣ прямо цесарскому двору было предложено.

О курфюрстѣ ганноверскомъ какъ министръ датскій, такъ и польскій ничего не упоминали. И когда имъ объявлялъ о намѣреніи царскаго величества, чтобы министръ ганноверскій при съѣздѣ мирныхъ трактатовъ въ конференціи былъ допущенъ, тогда не самоласковымъ лицомъ объявились. Однакоже на то мнѣ отвѣтствовали, что королямъ ихъ за противность то не будетъ.

Здѣсь дѣла между Гишпанією и Статами къ великому несогласію приходятъ, такъ что весьма чають надобно, что между ними война моремъ начнется. И надѣюся, что на сихъ недѣляхъ изъ тѣхъ дѣлъ окажется.

Вечоръ, бывъ у меня, министръ цесарскій мнѣ объявилъ, что уже въ Амстрадамѣ купечество обѣщаетъ довольную сумму отъ себя, дабы вооружить корабли противу Гишпаніи и тѣмъ то коммерцію отворить и въ прежнее состояніе привести.

Въ имперіи французы при Фридрихсбургѣ линію цесарскую перешли и два регимента порубили, и въ полонъ взяли, и намѣревы помянутый городъ осаживать. И по всему видится быть худымъ послѣдованіямъ въ дѣлахъ цесарскихъ и всего цесарства.

Посоль французскій Шатоновъ, четвертаго дня бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ и милордомъ Страффордомъ, говорилъ, что король его надѣется, что потенціи морскія, обще съ нимъ, будутъ въ сѣверныхъ

дѣлѣхъ трудиться. дабы сыскать способы къ примиренію той сѣверной войны. И на тѣ его разговоры каковъ отвѣтъ учиненъ отъ милорда Страффорда, — знать не могу. но отъ Статовъ еще по се число не отвѣтствовано.

Прежними своими письмами доносилъ о трактатѣ коммерціи и при томъ доношеніи резолюцію статскую послалъ, также и о пожженныхъ пяти корабляхъ. Того для прошу объ оныхъ дѣлѣхъ съ прилежностью приказать разсмотрѣть и мнѣ, не умедля, указомъ его царскаго величества опредѣлить. дабы, не упуская, тѣ оба дѣла могли быть нынѣ при такихъ нужныхъ случаѣхъ къ окончанію приведены. И на то все съ желаніемъ впредь буду ожидать указу.

Въ запасъ для остерегательства доношу. Ежели резидентъ голландскій будетъ предлагать объ армістичіи, я надѣюся, что изволите ему отвѣтъ учинить, слагая на меня, что будетъ отвѣтствовано здѣсь чрезъ меня. Однакоже не чаю, чтобы къ нему, резиденту, какой статскій указъ былъ посланъ, для того что ихъ, статскаго, прямого намѣренія въ томъ нѣтъ.

1637. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. сентября 25. Гага.

По отпращиваніи моего прошлой почты, въ дѣлѣхъ сѣверныхъ больше здѣсь не происходило. Токмо министръ пецарскій и ганноверскій съ депутаты статскими уже имѣли свои конференціи о сѣверныхъ дѣлахъ для согласія ко вступленію оныхъ и потомъ доносили своимъ дворамъ, какимъ образомъ имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ належають поступить.

Посоль французскій Шатововъ 22-го присылалъ ко мнѣ своего дворянина съ объявленіемъ своего пріѣзда

въ характерѣ чрезвычайнаго посла отъ короля своего къ Господамъ [Статамъ] и при томъ мнѣ обыкновенный куплементъ учинить.

И насупротивъ оаго по обѣдѣ посылалъ я къ нему своего дворянина его съ счастливымъ пріѣздомъ поздравить и взаимный куплементъ учинить.

И назавтрее того дня былъ я у него, посла французскаго, отдать ему первую визиту, какъ то обыкновенно чинится, гдѣ былъ принять отъ него со всякою учтивостью.

И на другой день онъ, посоль французскій Шатонвъ, былъ у меня отдавать контровизиту.

1638. Князь Б. И. Куракинъ — князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. сентября 25. Гага.

Къ прежнему моему напоминаю, что, хотя Альфельдъ о цесарѣ не предлагалъ такъ, какъ я, токмо нынѣ увѣдомился, что король датскій третьяго дня писалъ къ Статамъ и объявилъ, что ихъ добрыя средства примаетъ, также именно и цесарскія, — и сіе весьма разумно учинено, — также и что оный дворъ согласился съ мнѣніемъ единымъ, чтобы здѣсь пропозицій не подавать, для того, ежели здѣсь поданы будутъ, то весьма надобно опасаться отлученія котораго ни есть изъ нашего аліанса.

Я здѣсь когда объявлялъ намѣреніе его царскаго величества министру польскому и датскому о курфюрстѣ ганноверскомъ, и отъ обоихъ отъ нихъ въ томъ противности викакой не видѣлъ. Токмо рассудилъ за потребно вашему сіятельству объявить, и желаю вѣдать, какого мнѣнія датскій дворъ о семъ находится. Но токмо не чаю, чтобы могли къ предосужденію своему причесть, для того что его царское величество въ тѣ

дѣла его, курфюрста, вводить для властнаго-жъ интереса его, короля датскаго, и польскаго, дабы въ интересахъ, что принадлежитъ къ имперіи, партія наша множественнѣе была, нежели слабѣе, для того что король прусскій весьма будетъ бесполезенъ намъ, какъ видится по всѣмъ того двора поступкамъ.

Изъ присланной грамоты короля датскаго къ Статомъ топерь я вижу, что господина Альфельда кредитъ не умножается, но развѣ упадаетъ, для того что мимо его сіе учинено и внѣ вѣдѣнія его.

1639. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. сентября 26. С.-Петербургъ.

Сего сентября въ 10 день прислана въ посольскую канцелярію изъ Санктъ-Петербургской канцеляріи память о допросѣ князь Алексѣя, князь Васильева сына, Долгорукова о продажѣ вотчины его, которую продала въ прошломъ 1712 году тѣтка его, князь Алексѣева, вдова Анна, Степанова дочь, Матвѣева, жена Степанова сына Пушкина, Василью, Павкратьеву сыну, Литвинову по письму изъ Амстердама его, князь Алексѣеву, которой памяти, для извѣстія вашей милости и подлиннаго о той продажѣ выразумленія, при семъ моемъ прилагаю списокъ. И ваша милость изволите по приложенному съ той памяти списку у него, князь Алексѣя, князь Васильева сына, Долгорукова, о продажѣ его вотчины, взявъ сказку по обычаю за его, князь Алексѣевою, рукою, прислать сюда въ посольскую канцелярію.

1640. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. сентября 29. Гага.

По отправленіи моего письма прошлой почты къ вашей милости, министръ шведскій Пальмквистъ былъ позванъ въ конференцію, въ которой, чрезъ депутатовъ статскихъ и милорда Страффорда, ему, Пальмквисту, было предложено объ амнистіи въ той же силѣ, какъ и намъ. При томъ ему объявили всѣ ваши предложенія послѣдней конференціи, что аліаты сѣверные ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства, также и цесарскія примаютъ и къ сѣзду мѣсто назначиваютъ Брунвикъ; и ежели онъ, Пальмквистъ, имѣетъ указы отъ короля своего, и чтобы мнѣнія короля своего ко вступленію въ негоціацію объявилъ.

На то помянутый Пальмквистъ отвѣтствовалъ, что надѣется быть короля его къ постановленію амнистіи, а о прочемъ всемъ взялъ на доношеніе двору.

Что же привалезитъ до принятія добрыхъ ихъ средствъ, и король его того не отречется, ежели отъ нихъ, потенцій морскихъ, изслѣдовано будетъ по обязательствамъ ихъ чрезъ трактаты, учиненные съ короною шведскою, также и по актамъ гарантіи какъ ими, такъ и цесарскимъ величествомъ трактаты вестфальскій, альтенскій, травендальскій, альтранштадтскій въ силѣ своей содержаны будутъ.

Увѣдомилъ чрезъ газеты о сдачѣ Штеттина, и тѣмъ вашу свѣтлость низжайше поздравляю.

Статы прошлой субботы въ собраніи своемъ взяли резолюцію, чтобы никакой гарантіи на добры принцессы Урсини по претензіямъ гишпанскимъ не давать, и министрамъ гишпанскимъ велѣли объявить.

Помянутые же Господа Статы указъ дали всѣмъ каперамъ морскимъ моремъ противу Гишпаніи чинить.

И слышимъ, что въ секретномъ консиліи проектъ учиненъ, чтобы къ веснѣ противу Гишпаніи вооружить тридцать военныхъ кораблей.

1641. Ниязь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1718 г. сентября 29. Гага.

Вашего превосходительства, подь № 22, сентября отъ 5, изъ С.-Петербурга, получилъ и содержаніе того уразумѣлъ въ той силѣ, что лучше было не говорить мнѣ нарочно ратпенсіонарію о цесарской медиации, ибо она я интересомъ его царскаго величества полезнѣе, нежели французская, и аглиивская, и голландская, и что надлежитъ нынѣ смотрѣть, каковы Швеція въ томъ поступки воспріиметь, и что на цесарское предложеніе отвѣтствовать будетъ, и кого лучше избереть въ медиаторы, —можетъ быть, что цесаря и потенціи морскія, и что при дворѣ есть мнѣнія такого, что полезнѣе одну цесарскую медиацию принять, нежели—всѣхъ другихъ.

На все то беру смѣлость въ отвѣтъ доносить.

Повинность моя есть всегда соглашаться съ мнѣніемъ дворовымъ и также признать за погрѣшеніе онаго разговора моего съ ратпенсіонаріемъ, —токмо я чаялъ, чтобы сіе за пріятно было принято, нежели за противность, для того что чрезъ тотъ разговоръ показалъ ихъ, статское, намѣреніе, и тѣмъ никакого вреда интересомъ его величества не учинилъ, ниже помѣшательства тому предложенію цесарскому, и изъ разговоровъ его, пенсіонаріевыхъ, въ противность ничего не призналъ. А что они замѣшиваться будутъ въ дѣла сѣверныя, и что недовольнымъ явился поступкомъ цесарскимъ, —весьма то есть безъ всякой противности къ интересамъ его царскаго величества, для того ни воюющіе обѣихъ сторонъ сѣверныя, ни цесарь отлучить ихъ отъ тѣхъ дѣлъ

не могутъ. А для чего отлучены быть не могутъ, уже довольно чрезъ мои прежнія доношенія объявлено. Также поступокъ здѣшней республики съ начала своей бытности я видѣлъ всегда склонный къ интересомъ его царскаго величества, такъ и донинѣ то ихъ доброжелательное намѣреніе продолжается, чему и впредь надѣюсь быть. И о всѣхъ тѣхъ ихъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ уже въ самомъ дѣйствѣ къ интересамъ его царскаго величества довольно было показано, какъ все турецкое дѣло донинѣ ими было содержано, о чемъ, чаю, и господинъ баронъ Шафировъ свидѣтелемъ будетъ.

По всѣмъ домогательствамъ Англіи, чтобы въ Балтическое море послать обще шквалды и чтобы датскаго принудить къ партикулярному миру, также дѣла голштенскія насильнымъ образомъ успокоить, къ чему право и обязательство по своей гарантіи трактата травендалскаго объ потенціи морскія имѣютъ, но Господа Статы съ нею, Англіею, въ тѣ намѣренія не вступили и шквалды своей не послали, но тѣмъ и аглинское намѣреніе удержали.

При сѣздѣ утрехтскомъ министры французскіе съ шведскими весьма трудились вступить въ сѣверныя дѣла, что принадлежитъ въ имперіи къ интересамъ шведскимъ по вестфальскому трактату, и то не допущено было чрезъ графа Цинцендорфа, министра цесарскаго, и ихъ, Господь Статовъ.

Сверхъ всѣхъ сихъ добрыхъ оказательствъ ихъ, Господь Статовъ, къ интересомъ его царскаго величества на домогательство Англіи уже письменно декларовали своею резолюціею милорду Страффорду на его меморіалъ, что никакимъ насильнымъ образомъ отнюдь въ тѣ сѣверныя дѣла мѣшаться не будутъ, но будутъ поступать добродѣтельными своими поступки чрезъ неготиацию.

И все намѣреніе противное Англіи доннѣ къмъ предудержалося, что не сею республикою? Также и впредь, ежели здѣшняя республика ничего противнаго не воспріиметь, весьма надежны можемъ быть, что Англія одна противнаго не учинить.

И желалъ бы вѣдать: ужели-ль довольно всѣхъ тѣхъ доказательствъ о доброжелательныхъ поступкахъ къ его царскому величеству о сей республикѣ?

Не извольте о мнѣ того мнѣнія быть, чтобъ я такъ парціально о тѣхъ ихъ поступкахъ статскихъ изъяслялъ для своего собственнаго интереса, т. е. показуя о себѣ, будто бы то все мною предудержано и учинено было, и тѣмъ бы вмѣнялъ быть моихъ услугъ. Но я конечно сего мнѣнія не нахожусь и никакихъ такъ великихъ услугъ еще его царскому величеству не показалъ, но желаю отъ всего моего сердца мои вѣрныя услуги явить и со всякою прилежностью положенныя мнѣ дѣла исправлять.

А что оный ихъ склонный статскій поступокъ къ интересамъ его царскаго величества при нынѣшнихъ конъюктурахъ есть взаимно обязанъ съ ихъ общимъ интересомъ, для того что миръ предосудительный съ Франціею учиненъ чрезъ насиліе аглицкое, и чрезъ тотъ, какъ отъ Франціи, такъ и отъ Англіи, принуждены быть безокойны, понеже оныя Франція и Англія весьма согласны ихъ коммерціо умалить. И явво тѣ нынѣ интриги открылись, что Гишпанія, по тайному согласію съ Англіею, по се число съ ними, Статами, мира своего не заключаетъ и даетъ время, дабы агличане въ Гишпаніи могли одни прежде на добромъ основаніи свое коммерціо постановить.

Также они, Господа Статы, съ королемъ шведскимъ весьма въ явномъ непріятельствѣ есть чрезъ многіе свои поступки, склонные къ интересомъ его царскаго

величества, а особливо чрезъ турецкое дѣло. А паче, чаю, уже извѣстно изъ посланныхъ отъ меня копій съ писемъ, каковы писаны были въ Стокгольмѣ отъ резидента голландскаго къ графу Горну, и каковъ отвѣтъ учиненъ былъ отъ него.

И для всѣхъ тѣхъ причинъ ихъ, статское, намѣреніе непоколебимо есть содержать свою постоянную дружбу съ его царскимъ величествомъ и съ его аліаты, и при всякихъ случаяхъ на оныхъ они упованіе имѣютъ. А особливо нынѣ отъ угрозъ короля прусскаго, который непрестанно предлагаетъ и хочетъ, чтобъ его принять за наслѣдника княжества оранскаго и всѣхъ добръ короля Вильгельма; также чрезъ то ищетъ способа, дабы могъ быть статгальтеромъ, которому намѣренію Господа Статы прусскаго Двора весьма есть противны, такъ что всѣ тѣ претензіи прусскія къ исполненію за невозможность примаются.

Къ тому-жъ ихъ, статское, намѣреніе уже я объявилъ чрезъ довошенія свои о коммерціи, что весьма находятъ свой интересъ, чтобы царское величество имѣлъ въ Балтическомъ морѣ свои пристани, чрезъ которую коммуникацію, такъ ближнюю, надѣются быть своему интересу, какъ къ умноженію тѣсной своей дружбы, такъ и къ распространенію своей коммерціи. И по всему изволите видѣть, что они, Статы, частью имѣютъ натуральную свою склонность и доброжелательныя свои намѣренія къ интересамъ его царскаго величества и его аліатовъ, но частью и для своихъ властныхъ интересовъ, безъ чего никакая потенція съ другою не можетъ въ союзъ обязана быть. Къ тому-жъ еще не видать конца дѣль между Франціею и цесаремъ. И, какъ видится, что къ пользѣ цесарской ничего быть не можетъ, но развѣ къ великому предосужденію; того ради не безъ опасности болѣе еще отъ Франціи остаются, для того что упадокъ имперіи касается къ са-

тому ихъ сердцу статскому, и того для предусматривая, не хотять друзей своихъ, т. е. аліатовъ сѣверныхъ, отлучиться и потерять.

Еще же напоминаю на мой разговоръ съ ратпенсіонаріемъ, такъ откровенный, о медиации цесарской, что я уже довольно прежде своими доношеніи даль знать и засвидѣтельствовалъ о добронамѣренныхъ его поступкахъ къ интересамъ его царскаго величества, и что всѣ министры аліанса сѣвернаго тѣмъ образомъ съ нимъ поступаютъ, понеже всѣ дѣла конечно имъ содержаны были и впредь могутъ быть.

Но ежели сей мой поступокъ противень является и предосудителенъ интересомъ его царскаго величества, прошу ваше превосходительство приказать мнѣ дать знать и повелѣть его указомъ, какъ бы могъ впредь поступать.

Топерь буду доносить о медиации цесарской, будто-бъ оная могла быть полезнѣе, а другихъ потенцій предосудительнѣе. Правда, я всегда того мнѣнія находилъ, что французская медиация съ англійскою, однихъ, можетъ быть предосудительна интересамъ сѣвернаго аліанса: но теперь объявлю, что цесарская одна медиация весьма не можетъ быть ни полезна, ни вредительна, и о семъ ссылаюся на доношеніе свое, отправленное отъ 57-го нумера. Но при семъ повторительно упоминаю,—впервыхъ, надлежитъ смотрѣть медиатора, ежели есть въ состояніи онымъ быть и намѣренія свои правдивыя неутральныя содержать. Но цесарь внѣ силы своей всего того содержанія, и изъ войны съ Франціею предусматривается такому худому послѣдованію ему, цесарю, и цесарству, что миръ на пожелаемыхъ кондиціяхъ отъ Франціи учиненъ быть можетъ. И въ такомъ случаѣ безсумнительнымъ надобно быть, что трактатъ вестфальскій возобновленъ будетъ, котораго силою всѣ провин-

ціи шведскія, лежація въ имперіи, въ прежнемъ состояніи принуждены будутъ содержать.

Я чаю, уже вамъ извѣстно есть, что французская армія, въ полутора ста тысячахъ, перешедъ рѣку Рену, внутри имперіи обрѣтается, и что часть цыркуля швабскаго въ контрибуцію положена. Но принцъ Евженій въ восьмидесяти тысячахъ тѣмъ довольствуется, что линію свою сохраняетъ и внизъ Рены рѣки къ Франкфурту имперію прикрываетъ.

Точеръ надлежитъ разсудить, что бы въ предбудущую кампанію послѣдовать могло; но кромѣ страха и великаго предосужденія дѣламъ имперскимъ не видится.

Второе. Принятіе медиации цесарской есть въ волѣ союзныхъ сѣверныхъ общимъ согласіемъ, также и противной партіи. И сумнѣваюся, ежели-бъ аліаты его царскаго величества его одного цесарскую медиацию похотѣли принять, для того что, видя его, цесаря, внѣ состоянія и силы своей къ тому дѣлу, а наипаче, чтобы тѣмъ потенцій морскихъ не раздражить. И намѣреніе оныхъ его величества аліатовъ уже изъ моего доношенія двору, отъ 28 іюля, видимо было, что, при послѣднемъ предложеніи намъ потенцій морскихъ, уже тогда же министры, датскій и польскій, добрыя ихъ средства приняли, но я токмо одинъ взялъ на доношеніе ко двору.

Также и нынѣ, когда я намѣреніе его царскаго величества онымъ министрамъ объявилъ, что желаетъ, дабы принять добрыя средства цесарскія обще съ ними, потенціями морскими, также и курфюрста ганноверскаго въ тѣ дѣла ввести,—и по многимъ моимъ имъ предложеніямъ не могли мнѣ явно изъявить о цесарѣ и курфюрстѣ ганноверскомъ намѣреніе своихъ королей.

И какъ изволите видѣть изъ послѣдней нашей конференціи, въ письмѣ моемъ отъ 59 №, что и въ той

министръ польскій въ равной со мной силѣ не хотѣлъ говорить о цесарѣ, но двойкимъ сенсомъ упоминалъ. А отвѣтъ министра датскаго былъ токмо принять ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства, а о цесарѣ ничего не упомянулъ; и потомъ на третій день получилъ указъ, что и о принятіи цесарскихъ добрыхъ средствъ декларовать, и четвертаго дня ратпенсіонарію декларовалъ. И не хочу за пространствомъ и такъ довольнаго письма всего изъяслять, какую я съ ними, министры польскимъ и датскимъ, имѣлъ трудность и приводилъ къ тому, дабы единогласно говорить о цесарѣ и помянутомъ курфюрстѣ, и чтобы никакимъ несогласнымъ отвѣтомъ потѣшенія непріятелю не дать. И о цесарѣ, наконецъ, какъ выше упомянулось, къ согласію пришли, но о курфюрстѣ ганноверскомъ ничего они не упоминали, и такъ донынѣ осталось.

И посему извольте разсудить, что аліаты его царскаго величества отлучиться потенцій морскихъ не намѣрены были и не могутъ; но развѣ его царскому величеству одному цесарскую медиацию примать безъ своихъ аліатовъ, и тогда бы не могло найтись способа лучше къ возставленію самаго несогласія между аліаты съверными и учиненія каждому партикулярнаго мира, какъ чрезъ сей способъ.

Въ принятіи той же цесарской медиации также участокъ имѣеть непріятель, и уже цесарскій дворъ, безъ сумнѣнія, чаю, отвѣтъ отъ короля шведскаго могъ получить; но за непотребно оный разсуждаютъ объявить. понеже онъ, король шведскій, въ прежнемъ своемъ упрямствѣ такъ состоитъ, что не токмо цесаря одного медиацию принять хочеть, ниже здѣшнихъ потенцій вмѣстѣ. И еще больше извольте смотрѣть изъ отвѣта министра шведскаго Пальмквиста, который нынѣ, бывъ 25 сего сентября въ конференціи съ депутаты статскими и милордомъ Страффордомъ, въ которой они

предлагали добрыя свои средства королю его, и что со стороны аліатовъ сѣверныхъ добрыя ихъ средства потенцій морскихъ и цесарскія приняты, и мѣсто къ съѣзду объявили Брунsvикъ, и чтобы онъ, министръ шведскій, ежели имѣеть какіе указы отъ короля своего, объявилъ бы имъ на все сіе его намѣреніе, на что имъ отвѣтствовалъ, что онъ никакихъ указовъ отъ короля своего ко вступленію въ негоціацію мирную и назначивать мѣсто къ съѣзду не имѣеть, и будетъ о томъ доносить королю своему. А что надлежитъ къ принятію добрыхъ средствъ такимъ образомъ, чтобы было изслѣдовано по обязательству съ короною шведскою многихъ трактатовъ, какъ отъ нихъ, потенцій морскихъ, такъ и отъ цесаря, яко гарантовъ, то есть, трактаты вестфальскій, альтенскій, травендальскій и альтранштадтскій, каждый въ силѣ своей изъ нихъ содержать, тогда король его ихъ добрыхъ средствъ принять не отречется.

Сей отвѣтъ, несходный къ миру, министра шведскаго такъ полезенъ къ интересамъ его царскаго величества и его аліатовъ, что еще больше кредитъ нашъ не токмо въ здѣшней републикѣ возставляется, но и въ самой Англии, для того что, за несходствомъ къ миру, онъ, король шведскій, и ей, Англии, омерзѣеть. Но аліаты сѣверные чрезъ показаніе свое склонное къ миру и принятію добрыхъ средствъ, какъ цесаря, такъ и потенцій морскихъ, всегда право и резонъ важный предъ всѣми имѣть будутъ.

И топерь объявлю о принятіи медиации или добрыхъ средствъ со стороны непріятельской, — что, когда непріятель приметъ резолюцію вступать въ негоціацію мирную, тогда, конечно, безъ медиации Франціи или добрыхъ ея средствъ никогда въ тѣ мирныя дѣла не вступить. И когда безъ Франціи она, Швеція, въ негоціацію не вступить, тогда и къ съѣзду въ такое

мѣсто министровъ своихъ не пошлетъ, гдѣ-бы не могли французскіе министры пріѣхать, наприкладъ, какъ нынѣ въ имперіи за войною; къ тому же трудно предусмотрѣть, чтобы миръ сѣверный могъ сдѣлаться прежде, нежели миръ у цесаря и цесарства съ Франціею.

И топерь изволите увидѣть, что будетъ послѣдовать изъ сего предложенія цесарскаго о сѣздѣ въ Брунsvикъ. Какъ вамъ извѣстно, что цесарь предложилъ Брунsvикъ къ сѣзду мирныхъ трактатовъ, того для и мы, обще между собою, съ датскимъ и польскимъ министромъ согласились объявить тотъ же Брунsvикъ къ сѣзду мирныхъ трактатовъ, понеже ко Гданску и къ Бреславлю весьма никто склонности своей не явилъ. И будемъ смотрѣть, какъ скоро цесарь въ то мѣсто министровъ своихъ пришлетъ, также и король польскій и датскій, и другія интересованныя потенціи. Но ежели министры шведскіе къ тому сѣзду не пріѣдутъ, что въ такомъ случаѣ возможно учинить будетъ?

Я бы топерь чаялъ, чтобы вы изволили того мнѣнія быть, что, когда министры шведскіе въ Брунsvикъ къ сѣзду не будутъ, тогда бы цесарь, согласясь со всею имперіею, короля шведскаго наказалъ, или бы противнаго что ему учинилъ такъ, какъ изъ Вѣны объявлено въ предложеніяхъ цесарскихъ. И сумнѣваюся, чтобы цесарь могъ учинить.

Я не перенимаю такъ великое дѣло на себя одинъ разсуждать, токмо желаю, чтобъ изволили вѣдать о намѣреніяхъ дворовъ датскаго и польскаго, которыхъ мнѣнія, надѣюся, съ симъ моимъ доношеніемъ сходнымъ быть. При семъ же объявлю, ежели бы потенціи морскія отлучить отъ добрыхъ ихъ средствъ, каково бы предосудительно то интересомъ его царскаго величества было! И не хочу много доводовъ писать, но кратко объявлю.

Извольте напоминать, что онѣ, потенціи морскія, имѣютъ трактаты союза оборонительнаго съ короною шведскою, и ежели бы добрыхъ ихъ средствъ не принять и имъ отказать, тогда не могутъ ли озлоблены отъ насъ быть и свободныя руки имѣть, и по обязательству помянутыхъ трактатовъ во всемъ изслѣдовать, нежели-бъ ихъ обязанныхъ въ тѣхъ дѣлѣхъ видѣть чрезъ принятіе помянутыхъ добрыхъ ихъ средствъ.

Хотѣлъ бы кому вопросъ учинить: цесарь ли въ состояніи есть зло или добро кому изъ воюющихъ сѣверныхъ учинить, или потенціи морскія?

Безъ сумнѣнія надѣюся, что всякъ мнѣ будетъ отвѣтствовать не о цесарѣ, но о потенціяхъ морскихъ, что оныя есть въ состояніи добро и зло учинить, для того что имѣютъ свободныя руки и необязанныя такъ въ войнѣ, какъ цесарь; къ тому-жъ оныхъ потенція моремъ вредительна можетъ быть какъ датскому королю, такъ и другимъ. Но цесарь внѣ силы своей свои собственные интересы содержать, нежели посторонніе охранять.

Того для видится, что не надлежитъ озлобить тѣхъ, которые въ состояніи всякое зло учинить, но содержать оныхъ въ дружбѣ, отъ которыхъ уже она дѣйствительно продолжается, т.-е., какъ здѣшніе Господа Статы, понеже ничего противнаго интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ не воспріемлютъ, но всѣхъ отъ того предудерживаютъ. И не чаю, чтобъ его царское величество больше чего требовалъ къ своимъ интересомъ отъ сей республики, также и отъ другихъ потенцій, токмо, чтобы не мѣшали его счастливымъ оружіемъ чинить надъ непріателемъ прогрессы. И до сего числа никакого помѣшательства невидимо было.

Также напоминаю о намѣреніяхъ его царскаго величества. Какъ я усмотрѣлъ изъ присланныхъ ука-

зовъ ко мнѣ съ курьеромъ въ артикулѣ о планѣ мирномъ, что его царское величество не токмо себѣ не желаетъ установленія какого мирнаго плана отъ другихъ потенцій, ниже своему непріятелю, ежели бы что и противъ его могло быть; но желаетъ, дабы оставлены были безъ того плана, и чтобы миръ учинить добровольно съ обѣихъ сторонъ, — и Господа Статы о томъ планѣ мирномъ весьма противу аглинскаго мнѣнія и къ учиненію такого мирнаго плана склонности своей не являютъ.

Также напоминаю о намѣреніяхъ его царскаго величества, чтобы сею негоціаціею не спѣшить, но усматривать со временемъ дѣлъ, и что приняты ихъ, потенцій морскихъ, обще съ цесаремъ добрыя средства, то не нахожу лучшаго способа къ продолженію той негоціаціи, для того что еще имъ надобно довольное время имѣть къ соглашенію объ одномъ мѣстѣ къ съѣзду мирныхъ трактатовъ, также и о другихъ принадлежащихъ дѣлѣхъ. А ежели-бъ опасность была въ какомъ случаѣ несогласномъ между ими и къ предосужденію интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ, — и изъ того ничего не видится, для того что отъ несогласія между ими дѣла могутъ продолжаться. А продолженіе не есть предосудительно интересомъ союза сѣвернаго, но развѣ непріятелю, что уже въ самомъ убожествѣ и въ послѣдней крайности она, Швеція, застаеть.

Топерь при семъ нахожу за потребно донести, что наша опасность есть, чтобы Франція не замѣшалась въ оныя сѣверныя дѣла. И наприкладъ, ежели необходимо есть, что она, Франція, при тѣхъ дѣлѣхъ будетъ, — и тогда что бы могла предосудительнаго интересомъ его царскаго величества учинить? Я чаю, не что иное, токмо аліатовъ сѣверныхъ въ несогласіе приводитъ будетъ и къ партикулярному миру датскаго или польскаго

склонять. И ежели бы нынѣ не были такіе прогрессы надъ непріателемъ отъ счастливаго оружія его царскаго величества, а къ миру бы партикулярному склонность короля шведскаго явилась съ которымъ изъ аліатовъ нашихъ, тогда бы, конечно, миръ партикулярный уже учиненъ былъ. Но по счастливымъ нынѣшнимъ прогрессамъ его царскаго величества видится, что Швеція приходитъ къ самому крайнему бѣдству и что принуждена будетъ учинить миръ честный и прибыточный аліатомъ сѣвернымъ. И въ такомъ нынѣшнемъ случаѣ аліаты его царскаго величества больше похотятъ общій миръ учинить, нежели партикулярный.

Еще же къ тому больше здѣсь предусматривается. Когда Богъ благословитъ его царскому величеству нынѣшнюю счастливо кампанію окончатъ и Або взять, также и Финляндію подъ свое правительство привести,—и тогда паче аліаты его царскаго величества въ лучшемъ надѣяніи будутъ. А ежели бы при вступленіи предбудущей кампаніи хотя кто изъ нихъ и примирился, тогда не чаю изъ отлученій оныхъ великому убытку быть, понеже и сей кампаніи видѣли мало прибытка.

Наконецъ, все сіе разсуждаю быть моею должности донести, усматривая по состоянію дѣлъ, въ какой ситуациі нынѣ ихъ нахожу, но впредь ежели всё то такъ послѣдовать безъ отмѣны будетъ, не могу обнадежить, или всѣмъ тѣмъ сѣвернымъ дѣламъ конца благого предусмотрѣть чрезъ одного цесаря, или чрезъ потенціи морскія; но все то оставляю въ разсужденіе вашего превосходительства. И ко всему тому подтврждаю, что я ничего противу указовъ, и что бы не было сходно съ интересомъ его царскаго величества, не учинилъ. А объявленіе учинилъ здѣсь о принятіи добрыхъ средствъ потенцій морскихъ и цесарской, и курфюрста ганноверскаго по присланцымъ ко мнѣ указомъ до полученія

вашего превосходительства письма, какъ я уже объявлялъ прежними своими. А что нынѣ въ послѣдней конференціи говорили съ министры нашихъ аліатовъ и намѣреніе своихъ государей экспликовали, какъ о мѣстѣ къ съѣзду, такъ и о прочемъ, того для, что мнѣ уже было удержать себя и отпереться невозможно, что до указа о томъ министромъ нашихъ аліатовъ, также пенсіонарію и милорду Страффорду объявилъ, и что уже, имѣвъ указы, министры датскій и польскій отъ дворовъ своихъ отвѣтствовать, такъ по согласію и отвѣтствовали,—однакоже не извольте сумнѣваться, чтобы сему способъ не могъ найденъ быть, ежели его царское величество пожелаетъ потенцій морскихъ добрыхъ средствъ отлучиться, а одного цесаря медиацию принять,—наивпервыхъ, что потенцій морскихъ токмо приняты добрыя средства, а цесарская ежели будетъ медиация, которая есть важнѣе, и того для послать министровъ съ цесарскими въ Брунсвикъ, несмотря на то, пришлютъ ли туда онѣ, потенціи морскія, своихъ министровъ или нѣтъ. Когда изволите ко мнѣ отписать, тогда впредь доносить буду.

О планѣ или предложеніяхъ мирныхъ министра шведскаго уже трудились, чтобы письменно достать, не одинъ я, также датскій и польскій министры, и не могли, для того что они у одного въ рукахъ милорда Страффорда, а не у Статовъ. И когда милордъ Страффордъ депутатомъ казалъ, и которые изъ нихъ чли, оныя намъ сообщили, что содержаніе оныхъ въ той силѣ есть, чтобъ отъ трактата вестфальскаго всѣ трактаты: оливскій, альтенскій, травендальскій, альтранштадтскій, каждый въ своей силѣ содержаны были; и всё, что въ нынѣшняю войну аліаты сѣверными взято, чтобы назадъ коронѣ шведской возвращено было, а за награжденіе понесенныхъ убытковъ обѣщалъ объявить впредь при вступленіи въ негоціацию. И по такимъ

несостоятельнымъ и бездѣльнымъ запросамъ не видится нужды, чтобъ оныя предложенія письменно видѣть. Также и по сему можно видѣть, что оныя уничтожены, чего для намъ по се число не сообщены, какъ обыкновенно бываетъ, что противной сторонѣ предложенія другого объявляютъ.

Велѣно мнѣ провѣдать, ежели купцы голландскіе во Франціи, въ Гишпаніи, въ Англіи и въ другихъ земляхъ равныя ли платятъ пошлыны противу тамошнихъ подданныхъ. И купцы голландскіе равно вездѣ съ подданными въ тѣхъ земляхъ платятъ. И извольте приказать справиться съ трактатами коммерціи, учиненными нынѣ у Франціи съ Голландіею, которые уже печатные я прежде сего ко двору послалъ: тамъ о семъ артикулѣ найдется. Токмо сіе намъ въ примѣръ не можетъ быть, для того что здѣсь во всѣхъ государствахъ установлены тарифы, въ которыхъ объявлена заплата пошлыны съ товаровъ, понеже то премѣняется со временемъ, смотря по умноженію какихъ мануфактуръ, какъ наприкладъ, нынѣ шляпъ въ Россійскомъ государствѣ довольно дѣлаютъ, и того для надлежитъ пошлыну на шляпы положить 20 процентовъ, а прежде токмо было 5 процентовъ, для того, чтобъ отъ большой пошлыны вывоза меньше было, и тѣмъ бы придать торгъ охотнѣе своимъ шляпочникомъ и распространить оное ремесло.

И здѣсь сіе расположеніе тарифовъ для того, что, по учиненіи трактатовъ коммерціи, они между собою не могутъ привозъ товаровъ заказать, какъ указомъ его царскаго величества въ Россіи чинится.

Прошлой субботы Господа Статы взяли резолюцію на претензіи гишпанскія о награжденныхъ добрахъ въ дукатствѣ люксембургскомъ принцешѣ Урсинѣ, чтобы никакой гарантіи не давать, и что они, Статы, въ сей претензіи иными образы не могутъ поступить, хотя и

миръ съ Гишпанією за тѣмъ къ окончанію своему не можетъ приведенъ быть. И ту свою статскую резолюцію велѣли объявить въ Утрехтѣ чрезъ полномочныхъ своихъ министровъ гишпанскимъ посламъ дуку Доссуну и прочимъ.

Они же, Статы, взяли резолюцію и дали указъ, какъ въ Зейляндіи, такъ и въ другихъ провинціяхъ, всѣмъ своимъ каперомъ на морѣ всякое непріятельство противу гишпанцевъ чинить.

1642. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головину.

1718 г. сентября 29. Гага.

Ваше, мой государь, письмо, отъ 22-го сентября, съ приложенными получилъ и за пріобищеніе новинъ о Штеттинѣ благодарствую и съ тою доброю вѣдомостью поздравляю. При томъ прошу приказать мнѣ отписать: чей гарнизонъ посаженъ будетъ, и чѣмъ оное дѣло окончается, и войскъ російскихъ маршъ скоро ли въ отечество свое будетъ.

Нахожу сходно вамъ, мой государь, дать знать, что съ послѣднею почтою изъ Англіи здѣсь получили списки съ письма, писаннаго отъ статскаго королевина секретаря Врумлея къ министру готторпскому графу Фондернату, въ которомъ ему объявляетъ, что королева указала послать указъ къ министру своему въ Берлинъ, къ господину Бреттову, чтобъ онъ предлагалъ двору прусскому, дабы обще съ нею, Англією, вступа въ дѣла голштенскія, взять въ секвестрацію всю Голштенію. А къ изслѣдованію всего того дѣла она, королева, его, короля прусскаго, при всѣхъ случаяхъ содержать обѣщаетъ.

Четвертаго дня Статы Генеральныя взяли резолюцію, чтобъ отнюдь никакой гарантіи на претензіи прин-

цеши д'Урсини не давать, и съ той письменно министромъ гишпанскимъ объявить, также послу аглинскому и франпузскому.

И того для въ собраніи статскомъ въ провинціи голландской взяли резолюцію, что ежели не похочетъ Гишпанія миръ безъ той кондиціи заключить, чтобы всѣмъ каперомъ свободные пашпорты дать и моремъ добывать.

И топерь будемъ смотрѣть, какой отвѣтъ они, гишпанскіе министры, учинять.

1643. Князь А. Д. Меншиковъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. сентября 29. Лагерь при Штеттинѣ.

На прошлой послѣдней почтѣ писалъ я къ вашему сіятельству о счастливомъ дѣйствѣ здѣшнихъ окончаніи. Послѣ того вскорѣ бывшая съ прусскимъ дворомъ негочіація о секвестраціи паки обновилась, для чего его королевское величество прусское со своими министрами, также и мы, на прошлой недѣлѣ съѣхавшись въ Шведѣ, имѣли довольныя конференціи, на которыхъ, объ оной секвестраціи согласясь, и договоренные пункты заключили, и оными размѣнялись сего сентября въ 25-й день, съ которыхъ при семь къ вашему сіятельству копіи прилагаю.

По заключеніи оныхъ договорныхъ пунктовъ, мы паки сюда возвратились, а на другой день и его королевское величество прусскій сюда прибылъ. И пока всю нашу армію, въ парадѣ стоящую, смотрѣлъ, тѣмъ временемъ губернаторъ генераль-майоръ Боркъ съ двумя баталіонами прусскаго войска пришелъ и въ Штеттинъ вступилъ, и нынѣ въ Штеттинѣ два баталіона королевскихъ прусскихъ и два-жъ княжескихъ готторпскихъ. И тако симъ совершеннымъ дѣлѣ здѣшнихъ окончаніемъ ваше сіятельство поздравляю.

Нынѣ мы собираемся со всею армією въ маршъ нашъ къ границамъ нашимъ, а съ котораго времени поидемъ, о томъ на будущей почтѣ писать буду. Въ прочемъ пребываемъ вашего сіятельства доброжелательный и къ услуженію охотнѣйшій.

1644. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куряину.

1713 г. сентября 30. С.-Петербургъ.

Получилъ я вашей милости письма, отъ 25 и 29 августа, купно и съ приложеніями, и что надлежало по онымъ, его царскому величеству доносить, на которыя милости вашей симъ отвѣтствую. Отвѣтомъ, учиненнымъ отъ Господь Статовъ на меморіаль аглинскій, его царское величество зѣло доволенъ, о чемъ къ вамъ и въ собственномъ своемъ писать изволилъ.

Что же изволите писать о предложеніи курфюрсту ганноверскому медиации отъ господина Шлейница, что, будто, онъ по присланному къ нему указу его величества предлагалъ, и объявляетъ онъ вамъ въ письмѣ своемъ въ такихъ терминахъ, что его царское величество желаетъ, чтобы курфюрстъ былъ съ другими потенціями къ примиренію сѣверной войны медиаторомъ, изъ чего по посланнымъ къ вамъ указамъ, въ которыхъ написано принимать добрыя средства, а не медиацию, разность явилась,—и я вашей милости объявляю, что къ нему, Шлейницу, о предложеніи курфюрсту ганноверскому, чтобъ онъ въ примиреніи сѣверной войны съ морскими потенціи былъ медиаторомъ, его царскаго величества указа не посылаю. Написано было къ нему по сему, что аглинскіе и голландскіе министры, будучи въ конференціи въ Гагѣ съ вашею милостью и союзничьи его величества министры, учинили вамъ предложеніе, что помянутыя потенціи желаютъ въ сѣверѣ

миръ возставить, котораго ради случая полная мочь и довольные указы даны милости вашей. И понеже при той конференціи министры ни цесарскій, ни ганноверскій присутственны не были, того ради посланъ указъ къ вашей милости, дабы вы пребывающихъ въ Гагѣ министровъ цесарскаго и ганноверскаго при будущихъ конференціяхъ и конгрессахъ для добрыхъ средствъ конечно присовокупляли, и чтобъ онъ о добромъ намѣреніи его царскаго величества ему, курфюрсту, объявилъ и при томъ бы представилъ, дабы онъ, курфюрстъ, въ Голландію къ министру своему господину фонъ-Ботмару указы свои послалъ, чтобъ онъ при такихъ конференціяхъ впредь присутствовалъ. А о принятіи его, курфюрста, въ медиацию ничего не помянуто. И нынѣ, по полученіи помянутыхъ вашихъ писемъ, къ нему, Шлейницу, я писалъ, чтобъ онъ далъ намъ отвѣтъ, для чего, противно указу его величества, онъ курфюрсту объявлялъ о медиации, ибо его царское величество пріимаетъ ихъ токмо добрыя средства. А болѣе вышепомянутаго къ нему не писано и никому не дано знать. Объ указахъ на статьи, къ вамъ въ рѣшеніи посланныхъ, изволите милость ваша поступать въ томъ по прежнимъ указомъ его величества, къ вамъ посланнымъ. А и къ Андрею Матвѣеву въ сей же силѣ писано, и къ Шлейницу.

Барону Шаку, когда ему на съѣздѣ къ трактованію сѣвернаго мира велѣно будетъ ѣхать съ милостью вашей, тогда и инструкція публичная вамъ будетъ написана и пришлется. А экспедиціи, посланная о томъ дѣлѣ отсюда къ вашей милости съ курьеромъ вашимъ и на почтѣ, содержатся здѣсь секретно и запечатаны моею печатью кабинетною. И тако никому о томъ здѣсь вывѣдать не возможно.

Что же изволите писать объ учинившихся убыткахъ поданнымъ Голландскихъ Статовъ въ сожженіи

кораблей и о прочихъ ихъ требованіяхъ, дабы онымъ учинить награжденіе,—и прислали ихъ купецкіе мемо-ріалы, которые еще за скорымъ отпускомъ сей почты не успѣли перевести; но когда переведены будутъ, то по онымъ его царскому величеству донесу, и какое его величества въ томъ соизволеніе будетъ, о томъ писать до милости вашей немедленно буду. Что же принадле-жить объ отпускѣ хлѣба изъ Риги и изъ Ревеля на корабляхъ голландскихъ, и изъ Риги никогда заказа не было, чтобы хлѣба не отпускать. Однакожъ о томъ нынѣ въ подтвержденіе писать его величество изволилъ къ губернатору рижскому господину князю Голицыну, чтобы вывоза не запрещалъ. А къ ревельскому коменданту господину Зотову писано, чтобы нынѣ тамо стоя-щія корабли голландскіе нагружить хлѣбомъ и отпу-стить не запрещалъ. О чемъ къ вамъ писалъ нынѣ его царское величество, въ которомъ изволилъ означить вамъ, для извѣстія впредь купцамъ голландскимъ, что по половинѣ хлѣба отпускавано будетъ изъ Ревеля, дабы они, зная о томъ, столько и кораблей присылали. Сіе его величество изволилъ учинить, показуя пріязнь къ нимъ, Статомъ.

1645. Князь А. Д. Меншиковъ — князю Б. И. Куранину.

1713 г. октября 2. Лагерь при Штеттинѣ.

На прошлой почтѣ о состояніи здѣшнемъ писалъ я къ вашему сіятельству обстоятельно и съ договорныхъ пунктовъ о секвестраціи копію послалъ; надѣюсь оному до рукъ вашихъ исправно дойти. И понеже въ оныхъ трактатахъ положено искать гарантію у другихъ державъ, того ради извольте о томъ какъ мочно стараться, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ державъ, кои намъ способ-нѣе, гарантировала, о чемъ и къ г. Матвѣеву писалъ, съ

которымъ да изволите о томъ сноситься и весьма объ исполненіи сего, яко нужнѣйшаго къ пользѣ его царскаго величества, дѣла по всякой мѣрѣ тщиться, въ чемъ на ваше сіятельство надѣмся, и оное дѣло оставлется въ вашей комиссіи.

А мы со всей арміею убираемся въ маршъ нашъ и надѣмся всеконечно на будущей недѣлѣ совсѣмъ отсюда выступить. Въ прочемъ пребываемъ вашего сіятельства доброжелательный и къ услуженію готовѣйшій.

1646. Князь Б. И. Куракинъ — князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. октября 2. Гага.

Уже здѣсь нынѣ обстоятельно увѣдомились чрезъ Берлинъ, что Штеттинъ въ секвестръ прусскому и голштенскому отданъ, и будто Висмаръ, также и прочіе другіе, и вся Померанія.

Сія новина такъ премѣнила всѣ дѣла и сдѣлала многихъ двоякаго мнѣнія, что не знаю, въ какой системѣ впредь всѣ сѣверныя дѣла могутъ основаться.

Предусматривается не что другое, что графа Флеминга дальняго вида интриги, и что прусскаго возстаивляетъ въ силу, а въ какой видъ, — никто дознаться не можетъ.

И уже видимо, что топерь сѣверныя дѣла стали бѣльшею частью въ рукахъ короля прусскаго, который есть внутреннимъ пріятелемъ Франціи и Англіи, и по симъ пріятелемъ трудно къ своей пользѣ чего оттуль сподѣваться.

Ко всему тому какой бы ремедиумъ могъ сыскаться? Но хотя уже слабо, однакожь еще находится. И разсуждаютъ здѣсь такъ, чтобы войскамъ царскаго величества остаться въ Помераніи, хотя не всѣмъ, но бѣль-

шей части, и тѣмъ бы дворъ прусскій содержать отъ противнаго воспріятія, ежели бы что хотѣлъ противу датскаго учинить. Къ той же предосторожности надлежитъ войскъ россійскихъ держать одно корпо нѣскольکو числомъ въ Курляндіи, ежели невозможно въ Польшѣ за трактатомъ турецкимъ, дабы оный смотрѣлъ на обороты-жъ его, короля прусскаго, и въ противномъ случаѣ чтобъ оному корпусу нападеніе учинить въ Пруссіи и тѣмъ бы диверсію учинить.

Еще же къ тому находятъ сходно, чтобы король датскій атаковалъ Тонингъ и взялъ, и оный разорилъ, и тѣмъ бы себя въ безопаство привелъ.

И ежели такимъ образомъ учинено быть не можетъ, то такъ здѣсь говорятъ, что не видится иного, токмо самое предосужденіе интересомъ сѣвернаго альянса.

Я, съ своей стороны, какъ слышу, такъ и пишу, но самъ въ несостояніи есть отъ слабаго своего знанія разсуждать о такъ деликатномъ дѣлѣ. И разсуждаю противнымъ образомъ, чается, не безъ основанія быть въ сихъ дѣлѣхъ, какъ нынѣ послѣдовало, по тому проекту графа Флеминга. Прилежно прошу мнѣ сообщить о намѣреніяхъ тамошняго двора.

Я имѣю въ рукахъ копію учиненнаго трактата прусскаго двора съ голштенскимъ, и ежели у себя не имѣете, тотчасъ перешлю.

1647. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. октября 2. Гага.

Вчерашняго числа чрезъ почту получилъ я вѣдомость о сдачѣ Штеттина, токмо подъ такою кондиціею, чтобъ оному быть отдаву въ секвестрацію королю прусскому и дуку голштенскому, что и учинено. И въ

ту крѣпость два прусскихъ баталіона введены, да два оставлены шведскаго гарнизона, которые назвались токмо именовъ голштейнскіе, для того что присягу учинили быть до окончанія войны въ службѣ голштейнской.

Слышу, что король прусскій далъ его царскому величеству 400 тысячъ ефимковъ за понесенные убытки, и что при мирѣ ему, королю прусскому, того искать на шведѣ.

Сіе разсуждаю быть вашему превосходительству нужно вѣлать, что войска его царскаго величества раздѣляются на-двое: одна часть изъ-подъ Штеттина идетъ въ Ливонію на квартиры зимнія, а другая возвращается подъ Стральзундъ и къ Висмару, подъ которыми то же хотятъ учинить.

Сіе дѣло полезно ли или нѣтъ, каждому оставляю въ его разсужденіе. И по всему бы было полезно, ежели бы не отдано было одному прусскому. Какъ предусматривается, ему, прусскому, топерь быть майстеромъ всѣхъ дѣлъ сѣверныхъ.

21-го сентября было мнѣ и министромъ нашихъ аліатовъ предложено учинить армистицію на годъ. И хотя никогда того со стороны аліатовъ сѣверныхъ не учинится, однакоже министры датскій и польскій взяли на доношеніе ко дворамя, но я вовсе отказалъ и на доношеніе ко двору не взялъ.

Въ Финляндіи слышимъ, что его царское величество съ войски своими былъ въ Або и назадъ возвратился, для того что никого жильцовъ не засталъ, но городъ былъ оставленъ пустъ, и зимовыя квартиры будутъ въ Финляндіи близъ Гельсингфорса и прочихъ мѣсть. Къ тому-жъ еще умножатся войска прибытіемъ дивизіи Адама Вейда, и всего въ зиму войскъ въ Финляндіи будетъ обрѣтаться съ пятьдесятъ тысячъ.

И надѣмся, что оному проекту послѣдовать будетъ, и сей зимы экспедиція учинена будетъ.

1648. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. октября 5. Гага.

Повинность свою нахожу доносить вашей свѣтлости о всемъ томъ, какъ мнѣ третьяго дня и вчерась было въ разговорѣхъ объявлено чрезъ многихъ персонъ первыхъ здѣшней республики, такъ и министровъ, цесарскаго и ганноверскаго, объ учиненной нынѣ секвестраціи померанской, такъ и о Висмарѣ; а наибольше всѣ тѣ разговоры усмотрѣлъ ихъ быть для того, чтобъ я повужденъ былъ донести вашей свѣтлости, которое при семъ слѣдуетъ.

Помянутыя всѣ персоны, хотя разнымъ временемъ, но токмо согласно всѣ говорили, что Штеттинъ и Висмаръ, и вся Померанія нынѣ по учиненному трактату отдачи въ секвестрацію королю прусскому и дуку голштенскому, и уже нѣсколько баталіоновъ прусскихъ въ Штеттинъ введены, а вмѣсто голштейнскихъ два шведскихъ баталіона оставлены; и что они, вышепомянутыя персоны, всѣхъ тѣхъ потевцій чаяли всегда, что оная Померанія будетъ отдана въ секвестрацію цесарю и цесарству, а не одному королю прусскому или голштейнскому; и что топерь дворъ прусскій чрезъ взятіе нынѣ въ секвестрацію всей Помераніи есть сильнымъ во всѣхъ дѣлѣхъ сѣверной войны, и отъ той его силы аліатомъ сѣвернымъ полезнаго ожидать не чаютъ, но наче предосудительнаго,—также равнымъ образомъ и всѣмъ дѣламъ цесарственнымъ, для того что оный прусскій въ согласіи есть съ Францією и Англією; и что между сими помянутыми тремя потевціями каковъ проектъ учиненъ, о томъ уже всѣмъ извѣство есть, что больше въ интересъ противной партіи, нежели другихъ. И для свидѣтельства явнаго мнѣ сообщили трактатъ,

учиненный у него, прусскаго двора, съ дукомъ голштейнскимъ, который, переведши, при семъ посылаю. И при семъ говорили, что изъ того увидится уничтоживаніе прусскаго двора съвернымъ аліатомъ, и какое намѣреніе имѣеть, что обязуется миръ въ съверѣ на умѣренныхъ и правосудныхъ кондиціяхъ учинить.

О проектѣ учиненномъ онаго двора съ Францією и Англією сказали: наипервое, онъ, прусскій, съ Англією будутъ принуждать датскаго и силою вскорѣ принудятъ къ партикулярному миру. Но потомъ прусскій, не имѣя больше въ имперіи ни отъ кого себѣ страха, будетъ повелителемъ всѣмъ дѣламъ въ имперіи, и миръ съ Францією также вскорѣ принужденъ учиненъ быть. И ежели миръ сей зимы у цесарства съ Францією учиненъ будетъ, каково предосудительно дѣламъ будетъ съвернаго аліанса, а полезно шведскимъ, — то оставляется въ наше разсужденіе. Токмо кратко объявили, что овъ, шведъ, съ королемъ прусскимъ еще возставленъ будетъ въ ту же прежнюю силу, какъ предъ тѣмъ былъ. И говорили, что ежели бы та секвестрація была учинена съ согласія цесарскаго и другихъ потенцій, которыя вѣрными пріятели есть его царскому величеству, — и чтобъ отдана была ему же, королю прусскому, токмо не одному, но съ другими принцы цесарскими, и тогда бы могло быть безопасіе всѣмъ.

И когда уже Штеттинъ прусскому отданъ, при томъ говорили о способѣ къ удержанію всего того, что бы предосудительное оттуль могло произойти. И не находятъ иного способа, токмо сей, чтобы Висмаръ ему, прусскому, въ секвестрацію не давать, но отдать ганноверскому курфюрсту, и тѣмъ балансъ между тѣми дворами содержать; также и чтобы войскамъ его царскаго величества въ Помераніи при Стральзундѣ, ежели невозможно всѣмъ, но ббольшей части остаться и тѣмъ не допустить къ нападенію на короля датскаго.

Я о всемъ томъ, какъ мнѣ было говорено, взявъ смѣлость доносить вашей свѣтлости, разсудя быть въ томъ моей должности.

1649. Князь Б. И. Куракинъ - князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. октября 6. Гага.

На письмо вашего сіятельства изъ Шлезвига, отъ 28-го сентября, по моемъ благодареніи, отвѣтствую, что всѣ здѣсь равнаго того мнѣнія есть о дѣлѣ померанскомъ, какъ и при томъ дворѣ разсуждается.

Отъ меня какъ аглинскій министръ, такъ и здѣшніе Господа Статы весьма требуютъ вѣдать, на какихъ кондиціяхъ то все отдано, но я, не вѣдая по се число, ни о чемъ не могъ ничего сказать.

Министры голштейнскіе во всемъ томъ дѣлѣ также являютъ себя быть безъизвѣстными и уже отъ прусскаго двора находятся подозрительными, что, получа Штеттинъ, не чають, что бы прилежало дука голштейнскаго о дѣлахъ; и ежели бы такъ сталося, конечно бы не могло быть противности датскому двору ничего.

Милордъ Страффордъ вскорѣ въ Англію отъѣзжаетъ, токмо на время.

На сихъ дняхъ онъ, милордъ, съ министры напихъ аліатовъ, такъ и со мною, порознь со всѣми довольные разговоры имѣлъ, и какъ усмотрѣлъ изъ его разговоровъ, склоняя изъ насъ всякаго, чтобы здѣсь въ дѣла мирныя вступить. Я сего такъ убѣгаю, но и весьма противнаго мнѣнія нахожусь, что ежели сіе дѣло здѣсь начнется, то весьма добраго окончанія ждать не надобно, и что, конечно, аліансъ сѣверный разлучится. И ежели нынѣ дворъ датскій устоитъ постоянно до предбудущей весны, то удивительно можетъ быть.

Изъ Адрианополя получена сюда вѣдомость пріятная. — Посоль его царскаго величества г. Вестужевъ туда пріѣхалъ и былъ на аудіенціи у султана, и пріять со всякою подобающею честью, и ратификаціями вскорѣ размѣнятся. Потомъ отъ Порты польскому министру предложено, чтобы король польскій забвенію предалъ все, что ни было отъ Станислава Лещинскаго и отъ его адерантовъ, и чтобы ихъ всѣхъ прінялъ въ свою протекцію, и далъ имъ свободу быть въ Польшѣ, и возвратилъ бы ихъ всѣ добры, также и ихъ чины. И она, Порта, объявила, что сіе предлагаетъ по прошенію его, Станиславову, и его адерантовъ, и что онъ, Станиславъ, ей, Портѣ, декларовалъ, что претензія къ коронѣ польской имѣть не хочетъ и что признаваетъ короля Августа за своего государя законнаго. А о королѣ шведскомъ, ни о возвращеніи нашихъ пословъ въ Россію, никакого извѣстія не имѣемъ.

1650. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. октября 6. Гага.

Отъ собранія статскаго мнѣ было предложено, что они увѣдомились объ учиненномъ договорѣ между королемъ прусскимъ и вашей свѣтлостью объ отдачѣ Штеттина, ему, королю прусскому, и какъ они, Статы, есть добрые пріятели его царскаго величества и его аліатовъ, также и по обязательству своихъ добрыхъ средствъ къ примиренію сѣверной войны, чаяли, что все сіе дѣло учинено было съ общаго согласія. И когда нынѣ, безъ пріобщенія имъ, уже учинено, но желаютъ нынѣ вѣдать, дабы кондиціи, постановленныя объ отдачѣ того города и секвестраціи, имъ, Статомъ, были сообщены, дабы они, зная, по тому во всѣхъ дѣлѣхъ сѣверныхъ могли поступать и трудиться своими добрыми средствами къ примиренію сѣверной войны.

Я сіе, донесши, оставляю въ волю и разсужденіе вашей свѣтлости. Но, съ своей стороны, чаялъ бы, что изъ сего приобщенія никакая противность учинена быть не можетъ, чего для ихъ однихъ прямыхъ друзей имѣемъ, которыхъ и впредь надобно содержать, а не отлучить.

1651. Князь Б. И. Нуракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. октября 9. Гага.

Прошлой недѣли фельдмаршалъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ писалъ ко мнѣ о взятіи чрезъ капитуляцію города Штеттина, и тою пріятною вѣдомостью ваше превосходительство поздравляю.

Изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстная статская резолюція была сообщена министрамъ гишпанскимъ, которые, не учиня никакого отвѣта, взяли на доношеніе двору своему и, между тѣмъ, ни въ какія конференціи вступать не хотятъ, для того что имѣютъ указъ двора своего, что, ежели Статы не будутъ гарантировать всѣ земли, опредѣленныя принцешѣ Урсинѣ, то никогда миръ заключенъ не будетъ.

Съ Рены рѣки получена вѣдомость, что французы атаку города Фрибурга продолжаютъ, и вскорѣ оному надѣются взятю быть.

Здѣсь отъ времени до времени продолжается реформа войскамъ, и сей недѣли Статы взяли резолюцію убавить во всякомъ regimentѣ кавалеріи по двѣ компаніи, и больше не оставляютъ числомъ всѣхъ своихъ войскъ, какъ сорокъ тысячъ.

Посоль аглинскій милордъ Страффордъ позванъ на время ко двору своему и отъѣзжаетъ въ предбудущую недѣлю, и потомъ возвратится въ Голландію.

Прошлой недѣли Господа Статы также получили вѣдомость, что Штеттинъ съ вѣкоторою частью Помераніи отданъ королю прусскому въ секвестрацію, также и дуку администратору голштейнскому, и что гарнизоны обоихъ помянутыхъ принцевъ въ ту крѣпость штеттинскую введены, т.-е. прусскихъ два баталіона, голштейнскихъ два же. И комендантомъ того города учиненъ Басовичъ, министръ дука голштейнскаго. А что о Висмарѣ и Стральзундѣ учинено, еще здѣсь о томъ вѣдомости не имѣютъ.

И для сего дѣла, какъ со стороны Господь Статовъ, такъ и министры цесарскій, датскій и ганноверскій имѣли со мною конференціи, въ которыхъ послѣдующимъ образомъ упоминали. Отъ статскаго собранія тайныхъ дѣлъ господинъ Альфенъ, господинъ ратпенсіонарій Генсіусъ, господинъ Бурманія имѣли приватную со мною конференцію, въ которой говорили, что Господа Статы во все время сѣверной войны какую склонность и доброжелательное свое намѣреніе имѣли къ интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ, а особливе нынѣ, по заключеніи мира съ Франціею, и о всемъ томъ его царскому величеству и его аліатомъ довольно извѣстно есть изъ послѣдованія самымъ дѣйствомъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, и что оное ихъ доброжелательное намѣреніе было и продолжается для умноженія и содержанія тѣсной дружбы съ аліаты сѣверными для взаимнаго другъ другу соблюденія интересовъ, дабы во время случая впредь одна потенція другой вспомогать могла.

Но нынѣ Господа Статы увѣдомились, что Штеттинъ и часть Помераніи королю прусскому и дуку администратору голштейнскому отданы въ секвестрацію безъ приобщенія Господамъ Статамъ, также цесарю и цесарству, и что интересъ общій, какъ аліатовъ сѣверныхъ, такъ и всей имперіи, и Господь Статовъ состоялъ въ

томъ, чтобы всѣ фортеці въ Помераніи и Висмарь, и всю Померанію отдать въ секвестрацію цесарю и всему цесарству. И сіе разсуждали быть надежнѣе къ интересомъ сѣвернаго альянса, также и общему всей имперіи.

Но когда нынѣ Штеттинъ отданъ королю прусскому и дуку голштейнскому администратору, изъ сего предусматривается предосудительное интересомъ сѣвернаго альянса, также и общимъ всей имперіи, и Господамъ Статомъ, для того что дворъ прусскій есть внутреннимъ пріятелемъ нынѣ Франціи и Англіи; и что между тѣми потенціями проектъ учиненъ къ возстановленію интересовъ шведскихъ и къ предосужденію интересовъ другихъ и всей имперіи; и что трактатъ, учиненный между королемъ прусскимъ и дукомъ голштейнскимъ, также и концертъ съ графомъ Велетомъ въ Гамбургѣ, какимъ образомъ въ секвестрацію согласились отдать двору прусскому и дуку голштейнскому, — все то по согласію съ помянутыми потенціи учинено; и что по оному помянутому проекту начинается быть и уже изслѣдовано.

И посему разсуждается, что не можетъ быть къ пользѣ сѣверныхъ альянтовъ, понеже конецъ того проекта между помянутыми потенціи есть тотъ, дабы короля датскаго принудить къ партикулярному миру. И ко изслѣдованію сего ихъ намѣренія видится быть недалеко, для того что овъ, король прусскій, по полученіи себѣ Штеттина, нынѣ пришелъ въ силу быть майстеромъ всѣхъ сѣверныхъ дѣлъ, и что весьма чаютъ королю датскому партикулярный миръ учинить. И притомъ сказали, что не хотятъ больше распространять свой разговоръ о престоужности чужихъ интересовъ, что само отъ себя въ свое время покажетъ. Но топерь упоминаютъ, что касается къ ихъ властнымъ интересомъ статскимъ.

Они, помянутые депутаты, весьма находятъ предосудительно интересомъ ихъ, Господь Статовъ, что какимъ образомъ нынѣ возстается въ силу король прусскій, чего для Господа Статы безъ сумнѣнія чаютъ, что уже его царскому величеству извѣстно есть, какое несогласіе между сею республикою и прусскимъ дворомъ происходитъ, и какія претензіи оный дворъ въ наслѣдствѣ княжества оранскаго и прочее имѣеть. И того для разсуждали быть общаго интереса обѣихъ потенцій, какъ его царскаго величества, такъ и здѣшней республики, помянутую потенцію прусскаго двора въ высокихъ своихъ намѣреніяхъ умѣренну содержать и въ силу не допускать. И хотя сія республика къ такому намѣренію письменнаго обязательства или трактата съ его царскимъ величествомъ не имѣла и не имѣеть, но самыя интересы сами отъ себя на то позволяли и позволяютъ, понеже сихъ временъ всѣ письменныя аліансы и трактаты бездѣйствительны бывають и за ничто вѣдѣются, ежели взаимно между которыми потенціи интересы ихъ не обязуются.

И на конецъ всей той своей со мною конференціи заключили, что они разсудили за потребно о всемъ томъ мнѣ объявить, каково сіе предосудительно интересомъ его царскаго величества есть. А для убѣжанія еще большаго предосужденія разсуждали, чтобы Висмаръ и Стральзундъ въ секвестрацію королю прусскому не отдавать, но отдать бы другимъ принцомъ имперскимъ, а особливе курфюрсту ганноверскому, и тѣмъ бы прусскій дворъ въ балансъ содержать.

При томъ говорили они, помянутые депутаты статскіе, со мною партикулярно, какъ пріятели, что вся система дѣлъ сѣверныхъ нынѣ премѣнилась, и что каждая потенція, имѣющая свой интересъ въ сѣверныхъ дѣлѣхъ, принуждена будетъ на новыхъ основаніяхъ свои мнѣнія постановить.

Но они, Статы, разсуждали бы быть интересу его царскаго величества (повсюду нынѣ счастливыхъ сукцессовъ чрезъ славное оружіе его царскаго величества, также и чрезъ учиненный миръ съ турки), чтобъ искать способа миръ честный и прибыточный и напредь постоянный учинить, и тѣмъ бы всё тѣ главныя дѣла короновать. Но тотъ честный и прибыточный, и постоянный миръ не можетъ быть учиненъ, ежели аліаты сѣверные раздѣлены будутъ, и каждый партикулярный миръ свой учинить.

Но Господа Статы весьма, на основаніи прежней системы, того намѣренія, дабы союзныхъ сѣверныхъ въ добромъ согласіи содержать и генеральный миръ учинить, и что Господа ихъ Статы отъ разлученія сѣвернаго аліанса содержали противу другихъ мнѣнія, которые того желали видѣть, но нынѣ находятъ ли себя въ томъ состояніи, знать не могутъ.

При томъ же просили меня, чтобъ я имъ сообщилъ, какой трактатъ съ королемъ прусскимъ учиненъ объ отдачѣ Штеттина.

Потомъ я, съ своей стороны, выслушавъ, на всё ихъ помянутые разговоры отвѣтствовалъ кратко однимъ невѣдѣніемъ, что, отдана ли та крѣпость Штеттинъ королю прусскому въ секвестрацію, или нѣтъ. еше вѣдѣнія я не имѣлъ; но какъ получу подлинное извѣстіе, и на какихъ кондиціяхъ, о томъ впредь имъ обѣщаль сообщить.

И при томъ имъ кратко разсуждалъ, что ежели-бы и такъ учинено было, какъ отъ нихъ, депутатовъ, мнѣ сообщено, и то можетъ быть, что изслѣдовано по учиненному трактату съ прусскимъ дворомъ, который трактатъ никогда не можетъ учиненъ быть въ предосужденіе интересомъ аліатовъ его царскаго величества. Къ тому же, можетъ быть, и самая нужда позвала, что, за временемъ позднимъ и за недостаткомъ артил-

леріи и амуниціи, невозможно было ту крѣпость взять, то находили способъ, чтобы въ рукахъ непріятеля оной крѣпости не оставить, и лучше видѣть въ рукахъ потенціи нейтральной, нежели непріятельскихъ.

Что же принадлежитъ къ ихъ, статскимъ, собственнымъ интересомъ, что бы касалось до прусскаго двора, и его царское величество, по взаимной ихъ, статской, склонности, интересовъ ихъ, статскихъ, не оставитъ престоерегать.

Потомъ, бывъ у меня, министръ цесарскій, датскій и ганноверскій, говорили всѣ, почитай, въ равной силѣ и являлись весьма неблагодарны, что Штеттинъ отданъ прусскому одному, обще съ дукомъ голштейнскимъ, а не съ другими принцы цесарственными. Но я, не хотя распространить письма, цесарскаго министра, также и датскаго разговоръ не объявляю. Но разсуждаю за потребно донести о всемъ разговорѣ ганноверскаго министра барона Ботмара.

Онъ, баронъ Ботмаръ, говорилъ: дворъ ихъ заподлинно увѣдомленъ, какой проектъ между прусскимъ дворомъ, также Франціею и Англіею учиненъ къ возстановленію интересовъ шведскихъ и дука голштейнскаго, для того что она, Англія, видя несклонность здѣшнихъ Статовъ, также и всего цесарства, дабы насильнымъ образомъ въ дѣла сѣверныя вступить, а особливе дука голштейнскаго во владѣніе свое прежнее возставить, того для она, Англія, сыскала способъ, чтобы всѣ тѣ дѣла къ намѣренію своему приводить чрезъ дворъ прусскій. И для свидѣтельства явнаго всего того согласія прусскаго двора сообщилъ мнѣ копію съ трактата, учиненнаго между помянутымъ прусскимъ дворомъ и дукомъ голштейнскимъ, и сказалъ, что изъ того трактата явно покажетъ, что оный прусскій дворъ обѣщаетъ въ интересъ короны шведской учинить. Также и артикулы есть нѣкоторые въ томъ трактатѣ весьма

предосудительны сѣвернымъ воюющимъ, а особливо послѣдній, что онъ, король прусскій, такъ надежно обязуется, что хочеть вскорѣ и на правосудныхъ кондіціяхъ миръ въ сѣверѣ учинить. И ежели-бъ онъ, прусскій дворъ, не былъ подверженъ и обнадеженъ отъ Англіи и отъ Франціи, то конечно бы такъ смѣло обязываться трактаты не могъ.

При томъ говорилъ онъ, Ботмаръ, что курфюрсту его весьма болѣзненно и предосудительно интересомъ его есть, что Штеттинъ отданъ въ руки одного короля прусскаго. И ежели Висмаръ и Стральзундъ со всею Померанією ему же, прусскому, отданы будутъ, тогда онъ не можетъ знать, въ какомъ состояніи его курфюрстъ можетъ быть, также и весь цыркуль Саксоніи Нижней.

И что топерь прусскій дворъ учинился повелителемъ всѣхъ дѣлъ сѣверныхъ, и того для чаеть датскому королю привуждену быть къ партикулярному миру. И когда оный дворъ привужденъ будетъ примириться, тогда прусскій дворъ больше не будетъ имѣть опасности къ себѣ въ имперіи ни отъ кого, и потомъ по проекту, учиненному съ Францією и Англією, изслѣдовать будетъ во всемъ и развращеніе дѣламъ имперскимъ чинить такъ, чтобы цесаря къ миру съ Францією принудить. И ежели цесарь привужденъ будетъ миръ съ Францією сей зимы учинить, то оставляетъ онъ, Ботмаръ, въ наше разсужденіе, ежели есть противно или нѣтъ интересомъ его царскаго величества.

И для убѣжанія всѣхъ тѣхъ злостей, которыя бы могли случиться отъ того прусскаго двора къ предосужденію интересомъ, какъ аліятомъ сѣвернымъ, такъ и имперскимъ, онъ, Ботмаръ, не находитъ иного способа, токмо сей, чтобы Висмаръ и Стральзундъ прусскому двору въ секвестрацію не отдавать, но отдать другимъ принцамъ имперскимъ. А ежели Стральзундъ

отданъ въ секвестрацію не будетъ, тогда бы войскамъ россійскимъ, ежели всѣмъ невозможно, но бѣльшей части остаться при Стральзундѣ въ Помераніи, и тѣмъ бы прикрыть датскаго отъ нападенія прусскаго, также и отъ противныхъ его, прусскаго, намѣренныхъ воспріятій содержать его въ рукахъ. Къ тому-жъ, ежели въ бѣльшей безопасности быть отъ прусскаго двора, то надлежитъ нѣкоторое корпо войскъ держать въ Курляндіи или въ Ливоніи, въ близости отъ его провинцій прусскихъ, дабы тѣмъ ему всякое подозрѣніе давать, также и при случаяхъ диверсію нападеніемъ въ Пруссы учинить. А ежели тѣми образы не престоережено будетъ, то весьма великаго опасенія отъ того прусскаго двора быть чають.

Я о всемъ, отъ него выслушавъ, отвѣтствовалъ тѣмъ же своимъ невѣдѣніемъ, какъ выше сего, а за приобщеніе копіи съ трактата благодарилъ, который при семъ посылаю до вашего превосходительства. А о способахъ, которые онъ мнѣ объявлялъ для убѣжанія всего того, что бы могло припасть отъ прусскаго двора, я писалъ къ фельдмаршалу князю Александру Даниловичу Меншикову, также и о прочемъ объявлялъ.

На конецъ, все сіе донесши, объявляю, что Господа Статы объ отдачѣ Штеттина королю прусскому весьма неблагодарны являются, и въ прежнемъ ли своемъ намѣреніи, склонномъ къ интересомъ его царскаго величества, будутъ,—знать не могу; но впредь, по времени усматривая, буду доносить. И хотя не чаю, чтобы явно противу его царскаго величества въ чемъ поступили, но опасенъ, чтобы Англіи и другимъ дѣйствовать волю не дали и отъ предудержанія всего того отстали, какъ донынѣ со стороны ихъ продолжалось. И ежели они слабость свою въ голштейнскомъ дѣлѣ датскому двору покажутъ, то можетъ быть, что оный дворъ примирится.

1652. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. октября 10. Гага.

Здѣсь въ дѣлѣхъ сѣверныхъ больше ничего не происходитъ, какъ послѣдними моими объявлялъ. И между здѣшними предусматривается, что генеральный миръ въ сѣверѣ какъ былъ близокъ къ концу своему, такъ нынѣ больше отдалился, и что датскому чають весьма нынѣ въ мирные договоры партикулярно вступить.

Ежели правдивое датскаго двора намѣреніе было въ предбудущую кампанію въ Шканію вступить, жаль сего, что сей великій десантъ обоихъ потентатовъ, какъ его царскаго величества со стороны Финляндіи, такъ и короля датскаго со стороны Шканіи, къ концу своему приведенъ быть не можетъ. И сей остатвій былъ способъ, которымъ бы корона шведская миръ принуждена была учинить.

1653. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. октября 13. Гага.

Остатней почты вашей свѣтлости письмо получилъ съ приложенными копіи съ учиненныхъ трактатовъ съ королемъ прусскимъ о секвестраціи.

Сего-жъ утра, при отпускѣ почты, второе вашей свѣтлости письмо получилъ, отъ 2-го октября, въ которомъ изволите мнѣ писать, чтобъ учиненный трактатъ съ прусскимъ дворомъ о секвестраціи кто-нибудь изъ потенцій гарантировалъ, и къ исполненію того чтобы мнѣ стараніе приложить.

Я, по всей своей возможности, въ томъ стараться буду; токмо всякая потенція, не видѣвъ кондицій, гарантировать не можетъ. Того для я буду понужденъ

особливе здѣшней республикѣ оный трактатъ сообщить и требовать отъ нихъ гарантіи. Токмо секретныхъ артикуловъ и особливыхъ сообщать никому невозможно, для того, чтобы больше другимъ потенціямъ въ гарантірованіи трудности не учинить.

При семъ доношу. Прежде подтвержденія царскому величеству на оный трактатъ, не чаю, чтобы кто могъ гарантировать. Также въ томъ трактатѣ, въ послѣднемъ артикулѣ, упомянулись, особливе предъ всѣми потенціи, Франція и Англія,—и ежели изъ оныхъ потенцій которая похочетъ охотнѣе другихъ гарантировать, поволите ли что съ ними учинить? Токмо при семъ вашей свѣтлости объявляю, каковъ я имѣю именной его величества указъ, что мнѣ велѣно, наивпервыхъ, смотрѣть, дабы Франція въ сѣверныя дѣла нигдѣ не замѣшалась, и весьма того не допускать. Къ сему-жь и я доношу, что она, Франція, ничего не ищетъ, токмо, чтобы къ дѣламъ нашимъ прильнуть и всѣ оныя опровергнуть. Того же мнѣнія равно и министерство аглинское. И о семъ, что привалезитъ до Франціи, ежели ихъ посоль мнѣ здѣсь предлагать будетъ, какъ поволите поступать?

Сія гарантія больше принадлежитъ къ царскому двору и ганноверскому. И надѣюся, что ваша свѣтлость указы къ тѣмъ министромъ повелѣли дать.

1654. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. октября 15. С.-Петербургъ.

Письма милости вашей, подъ нумерами 57 и 58-мъ, я здѣсь, при самомъ отъѣздѣ его царскаго величества въ Кроншлотъ, исправно получилъ и по онымъ его царскому величеству не могъ за онымъ скорымъ отъѣздомъ обо всемъ донести. Но токмо докладывалъ, что

вы изволите писать, еже у города заказанъ хлѣбъ на голландскіе корабли нагружать, и такими поступками тамошнихъ городскихъ командировъ гораздо изволил недоволенъ явиться. Но понеже прежде сего о томъ же и резидентъ голландскій господинъ Дебій предлагалъ мнѣ, и я о томъ господамъ сенату, въ отбытіи его величества, говорилъ, которые тогда указъ послали, дабы той нагрузки въ хлѣбѣ запрещено не было, и ежели тотъ указъ пришелъ прежде отхода корабельнаго, то чаю, что оныя, нагрузка, пошли. Однакожь и я о томъ писалъ къ господамъ сенату, дабы справитъсь подлинно приказали и немедленно о томъ меня увѣдомили. Что же принадлежитъ о хлѣбѣ-жъ изъ Ревеля, и о томъ я къ милости вашей писалъ пространно, отъ 30-го сентября, какая воля на то его величества есть, и каковъ объ отпускѣ онаго указъ его величества въ Ревель къ коменданту посланъ, съ котораго и дубликатъ въ 5-й день октября къ милости вашей отправленъ.

Получили мы въ сихъ числѣхъ отъ пословъ нашихъ изъ Адрианополя письма, писанныя съ прапорщикомъ Кишкинымъ, отъ 6-го сентября, потомъ, отъ 13-го того же, съ шквандронцемъ Чуйковымъ, въ которыхъ пишутъ, что посоль Дмитрий Бестужевъ прибылъ въ Адрианополь 31 августа и принятъ отъ турковъ съ подобающею честью и со встрѣчею, какъ встрѣчаютъ коронованныхъ государей великихъ пословъ. И по прибытіи его въ третій день, т.-е. сентября 2-го дня, были у везира, а 8-го числа того же сентября у салтана обще всѣ трое на аудіенціи публичной и приняты, какъ отъ везира, такъ и отъ салтана, съ великою честью, ничѣмъ не меньше предъ цесарскими великими послы. И тому посольскому прибытію съ ратификаціею турки весьма являются довольны. И потомъ чаютъ они, послы, всѣ скорого себѣ отпуска.

1655. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. октября 16. Гага.

Хотя миръ съ Франціею у потенцій морскихъ и учиненъ, но интриги аглинскія съ Франціею здѣшнихъ Господь Статовъ и донывъ безпокойныхъ содержатъ, и какъ нынѣ еще больше тѣ интриги или коварства ея, Англіи, съ Франціею открылись, что уже извѣстно есть чрезъ учиненные трактаты съ Франціею у Англіи, какимъ образомъ о Дюнкирхенѣ опредѣлено,—и того для, хотя до сихъ мѣстъ и продолжалось, и та крѣпость была не разорена, но прошлаго мѣсяца сентября токмо была начата разорять.

Но аглинскій дворъ, будто, увѣдомился о секретномъ трактованіи между цесаремъ и Статами, будто цесарь, имѣя нужду въ деньгахъ при нынѣшнихъ военныхъ случаяхъ, хочетъ Статомъ продать города Остенду и Ньюпортъ,—и сіе она, Англія, примааетъ къ своему предосужденію, для того что, ежели тѣ обѣ помянутыя крѣпости во Фляндрахъ будутъ въ рукахъ статскихъ сей республики, гдѣ наилучшія пристани морскія, чрезъ которыя она, Англія, имѣетъ всю коммуникацію въ купечествѣ со всею Фляндіею и Брабанты, тогда Господа Статы будутъ въ силѣ купечество аглинское съ тѣми краи пресѣчь. Того ради помянутый аглинскій дворъ чрезъ нарочнаго послалъ указъ въ Дюнкирхенъ къ своему коменданту, дабы до указа впредь крѣпостей того мѣста, ни пристани не разорять. Также отъ того двора присланъ указъ къ послу ихъ, къ милорду Страффордъ, а велѣно противу сего ихъ, статскаго, намѣренія предлагать и протестовать, и что королева Дюнкирхенъ разорять больше не велѣла, и принуждена будетъ принять иныя мѣры.

И по сему указу милордъ Страффордъ, четвертаго дня бывъ въ конференціи съ депутаты статскими, именемъ королевы въ той силѣ, какъ выше объявлено, предлагалъ и протестовалъ. Но какая отповѣдь статская учинена, еще знать не можемъ, но впредь о томъ дѣлѣ обстоятельно буду доносить.

О семъ дѣлѣ всѣ, здѣсь разсуждая, знаютъ, что между цесаремъ и Статы никакого проекта о продажѣ помянутыхъ мѣстъ не было учинено и намѣренія нѣтъ, токмо Англія съ Франціею коварно на нихъ, Статовъ, и цесаря, вымышляютъ, дабы подъ тѣмъ претекстомъ разореніе Дюнкирхена остановить, а потомъ для зимняго времени и само отъ себя остановлено будетъ; и такъ продолжится до весны. А между тѣмъ въ продолженіи будутъ находить способъ, дабы оное мѣсто Дюнкирхень, не разоря, она, Англія, ей, Франціи, назадъ могла возвратить.

И при начинаніи сего новаго парламента аглинское министерство нынѣшнее будетъ трудиться, чтобы сіе возвращеніе Дюнкирхена учинить Франція чрезъ актъ парламента, какъ вышней, такъ и нижней каморы, и тѣмъ бы убѣжать всѣхъ опасностей, что бы могло случиться ихъ всему нынѣшнему министерству отъ вольнаго ихъ народа аглинскаго.

Въ дѣлѣхъ сѣверной войны, что принадлежитъ къ интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ, здѣсь больше ничего не упоминается, и больше всѣ смотрятъ на дворъ прусскій, какимъ образомъ поступить въ учиненной секвестраціи померанской.

Вашего превосходительства письма, отъ 19-го сентября и 21-го, получилъ, и о всемъ изъ тѣхъ уразумѣлъ; на которыя въ отвѣтъ довошу.

Хотя здѣсь о принятіи добрыхъ средствъ до указа чрезъ меня и другихъ министровъ аліанса сѣвернаго объявлено, но, однакоже, тѣмъ себя вовсе не

обязали, и во всякое время его царское величество свободенъ его, цесарскую, медиацию примать и въ негоціацию чрезъ него одного вступать, для того что потенцій морскихъ токмо были предложены добрыя средства, а не медиация, какъ цесарь предлагалъ. А когда за медиатора цесарь принять будетъ, тогда онъ, цесарь, повелителемъ будетъ во всей той негоціации. Но тѣмъ потенціи морскія принуждены будутъ остаться и быть при тѣхъ дѣлѣхъ, какъ постороннія.

Къ тому же министръ аглинскій и депутаты статскіе еще на наше предложеніе, что взяли на доношеніе своимъ принципаламъ уже нѣсколько недѣль, не отвѣтствовали и въ дѣла мирныя еще по се число дѣйствительно не вступили. И по всему тому мы еще къ нимъ не обязаны; также и другихъ способовъ довольно сыщется, чрезъ что отъ нихъ, потенцій морскихъ, можно отстать и къ цесарю одному пристать. А паче всѣхъ, когда цесарь гдѣ мѣсто къ съѣзду назначитъ и министровъ своихъ туда пошлѣтъ, тогда и аліаты сѣверныя въ то же мѣсто министровъ своихъ приплютъ, и такъ свободно въ негоціацию, безъ потенцій морскихъ, вступить могутъ.

И какъ нынѣ изъ сего послѣдняго письма вашего превосходительства уразумѣлъ о данныхъ указѣхъ господину Матвѣеву въ дѣлѣхъ при цесарскомъ дворѣ, того для здѣсь ни въ какую сѣверныхъ дѣлъ негоціацию впредъ до указа вступать не буду, но буду ожидать окончанія тѣхъ дѣлъ и впредъ подтвердительныхъ мнѣ указовъ.

1656. Князь Б. М. Куракинъ—царю Петру Алексѣевичу.

1718 г. октября 17. Гага.

Вашъ, всемилостивѣйшаго государя, указъ, отъ 30 августа, изъ Або, получилъ, которымъ милостиво повелѣли мнѣ дать знать, какимъ образомъ ваше величество самъ особою своею, по укрѣпленіи Гельсингфорса и его гавани, со всею арміею путь изволили къ Або воспріять и безъ всякаго супротивленія въ тотъ помянутый столичный городъ при Божіей помощи вступить и всё то финляндское княжество во владѣніе свое привести. И съ такою славною побѣдою и съ окончаніемъ по намѣренію предвоспріятаго сего великаго дѣла, припадъ къ ногамъ вашего величества, низжайше и покорне поздравляю и при томъ прошу Вышняго, дабы благословилъ ваше величество чрезъ счастливое оружіе побѣдителемъ надъ непріателемъ повсюду быть, и особливе предвоспріятіе въ предбудущую кампанію начать и по желанію своему окончать, которое отъ всѣхъ назовется коронація всѣхъ великихъ и славныхъ дѣлъ вашего величества.

Я безсумнительнымъ себя нахожу ожидать добрыхъ сукцессовъ всегда и повсюду, гдѣ присутственна вашего величества особа ни будетъ, понеже, сверхъ храбрости героической и искусства военнаго, показанное великодушіе и умѣренность при нынѣшнихъ такъ счастливыхъ случаяхъ, какъ при всякомъ благополучіи къ доброму и полезному миру склонность свою являютъ изволите, и тѣмъ меня весьма о всѣхъ намѣреніяхъ вашего величества добраго окончанія надежна возоставляетъ, и что тѣмъ великодушнымъ поступкомъ ббольшая слава распространяется, также и плевосѣятелемъ уста заградятся и уже заграждаются.

Изъ второго указа вашего величества, отъ 19 сентября, изъ Санктъ-Петербурга, уразумѣль о покупкѣ кораблей, и въ томъ со всякою прилежностью трудимся и съ радостью желаемъ по волѣ вашего величества все исполнить. И въ Англіи нынѣ два, а въ Голландіи три корабля нашлись, о которыхъ прежде окончанія не могу доносить.

1657. Князь Б. И. Куракинъ—князю П. А. Голицыну.

1713 г. октября 21. Гага.

Ваше, мой государь, письмо, отъ 8 октября, получилъ, изъ котораго я съ великою печалью себѣ уразумѣль, что вы, мой государь, имѣете на меня гнѣвъ свой, якобы я доносилъ письмомъ своимъ двору на вашу персону въ обидахъ купцамъ голландскимъ и въ задержаніи ихъ купечества и торга хлѣбнаго.

Кратко могу о себѣ Богомъ засвидѣтельствовать, что ниже въ мысли моей было, не токмо самымъ дѣломъ, что-бъ я учинилъ къ вашему предосужденію и всему вашему дому. И, наконецъ, не могу о себѣ большаго засвидѣтельствованія дать, что ежели въ мысли имѣль я или учинилъ вамъ, мой государь, какое зло, дабы Богъ обратилъ то всё мнѣ.

Мое доношеніе не токмо съ предложеній однихъ купеческихъ, но изъ самыхъ статскихъ резолюцій, съ которыхъ и копіи ко двору посылалъ; однакоже, ниже гдѣ ваше, мой государь, имя упомянулось. Также и въ особливомъ доношеніи моемъ упоминалъ объ обидахъ между другими дѣлами, подавая причину о прошедшихъ, дабы впредь онымъ чинено не было, и тѣмъ бы здѣшнюю республику содержать въ дружбѣ съ его царскимъ величествомъ.

А о прошедшихъ обидахъ до вашего прїѣзда вамъ, чаю, есть извѣстно; токмо я и о тѣхъ заподлинно вѣдать не могу.

О заказѣ торгоу хлѣбнаго не токмо мнѣ объявляли въ пристаняхъ Балтическаго моря, но и у города Архангельскаго.

И ежели бы зналъ, что сіе будетъ писаться къ вамъ, мой государь, конечно-бъ я понужденъ прежде обстоятельно вамъ писать, и что напредъ съ моей стороны всегда учинено будетъ.

При окончаніи сего, прошу, мой государь, мнѣ незапное преступленіе отпустить.

1658. Графъ А. Г. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. октября 24. Берлинъ.

На сихъ дняхъ королевское величество прусскій изволилъ графу Флемингу и мнѣ объявить, что его величество по договору, учиненному съ голштейнскимъ дворомъ, всѣми мѣрами и способы долженъ стараться, чтобы голштейнскому князю отнятыя его земли возвращены были. Однакожъ его величество для показанія своей дружбы искренней къ царскому величеству и королю польскому не хочетъ жестокихъ способовъ къ тому употреблять, но прежде добрыми средствами короля датскаго къ тому склонять, и для того господину графу Флемингу и мнѣ съ подтверженіемъ говорилъ, чтобы мы старались добрыми средствами оное дѣло къ примиренію и окончанію привести, и для того какой добрый способъ изыскали-бъ. И хотя господинъ графъ Флемингъ, ни я о томъ дѣлѣ ни указа, ни полной мочи не имѣемъ, однакоже, дабы предосудительныя общимъ нашимъ интересомъ намѣренія противъ короля датскаго отвратить или, по малой мѣрѣ, ихъ чрезъ нѣкоторое

время удержатъ, дабы король датскій тѣмъ со временемъ могъ мѣры свои предвоспріять (ибо безскротно здѣсь говорятъ, что силою будутъ принуждать къ тому короля датскаго), — разсудили мы необходимой нуждѣ быть въ то дѣло съ общаго согласія вступить, и для того мы написали нѣкоторые пункты, взявъ къ тому за фундаментъ послѣднюю короля датскаго декларацію, данную господину Герицу, противу которой только отмѣнено, что княжество шлезвигское король датскій будетъ держать во всю негоціацію, а не до окончанія войны сѣверной, понеже о семъ прусскіе и голштейнскіе и слышать не хотятъ, и для сего и у Герица негоціація съ датскимъ дворомъ разорвалась. Сверхъ того, королевское величество датскій можетъ ту негоціацію продолжать не малое время, дѣлаючи калкулы понеженнымъ убыткамъ, которые ему приключились отъ впущенія шведовъ въ Тонингъ. Для лучшаго же вамъ, государь мой, собственнаго извѣстія оные пункты при семъ прилагаю, которые прошу секретно содержать.

Прежде нынѣ опасности въ томъ голштейнскомъ дѣлѣ починаютъ приумножаться: первое, что король прусскій назначилъ нынѣ генераловъ и двадцать полковъ пѣхотныхъ и конныхъ и велѣлъ имъ всѣмъ готовиться къ походу, такожде и артиллерію здѣсь приуготовляютъ. И хотя сіе воинское приуготовленіе отъ здѣшней стороны, можетъ быть, дѣлается и для пбстраха только королю датскому, дабы его тѣмъ принудить къ реституціи голштейнскому князю отнятыхъ его земель; однакожь, ежели датскій король въ томъ упорно будетъ стоять, то можетъ быть, что и впрямь до войны дойдѣтъ, понеже король прусскій за безчестіе себѣ поставитъ, чтобы датскому въ томъ уступить, по учиненіи деклараціи и воинскихъ приуготовленій. Второе, королева аглинская общаетъ королю прусскому по восьмидесяти тысячъ талеровъ на мѣсяць давать, ежели

онъ то дѣло на себя переймётъ, и въ нужномъ случаѣ короля прусскаго не оставляеть, но наипаче ему вспомогать. И потому небезопасно,—подъ предлогомъ того голштейнскаго дѣла иного чего не учинили, а особливо короля датскаго къ партикулярному миру не принудили бы. Третье, войска шведскія, обрѣтающіяся въ Помераніи и въ Висмарѣ, которыхъ счисляють двадцать два баталіона, поговариваютъ здѣсь, будутъ взятыя въ голштейнскую службу, которыя легко могутъ быть приумножены, когда изъ Помераніи выступятъ и маршъ свой будутъ отправлять чрезъ меклембургскую и другія области, гдѣ довольно себѣ людей могутъ получить.

Король прусскій нынѣ въ Магдебургѣ обрѣтается, гдѣ нѣсколько полковъ собранныхъ смотритъ. Но какъ сюда прибудетъ, то буду домогаться о приватной у него аудіенціи, въ которой буду ему представлять о злыхъ послѣдованіяхъ, которыя изъ помянутаго голштейнскаго дѣла могутъ произойти.

Прошу вашу свѣтлость въ особливомъ вашемъ вѣдѣніи сіе секретно содержать.

Войска наши и достальныя подъ командою генерала Боура изъ Помераніи всѣ пошли во-свояси.

Что до померанской секвестраціи касается, въ томъ здѣсь такожде желаютъ окончанія. Герицъ непротивенъ тому, чтобъ и датскія въ Висмарѣ впущены были вкупѣ съ голштейнскими и ганноверскими, дабы померанская секвестрація не отъ одного прусскаго двора зависѣла, къ чему прусскихъ, чаю, такожде можно склонить. Сіе прошу такожде до времени секретно содержать.

1659. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. октября 27. Гага.

Вчерашняго числа чрезъ Вѣну съ почты ваше, мой государь, письмо, отъ 7-го сентября, изъ Адрианополя получилъ, изъ котораго обо всѣхъ тамошнихъ дѣлѣхъ обстоятельно увѣдомилися, что всѣ оныя дѣла къ благому окончанію уже, почитай, приведены. И съ тѣмъ всѣмъ ваше превосходительство поздравляю и желаю отъ сердца моего, дабы слышать скорѣ о нашемъ возвращеніи въ отечество. Ежели же оный отпускъ скорѣ не состоится, то весьма насъ безпокойныхъ оставить, для того, чтобы, по премѣнѣ здѣшнихъ дѣлъ, и тамошнія при Портѣ не перемѣнились.

Я изъ того же вашего письма, мой государь, уразумѣлъ, какое извѣстіе вамъ учинено отъ господина резидента Дашкова, а чрезъ меня, будто, ничего о томъ къ извѣстію вашему не учинено,—зѣло о семъ соболѣзную, что всѣ мои отправленныя письма, знатно, утратились и вамъ не есть вручены. Я, съ моей стороны, по се число ниже единого знатнаго здѣсь дѣла вашего извѣстія отлучилъ, но того же времени, при всякомъ случаѣ, обстоятельно доносилъ, и топерь повторительно о нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ дѣлѣхъ прошедшихъ упоминаю.

Цесарь и морскія державы предложили свои добрыя средства воюющимъ сѣвернымъ о примиреніи сѣверной войны, и со стороны сѣверныхъ аліатовъ согласно отъ всѣхъ оныя приняты, и мѣсто къ сѣзду для трактованія больше было желаніе царскаго величества въ Гданскѣ или Бреславлѣ, однакоже, наконецъ, согласились Брунsvикъ, гдѣ и самъ цесарь паче всѣхъ въ томъ мѣстѣ желалъ быть.

Министру шведскому Пальмквисту также равню предложено и о томъ мѣстѣ къ сѣзду Брунсвикъ, но оный министръ взялъ на довошеніе своему королю, и по се число ничего еще не отвѣтствовалъ, и ожидаемъ, какой онъ указъ получить у короля своего о томъ. А между тѣмъ онъ, Пальмквистъ, здѣсь объявилъ послу аглинскому милорду Страффорду и ратпенсіонарію, что онъ, Пальмквистъ, имѣеть мочь и указъ отъ короля своего здѣсь трактовать о мирѣ, а не въ Брунсвикѣ и иномъ другомъ мѣстѣ. И сей ихъ лукавый поступокъ уже здѣсь предусмотрѣнъ, что они, шведы, къ назначенному мѣсту министровъ своихъ послать не хотятъ, и чтобы тѣмъ публичнымъ сѣздомъ и негоціаціею бѣльшаго зла королю своему не учинить нынѣ при Портѣ. А когда министръ ихъ въ Гарѣ будетъ подъ рукою трактовать, то, между тѣмъ, никакого предосужденія королю ихъ въ туркахъ учинено быть не можетъ. И по сему знатно, что они, шведы, о премѣнѣ въ дѣлахъ турецкихъ надѣяніе вѣкакое впрядь имѣють.

Топерь объявляю, какая премѣна въ дѣлахъ въ Помераніи и въ имперіи учинилася, что принадлежитъ къ сѣвернымъ интересамъ.

Я надѣюся, что вашему превосходительству уже извѣстно есть, какимъ образомъ Штеттинъ и Померанія отданы въ секвестрацію королю прусскому и вѣкторымъ образомъ дуку голштейнскому, что мнѣ не вовсе пріятно есть. Но вчерашняго числа чрезъ почту сюда изъ Берлина получена вѣдомость, что король прусскій въ тайномъ своемъ совѣтѣ взялъ резолюцію учинить предложеніе королю датскому, на которыхъ кондиціяхъ желаетъ, чтобъ онъ съ дукомъ голштейнскимъ примирился и дуку голштейнскому все его прежнее дукатство возвратилъ; а ежели добродѣтельно на такихъ кондиціяхъ съ дукомъ голштейнскимъ не примирится, то онъ, король прусскій, насильнымъ образомъ хочетъ то учи-

нить и съ войски своими въ Голштейнію противъ его, датскаго, вступить. И уже войскамъ прусскимъ данъ указъ маршировать къ голштейнскимъ гравіцамъ, которыхъ корпо сочинено будетъ въ 20000, и слышно, что король самъ въ персонѣ командировать будетъ. На сіе же для лучшаго свидѣтельства вамъ, мой государь, объявляю. Когда я вчерашняго дня былъ въ конгрессѣ генеральномъ въ камерѣ детреве, министры голштейнскіе Бернеръ и Петкумъ именемъ своего дука мнѣ декларовали, что король все то намѣреніе взялъ учинить, какъ выше я объявилъ, и чтобы царское величество не имѣлъ никакого подозрѣнія отъ того марша войскъ прусскихъ, для того что король прусскій къ предосужденію царскому величеству, будто, ничего чинить не будетъ.

Извольте изъ сего смотрѣть, какое великое предосужденіе сѣвернымъ аліатомъ изъ сего есть. Когда король прусскій принудитъ датскаго возвратитъ дукатство голштейнское, тогда король датскій внѣ будетъ силы своей войну продолжать и войска содержать, и по всему видимо, что принужденъ будетъ учинить партикулярный миръ съ шведомъ вскорѣ. И ежели оный миръ учинится, то о послѣдованіи всѣхъ злыхъ дѣлъ къ интересомъ его царскаго величества оставляю въ разсужденіе вашего превосходительства. Къ сему же подь сумнѣніемъ застаемъ, куда оный прусскій дворъ, по окончаніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, оружіе свое поворотитъ. И больше есть подозрѣніе, — къ сторонѣ нашей, нежели къ другой. Еще для лучшаго вамъ извѣстія объявляю, что какъ здѣсь увѣдомлены о всѣхъ тѣхъ интригахъ, которыя происходили и происходятъ между дворами прусскимъ, саксонскимъ, или польскимъ, и готторпскимъ, что всѣмъ тѣмъ интригамъ есть начало отъ господина графа Флеминга, что оный есть внутреннимъ непріателемъ интересомъ его царскаго величества и ищетъ спо-

соба, чтобы прусскій дворъ съ польскимъ соединить и съ другою партією обше противу насъ оружіе употребить. Но, Боже, защити отъ сего ихъ проекта! Однакоже не въ безопасности есть, дабы впредь то не послѣдовало.

О дѣлѣхъ здѣшнихъ объявляю. Между Гишпанією и Статы трактатъ еще не заключенъ. Между Францією и цесаремъ война продолжается, какъ вамъ изъ другихъ писемъ извѣстно есть. Въ Англии при новомъ нынѣшнемъ парламентѣ чается быть нѣкакимъ премѣнамъ и замѣшанію.

Здѣсь объ отъѣздѣ короля шведскаго изъ турецкой земли неизвѣстны. Приготовленія моремъ и сухимъ путемъ со стороны царскаго величества къ предбудущей кампаніи чинятся.

Здѣсь нынѣ, мой государь, разглашаются вѣдомости худыя, что, будто, трудности находятся къ окончанію вашихъ дѣлъ, а особливе въ контрибуціи таттаромъ.

1660. Князь Б. И. Куракинъ — князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. октября 27. Гага.

Уже нѣсколько почтъ вашего сіятельства писемъ не получилъ, которыхъ съ желаніемъ ожидаю, дабы чрезъ нихъ могъ увѣдать о намѣреніяхъ того двора въ дѣлѣ голштейнскомъ и учиненной секвестраціи.

Вчерашняго числа въ генеральномъ конгрессѣ въ камерѣ детреве министры голштейнскіе Бернеръ и Петкумъ мнѣ декларовали именовемъ дука своего, что король прусскій по учиненному трактату съ дукомъ голштейнскимъ взялъ резолюцію предложить кондиціи королю датскому къ примиренію съ нимъ, дукомъ, и ежели добродѣтельно не примирится, то король прусскій наси-

ліемъ оружія принужденъ будетъ поступить. И того для мнѣ деклариють, что сіе намѣреніе прусскаго двора не дастъ никакого подозрѣнія его царскому величеству, и въ противность его интересомъ ничего не будетъ.

На то я ему отвѣтствовалъ, что для чего онъ мнѣ такую декларацію чинить?—ежели къ извѣстію ко двору, я надѣюсь, что фельдмаршалъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ о томъ пространно донесетъ, въ какой ситуаціи всѣ тѣ дѣла оставилъ. Токмо намѣреніе его царскаго величества есть при всякомъ случаѣ интересы своихъ аліатовъ не оставить и преребергать въ тѣхъ, какъ свои властные.

Министръ прусскій мнѣ явію сказалъ, что король его приметъ иныя мѣры, ежели датскій король добродѣтельно не примирится.

И, наконецъ, не хочу много писать, токмо кратко объявлю, что я не знаю, откуда намъ такое несчастіе припало, и отчего всѣ намъ грозятъ, и всѣ насъ уничтоживаютъ!

Отъ здѣшнихъ опасности никакой не вижу и не чаю быть. А о мирѣ здѣсь больше не говорятъ, для того всѣ дѣла и сила стали въ рукахъ прусскаго двора съ Флемингомъ.

1661. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. октября 27. Гага.

Я, мой государь, прошу меня приказать увѣдомить, ежели вамъ какая декларація отъ голштейнскихъ министровъ или отъ прусскихъ учинена, и какія мѣры свои изволите въ томъ примать,—или князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ въ такомъ случаѣ какъ велѣлъ поступать, дабы и я согласно могъ такъ поступать, какъ сходно съ интересомъ есть съ его царскимъ ве-

личествомъ и его указы. А указы его царскаго величества мнѣ повелѣваютъ, чтобы короля датскаго интересы престоерегать такъ властно, какъ его, и велѣно мнѣ во всемъ томъ поступать, какъ въ грамотѣ изъявлено, отъ 20-го сентября посланной, отъ его царскаго величества къ королю прусскому, съ которой ко мнѣ присланъ списокъ.

Я на все то прошу еще меня пожаловать увѣдомить, какимъ образомъ оная грамота принята при томъ дворѣ, и какую отповѣдь учинили, чего съ желаніемъ ожидаю.

1662. Князь Б. И. Куракинъ—А. И. Дашкову.

1713 г. октября 30. Гага.

Изъ письма вашего, отъ 14 октября, я о всемъ уразумѣлъ, и изъ разговора вашего съ канцлеромъ короннымъ я усмотрѣлъ, что не находить сходно, чтобы спѣшить посылать скоро министровъ въ Брунsvикъ. для того что еще нѣкоторыхъ потенцій тамъ нѣтъ. также и шведскихъ.

Я, усмотря въ семь дѣлѣ, что есть нужно вамъ обстоятельно сообщить, чтобы вы, о всемъ вѣдая, ему, канцлеру, въ тайной конференціи о всемъ сообщили, дабы онъ могъ по тому поступать, но теперь объявляю къ вѣдѣнію вашему.

Царское величество всегда намѣренъ былъ и донынѣ того же намѣренія есть, чтобы быть конгрессу въ Гданскѣ или въ Бреславлѣ, но за несклонностью его аліатовъ въ тѣ оба мѣста уже декларовали въ Брунsvикъ. И цесарь къ сему мѣсту въ Брунsvикъ сходенъ является и желаетъ, а потенціи морскія еще резолюціи не взяли, и сумнѣваюсь, ежели пошлютъ своихъ министровъ, для того что короля шведскаго

склонности къ сему не видятъ. И ежели министры шведскіе къ тому съѣзду присланы не будутъ, тогда и трактовать будетъ не съ кѣмъ.

Ежели бы вы меня топерь спросили: для чего потенціи морскія несклонны послать своихъ министровъ въ Брунsvикъ? На сіе вамъ отвѣтствую, что Англія желаетъ, дабы были допущены въ тѣ сѣверныя дѣла министры франпузскіе, и во всякомъ мѣстѣ, лежащемъ въ имперіи, нынѣ, во время войны съ Франціею, не можетъ франпузскій министръ въ тотъ конгрессъ пріѣхать. И того для желаютъ Англія и Франція, чтобы тѣ сѣверныя дѣла были трактованы здѣсь. И сіе, конечно, учинено быть не можетъ, чтобы здѣсь въ Гагѣ трактовать, для того что весьма царское величество на то не позволить. А Господа здѣшніе Статы во всемъ всемъ есть неутральными и готовы всюду министровъ своихъ посылать и вездѣ трактовать, токмо желаютъ, чтобъ Англія согласна была. И, наконецъ, чаю больше, что все Гданска не обойдутъ и будутъ трактовать въ Гданскѣ.

И посему явно прошу объявить его превосходительству великому канцлеру, что сіе дѣло деликатное, и посылать скоро министровъ не надлежитъ, но усматривать впредь по послѣдованію всѣхъ дѣлъ повсюду, а особливе въ Брунsvикъ посылать вскорѣ ненадобно. И наприкладъ, ежели бы министры аліатовъ сѣверныхъ и пріѣхали туда, но когда шведскихъ не будетъ, что могутъ дѣлать? И такъ стыдомъ больше поворотятся безъ всякаго плода.

Что же министры саксонскіе флатируютъ себя, что, будто, другія потенціи противу воли шведской плавъ мирный учинить и оный декларовать хотятъ,—извольте вѣрить, что во всемъ томъ обманутся, и хотя много говорятъ, токмо никакая потенція въ то дѣло не вступитъ. И прошу особливе о семъ внушить вели-

кому канцлеру коронному, чтобы на сіе обнадеживаніе не уповаль, но, конечно, обманемся.

Къ сему же надобно топерь смотрѣть, еще что въ дѣлахъ будетъ происходить отъ прусскаго двора, по учиненіи нынѣшней секвестраціи померавской.

Я сіе желаю, чтобы вы обстоятельно сообщили ему, великому канцлеру, токмо въ великой конфиденціи, а отъ саксонскихъ скрыть, не сообщать.

Прошу мой униженный поклонъ его превосходительству учинить. И впредь что будетъ здѣсь происходить, не оставлю сообщать ему чрезъ вашъ каналъ.

Вы меня безконечно обяжете, ежели мнѣ прикажете дать знать, что откуль вы увѣдомлены, что мнѣ назначено быть при конгрессѣ, при тѣхъ мирныхъ трактатахъ, и кому еще со мною велѣно быть, за что я вамъ взаимно вездѣ буду готовъ служить.

1663. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1718 г. октября 30. Гага.

Прошлаго понедѣльника въ генеральномъ конгрессѣ министры дука голштейнскаго Бернеръ и Петкумъ мнѣ декларовали именемъ своего дука, что король прусскій, по обязательству своего трактата съ дукомъ голштейнскимъ, взялъ резолюцію предложить кондиціи королю датскому къ примиренію голштейнскихъ дѣлъ. чтобъ его, дука голштейнскаго, въ прежнее свое владѣніе возставить, а ежели король датскій на тѣхъ кондиціяхъ добродѣтельно не примирится и дукатства голштейнскаго не возвратитъ, то онъ, король прусскій, поступитъ насильнымъ образомъ противу датскаго и чрезъ оружіе свое дука голштейнскаго во владѣніе возставить. И при томъ же объявили мнѣ, что того ради король прусскій далъ указъ войскамъ своимъ сби-

ратся въ городъ Лейпцигъ, отъ Гамбурга въ 14 миляхъ, который корпусъ войскъ будетъ въ 20000, и чтобъ его царское величество для того марша войскъ прусскихъ никакого подозрѣнія принять не изволилъ, что ничего предосудительно къ интересомъ его изъ того учинено быть не можетъ.

Я имъ отвѣтствовалъ, что я сумнѣваюсь, ежели бы король прусскій такимъ насильнымъ образомъ поступилъ. И ежели такимъ образомъ поступлено будетъ, то его царское величество алиата своего, короля датскаго, никогда не оставитъ. И съ тѣмъ словомъ, не продолжая больше своего разговора, отшелъ прочь для того, чтобы въ большемъ разговорѣ не понести стыда отъ ихъ угрозъ.

При семъ прилагаю копію съ письма на французскомъ языкѣ, которое разсужденіе здѣсь всѣмъ раздають они, министры голштейнскіе, и всѣвають въ здѣшнюю республику къ предосужденію его царскаго величества интересомъ и о его великой силѣ, и притомъ меня лають за мою декларацію, которую я здѣсь по указу учинилъ.

1664. Le baron de Schack—au prince Boris de Kourakine.

Londres, (novembre 1713).

J'ai reçu les deux lettres que votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire, — la première du 2 et la dernière du 6 octobre. J'ai appris entre autre avec plaisir que monsieur Rosenkrantz est rappelé d'Angleterre pour être employé au congrès, étant une personne très digne de la confiance de son maître et fort propre pour les affaires de cette importance. J'assure, votre Excellence, que vos sentiments sur la situation des affaires

d'à présent sont justes et bien pesés; j'en suis à la vérité d'accord avec vous et vous me ferez un fort sensible plaisir en montrant à me communiquer vos lumières, ainsi que j'en ferai autant de mon côté. Cependant j'ai crû devoir vous informer de ce qui se passe ici de plus considérable, afin que votre Excellence en pût faire un bon usage à la cour, où vous êtes, et par rapport à ceux qui doivent nécessairement être des mêmes sentiments.

Depuis la réponse et les propositions que les ministres de l'alliance du Nord ont faites aux puissances maritimes, contenant l'acceptation de leurs bons offices et de ceux de l'Empereur, et la nomination de la ville de Brunswick pour le lieu du congrès, mylord Strafford fait tous ses efforts pour rendre ces propositions inutiles. insinuant aux Etats aussi bien qu'aux ministres du Nord afin que la négociation de paix ne doive absolument se faire ni à Brunswick ni d'ailleurs en aucun autre endroit qu'à La Haye. Il insiste de plus, sous main, que le ministre de France soit admis dans les affaires du Nord et que les premières propositions de paix se fassent ici. sur lesquelles on entrerait dans une négociation clandestine, n'étant pas d'avis de la traiter publiquement à cause que le ministre suédois n'ose pas entrer dans une négociation ouverte, de peur de faire du tort par là à son roi, qui se trouve parmi les Turcs.

J'ai eu aujourd'hui avec ledit lord Strafford un long entretien dans lequel il s'efforçait de me faire goûter ce qu'il avait insinué aux autres. Je lui ai amplement répondu sur chaque article, en lui faisant entendre toutes les raisons que j'ai pu imaginer pour détruire la faiblesse des siennes. dont je vous dirai la teneur en peu de mots: que Sa Majesté Tsarienne avec ses alliés n'entrevoient dans les traités de paix aucune autre manière que dans un congrès de France dont la négociation de paix n'était

pas du ressort des puissances maritimes, mais que cela dépendait uniquement de la volonté de l'alliée du Nord, laquelle pouvait admettre ou refuser selon son bon plaisir; que par contre ce serait une partialité évidente des puissances maritimes en faveur de la Suède, si à dessein concerté elles voudraient y faire entrer la France, d'où il s'ensuivrait que leurs bons offices pourraient en être réputés que par leur seul nom; qu'au reste si la France avait envie d'entrer dans les affaires du Nord, elle ne devrait qu'en faire ouverture aux puissances belligérantes de part et d'autre et puiser pour les voies ordinaires dans ces sortes d'occasion.

Je ne pense point qu'il fût de l'intérêt de l'Angleterre de faire entrer la France dans nos affaires et qu'elle fût du sentiment d'établir le congrès à La Haye. J'aurai l'honneur de vous dire mes pensées sur ce sujet, que je confie à votre discrétion. C'est que je suis persuadé que mylord Strafford n'agit en cela [plus que ne le] veulent ses intérêts propres et pour avoir la gloire d'être le mobile de cette négociation et c'est pour cette raison, comme je crois, qu'il accroche son départ d'un temps à l'autre. Sur cela je vous déclare positivement les intentions de Sa Majesté Tsarienne, notre maître, qu'Elle ne consentira jamais de faire entrer dans aucune sorte de négociation ici à La Haye, et qu'Elle n'enverra aucun de ses ministres ailleurs, sinon dans une ou l'autre des trois places qui ont été nommées à cette occasion, savoir: Danzig, Breslau ou Brunswick. Sa Majesté Tsarienne étant déjà tombée d'accord avec ses alliés sur la dernière de ces places, de sorte qu'il serait inutile de s'arrêter en vain au choix de La Haye. Je laisse tout cela à vos bonnes lumières et je prie votre Excellence de tâcher par les meilleures manières et voies et non pas en forme de propositions d'inspirer et de faire goûter à la cour, où vous êtes, la sincérité et justice des inten-

tions de notre maître avant que mylord Strafford vienne à Londres, où il va se rendre en peu de temps, de sorte qu'il serait d'une très grande utilité de prévenir ledit lord et de se rendre favorable par avance l'esprit de la cour par une manière si juste en elle-même. Je ne doute pas aussi que votre Excellence ne fasse tout son possible pour rendre inutile le dessein de mylord Strafford, et d'empêcher qu'il n'obtienne la commission sans laquelle il se flatte de ne pas vouloir retourner à La Haye. Les alliés du Nord ne seraient pas sûrement fâchés si mylord Strafford manquaît à cette commission. Il serait bien à souhaiter qu'il ne tournât jamais ici. Je recommande tout ceci à votre discrétion dont je suis persuadé parfaitement. A la fin je joins ici la traduction de la lettre que Sa Majesté Tsarienne m'a écrite toute de sa propre main. Vous y verrez, monsieur, les généreuses intentions de Sa Majesté. J'ai fait entendre de bouche son contenant aux Etats, [ainsi] qu'à mylord Strafford, mais je n'ai pas jugé à propos de le faire par écrit.

1665. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. ноября 3. С.-Петербургъ.

Что принадлежитъ объ отпускѣ хлѣба изъ Риги въ Голландію, и нынѣ писалъ къ его царскому величеству губернаторъ рижскій господинъ князь Голицынъ, отъ 8-го октября, отвѣтуя на посланный къ нему указъ его царскаго величества, что не токмо голландскимъ купцамъ, но и другимъ запрещенія въ покупкѣ хлѣба и въ удержанія отпусковъ остановки никакой не бывало, но и донынѣ корабли съ хлѣбомъ отпускаютъ. Такожъ и ревелъскій комендантъ господинъ Зотовъ къ его величеству, отъ 7-го октября, писалъ, отвѣтуя же на

указъ его величества, что и тамъ голландскіе корабли, хлѣбомъ, не малымъ числомъ, нагрузя, въ Голландію отпущены, и нынѣ лежащихъ при Ревелѣ кораблей безъ нагрузки нѣтъ.

А о хлѣбѣ-жѣ у города справливался я съ господами сенаты, что когда его царскаго величества повторительный указъ о неудержаніи онаго посланъ. И по справкѣ о томъ, когда у нихъ вѣдомость получена о задержаніи у города хлѣба, то тогда же посланъ отъ нихъ изъ сената его великаго государя указъ, а именно августа въ 28-ой день, и велѣно хлѣбъ отъ города за море отпускать безо всякаго удержанія.

При семъ же объявляю, что господинъ адмиралъ графъ Апраксинъ изъ Финляндіи возвратился сюда съ благопріятными вѣдомостями объ учиненной тамо вѣкторіи надъ непріятели, о чемъ при семъ прикладаю реляцію. А о сдачѣ Штеттина къ вашей милости не пишу, ибо надѣюсь, что ваша милость уже о томъ по близости извѣстна.

1666. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. ноября 3. Гага.

О партикулярныхъ дѣлѣхъ доношу. Городъ, осаженный отъ французовъ,—Фрибургъ, отъ цесарскихъ оставленъ, и гарнизонъ уступилъ въ цитадель, и потомъ маршалъ Вилярсъ обѣщаль со всѣмъ гарнизономъ выпустить вольныхъ въ свои края, токмо чтобы цитадель оставили. Но комендантъ цесарскій, учиня армистицію на пять дней, послалъ къ принцу Евженію курьера требовать отъ него указа, что повелитъ учинить. Въ той атакѣ французы потеряли съ 15000.

Изъ Италіи вчерась получена вѣдомость, что грандукъ флорентскій умеръ, а наслѣдниковъ осталось два

сына, оба бесплодны, и чаемъ быть недолговѣчны. Того для умершій дукъ учинилъ тестаментъ и наслѣдника, по смерти своихъ дѣтей, дукатства флорентскаго назначилъ дукъ Деберри, внука меньшого короля французскаго. И ежели то правда, знать еще подлинно не можемъ. А ежели то наслѣдство такъ дому бурбонскому опредѣлено, какъ нынѣ чаютъ, то знакъ новой войны въ Италиі между домомъ бурбонскимъ и аустрійскимъ, и отъ того огня можетъ еще далѣе загорѣться.

Съ Гишпанією у Статовъ, также и у португальцевъ миръ еще не учиненъ, и, чаю, до весны то дѣло продолжится.

1667. Князь В. Л. Долгоруковъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. ноября 3. Коопенгагенъ.

Сего октября 28-го дня министры датскіе, призвавъ меня въ конференцію, пространно говорили со мною о намѣреніи короля прусскаго къ начатію войны противу короля датскаго. И понеже изъ онаго дѣла великія послѣдства родитися могутъ, а особливо я усмотрѣлъ изъ тѣхъ министерскихъ разговоровъ, что отъ того дѣла можетъ произойти великій вредъ интересомъ царскаго величества,—того для разсудилъ я за потребно, написавъ перечнемъ тѣ министерскіе со мною разговоры, вамъ для лучшаго вѣдѣнія сообщить, дабы вы изволили, по тому усмотря, въ приключившихся случаяхъ свои мѣры принять къ пользѣ его царскаго величества.

Я вамъ для извѣстія объявляю, что здѣшній дворъ такого состоянія: когда разсудить, какіе неправые къ нимъ поступки, не взирая на утрату собственныхъ ихъ интересовъ, могутъ учинить зло тѣмъ, отъ кого тѣ неправости имъ разсудятъ, хотя сами больше теряютъ.

По такимъ ихъ обычаемъ зѣло опасно, чтобъ они за такую съ прусскимъ королемъ вражду не учинили

чего вредительно интересамъ царскаго величества, потому что всю причину тоя вражды между королемъ датскимъ и королемъ прусскимъ здѣшній дворъ намъ приписуетъ. И еще больше того мнѣть,—будто тѣ противу короля датскаго короля прусскаго поступки по согласію съ царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ, какъ изволите выразумѣть изъ приложенной при семъ тѣмъ ихъ словамъ записки.

Я всяко стараюсь, чтобы здѣшній дворъ не допустить чего вредительнаго учинить интересомъ царскаго величества, но донинѣ всѣ тѣ мои труды безплодны, и слушать моихъ словъ не хотятъ о томъ, только нарекаютъ, что мы той короля прусскаго войнѣ противу короля датскаго виновны. Съ великою силою я могъ увѣрить въ помянутой конференціи отъ министровъ способы, какіе они находятъ къ поправленію того, что король въ томъ дѣлѣ разсудилъ себѣ противно. И что они мнѣ объявили, то изволите выразумѣть изъ той же записки, которая при семъ приложена. При томъ говорили они мнѣ, что нынѣ нужно, чтобы министры царскаго величества при всѣхъ дворѣхъ согласно въ томъ дѣлѣ поступали съ министрами датскими и внушали бы неправость въ томъ дѣлѣ короля прусскаго тѣмъ, что король датскій къ примиренію съ домомъ готторпскимъ склоненъ, какъ пространнѣе описано въ помянутой запискѣ. Безъ сумнѣнія, вы изволите усмотрѣть, коль нужно трудиться для пользы интересовъ царскаго величества тотъ пожаръ утушить. Того для мнѣ нынѣ зѣло нужно, чтобы вы изволили по тому здѣшняго двора требованію поступать и показать министру датскому ваше къ пользѣ интересовъ короля датскаго усердіе, дабы здѣшній дворъ изъ того могъ видѣть истинную его царскаго величества къ королю датскому дружбу. Къ тому-жъ я не мню, чтобы тѣ ваши поступки были противны указомъ, которые, я надѣюсь, вы отъ двора

получили, писанные изъ Санктъ-Петербурга отъ 21 сентября (2 октября).

Что же о правости короля датскаго, оную нетрудно показать на весь свѣтъ: всякъ вѣдаетъ, что дворъ готторпскій той враждѣ съ королемъ датскимъ виновенъ нарушеніемъ нейтральства и впущеніемъ непріятельскихъ войскъ въ Тонингъ, отчего, кромѣ иныхъ вредъ, владѣнія короля датскаго не мало претерпѣли, питая толь долгое время всѣхъ трехъ сѣверныхъ союзныхъ войска. И за толь тяжкіе понесенные убытки и впредь для безопасности отъ того двора король датскій требуетъ только въ заплату княжество голштинское во владѣніе ему до скончанія войны съ шведомъ. А прочія владѣнія, надлежащія дому готторпскому, нынѣ возвратитъ, такожде и Тонингъ отъ блокады свободитъ и впуститъ въ оную крѣпость постороннихъ областей гарнизоны хоцетъ.

Сего момента пріѣхалъ изъ Берлина сюда отъ Флеминга полковникъ Ранцовъ съ предложеніями къ примиренію между королемъ датскимъ и домою готторпскимъ.

1668. Le prince Boris Kourakine—à Charles Witworth.

La Haye, 6 (17) novembre 1713.

J'ai appris ici qu'on vous a proposé d'être employé avec des commissions de la part de la Reine pour être ici à La Haye, et de plus d'être employé pour les affaires du Nord. On m'a dit que vous n'avez pas accepté cette proposition; je prends la liberté de vous dire en ami: je suis surpris que vous avez refusé d'accepter cela, monsieur. Je vous prie, travaillez pour être employé ici et pour les affaires du Nord et vous pouvez être assuré que nous ne souhaitons pas autre chose que vous soyez

employé dans cette affaire du Nord, et vous pouvez être sûr à ma parole que cette commission pour votre personne en particulier ne sera pas désagréable.

Je sais bien qu'une personne travaille pour elle-même pour être employé à cette affaire du Nord, et insiste toujours que cette négociation se fasse ici à La Haye et non pas à Brunswick. Je vous dis en confidence que personne des alliés du Nord n'aura confiance en cette personne dans la négociation, et comme cela il ne s'agit pas que les affaires se traitent ici ou à Brunswick, mais il s'agit uniquement de la personne qui y assistera de la part de [la Reine], et sans flatterie tout le monde souhaite de vous voir employer dans cette affaire. J'espère que vous me ferez l'honneur de me répondre quelque chose à cela.

1669. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. ноября 14. Гага.

Дѣла гишпанскія здѣсь къ окончанію своему приходятъ, и трактаты мирные между тою короною и Статами въ нынѣшнихъ недѣляхъ заключены будутъ. Я не сумнѣваюсь, чтобы вашему превосходительству изъ прежнихъ моихъ было неизвѣстно, въ чемъ несходство между Статами и Гишпанією было, что король Филиппъ запрашивалъ, чтобы Господа Статы гарантировали по трактату во владѣніе отданныя земли принцешѣ де-Урсинѣ. Но нынѣ онъ, король Филиппъ, по исходатайствованію короля французскаго своего дѣла, больше отъ нихъ, Статовъ, той гарантіи не требуетъ, но желаетъ токмо, дабы принцешу де-Урсину удовольствовались тѣмъ, чтобъ исходатайствовали у дука баварскаго на обмѣнъ земель ей, принцешѣ, графство шикейское, которое прихода въ годъ приносить по 30 тысячъ ефимковъ. А къ сему помянутому обмѣну

дука баварскаго дворъ французскій весьма склонилъ, и резидующій здѣсь посолъ французскій Шатоновъ весьма старается, какъ бы наискорѣе гишпанское дѣло съ Статы окончатъ, для того что она, Франція, еще не безъ опасенія есть о премѣнѣ въ дѣлахъ въ Англіи при начинаніи нынѣ новаго парламента.

Дюнкирхевъ опять начали помалу разорять, токмо то разореніе, чають, что продолжится и предбудущее все лѣто.

Изъ имперіи въ новинахъ объявляютъ, что цитадель города Фрибурга еще обороняться можетъ до предбудущаго декабря. Но французы, вступя въ городъ Фрибургъ, равнымъ солдатомъ и другимъ жителямъ городскимъ великое непріятельство кажутъ и весь провинтъ въ томъ городѣ отобрали, такъ что всѣ жители того города съ голода умирають.

Министры, датскій Альфельдъ и прусскій Мендербургъ, прошлаго понедѣльника были позваны въ конференцію съ депутатами статскими. Первому предлагали они, депутаты, дабы король датскій примирился съ домою голштейнскимъ и тѣмъ бы тишину въ тѣхъ краяхъ возстановилъ, къ чему Господа Статы обѣщаютъ свои добрыя средства приложить. Второму предложили, что они, Статы, увѣдомлены, коимъ образомъ король прусскій намѣренъ поступать въ дѣлѣхъ голштейнскихъ, и что указы далъ своимъ войскамъ въ назначенное мѣсто собираться и съ тѣми при случаѣ въ Голштенію маршировать. Того для Господа Статы, какъ добрые пріатели, королю прусскому разсудили за благо объявить свое мнѣніе, дабы въ томъ голштейнскомъ дѣлѣ поступить чрезъ негоціацію добродѣтельными поступки, а не другимъ какимъ насильнымъ образомъ, отчего легко можетъ вскорѣ война вновь начаться и предосудительна интересамъ имперскимъ быть, и что Господа Статы съ другими потенціями также есть

гарантирами въ голштейнскихъ дѣлѣхъ. Однакожъ еще самая причина не есть, почему бы можно было насильнымъ образомъ въ оныя дѣла вступить и по гарантіи содержать. И помянутые министры о всемъ томъ взяли на доношеніе къ своимъ дворамъ.

Бискупъ бристольтскій писалъ изъ Утрехта письмо къ барону де-Беру, министру дука лоренскаго, что королева желаетъ, дабы дукъ его претенденту, или названному принцу Галлису, во владѣніи своемъ больше жить не позволилъ и наивскорѣ велѣлъ выслать вонъ. И на то письмо его, бискупо, министр лоренскій отвѣтствовалъ, что онъ, бискупъ, самъ довольно вѣдаетъ, что по домогательствомъ короля французскаго дукъ его претенденту въ своихъ владѣніяхъ позволилъ жить, и топерь надлежитъ искать способъ при дворѣ французскомъ, ежели оный позволить, чтобы дукъ лоренскій помянутаго претендента изъ своего владѣнія выслалъ, чего для нынѣ дукъ лоренскій есть весьма подъ повелѣніемъ Франціи.

Но здѣсь все заподлинно вѣдаютъ, что дукъ лоренскій позволилъ жить въ своихъ владѣніяхъ претенденту не токмо по домогательству двора французскаго, но и сама королева аглинская его о томъ просила. Но нынѣ онъ, бискупъ, писалъ вышепомянутое письмо по указу отъ двора своего нарочно такъ публично о высылкѣ и объ отдаленіи помянутаго претендента отъ Англіи, опасаяся, чтобы, при вступленіи нынѣ новаго парламента, чего предосудительнаго дворовой партіи не учинилося.

Два письма вашего превосходительства прошлыхъ почтъ, отъ № 25-го и отъ 26-го, получилъ, на которыя не имѣю что отвѣтствовать, токмо что, по указу его царскаго величества и по письму вашего превосходительства, декларацію здѣсь Статомъ учинилъ, чтобы впредь въ Ревель подданные ихъ, статскіе, освѣдомив-

пись, посылали свои корабли для покупки хлѣба на столько числомъ, сколько въ томъ городѣ находится будетъ, и отъ того половина въ продажу позволена будетъ, а другая половина всегда будетъ отъ продажи воспрещена и оставлена для содержанія гарнизона и другихъ расходовъ. И симъ здѣшнее купечество есть благодарны и впредь, вѣдая такой указъ, столько будутъ и кораблей посылать.

Флотъ отъ города возвратился весь, и въ отпускѣ хлѣбномъ все тамошнее купечество удовольствовано. И сказываютъ, что свободно хлѣбъ покушали и нагружали, когда указъ отъ вашего превосходительства былъ присланъ. И за то со всякою покорностью ваше превосходительство благодарятъ.

1670. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головину.

1713 г. ноября 14. Гага.

Третьяго дня министръ датскій Альфельдъ, получа указъ отъ двора своего, здѣсь декларовалъ, что король его охотно желаетъ вступить въ негоціацію съ дукомъ голштейнскимъ и оныя дѣла добродѣтельно прекратить. И того для назначиваетъ мѣсто Копенгагенъ или Брун-свикъ и желаетъ, дабы при оной негоціаціи были министры: цесарскій, аглинскій и ихъ, статскій, ганноверскій и вольфенбюттельскій, также и министры союзниковъ его, короля датскаго, какъ его царскаго величества, такъ и польскаго. И на сію декларацію статское рѣшеніе еще никакое не взято, и не чаю, чтобы вскорѣ рѣшено было, прежде возвращенія милорда Страффорда изъ Англии. Я господина Альфельда повторительно спрашивалъ, что имѣлъ ли указъ декларовать, чтобы министру прусскому быть при тѣхъ же дѣлѣхъ. На что отвѣтствовалъ, что въ указѣ не именовано.

Дѣла гишпанскія здѣсь къ концу своему приходятъ, и надѣмся, что вскорѣ миръ заключенъ будетъ.

О цесарскомъ мирѣ съ Франціею здѣсь ничто не упоминается.

Благодарствую, мой государь, за откровенную вашу корреспонденцію, а особливѣе за пріобщеніе отвѣтной грамоты короля прусскаго къ его царскому величеству. И воистину сіе примаю за добрый знакъ его, короля прусскаго, что онъ въ голштейнскомъ дѣлѣ поступилъ умѣренно, не такъ, какъ сначала было пошло. Къ тому-жъ изъ письма вашего, мой государь, отъ 7-го ноября, я уразумѣлъ, что король прусскій писалъ къ королю датскому въ учтивыхъ терминахъ о примиреніи съ дукомъ голштейнскимъ, и, конечно, по всему видится, что горячесть двора прусскаго утишаетъ. И дай Боже, чтобы чрезъ благоразумные поступки ваши, мой государь, оный дворъ къ тишинѣ весьма приведенъ былъ, понеже въ томъ наисамый интересъ, при нынѣшнихъ случаяхъ, царскаго величества состоитъ. Изъ того же вашего письма уразумѣлъ о возвращеніи Басовича и о секвестраціи Висмара, что хотятъ отдавать въ руки оную крѣпость голштейнскимъ и меклембургскимъ; сіе равно такъ вмѣнить, какъ самимъ шведомъ сидѣть. Я бы желалъ, съ своей стороны, ежели бы курфюрста ганноверскаго допустили къ тому.

1671. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. ноября 17. Гага.

Министръ прусскій Мендербургъ-Зальгенъ вчерашняго числа декларовалъ, что король его желаетъ какъ наискорѣе дѣла голштейнскія между королемъ датскимъ и дукомъ голштейнскимъ окончатъ добродѣтельно и вступить въ негоціацію; но когда оное дѣло въ негоціаціи

продолжаться будетъ, дабы король датскій блокаду Тонинга отставилъ, также и обнадежилъ, что онъ не будетъ во время той негоціаціи Тонинга добывать. И того же дня онъ, министръ прусскій, былъ позванъ въ конференцію, которому предлагали повторительно, дабы добродѣтельно оныя дѣла примирить. И обѣщали писать къ королю, дабы блокаду отставилъ, также бы Тонинга во время негоціаціи не добывалъ. По тому равное же предложеніе учинено министру короля датскаго, дабы обнадеживаніе учинилъ, ежели имѣеть указъ отъ двора своего, чтобы король блокаду отставилъ и во время негоціаціи не добывалъ, но оный, не имѣвъ о томъ полныхъ указовъ, взялъ на доношеніе двору своему.

И того же дня помянутый министръ прусскій сообщилъ здѣсь указомъ отъ двора своего, что король польскій трактатъ, учиненный о секвестраціи и о Штеттинѣ съ королемъ прусскимъ чрезъ фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова, ратификовалъ и войскамъ своимъ саксонскимъ, бывшимъ въ Помераніи. въ Польшу ретироваться велѣлъ.

Здѣсь сей поступокъ короля польскаго есть многимъ подозрителенъ. И уже явно увидѣли, что весьма всего того дѣла интриги есть графа Флеминга, для того что ему, королю польскому, конечно, не надлежало было ратификовать, прежде ежели бы не увѣдомленъ былъ о ратификаціи царскаго величества.

Я, мой государь, возвращаюся на свои прежнія письма, что помянутый Флемингъ сіе дѣло своими интриги ведетъ къ одному концу, чтобы датскаго отлучить отъ аліанса, но царское величество одного въ войнѣ оставить. Я прошу, мой государь, приказать дать мнѣ знать, ежели на учиненный трактатъ ратификацію получили отъ двора царскаго величества, или ежели

впредь получите, чѣмъ безконечно меня обяжете, понеже о томъ мнѣ вѣдать весьма нужда есть.

Черезъ другихъ персонъ мнѣ было сказано, будто министръ прусскій на сихъ дняхъ объявлялъ изъ депутатовъ статскихъ нѣкоторымъ, будто царское величество и король польскій съ его королемъ есть въ согласіи о дѣлѣхъ голштейнскихъ. Того для я принужденъ былъ, вчерашняго дня бывъ въ каморѣ дегреве, при присутствіи его, министра прусскаго, говорить съ ратпенсіонаріемъ и съ депутаты, что ежели министръ прусскій имъ, депутатомъ, декларовалъ, будто царское величество есть въ согласіи съ его королемъ въ нынѣшнихъ конъюктурахъ въ дѣлѣ голштейнскомъ, также и король польскій,—того для я, по силѣ своего характера, декларирую, что его царское величество съ королемъ прусскимъ о дѣлѣ голштейнскомъ [въ согласіи] не былъ и нынѣ не есть, и что при всякомъ случаѣ его царское величество короля датскаго, своего союзника, не оставитъ, и что бы могло вредно быть короля датскаго интересомъ, то чувствовать можетъ такъ властно, какъ своимъ.

Потомъ министръ прусскій говорилъ, что онъ декларовалъ въ такой силѣ, что его царское величество и король польскій также равно желаютъ, какъ и король его, дабы добродѣтельно дѣла голштейнскія окончить и короля датскаго съ дукомъ примирить. На тѣ слова я его сказалъ, что его царское величество весьма есть того мнѣнія, дабы голштейнскія дѣла добродѣтельно были прекращены, а не иными какими поступки, дабы отъ него не могло произойти вреднаго съверному альянсу.

Здѣсь разглашается, что Флемингъ поѣхалъ на время въ Варшаву и оттуль, получа инструкціи, въ Брунсвикъ ѣдетъ.

1672. Князь Б. И. Куракинъ — князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. ноября 17. Гага.

Письмо ваше, мой государь, отъ 3-го ноября, прошлой почты и съ приложенною копіею разговоровъ съ вами министровъ датскихъ я получилъ и изъ того письма уразумѣль, что желаніе двора датскаго есть, дабы при нынѣшнихъ случаяхъ вездѣ резидующіе министры его царскаго величества при чужестранныхъ дворѣхъ поступали бы согласно съ министры датскими и престоерегали-бъ его интересы такъ властно, какъ свои, что принадлежить въ дѣлѣхъ голштейнскихъ, и чтобы внушали, что король датскій съ домоу голштейнскимъ склоненъ въ негоціацію вступить.

И по моему благодаренію за все то сообщеніе, на тѣ письма отвѣтствую, что я уже давно отъ двора имѣлъ указы, а и послѣдніе отъ сентября мѣсяца, по которымъ мнѣ велѣно здѣсь престоерегать интересы короля датскаго такъ, какъ властно его царскаго величества, и отводить всѣ потенціи чужестранныя, которыя бы насильно похотѣли мѣшаться въ тѣ голштейнскія дѣла. И велѣно объявить, что его царское величество въ тѣхъ дѣлѣхъ поступокъ его, короля, апробуетъ, для того что причина тому дѣлу самъ дукъ голштейнскій внушеніемъ въ Тонингъ шведовъ и несодержаніемъ нейтральства. И по всѣмъ тѣмъ указомъ отъ двора, сколько разъ въ конференціяхъ былъ съ депутаты статскими, и о томъ деклароваль, чему господинъ Альфельдъ свидѣтелемъ есть. И по тѣмъ указомъ донинѣ равно себя во всѣхъ дѣлѣхъ веду, несмотря на секвестрацію померанскую.

Вчерашняго числа я, бывъ нарочно у господина Альфельда, министра датскаго, ему, со стороны своей, объявляль, что готовъ въ конференціи вступать и де-

кларации чинить, что по моимъ указомъ сходно есть о дѣлѣ голштейнскомъ въ интересъ короля его; на что онъ, мнѣ возблагодаря, хотѣлъ то доносить двору своему.

Вчерашняго же дня и онъ, министръ датскій, позванъ былъ въ конференцію съ депутаты статскими; было ему предложено тою же силою, какъ требованіе прусскаго двора есть, дабы король его Тонингъ отъ блокады свободилъ и обнадеживаніе бы далъ, что во всю негоціацію его добывать не будетъ, и потомъ бы вступать въ негоціацію и окончать дѣла голштейнскія добродѣтельными поступки. И сіе учинено по требованію короля прусскаго, для того что онъ, король прусскій, угрожаетъ здѣсь, что ежели министръ датскій обнадеживанія такого не учинить, и онъ принужденъ будетъ принять иныя мѣры.

Извольте мнѣ вѣрить, что Господа Статы ничего къ предосужденію датскаго не примутъ, токмо сей ихъ поступокъ для формы одной; но правду-жъ объявлю, что понуждаетъ ихъ со стороны нашихъ аліатовъ слабость. Для того вчерашняго же дня помянутый прусскій министръ, по указу отъ двора своего, здѣсь сообщилъ, что король польскій учиненный трактатъ о секвестраціи о Штеттинѣ чрезъ фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова съ королемъ прусскимъ ратификовалъ и войскамъ своимъ саксонскимъ указъ далъ выступить въ Польшу. Могу вамъ за секретъ объявить, что сія новина здѣсь принята такъ подозрительна въ поступкахъ короля польскаго къ сѣверному аліансу, что невозможно больше сказать, и что помянутая ратификація весьма есть конфирмація всѣхъ интригъ Флеминговыхъ. Не предусматривается изъ сего ничего, кромѣ самаго нарушенія сѣвернаго аліанса и несогласія, и послѣдованіе будетъ весьма худое въ дѣлѣхъ.

Я не знаю тамошняго двора интересовъ внутреннихъ въ Голштеніи, токмо ежели бы возможно учинить было, чтобы по желанію такое обнадеживаніе прусскому двору учинить, что Тонингъ атакованъ не будетъ, и блокада его отставлена будетъ, и потомъ въ негоціацію вступить, и такъ долго продолжать, какъ наивозможно. А въ продолженіи нашимъ собственнымъ интересомъ небезполезно будетъ.

1673. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головинну.

1713 г. ноября 17. Гага.

По отправленіи моего прошлой почты письма до вашего превосходительства, третьяго дня министръ прусскій декларовалъ здѣсь Господамъ Статомъ, что король его въ дѣлѣхъ голштейнскихъ готовъ поступить добродѣтельными поступки съ королемъ датскимъ, токмо конечно желаетъ, дабы король датскій отставилъ блокаду Тонинга и учинилъ обнадеживаніе, что онъ ту крѣпость Тонингъ добывать не будетъ. Но ежели онъ, король датскій, вскорѣ такого обнадеживанія не учинитъ и въ негоціацію добродѣтельно съ дукомъ голштейнскимъ не вступитъ, то король его прусскій принужденъ будетъ иныя мѣры принять.

Но вчерашняго дня министръ датскій былъ позванъ въ конференцію съ депутаты статскими, которому желаніе короля прусскаго предложили, какъ выше сего объявлено; и ежели имѣетъ указъ двора своего, чтобъ онъ, датскій министръ, такое обнадеживаніе учинилъ. На что датскій министръ, не имѣя указовъ, взялъ на доношеніе двору своему.

И потомъ былъ позванъ министръ прусскій съ депутаты статскими въ конференцію, которому предлагали, что они министру датскому равнымъ образомъ

объявили о Тонингѣ по желанію короля его, и что онъ, датскій министръ, взялъ на доношеніе ко двору. И того для ему, прусскому министру, нашли за потребно предложить, чтобы король его въ тѣхъ дѣлѣхъ добродѣтельно поступалъ съ королемъ датскимъ, а не другими какими образы; чего для отъ противныхъ случаевъ война вскорѣ можетъ начаться и ближнимъ со-сѣдямъ весьма предосудительна быть.

Вчерашняго же дня министръ прусскій Господамъ Статомъ объявилъ, что король польскій о секвестраціи померанской трактатъ учиненный и о Штеттинѣ ратификовалъ и указъ далъ своимъ войскамъ изъ Помераніи выступить и въ Польшу маршировать.

Вечеръ прибывшій курьеръ изъ имперіи привёсъ вѣдомость, что французы остатнюю цитадель города Фрибурга на акордъ взяли, и гарнизонъ цесарскій, состоящій въ восемнадцати баталіонахъ, по договору съ ружьемъ и съ честью свободно обѣщали выпустить; а обстоятельной о капитуляціи еще вѣдомости не получили. Армія французская раздѣлилася на-двое: одна часть возьметъ квартиры зимнія по сю сторону въ имперіи и въ части Швабіи, а другая по ту сторону Рены въ Гольсаціи, въ Лоренѣ и въ другихъ мѣстѣхъ. Принцъ Евженій также раскладывается на квартиры зимнія въ цесарствѣ. А кавалерія частью въ Баваріи и частью въ венгерской землѣ. И по сему предусматривается, что французскія войска ранѣе могутъ въ кампанію вступить, нежели имперскія.

Я по прежнимъ указомъ продолжаю непрестанно дѣлать деклараціи со стороны его царскаго величества въ интересъ короля датскаго. И вчерашняго дня при самомъ министрѣ прусскомъ я говорилъ ратпенсіонарію, также и при польскомъ министрѣ, что на сихъ дняхъ былъ я увѣдомленъ, что, будто, министръ прусскій, между другими разговорами, депутатамъ статскимъ объ-

являлъ, что король его все то чинить въ дѣлѣхъ голштейнскихъ по согласію съ его царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ. Того для я топерь ему, ратпенсіонарію, декларирую, что его царское величество съ королемъ его ни въ какомъ согласіи не былъ и не будетъ въ томъ дѣлѣ голштейнскомъ, что бы могло быть противу интересовъ короля датскаго, также и общему интересу сѣвернаго альянса, и что его царское величество при всякомъ случаѣ короля датскаго, какъ своего альята, никогда не оставитъ.

На тѣ мои слова министръ прусскій мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ имѣлъ указъ здѣсь декларовать такимъ образомъ, что его король желаетъ, дабы дѣла голштейнскія были окончены добродѣтельными поступки между королемъ датскимъ и дукомъ голштейнскимъ, и что его царское величество и король польскій того же мнѣнія находятся.

Потомъ министръ польскій говорилъ, что король его того же мнѣнія находится, какъ и его царское величество, чтобы голштейнское дѣло было примирено добродѣтельными поступки, а не другимъ какимъ образомъ.

И отшедъ оттуль, я объявилъ министру датскому о всѣхъ тѣхъ разговорѣхъ, дабы онъ своему двору доношенія учинилъ, и что его царское величество никогда короля его не оставитъ. А о всемъ томъ дѣлѣ я далъ знать пространно послу его царскаго величества князю Долгорукову въ Копенгагенъ.

Нахожу за потребно донести въ подтверженіе къ прежнимъ моимъ доношеніямъ, что Господа Статы неотмѣнно себя содержать въ доброжелательныхъ намѣреніяхъ къ интересамъ его царскаго величества.

1674. Графъ А. Г. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. ноября 17. Берлинъ.

Надѣюсь, что прежнее мое письмо, въ которомъ я писалъ, что господинъ Альфельдъ чрезъ графа Флеминга внушилъ голштейнскому министру господину Герицу нѣкоторыя пропозиціи, и что на оныя отъ здѣшняго двора учиненный проектъ, до рукъ вашей свѣтлости достигло. Нынѣ въ прибавку къ тому извѣствую, что предъ двѣмя днями и вчерась пріѣзжали ко мнѣ на конференцію господинъ Альфельдъ и господинъ Герицъ, на которой, по многихъ разговорахъ, опредѣлили и положили на мѣрѣ Герицу декларацію написать, которая во время негоціаціи имѣеть быть за фундаментъ голштейнскаго дѣла. И она, такожъ, что говорено въ конференціи, въ семь состоитъ:

1. Что Герицъ по имѣющей своей полной мочи хочетъ въ негоціацію о голштейнскомъ дѣлѣ вступить въ Брауншвигъ на конгрессѣ, который цесарь назначилъ къ 15-му числу декабря, и король датскій то же мѣсто или Копенгагенъ назначалъ.

2. Княжество голштейнское и шлезвигское остаются королю датскому до окончанія негоціаціи.

3. По желанію датскому будутъ голштейнцы стараться, чтобы въ Висмаръ войска датскія вкупѣ съ голштейнскими впущены были; а ежели шведы датчанъ впустить не похотятъ, то и голштейнцы своихъ не хотятъ туда вводить, но, вмѣсто тѣхъ, они, мекленбургцы, впущены будутъ.

4. Дабы въ Тонингъ отъ 14 до 14 дней провіантъ пропускали.

5. Чтобы король датскій обнадежилъ, что надъ Тонингомъ не будетъ онъ никакихъ промысловъ чинить во время негоціаціи.

6. Ежели король датскій сію послѣднюю негоціацію не приметъ и её уничтожить, то и голштейнцы больше держаться ея не будутъ.

При томъ же Герицъ просилъ отъ здѣшнихъ министровъ ассекураціи, что когда датчане не примутъ деклараціи, чтобы тогда учиненный трактатъ короля прусскаго съ нимъ остался въ своей силѣ.

Ежели король датскій помянутую декларацію изволить принять, токмо что надѣется, что голштейнскія дѣла къ благополучному окончанію приведены будутъ.

1675. Графъ Г. И. Головинъ—князю Б. И. Куракину.

1718 г. ноября 19. С.-Петербургъ.

Письмо милости вашей, отъ 9-го октября, нумера 62-го, здѣсь получено, и царское величество изволилъ оное слушать. И изъ того выразумѣли, что Господа Голландскіе Статы чрезъ депутатовъ своихъ въ державной съ вами конференціи вамъ объявили, что они являются быть недовольны за отдачею въ секвестрацію Штеттина и части Помераніи королю прусскому и дуку голштейнскому безъ приобщенія имъ, Господамъ Статомъ, также цесарю и всему цесарству; и что интересъ общій, какъ аліатовъ сѣверныхъ, такъ всей имперіи и ихъ, статскій, состоялъ въ томъ, чтобы всю Померанію и Висмаръ отдать въ секвестрацію цесарю и всему цесарству; и что, предлагая о томъ многіе резоны, на послѣди заключили, что, для убѣжанія бѣльшаго предосужденія, разсуждаютъ они, Господа Статы, чтобы Висмаръ и Стральзундъ въ секвестрацію королю прусскому не отдавать, а отдать бы другимъ принцамъ имперскимъ, а особливо курфюрсту ганноверскому, и тѣмъ бы прусскій дворъ въ балансѣ содержать.

Царское величество указалъ къ вамъ о семъ пи-

сать, что его величество учиненный трактатъ объ отдачѣ померанской секвестраціи и Висмара, разсмотря нѣкоря въ ономъ содержаніи, отчасти противныя сѣверному союзу, не за благо принялъ; наипаче же, когда его царское величество изволилъ увидѣть трактатъ короля прусскаго съ домоу готторпскимъ, іюня 28 дня сего года постановленный, съ котораго копію вы прислали, что тотъ учиненъ во многихъ пунктахъ къ предосужденію его царскаго величества и союзниковъ его интересу, а именно: второй, пятый и осьмой артикулы. И получена здѣсь такожде вѣдомость, что тотъ трактатъ король прусскій въ резолюціи своей, данной министру датскому господину Альфельду, явственно призналъ.

Его царское величество повелѣлъ министру своему королю прусскому объявить, дабы онъ для пріязни своей къ его царскому величеству поступилъ съ королемъ датскимъ добрымъ средствомъ, а что въ противномъ же случаѣ его царское величество то за противно приметъ и его, датскаго короля, яко союзника своего не оставитъ, понеже король датскій въ томъ дѣлѣ правыя претензіи имѣетъ въ недодержаніи нейтральства и умѣренность свою показываетъ, и чтобы король прусскій то оставить изволилъ и учинилъ, какъ король датскій желаетъ.

И при такомъ прусскому королю объявленіи велѣно сыну моему Александру требовать отвѣта,—будетъ ли онъ, король, исполнять по учиненному договору съ княземъ Меншиковымъ; и ежели изволитъ, то бы тѣ противныя пункты, а именно,—второй, пятый, осьмой, учиненные съ домоу готторпскимъ, отвергнуть и письменно обязаться изволилъ. И ежели онъ, король прусскій, такое письменное обязательство дать обѣщаетъ, то его царское величество учиненный трактатъ о секвестраціи Штеттина ратификовать будетъ, И отъ ратификаціи

Штеттина его царское величество отрещися не можетъ, ибо то учинено съ соизволенія его королевскаго величества польскаго, которому сей городъ по разряду принадлежалъ.

Что же привалезить объ отданіи въ секвестрацію Стральзунда и Висмара, и его царскому величеству сего позволить и ратификовать невозможно, только какъ союзникомъ его благоугодно будетъ, и которыхъ державъ гарнизоны, согласясь они обще, въ тѣ крѣпости влустить изволятъ. И о семъ изволилъ его царское величество писать въ грамотахъ своихъ къ ихъ величествамъ королямъ датскому и польскому, и прусскому, съ которыхъ грамотъ и съ писъма, къ сыну моему Александру посланнаго, сообщаются при семъ къ милости вашей копии для лучшаго увѣдомленія о томъ.

И, по полученіи сего, изволите ваша милость Господамъ Статомъ на предложеніе ихъ, вамъ учиненное, объявить, какъ писано выше сего, а при томъ также изъяснить, что господинъ фельдмаршалъ князь Меншиковъ на такой трактатъ съ королемъ прусскимъ позволилъ по нуждѣ, понеже прусскій дворъ безъ того въ секвестръ вступить не хотѣлъ, а войскамъ царскаго величества быть тамо за поздностью времени далѣе невозможно; къ тому же въ пропитаніи оныхъ, за отдаленіемъ его царскаго величества земель, крайнее оскудѣніе было. (А что корпуса, ради дѣйствъ у Стральзунда опредѣленнаго, не оставлено, тако и оныхъ было оставлять князю невозможно ради малаго корпуса однихъ, понеже по договору войскъ короля датскаго къ Стральзунду ради дѣйствъ не бывало, и Висмаръ не блокированъ, такожъ и саксонцы оттуда выступить хотѣли. О чемъ прежде сего къ королю датскому его царское величество о неисполненіи съ ихъ стороны по тому договору писать изволилъ, съ которой такожъ вашей милости, ради собственнаго вашего о томъ

извѣстія, списокъ посылаю). Такъ же, какъ вы уже имъ говорили, что онъ, фельдмаршалъ, разсуждалъ лучше тоѣ Штеттинскую крѣпость видѣть въ рукахъ потенціи нейтральной (и которая также есть членъ имперіи), нежели въ рукахъ непріятельскихъ. И его царское величество, какъ уже довольно прежь сего чрезъ учиненныя свои деклараціи, какъ цесарю и имперіи, и имъ, Господамъ Статомъ, и инымъ объявилъ, что его величества намѣренія весьма вѣтъ въ нѣмецкой землѣ завоеванныя мѣста себѣ получить, ниже отъ короны шведской тако взятыя провинціи, земли и крѣпости за собою удержать.

Царское величество такожде подлинно неизвѣстенъ былъ, какъ нынѣ они, Господа Статы, дали вамъ знать, что дворъ прусскій есть внутреннимъ пріятелемъ Франціи и Англіи, и что между тѣми потенціями проектъ учиненъ къ возставленію интересовъ шведскихъ и къ предосужденію интересовъ другихъ и всей имперіи, и какое несогласіе между тѣмъ дворомъ и республикою голландскою, что надлежало было напередъ имъ, Господамъ Статомъ, его царскому величеству безскрытно объявить, когда они интересы свои съ интересы царскаго величества за сходные почитаютъ, почему бы, конечно, то дѣло отъ его величества инако предвоспріято и предостережено было.

Что же депутаты статскіе при томъ вамъ говорили о склонности и доброжелательныхъ статскихъ намѣреніяхъ къ интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ во все время сѣверной войны, и за сіе царское величество такожде, съ своей стороны, никогда не оставилъ въ интересъ ихъ, статскій, свои склонности и доброжелательства чинить и впредь то чинить, и опыты своей дружбы оказывать, и интересовъ ихъ, статскихъ, по крайней возможности предостерегать не оставить.

1676. Князь Б. И. Куракинъ—царицѣ Екаторинѣ I.

1713 г. ноября 27. Гага.

Вашего величества получилъ указъ, отъ 20 августа, которымъ повелѣно вновь сдѣлать лучшій фонтанженъ, и то впредь по указу вашему исправлено будетъ; токмо желаю прежде вѣдать, по привозѣ посланныхъ трёхъ фонтажей, ежели оныя угодны вашему величеству будутъ, и который изъ тѣхъ мастерствомъ пріятнѣе явится, для того что между тѣми два есть мастерства бруссельскаго, а одинъ мастерства малинскаго.

Изъ второго указа вашего, отъ 30 сентября, уразумѣлъ, что посланный учиненный ординъ отъ меня покорнѣйше вашему величеству вручѣнъ, и что оный словеніемъ сходенъ съ волею вашего величества явился. О семъ, съ великою радостью уразумѣвъ, доношу, что все то, которое по указомъ вашихъ величествъ повелѣно мнѣ будетъ учинить, со всякою радостью и прилежнымъ и вѣрнымъ служеніемъ готовъ исправлять.

Я сперва весьма непонятенъ былъ отъ радости уразумѣть милостивыя всѣ тѣ предстательства о мнѣ, которыя вы изволили учинить къ его царскому величеству, какъ мнѣ въ томъ указѣ вашего величества изъявлено, и что нѣкоторымъ образомъ къ исполненію того и обѣщано мнѣ есть.

Сіе вашихъ величествъ въ милости склонное ко мнѣ объявленіе, которое (ежели-бъ оное къ исполненію и продолжалось, или-бъ отъ продолженія времени не состоялось) я пріемлю такъ, якобы уже оное получилъ и при себѣ имѣю. Правда воспрещаетъ меня къ исполненію сего милостиваго награжденія вашего величества нынѣ прилежно просити, понеже внѣ годности себя къ тому признаваю. Однакожь, наконецъ, покорнѣйше припадаю предъ вашимъ величествомъ, прося содержать меня всегда въ милостивой протекціи,

1677. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. декабря 1. Гага.

Со вчерашнею почтою изъ имперіи о сходствѣ между принцемъ Евженіемъ и Вилярсомъ къ пріятію армистиціи ничего не подтвердилось, но токмо въ письмахъ объявили, что о томъ проекты учинили, и каждый изъ нихъ съ тѣми послалъ къ своему двору.

Правда, съ начала сего съѣзда раштатскаго многія упованія имѣли къ сходству мирному, но топерь является таково, и что Франція въ прежнихъ своихъ запросахъ состоитъ. И того для не чають, чтобы цесарь и цесарство по такимъ запросамъ французскимъ могли вступить въ негоціацію. Къ тому-жъ изъ Англіи въ письмахъ является, что дворъ аглинскій со всякою прилежностью старается при дворѣ французскомъ, дабы нынѣшнія держація конференціи въ Раштатѣ съ принцемъ Евженіемъ разорвать, для того, чтобы цесарь и вся имперія того мира съ Франціею безъ ея, Англіи, не учинили; но желаетъ она, Англія, быть медиаторомъ между ею, Франціею, и цесарствомъ. И многіе того чаянія, что Франція съ нею, Англіею, въ томъ въ согласіи есть, и что безъ нея, Англіи, она, Франція, съ имперіею въ негоціацію не вступитъ, для того что учиненный генеральный мирный планъ пожелаютъ такъ окончатъ, какъ между ею, Англіею, и Франціею при конгрессѣ утрехтскомъ было опредѣлено, дабы по томъ генеральномъ мирѣ и другія дѣла ихъ, какъ о принцѣ Галлисѣ, такъ и прочія, по намѣренію ихъ послѣдовать могли.

Опасность она, Англія, имѣетъ допустить въ трактаты мирные безъ себя цесаря съ Франціею, для того, дабы онъ, цесарь, Нидерланды Гишпанскіе не уступилъ дуку баварскому на обмѣнъ Баваріи; и тѣмъ онъ, це-

сарь, можетъ ббльшую желюзію возставить между Англіею и Голландіею, и Франціею. И тогда будутъ потенціи морскія ближе къ ссорамъ съ Франціею и къ новой войнѣ, чего онъ, цесарь, въ реваншъ обѣимъ потенціямъ морскимъ весьма ищетъ. И на конецъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ у цесаря съ Франціею чается, что предбу-душая кампанія еще продолжится.

Предъ сею двѣма почты я въ письмѣ своемъ упоминалъ, что миръ между Гишпаніею и Статы къ окончанію своему приходилъ, и что о томъ мнѣ самъ французскій посолъ Шатоновъ сказывалъ, что король Филиппъ по домогательствомъ короля его всѣ трудныя претензіи о гарантіи принцеси Урсины отставилъ и указъ далъ своимъ министромъ дуку Даонеуну и другимъ, резидующимъ въ Утрехтѣ, миръ съ Статы какъ наискорѣе заключить. И, конечно, надѣялись на сихъ недѣляхъ оному заключену быть. Но нынѣ изъ Мадрида вновь курьеръ четвертаго дня прибылъ съ указомъ къ помянутымъ министрамъ гишпанскимъ, чтобы прежнія претензіи возобновили и домогались бы у Статовъ гарантіи не токмо однихъ добръ принцеси Урсины, но и всѣмъ тѣмъ, которые Нидерландовъ Гишпанскихъ во время сей войны отѣхали въ Гишпанію и взяли партію его, короля Филиппа, дабы и тѣмъ всѣмъ были добры ихъ возвращены, и чтобъ остался всякъ въ своемъ прежнемъ владѣніи съ своими привилежіи.

И о семъ здѣсь въ секретныхъ письмахъ объявлено, что дворъ гишпанскій вновь такіа трудныя претензіи къ нимъ, Статомъ, учинилъ по домогательству двора аглинскаго, чтобъ еще ихъ подданнымъ статскимъ въ Гишпаніи нѣсколько времени несвободно было торговать, между которымъ временемъ они, агличане, въ Гишпаніи не малое богатство получаютъ и свой торгъ на лучшемъ основаніи постаноятъ. Къ тому-жъ она, Англія, ищетъ способы, дабы здѣшнихъ Господь без-

покойныхъ содержать, чтобъ еще свободнѣе принца Галлиса могли перевезти.

Изъ Стокгольма здѣсь получена вѣдомость, что армія шведская въ Финляндіи отъ войскъ его царскаго величества побита, и пѣхота вся на мѣстѣ осталась; въ полонъ взято изъ той 1500 человекъ. Кавалерія шведская, не вытерпя перваго огня, ушла; артиллерію потеряли. А баталія была близъ Тавастгуса. И съ тою викторіею ваше превосходительство поздравляю и прошу Вышняго, дабы благословилъ оружіе его царскаго величества въ будущую кампанію такъ прогресси счастливо учинить, какъ нывѣшній прошедшій годъ.

1678. Графъ Г. И. Головкинъ— князю Б. И. Куракину.

1713 г. декабря 4. С.-Петербургъ.

На полученныя письма милости вашей, отъ 8, 22 и 29 сентября, да отъ 6 и 16-го октября, въ которыхъ изволите писать о добрыхъ средствахъ, отвѣтствовалъ я къ милости вашей кратко, понеже, за отправленіемъ многихъ дѣлъ, принадлежащихъ о померанской секвестраціи, по онымъ отъ его царскаго величества указа получить времени не имѣлъ, а нынѣ, получа, на оныя отвѣтствую.

Когда уже ваша милость по прежнимъ его величествомъ къ вамъ посланнымъ указомъ, какъ аглинскому послу, такъ и Голландскимъ Статомъ, о принятіи добрыхъ ихъ средствъ въ примиреніи воюющихъ сѣверныхъ волю его царскаго величества объявили обще съ министры датскимъ и польскимъ, такожь и цесарскому, и ганноверскому министромъ въ равной же силѣ объявили,—то въ томъ изволите поступать по тѣмъ прежде отправленнымъ къ милости вашей его царскаго величества указомъ, не останавливаясь, понеже нынѣ я

его царскаго величества указомъ писалъ и къ министру господину Матвѣеву, чтобъ онъ (когда уже въ цесарскому министру объявили) его цесарскому величеству объявилъ, что его царское величество его, цесарскія, добрыя средства обще съ морскими потенціи, съ Англіею и Голландіею, въ примиреніи съ королемъ шведскимъ приеменить и мѣсто къ сѣзду съ согласія своихъ высокихъ союзниковъ назначиваетъ Брунсвикъ, какъ о томъ милость ваша послу аглинскому и Голландскимъ Статомъ, и цесарскому, и ганноверскому министрамъ объявили.

А что милость ваша на предложеніе объ армистиціи отвѣтствовали, не взявъ ко двору на доношеніе, и что объявили о пропозиціяхъ, что оныя объявлены будутъ на сѣздѣ въ Брунсвикъ,—и то учинили изрядно. А голландскій резидентъ здѣсь объ армистиціи донынѣ не предлагалъ.

Присланный курьеръ отъ его королевскаго величества польскаго съ грамотою, въ которой онъ требовалъ о вспоможеніи (о чемъ я къ милости вашей писалъ), нынѣ въ недавнемъ времени отсюда отправляя съ отвѣтною его царскаго величества грамотою, которая въ такой силѣ писана, что его величества указъ къ фельдмаршалу графу Шереметеву послать, чтобъ онъ былъ послушенъ указомъ его, королевскимъ, нынѣ, за учиненіемъ мира, невозможно, понеже гемочно войскъ російскихъ въ Польшу послать, не видя еще явныхъ противностей съ турецкой стороны противъ его величества; и когда бы то учинить безъ причины, то поставятъ турки за нарушеніе мира. Къ тому же, что, по всѣмъ вѣдомствамъ, турки обнадѣживаютъ карловичскій миръ содержать. А когда турки дѣйствительно противъ его величества взычнутъ, и тогда его царское величество помогать готовъ. Однакоже то вспоможеніе не на одномъ его царскомъ величествѣ лежитъ, ибо оборо-

нительнымъ союзомъ обязаны съ его величествомъ царь и вены. Для лучшаго же въ томъ во всемъ согласія на послѣди требовано, чтобы кто для того къ его царскому величеству присланъ былъ отъ короля и речи посполитой съ полною мочью, что пишу къ милости вашей токмо для извѣстія.

Отъ пословъ нашихъ изъ Адрианополя имѣемъ мы письма, отъ 9-го октября, въ которыхъ пишутъ, что хотя турки имъ упоминаютъ о пунктѣ въ дачѣ ханской, однакожь они надѣются послѣ ихъ турецкаго байрама, тамо наступившаго, что съ ратификаціею отпущкъ имъ будетъ, на что потребно отъ нихъ еще ожидать конфирмаціи.

По письмамъ же вашей милости, отъ 25 и 29-го августа, о требованіи статскомъ за ихъ подданныхъ въ разныхъ дѣлѣхъ, докладывалъ я его царскому величеству. И резидентъ ихъ, Господъ Статовъ, господинъ Дебій, имѣя приватную аудіенцію у его царскаго величества, о главныхъ изъ тѣхъ дѣлъ также предлагалъ; о чемъ о всемъ царское величество изволилъ слушать выписки и указалъ къ вамъ въ отвѣтъ писать.

1. Что въ присланной къ вамъ статской резолюціи въ отвѣтъ на поданный вами меморіаль написано, что корабли ихъ подданныхъ при Гельсингфорсѣ сожжены будто невинно, приводя къ тому нѣкоторыя раціи, и притомъ желаютъ, дабы пяти сожженныхъ кораблей хозяева могли получить нарочитое награжденіе, также же здоровымъ и раненымъ людямъ за ихъ потерянные боронши и за раны и убитыхъ женамъ и дѣтемъ удовольствованіе. И хотя то подлинно есть, что тѣ голландскія торговыхъ два судна и двѣ флейты пришли къ Гельсингфорсу съ вице-адмираломъ шведскимъ, и пристали всѣ подъ пушками непріятели и прежде того, какъ уже посланные отъ нашего вице-адмирала почали на тѣ суда входить, голландскихъ флаговъ не подни-

мали, и для того поступлено съ ними, какъ съ непріятеля. И не надлежало было ничего имъ возвращать и платить, какъ и прежде сего довольно къ милости вашей о семъ писано; однакожь его царское величество для показанія своей особливой къ Господамъ Статомъ склонности, и желая взаимно отъ ихъ высокоочинства всякой пріязни, соизволяетъ за пожженные два судна, а двѣ флейты объявить отъ себя платить половину; ибо когда тѣ голландцы пришли съ шведскимъ вице-адмираломъ подъ его защищеніемъ и обороною, для того надлежитъ имъ, Господамъ Статомъ, другой половины за тѣ суда претендовать отъ шведовъ. И о томъ половинномъ отъ насъ платежѣ объявить, что будетъ то исправно заплачено по скончаніи сей шведской войны. Ежели же хозяева тѣхъ кораблей похотятъ себѣ за плату оныхъ получить нынѣ, то-бы они, противъ той цѣны, брали лѣсъ въ Финляндіи, въ завоеванныхъ мѣстѣхъ, во сколько времени тоѣ цѣну могутъ они вывезти, и позволяется имъ тотъ вывозить безошлинно. А что ваша милость, по словамъ тѣхъ корабельныхъ хозяевъ, предлагали о дачѣ имъ привилегій о безошлинной торговлѣ, и на сіе не соизволено.

Убитыхъ женамъ-вдовамъ и дѣтемъ-сиротамъ изволите ваша милость объявить награжденіе денежное, сколько по вашему разсмотрѣнію и по людямъ будетъ пристойно, чѣмъ ихъ мочно удово..лствовать, и сколько имъ объявите, изволите писать.

2. По другому ихъ, статскому, требованію за поданныхъ же ихъ Дирка Фонтинсена да Гендрика Шредера о девяти тысячахъ бревенъ купленныхъ, ежели-бы оныя были въ цѣлости, конечно бы было удовольствие показано, и тѣ бревна сбережены, и тѣмъ купцамъ были отданы. Но понеже за невѣдѣніемъ, что тѣ бревна были ихъ, статскихъ, поданныхъ купленные, и чая, что тѣ лѣса были шведскіе, и какъ обычай всегда у непріят-

теля брать за добычу, тогда-жь употреблены тамо-же, въ Гельсингфорсъ, на дѣло багарей и прочее. Ежели-жь еще сколько тѣхъ бревенъ въ остаткѣ сыщется, тѣ могутъ они осмотрѣть и будущей весны прислать и взять. Подобнымъ же образомъ учинилось съ лѣсными товары купцовъ голландскихъ Ламберта—Лутхера съ компанією, и для необходимой вужды на строеніе городовое тѣ лѣсные припасы употреблены, какъ въ самой ихъ, статской, резолюціи объявлено.

3. О корабль, названномъ „Дѣвица Марія Магдалина“, нагруженномъ лѣсами, не надлежитъ статскимъ подданнымъ жалобы приносить. И они, Статы, претензій имѣть не могутъ, ибо тотъ корабль взятъ съ пашпортомъ шведскимъ, которою причиною суть сами они, статскіе подданные, къ удержанію въ нашей сторонѣ того корабля.

4. Что о должникахъ бывшихъ жителей въ Выборгъ и Ревель надлежитъ, о томъ по предложенію ихъ, статскаго, резидента, когда учинить, и по оказанію письменныхъ на то доводовъ правосудное разсмотрѣніе и рѣшеніе будетъ учинено. Что же со стороны статской желается имѣть съ вами конференцію и установить о томъ въ престоужность на будущія времена, и при томъ объявлено,—и вы разсуждаете, что не можетъ постановлено быть безъ трактата навигаціи (а повеже опредѣленіе о трактатѣ коммерціи и навигаціи, можетъ быть, что еще и умедлится, ибо по указу его царскаго величества велѣно сей зимы еще нѣкоторыхъ знатныхъ купцовъ сюда созвать и о томъ, у нихъ еще довольныя вѣдомости и разсужденія взявъ, разсматривать и докладывать его царскому величеству),—и для того надобно вашей милости въ конференціяхъ о вышеписанномъ съ статскими депутаты быть и о семъ до генеральнаго трактата коммерціи и навигаціи такъ согласиться, что, когда впредь голландскимъ торговымъ

кораблямъ случится идти въ Фивляндію, гдѣ суть воинскіе корабли и суда россійскія, тогда бы статскіе подданные имѣли на тѣ корабли пашпорты у васъ, посла его царскаго величества, въ Гагѣ пребывающаго, и въ слученіе россійскихъ кораблей и судовъ, не доходя за нѣсколько, присылали бы корабельщики голландскіе въ ботахъ для увѣдомленія о себѣ. И по такому вашему тамо согласію даны будутъ во флотъ царскаго величества крѣпкіе указы. И тѣмъ на предбудущія времена учинена была-бъ отъ всякаго предосудительнаго дѣла осторожность.

О семъ о всемъ изволите ваша милость чинить и на резолюціи статскія, къ вамъ присланныя, отвѣтствовать, какъ писано выше, и что учинено будетъ, о томъ писать.

А господину Дебію изволилъ царское величество въ приватной аудіенціи въ генеральныхъ терминахъ отвѣтствовать, что о платежѣ за пожженные корабли и объ удовольствіи вдовъ и сиротъ посланъ будетъ его величества указъ къ милости вашей; о дѣлѣ о трактатѣ коммерціи и навигаціи будетъ разсмотрѣно по времени, и по тому же къ вамъ посланъ будетъ указъ.

Получилъ я письмо, писанное ко мнѣ отъ барона Шака изъ Лондона, отъ 27-го октября, въ которомъ что пишетъ о сѣверныхъ дѣлѣхъ, посылаю при семъ къ милости вашей экстрактъ, которое его царское величество предъ отъѣздомъ своимъ въ Кроншлотъ (куда на нѣсколько дней изволилъ путь свой воспріять) изволилъ слушать. И по тому указалъ мнѣ къ вашей милости писать, что, когда статскіе депутаты, такожь и союзничьи министры, къ тому опредѣленные, на сѣздѣ въ Брунвикъ поѣдутъ, то-бъ и ваша милость по прежнимъ его величества указомъ туда-жь ѣхаль. А что изволили писать прежде о полномочныхъ и объ иждивеніи на тотъ сѣздъ, и о баронѣ Шакѣ,—и о томъ, по

возвращеніи его царскаго величества, о всемъ рѣшеніе къ милости вашей прислано будетъ.

1679. Князь В. Л. Долгоруковъ — князю Б. И. Нуракину.

1713 г. декабря 5. Копенгагенъ.

По отпускъ послѣдняго моего, писаннаго 25-го ноября, получилъ я его царскаго величества указъ, за приписаніемъ собственной его величества руки, писанный въ Санктъ-Петербургѣ 3-го ноября, которымъ повелѣно мнѣ довести королевскому величеству, что царское величество учиненную секвестрацію изволилъ за противную интересомъ его величества и короля датскаго разсудить, и для того договоровъ, учиненныхъ о той секвестраціи, ратификовать не изволилъ и не изволить, — а особливо, что есть въ тѣхъ договорѣхъ противнаго королю датскому. Къ тому же повелѣно мнѣ короля увѣрить, что царское величество никогда того учинить не изволить, что усмотритъ противнаго или вредительнаго королю датскому. Въ томъ же указѣ ко мнѣ написано, что вскорѣ пришлется сюда генераль-адъютантъ его величества господинъ Ягужинскій.

Сего декабря во 2-ой день по тому указу я учинилъ, — тѣ мои доношенія не только короля и министровъ, но и весь здѣшній дворъ зѣло обрадовали.

Въ голштейнскихъ дѣлѣхъ, по отпускъ послѣднихъ моихъ къ вамъ писемъ, ничего не основилось. Король, написавъ поправленія, какихъ желаетъ въ послѣднемъ Герцевоиъ проектѣ о примиреніи между королемъ датскимъ и домоиъ готторпскимъ, послалъ оныя къ министру его величества въ Берлинъ, — также и я о томъ писалъ, — и на оныя ожидаетъ отвѣта.

Герцъ, какъ слышно, поѣхалъ въ Висмаръ уговаривать коменданта отдать тоѣ крѣпость въ секвестръ такъ, какъ и Штеттинъ.

На брунсвигскій съѣздъ король датскій назначилъ министровъ Розенкранца, который нынѣ въ Англіи, и генерала Девица.

Прусскій дворъ донынѣ уже не мало войну нашу противу шведа помѣшалъ. Не можемъ никакими способами здѣшній дворъ не только въ проекты, ни въ разговоры о будущей кампаніи вступить: пока не учинять конечную безопасность отъ короля прусскаго и отъ войскъ шведскихъ, которыя нынѣ въ Помераніи, ни въ какіе разговоры о будущей кампаніи входить не хотятъ.

О побѣдѣ надъ непріателемъ въ Фивляндіи, я надѣюсь, что вы получили реляцію отъ двора такую же, какъ ко мнѣ прислана. Съ тою побѣдою я васъ, моего государя, поздравляю.

Шведы злобствуютъ на короля прусскаго за то, что противно договоромъ, учиненнымъ съ ними, посадилъ его гарнизоны въ Грипсвальдъ и въ прочія мѣста.

По желанію короля прусскаго король датскій послалъ паспортъ гарнизону штеттинскому для проѣзда въ Швецію, о которомъ паспортѣ шведы сказали, что въ ономъ не все то изображено, что потребно къ ихъ безопасности. И для того король датскій послалъ другой паспортъ.

1680. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. декабря 8. Гага.

О премѣнѣ правленія шведскаго, какимъ образомъ привцеша Ульрика нынѣ правленіе королевства приняла, надѣюсь, что о всемъ томъ чрезъ другихъ по близости двору сообщено есть. Но для извѣстія пространнаго о всѣхъ тамъ премѣнахъ нахожу за потребно

донести,—какъ сюда къ Статомъ, такъ же и партикулярнымъ, чрезъ письма, вѣдомость получена.

Графъ Горнъ съ шляхетствомъ старымъ другую партію противную превосшѣль и принцешу въ правленіе ввелъ противу воли короля своего (въ однихъ письмахъ такъ объявляетъ, а въ другихъ умалчиваетъ), и діэтъ генеральный со всѣхъ провинцій опредѣленъ начаться въ концѣ мѣсяца декабра, въ которомъ будутъ со стороны сената предложены три артикулы: первый—о наслѣдствѣ короны, второй—о мирѣ или о продолженіи войны, третій—о депутатствѣ отъ королевства шведскаго къ королю.

При томъ объявляютъ желаніе того сената, какого рѣшенія намѣрены требовать при той діэтѣ на тѣ упомянутые пункты: на первый,—чтобы принцеша была декларована наслѣдницею короны шведской, а не дукъ голштейнскій; на второй,—чтобы, съ общаго согласія всего королевства, миръ учинить съ воюющими сѣверными, понеже къ предбудущей кампаніи въ состояніи къ оборонѣ себя находятъ; на третій—депутатовъ послать съ тѣмъ объявить королю, что въ діэтѣ опредѣлено будетъ, и осмотрѣть, ежели онъ, король, въ умѣ своемъ помѣшался, чтобъ о томъ правый рапортъ королевству учинить и принцешу короновать.

Къ тому-жъ объявляютъ, что проектъ о супружествѣ той принцешы учиненъ, чтобъ её выдать за одного графа Гульденштерна.

1681. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. декабря 8. Гага.

Вашего превосходительства писаніе, отъ 12-го октября, исправно получилъ и за продолженіе вашей, мой государь, корришпонденціи вижайше благодар-

ствую и желаю отъ сердца моего, дабы оныя дѣла счастливо и скорѣе окончились, и слышать бы ваше возвращеніе ко двору, которая бы новина принесла мнѣ великое радованіе, чего для тогда бы могъ себѣ сказать, что имѣю себѣ протектора и пріятеля.

Здѣсь чрезъ другія письма является нѣкоторымъ быть при Портѣ премѣнамъ вновь. Однакоже наше упованіе есть въ Бога, и надѣемся, что при той Вышняго помощи вашимъ, мой государь, искуснымъ произвожденіемъ въ тѣхъ дѣлѣхъ счастливо окончается.

Я надѣюсь, что уже небезызвѣстно есть вамъ о викторіи его царскаго величества надъ непріателемъ въ Финляндіи. И прекратя о томъ, ваше превосходительство поздравляю.

Несогласіе, которое было началось между королемъ датскимъ и прусскимъ въ дѣлахъ дука голштейнскаго, нынѣ утишилось, и прусскій дворъ маршъ своихъ войскъ отставилъ. И опредѣлили оныя дѣла всѣ добродѣтельно опредѣлить при конгрессѣ въ Брунсвикѣ, который начнется отъ сего времени въ мѣсяцъ.

Со стороны шведской въ тотъ конгрессъ будутъ ли министры посланы кто,—еще звать не можемъ. И министръ шведскій еще къ тому ничего не объявляетъ, но чаемъ, что и шведскіе министры въ то мѣсто присланы будутъ по премѣнѣ нынѣшняго правленія шведскаго.

Оттуль о той премѣнѣ является, также и къ Статамъ чрезъ ихъ министра объявлено, что двѣ партіи, раздѣлясь, какъ шляхетство старое, а съ другой стороны—новое, имѣли довольно между собою интригъ о сукцессіи короны по смерти короля ихъ: одни о принцешѣ Ульрикѣ, но другіе о дукѣ голштейнскомъ. Однакоже графъ Горнъ своею факціею всего стараго шляхетства другую партію превосшелъ, и сенатъ принцешу Ульрику владѣющую декларовалъ. И потому помянутая

принцеша, уже вступя, въ сенатъ универсалы выдала собрать депутатовъ съ провинцій генеральный діятъ держать, въ которомъ, какъ слышимъ, будетъ предложено главныхъ три пункта: первый о наслѣдствѣ короны, второй,—чтобы депутатовъ послать къ королю звать въ свое отечество, третій—о мирѣ, чтобы вступать въ негоціацію и о мирѣ трактовать.

И въ той діятѣ будетъ декларована принцеша Ульрика наслѣдницею короны, а не дукъ голштейнскій. И маріажъ будетъ учиненъ съ графомъ Гульденштерномъ,—сынъ того генерала, который былъ губернаторомъ въ Бременскомъ дукатствѣ. И по всѣмъ тѣмъ новинамъ видится быть въ Швеціи не безъ замѣшанія, что есть къ великому авантажу интересомъ его царскаго величества и его аліатовъ. Токмо при всѣхъ тѣхъ счастливыхъ случаяхъ желать надобно, чтобы сѣверные аліаты согласно до окончанія мирнаго пребыли, чего для датскій дворъ не безъ подозрѣнія является быть. Токмо одно намъ велико есть упованіе, что со стороны его царскаго величества къ веснѣ чинятся великія приуготовленія ко вступленію внутрь Швеціи. И сіе предвоспріятіе едино можетъ всѣмъ дѣламъ конецъ благой учинить.

О дѣлахъ между здѣшними потенціи кратко въ генеральныхъ терминахъ объявлю, что всѣ между собою въ несогласіи и другъ отъ друга въ подозрѣніи. И повсечасно ожидается, что министерство аглинское прегендента перевезётъ, и что въ Англии быть великимъ замѣшаніямъ.

Война съ Франціею продолжится ли или нѣтъ,—чаю, о семъ бѣльшее извѣстіе изъ Вѣны подано; но видится по всему, что сей кампанія уже не быть, и хотя миръ не заключится, но въ армистиціи для трактованія пройдетъ.

1682. Графъ Г. И. Головинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. декабря 11. С.-Петербургъ.

Писали къ его царскому величеству господа послы изъ Адрианополя, отъ 3-го ноября, что они пакы были у салтана въ 27-ой день октября на аудіенціи, на которой приняли отъ него ратификацію на постановленный между его царскимъ величествомъ и имъ, салтаномъ, послѣдній трактатъ, и оную послали сюды чрезъ нарочнаго офицера. А имъ отъ Порты объявлено, чтобъ они ещѣ тамо у нихъ были, пока разграниченіе земель по тому трактату совершенно будетъ. И по указу его царскаго величества писано къ господину генералу-фельд-маршалу графу Шереметеву и къ Петру Матвѣвичу Апраксину, чтобъ они на то разграниченіе немедленно комиссаровъ отъ себя отправили и велѣли ту границу чинить съ турскими комиссары по трактату.

1683. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головину.

1713 г. декабря 15, Гага.

Не сумнѣваюся, чтобы вашему превосходительству было неизвѣстно, сколько кораблей торговыхъ, возвращающихся изъ пристаней его царскаго величества, въ Балтическомъ морѣ, аглинскихъ и голландскихъ, непріятель побралъ, а именно,—голландскихъ семь, аглинскихъ три, какъ по се число здѣсь объявлено есть.

Того для кумпаніи эстляндской и россійской купечество, которые имѣютъ свой торгъ въ пристани его царскаго величества, съ начала сей осени, какъ въ Англіи королевѣ, такъ и здѣсь Статомъ, приносили челобитныя, дабы взятые ихъ корабли отъ шведовъ освободить, также и свободный имъ ходъ въ Балтиче-

скомъ морѣ учинить и отъ нападенія шведскаго защитить. И такое свое прошеніе, какъ въ Англіи, такъ и здѣсь, они, купцы, неотступно продолжаютъ.

И по тѣмъ купецкимъ прошеніямъ, какъ изъ Англіи, такъ и отсель, были посланы указы къ министрамъ ихъ въ Стекольмъ, и велѣно предлагать сенату шведскому о свободѣ взятыхъ кораблей, также и впредь о вольномъ торгѣ. И на тѣ всѣ домогательства отъ того сената подлиннаго рѣшенія получить не могутъ, но берутъ всегда на доношеніе къ королю. Но, усмотря ту шведскую отговорку, въ Англіи купечество докучно просило королеву, чтобы къ предбудущей веснѣ ея величество въ протекціи своей учинила имъ свободный торгъ въ Балтическое море, въ пристани его царскаго величества, понеже они, купцы, имѣютъ въ тѣхъ мѣстѣхъ великіе и прибыльные торги.

И по тому ихъ, купцовъ, послѣднему прошенію отъ той кумпаніи были позваны комиссары въ совѣтъ королевинъ, отъ которыхъ требовали проекта, какіе бы способы къ безопасности и свободѣ того купечества можно было найти. И на то оны комиссары подали свои разсужденія, между которыми объявили, что нѣтъ иного лучше способа, чтобы королева приказала послать нѣсколько военныхъ кораблей въ Балтическое море для конвоя, и тѣмъ свободный торгъ содержать.

И на тѣ ихъ, купеческіе, прошеніе и проектъ, по многимъ держаннымъ конференціямъ, совѣтъ аглинскій опредѣлилъ, дабы снести о семъ съ Господами Статы и вѣдать ихъ, статское, намѣреніе, для того что поданные ихъ, статскіе, отъ шведовъ такую же тягость несутъ. И того для данъ указъ отъ королевы министру ея въ Утрехтѣ, бискупу бристолюскому бывшему, что нынѣ называется лондонскій,—велѣно ему предложить о семъ полномочнымъ статскимъ министрамъ; о чемъ онъ, бискупъ, министрамъ статскимъ предлагалъ и тре-

боваль, что какимъ бы образомъ могли свободный и безпечный торгъ въ Балтическомъ морѣ установить своимъ подданнымъ, и что купечество аглинское просить королеву его, дабы на весну для безпечности въ Балтическое море отправить эскадру военныхъ кораблей. Того для королева его желаетъ ихъ, статское, къ тому намѣреніе вѣдать, дабы въ семъ дѣлѣ могла съ ними, Статы, обще поступить.

Сіе предложеніе министры статскіе, по прибытіи своемъ сюды въ Гагу, въ собраніи статскомъ доношеніе учинили, и то ихъ доношеніе отдало съ запискою обыкновенною комиссаріатству чужестранныхъ дѣлъ и адмиралтейства. Но то комиссаріатство, разсмотря сіе дѣло, что принадлежитъ весьма интересомъ больше провинці голландской, отдали ратпенсіонарію Генсіусу на доношеніе собранію статскому провинці голландской. И когда оное доношеніе тому собранію статскому голландской провинці учинено было, тогда, разсмотря сіе дѣло, разсудили за потребно отдать въ комиссаріатство депутатамъ городовъ той голландской провинці Горкума, Ротрадама и Амстрадама, которые города торгъ свой имѣютъ въ Балтическое море и въ пристани его царскаго величества. И оному комиссаріатству велѣно съ магистраты тѣхъ городовъ сіе дѣло разсмотрѣть и свое мнѣніе собранію статскому провинці голландской объявить.

И помянутое комиссаріатство тѣхъ трехъ городовъ (которое съ начала моего пріѣзда сюды ко мнѣ было опредѣлено трактовать о коммерціи) прошлой недѣли въ пятницу, бывъ со мною въ конференціи, объявили мнѣ, что по предложенію бискупа бристоляскаго о свободномъ торгѣ въ Балтическое море, какъ о всемъ томъ выше объявлено, они въ комиссіи своей имѣютъ, чтобы Господамъ Статамъ подать ихъ мнѣніе, какимъ

бы образомъ въ то дѣло вступить, или ей, Англіи, отвѣтствовать.

Того для они, комиссары, разсудили за потребно о всемъ томъ мнѣ объявить, для того что оный торгъ есть въ пристани его царскаго величества и касается къ интересамъ помянутаго величества. И при томъ требовали моего мнѣнія, какимъ бы образомъ на предложеніе аглинское могли въ оное дѣло Господа Статы вступить и свободный торгъ подданнымъ своимъ въ Балтическое море установить. Но чтобы все сіе могло учиниться безъ предосужденія интересомъ его царскаго величества, понеже они, комиссары, предусматриваютъ сіе дѣло деликатное, и того для желаютъ вѣдать мое мнѣніе.

На то я ихъ откровенное объявленіе мнѣ и доброжелательное ихъ намѣреніе къ интересомъ царскаго величества, впервыхъ, благодарилъ и при томъ говорилъ, что сіе дѣло есть весьма деликатное, и надлежитъ мнѣ со временемъ и съ осмотрѣніемъ мое мнѣніе подлинное имъ объявить. Однакоже, сколько могу, топерь объявлю мое мнѣніе партикулярнымъ разсужденіемъ, а не формальнымъ какимъ на ихъ вопросъ отвѣтомъ.

Правда, интересъ сего царскаго величества весьма есть въ томъ, дабы свободный торгъ подданные статскіе въ пристани его царскаго величества въ Балтическомъ морѣ имѣли; токмо трудно узнать, ежели простосердечное намѣреніе со стороны Англіи есть въ томъ, какъ изъ предложенія бискупа бристоляскаго вижу, чтобы шквадру Англіи отправить въ Балтическое море токмо для одного содержанія въ томъ морѣ свободаго торга. Но мнѣ сіе предложеніе отъ нея, Англіи, придаётъ подозрѣніе къ другому виду.

Какъ уже имъ, господамъ комиссарамъ, извѣстно есть, какое стараніе здѣсь имѣлъ сей прошедшей весны милордъ Страффордъ и приводилъ Господъ Статовъ,

чтобъ обще съ Англіею послать шквалды военныхъ кораблей въ Балтическое море,—и сіе ея, аглинское, намѣреніе весьма было и есть къ предосужденію интересомъ его царскаго величества и всего сѣвернаго аліанса, а къ возставленію интересовъ непріятельскихъ; и что на всѣ тѣ домогательства его, милорда Страффорда, Господа Статы, по обязательству своей пріязни къ его царскому величеству, усмотря, что есть предосудительно интересомъ сѣвернаго аліанса и также своимъ властнымъ, въ то дѣло не вступили и содержали себя по се число нейтрально. И сіе со стороны ихъ, статской, конечно, съ предосторожностью учинено, для того что она, Англія, весьма ищетъ, чтобы сію республику привести въ ссору съ сѣверными аліатами.

И по всѣмъ тѣмъ прежнимъ намѣреніямъ аглинскимъ признаваю нѣкакій коварный вымыселъ отъ нея, Англіи, чрезъ вышепомянутое предложеніе бискупа бристоляскаго: для того что не могла она, Англія, Господь Статовъ къ своему воспріятію противу интересовъ сѣвернаго аліанса привести, то нынѣ, подъ предлогомъ вольнаго своего торга, трудится здѣшнюю республику привести и чтобы шквалды военныхъ кораблей послать. Но когда тамъ оныя эскадры въ томъ морѣ обрѣтаться будутъ, тогда указы отъ нея, Англіи, даны будутъ далѣе во всемъ поступить, нежели одно осмотрѣніе для вольнаго торга.

Я сіе все оставляю въ ихъ, комиссарское, разсужденіе, какое послѣдованіе злое изъ того можетъ быть, для того что его царское величество, конечно, насильнымъ образомъ поступокъ аглинскій, какъ намѣрены замѣшаться въ дѣла сѣверныя, и ничьихъ понести не можетъ, и оттого весьма можетъ произойти большее къ предосужденію коммерціи, нежели какъ теперь есть. И того для не чаю, чтобъ они, господа комиссары, подали вскорѣ отъ себя какое извѣстіе о

своихъ мнѣніяхъ собранію статскому, сходное съ желаніемъ аглинскимъ къ помянутому предложенію.

Но мое мнѣніе есть въ семь дѣлъ такое, чтобы министру шведскому и сенату предлагать о возвращеніи ихъ взятыхъ торговыхъ кораблей неотступно, и способъ скорѣе можетъ найтися, какъ для отдачи тѣхъ кораблей, такъ и свободнаго торга, безъ посылокъ эскадръ въ Балтическое море, чтобы, согласясь, она, Англія, съ Господами Статы дали указъ въ пристаняхъ своихъ взаимно столько же числомъ кораблей торговыхъ шведскихъ задержать и декларовать сенату шведскому, что, когда будутъ брать подданныхъ ихъ корабли, тогда ихъ, шведскіе, корабли также взаимно будутъ браны, какъ въ пристаняхъ, такъ и на морѣ, отъ ихъ партикулярныхъ арматоровъ, которые для своего интереса обиду свою возвратитъ пожелаютъ. На сіе мнѣ отвѣтствовали, что потенціямъ морскимъ трудно такъ учинить и все коммерціо такимъ образомъ съ нею, Швеціею, прервать.

И на конецъ всѣхъ тѣхъ разговоровъ я просилъ ихъ повторительно, чтобы скорымъ отвѣтомъ окончательнымъ въ семь дѣлъ умедлили. Но отвѣтъ бискупу бристолюскому могутъ чинить такой, который бы безъ окончанія того дѣла продолжалъ время, а между тѣмъ, какъ они, господа комиссары, такъ и я, усматривая теченія всѣхъ дѣлъ, будемъ въ лучшемъ состояніи впредь другъ другу свои мнѣнія объявить. И на то мнѣ о продолженіи своего отвѣта учинить обѣщали. И тѣмъ та наша конференція окончалась. И для праздника Рождества Христова они, комиссары, разъѣхались по своимъ городамъ, съ которыми впредь буду свиданія имѣть въ половинѣ или на конецъ генваря.

Того же дня ввечеру изъ помянутыхъ комиссаровъ пенсіонарій амстрадамскій Басакуръ, бывъ у меня, приватный разговоръ имѣлъ со мною о всѣхъ вышело-

мянутыхъ дѣлѣхъ и о другихъ, и говорилъ мнѣ, что они особенное почтеніе имѣють къ его царскому величеству, не хотя ничего учинить, что бы могло быть къ предосужденію его величества интересовъ; того для не хотѣли никакую резолюцію взять въ вышеупомянутомъ дѣлѣ безъ приобщенія мнѣ на предложенія бискупа бристоляскаго. И откровенно мнѣ говорилъ, что они и сами усматривають въ семъ дѣлѣ нѣкакій вымыселъ аглинскій, чтобы только, чрезъ какіе ни есть способы, Господь Статовъ привести, чтобы вмѣстѣ съ нею, Англією, эскадры въ Балтическое море послать. И когда оныя тамъ будутъ, тогда не можемъ знать, что она, Англія, пожелаетъ учинить. И тогда больше она, Англія, можетъ быть въ силѣ и повелительствѣ не токмо надъ одною своею эскадрою, но нѣкоторымъ образомъ и надъ голландскою, для того что по учиненному трактату между потенціями морскими, гдѣ случится быть эскадрамъ обѣихъ потенцій, тогда голландская должна быть подъ командою аглинскаго адмирала, также и голландскихъ должно быть токмо два корабля противу трѣхъ аглинскихъ. И посему аглинская эскадра можетъ быть въ ббльшей силѣ, нежели ихъ, голландская. И того для онъ разсуждаетъ, чтобы посылкою такихъ эскадръ не учинилось какого предосужденія интересомъ его царскаго величества. На что я, ему отвѣтствуя, просилъ, чтобъ они о семъ резолюціи никакой не брали, но продолжали отъ времени до времени, и, можетъ быть, что о свободномъ торгѣ въ Балтическомъ морѣ и безъ посылки ихъ эскадръ способы сыщутся. Но со временемъ я буду въ лучшемъ состояніи ему, Басакуру, о семъ свои мнѣнія объявить.

На что мнѣ онъ, Басакуръ, къ продолженію, повторяя, обѣщаль и притомъ говорилъ, что весьма свободный торгъ въ Балтическое море имъ установить нужно для того, какъ недавно они увѣдомились, что указомъ

его царскаго величества всѣмъ торговымъ россійскимъ велѣно, что наиглавные три товара везти къ продажѣ въ Санктъ-Петербургу, а не къ городу Архангельскому, т.-е. юфть, пеньку и сало. И ежели свободный торгъ установленъ не будетъ, то обѣихъ потенцій подданнымъ великіе убытки учинятся.

При томъ же онъ, Басакуръ, напоминалъ мнѣ о трактатѣ коммерціи, чтобы весьма полезно было обѣимъ потенціямъ оный трактатъ къ окончанію привести, и что они съ желаніемъ повсевременно на резолюцію статскую отвѣта ожидаютъ и съ моей стороны ко вступленію въ оное дѣло; также напоминалъ еще о пяти пожженныхъ корабляхъ, объ удовольствованіи тѣмъ, кому оныя принадлежали,—и что его царское величество резиденту ихъ Дебію объявилъ, что обѣщаетъ удовольствие въ ономъ дѣлѣ показать. Равнымъ же образомъ и чрезъ меня здѣсь Статомъ по указу его царскаго величества объявлено.—и что того ради всѣ интересованные во всякомъ молчаніи доннѣ пребывали, ожидая милостиваго въ томъ опредѣленія его царскаго величества. И при томъ меня спрашивалъ, что имѣю-ль я о томъ дѣлѣ какой указъ. На что ему сказала, что о трактатѣ коммерціи, такъ и о семъ дѣлѣ—пяти корабляхъ—ожидаю указа отъ двора повсечасно. И повторительно меня просилъ, чтобы мнѣ требовать на тѣ оба дѣла безъ умедленія рѣшительнаго указа двора.

Я, о всемъ донесши, прошу ваше превосходительство на все сіе мнѣ указомъ его царскаго величества опредѣлить, на требованный ихъ ко мнѣ вопросъ о посылкѣ ихъ, голландской, и аглинской эскадры въ Балтичское море для свободнаго торга, въ пристани его царскаго величества, чтобъ я имъ могъ впредь формально отвѣтствовать, и въ томъ во всемъ дѣлѣ какимъ бы образомъ впредь могъ поступать.

Но я чаю лучше о свободномъ торгѣ оставить до

предбудущихъ временъ, что и само отъ себя счастливымъ миромъ установится; но стараться надлежитъ, чтобы нынѣшняго дѣла ни одного ихъ, потенцій морскихъ, военнаго корабля намъ въ Балтическомъ морѣ не видать, для того, чтобы безъ всякаго подозрѣнія флоту его царскаго величества сей кампанія дѣйства свои военныя продолжать возможно было. И какъ видится по положенію мѣсть, что нынѣ самое время пришло всѣмъ быть операціямъ военнымъ чрезъ флотъ его величества.

О трактатѣ коммерціи уже больше за непотребно нахожу доносить и свое мнѣніе о томъ объявлять, понеже о томъ довольно чрезъ меня объявлено есть, и при тѣхъ донинѣ остаюсь. И доношу,—ежели-бъ и склонности его царскаго величества къ окончанію онаго не было, то, однакоже, лучше хотя тягостныя кондиціи опредѣлить и дать указъ на тѣхъ трактовать токмо для одного продолженія времени и здѣшнимъ поманки. И конечно мнѣ нужно есть въ нынѣшнихъ мѣсяцахъ до мая будущаго что ни есть въ рукахъ имѣть и съ ними здѣсь трактовать, для того, когда изъ Англіи и отсель на веснѣ корабли къ городу и въ другія пристани пойдутъ, тогда на всю кампанію будущую ошлт можемъ съ сей стороны отъ обѣихъ потенцій морскихъ въ безопасности остаться.

Я бы, конечно, чаялъ лучше, чтобы тотъ трактатъ коммерціи съ здѣшними учинить и чрезъ тотъ съ ними въ альянсъ оборонительный вступить, для того что они, Господа Статы, нынѣ, по учиненіи съ Франціею мира, со всѣми альянсъ свой окончали, и нынѣ больше ни съ кѣмъ не имѣютъ, и въ нужномъ такомъ случаѣ, чаю, что съ его царскимъ величествомъ въ оный обязаться пожелаютъ. И хотя онымъ, видится, въ нынѣшнюю войну полезнаго-бъ учинено бытъ не могло, однакоже къ предбудущему времени великая престоужность мо-

жетъ быть и не допустить здѣшнихъ въ обязательство съ короною шведскою.

Но, безъ сумнѣнія, надобно того мнѣнія быть, что, когда миръ въ сѣверѣ счастливо учинится, тогда еще не меньше нынѣшнихъ интригъ со стороны непріятельской явится, и будутъ искать ко вступленію въ альянсъ со многими потенціи, и чрезъ то къ возставленію своему въ предбудущее время подтверждать себя будутъ.

Что же принадлежитъ до пяти кораблей, я тогда же, получа указъ его царскаго величества, здѣсь ратпенсіонарію объявилъ, что его царское величество повелитъ мнѣ впредь дать указъ, какимъ образомъ могутъ сысканы быть способы къ удовольству тѣмъ купцамъ въ пяти извѣстныхъ корабляхъ. И понынѣ о томъ указа не получилъ, и чаялъ бы также нынѣшнихъ мѣсяцевъ о томъ оное дѣло къ окончанію приводить и тѣмъ бы злонамѣренныхъ вымыслы въ рукахъ своихъ содержать. Но все то оставляю въ волю премилостивѣйшаго государя и въ разсужденіе вашему превосходительству.

Топерь нахожу за потребно заранѣе донести и покорнѣйше требую на все сіе скорого рѣшенія.

Паче всякаго чаянія, ежели Голландія на аглинскія предложенія будетъ соглашаться къ отправленію своихъ эскадръ въ Балтическое море въ будущую весну, что въ такомъ случаѣ дѣлать? протестовать ли словесно или письменно, или какую декларацію учинить въ жестокихъ и сильныхъ терминахъ къ удержанію той посылки, несмотря на ихъ силу потенцій морскихъ? Для того при нужныхъ случаяхъ всегда отважная резолюція берется. Я, хотя подлинно состоянія коммерціи російской не знаю такъ, какъ бы надлежало знать, однакоже, какъ могу слышать чрезъ другихъ, что весьма здѣшнимъ обѣимъ потенціямъ морскимъ коммерцію російское нужно есть, и того для разсуждаю чаяніемъ,

что ежели со стороны его царскаго величества увидятъ твердость, то, конечно, хотя-бъ и намѣрены что были учинить, тогда отъ всего того себя предупредить.

Топерь особливе упоминаю объ одной Англіи. Ежели, не видя склонности здѣшнихъ къ тому, похочетъ одна послать свою эскадру въ Балтическое море, или согласясь съ Франціею, къ чему уже видъ есть вѣкакій со стороны Англіи о томъ, какъ не сумнѣваюся, что господинъ баронъ Шакъ уже доносилъ двору, что велѣно вооружать къ веснѣ эскадру для посылки въ Зундъ (правда, другихъ мнѣніе есть, — для перевоза претендента), и въ такомъ случаѣ противу того ея, аглинскаго, намѣренія что здѣсь мнѣ повелѣно будетъ дѣлать? Чинить ли какія деклараціи или протестаціи какъ собранію статскому для свидѣтельства, такъ и ихъ, аглинскому, министру? И ежели что чинить, то, конечно, чаю лучше въ твердыхъ и жестокихъ терминахъ упоминать и её, Англію, не менажировать, и тѣмъ только однимъ отъ противнаго ея намѣренія удержатъ, для того что она, Англія, больше имѣетъ нужды въ россійскомъ купечествѣ, нежели подданные его величества. А ежели противу одной ея Англіи, въ томъ противномъ ея намѣреніи поступить слабо, то, чаю, больше на себя подвигнемъ и другихъ соединиться къ тому же намѣренію аглинскому, — нѣкоторыхъ моремъ, а нѣкоторыхъ и сухимъ путёмъ.

О посылкѣ тѣхъ эскадръ, или обще обѣихъ потенцій морскихъ, или одной Англіи, разсуждается здѣсь быть претексту для разныхъ причинъ: первое, ежели будутъ отправлять подъ такимъ видомъ, какъ выше упоминалъ я, для свободнаго своего коммерціа въ Балтическомъ морѣ; второе, ежели отправлять будутъ въ Зундъ или къ Тонингу, по обязательству своей гварантіи и къ оборонѣ дука голштенскаго противу короля

датскаго,—и при такихъ розныхъ ея, Англіи, претекстахъ въ такомъ случаѣ какимъ образомъ поступать?

А чтобъ она, Англія, или другая какая потенція декларовала прямо посылку той эскадры противу его царскаго величества по обязательству аліанса съ Швеціею, и того не чаю, чтобы которая потенція учинила.

При семъ нахожу за потребно донести. Какъ я могъ понять изъ разговоровъ со мною министра датскаго Альфельда, намѣреніе ихъ двора въ такомъ случаѣ, когда Англія весьма намѣрена будетъ свою эскадру посылать въ нордъ, и тогда, какъ вижу, что онъ, датскій дворъ, пожелаетъ, чтобъ и голландцы свою отправили, токмо равнаго числа кораблей, а не безсильнѣе аглинской.

Я чаю, что они, датчане, надѣются, что голландцы, бывъ съ тою эскадрою, не допустятъ агличанъ что противное учинить. Конечно, сему я противнаго мнѣнія, что они, голландцы, никогда съ Англіею за датскаго не ссорятся, но милостиво поступаютъ, что нейтрально себя содержать и будутъ, какъ посторонніе, смотрѣть, какъ тому уже и примѣръ былъ въ 1700 году.

Все сіе, донесши, предаю въ волю и разсужденіе премилостивѣйшаго государя и притомъ повторительно прошу на все пункты обстоятельнаго вкорѣ рѣшенія, понеже милордъ Страффордъ, возвратясь сюды, чрезъ свои интриги не оставитъ насъ здѣсь въ покоѣ.

1684. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. декабря 25. Гага.

О дѣлѣ секвестраціи померанской Господамъ Статомъ въ пристойныхъ терминахъ объявлялъ, какія къ тому причины позвали такъ учинить. И на ту откоро-

венность, его царское величество возблагодаря, говорили, что они ничего не требуютъ такъ больше, дабы тѣ дѣла въ нижнемъ цыркулѣ Саксоніи были успокоены добродѣтельно. И къ чему то доброе начало уже есть, что король прусскій склонился все несогласіе между дворомъ датскимъ и домоу готторпскимъ добродѣтельно примирить, къ чему также, съ своей стороны, не оставятъ свои добрыя средства приложить.

Изъ имперіи о конференціяхъ рапштатскихъ въ письмахъ сюда является нынѣ двояко: одни объявляютъ, что прелиминарныя статьи вскорѣ чають быть подписаны, а другія объявляютъ, что тѣ конференціи вскорѣ будутъ порваны. И чаемъ на сихъ двухъ недѣляхъ чему изъ сихъ двухъ явиѣе объявиться.

Господинъ Шлейницъ писалъ ко мнѣ, что ваше превосходительство изволили на мое письмо къ нему писать объ употребленіи отъ него въ предложеніи тому двору термина медиации. И какъ я изъ того письма его могъ понять, что его предложеніе было не такимъ терминомъ, но токмо желалъ присутствія министра ганноверскаго при тѣхъ здѣсь конференціяхъ; того для причитаю себѣ больше за погрѣшеніе, чего для я въ того его письма худо понималъ. И сей терминъ весьма есть малой важности.

Надѣюся, что ваше превосходительство уже извѣстны есть о ребеліи въ Бабилонѣ противу салтана, и что сіе чинится у бабилонцевъ по согласію съ Персією; того для о семъ пространно не доношу.

Здѣсь всѣ съ великимъ желаніемъ ожидаютъ вѣдомости изъ Стекольна, что будетъ въ генеральной діятѣ опредѣлено.

1685. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. декабря 26. Гага.

Между здѣшними Статы и Гишпанією еще миръ не заключенъ. Токмо о мирѣ съ другой стороны насъ весьма потревожило: будто въ Раштатѣ принцъ Евженій съ Вилярсомъ прелиминарныя статьи заключили; но съ предбудущею почтою будемъ ожидать, ежели сіе правда есть.

Здѣсь изъ Стекольма въ письмахъ является, что сенатъ шведскій намѣренъ нынѣ зимою учинить десантъ въ датскую землю, и будто къ тому опредѣлено 25000. Сему не чаю статься, но развѣ для оберѣжи Шканиі сіе войско опредѣлятъ.

Г. Эдинггеръ получилъ одну махину изъ Англіи, которая по моему письму адресована къ нему; а сдѣлана оная про его царское величество. И донынѣ оная у него, Эдингера, которому я писалъ, чтобъ онъ ее отправилъ въ Ревель,—и донынѣ отъ него не отправлена, и ко мнѣ больше не отвѣтствуетъ. Прошу приказать ему оную нынѣ съ первыми кораблями отправить въ Ревель и отдать бургомистру ревельскому Ягану Лянденку.

1686. Графъ Г. И. Голдвинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. декабря 28. С.-Петербургъ.

Письма милости вашей, ко мнѣ писанныя отъ 30-го октября, отъ 14, 17, 24, 27-го ноября и отъ 1-го декабря, здѣсь получены, по которымъ, такожъ и по прежнимъ вашимъ письмамъ, отправленнымъ ко мнѣ изъ Гаги отъ 8 и 25-го августа, о деньгахъ на иждивеніе вамъ ради съѣзда, который имѣеть учиненъ быть ради

примиренія сѣверныхъ воюющихъ, и о баронѣ Шахѣ, и о дворянѣхъ, и о полномочной, противъ присланнаго отъ васъ проекта, и о вѣрющихъ, я нынѣ его царскому величеству доносилъ о всемъ. И его величество, слушавъ то, изволилъ опредѣлить на будущемъ сѣздѣ, который имѣеть учиниться въ Брунсвикѣ, быть одному вашей милости, а барону Шаку не быть, и для того къ нему, какъ прежде, такъ и нынѣ, о томъ ничего не писывано, чего для и инструкціи публичной посылать не надлежитъ, когда милости вашей быть одному.

И указаль его величество вамъ на тотъ сѣздъ въ Брунсвикъ ѣхать тогда, когда ради примиренія сѣверной войны туда поѣдутъ цесарскій, аглинскій министры и статскіе депутаты, такожь союзниковъ его царскаго величества, королей датскаго и польскаго, къ тому назначенные и опредѣленные министры, а особливо шведскій министръ. А хотя-бъ аглинскій министръ и статскіе депутаты туда и не поѣхали, а шведскій министръ, по объявленіи одномъ цесарскомъ, принявъ его добрыя средства въ примиреніи сѣверной войны, туда на сѣздъ въ Брунсвикъ поѣдетъ, то бы ваша милость туды-жь ѣхаль, а, прибывъ, чиниль по данной вашей милости инструкціи и по посланнымъ потомъ къ вамъ отвѣтнымъ статьямъ. А полномочная къ милости вашей, противъ проекта вашего, написана вдвое, — одна съ чиномъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, другая — токмо полномочнаго министра, и при семь посылается, въ которой оставлено мѣсто на вписаніе титула курфюрста ганноверскаго и Голландскихъ Статовъ, которые вы можете вписать, кого приналежитъ выше, а именно Статовъ Генеральныхъ или курфюрста ганноверскаго, увѣдавъ, какъ у другихъ написано будетъ; понеже неизвѣстны мы, ганноверскаго ли курфюрста титуло надлежитъ прежде писать, или Голландскихъ Статовъ, въ чемъ, слышимъ, у нихъ, Статовъ, есть споръ съ

курфюрсты. А каковы титулы его царское величество имъ дать, и надлежитъ въ ту полномочную вписать, тѣ прилагаются при семъ. Такожъ здѣсь же включаю вѣрющія къ цесарю, къ королевѣ аглинской, къ курфюрсту ганноверскому и къ Статомъ о посылкѣ вашей, написанныя противъ того, какъ вы прислали прежде сего проектъ грамоты къ королевѣ аглинской, въ которыя копій не вложено, а прилагаются при семъ на русскомъ и на латинскомъ языкѣ, которыя вы можете приобщить.

А ежели въ Брунsvикъ съѣздъ будетъ нынѣ токмо для одного дѣла, что касается до Голштеніи, и король датскій пожелаетъ, чтобы кто посланъ былъ туда отъ его царскаго величества для примиренія голштинскаго дѣла, то намѣренъ его величество тогда послать туда сына моего Александра ради вспоможенія министромъ датскимъ въ томъ дѣлѣ голштенскомъ. А буде доидеть до миротворенія сѣверной войны и внѣ имперіи, то тогда вѣрно ему будетъ вашей милости дать знать. И вы уже для того прибудете и по даннымъ вамъ указомъ, прибывъ туда, поступать станете. А каковъ указъ къ сыну моему пошлется, о томъ тогда сообщить вамъ онъ не оставитъ.

На иждивеніе ваше при томъ съѣздѣ, ежели случится, изволилъ его царское величество опредѣлить вамъ не помѣсячно, какъ вы прислали о другихъ роспись, но оптомъ,—сверхъ настоящаго жалованья (которое съ Москвы я къ вамъ перевести велѣлъ), пять тысячъ ефимковъ. И ваша милость тогда тѣ деньги изволите у кого изъ иноземцевъ занять и дать на оныя вексели, опредѣля цѣну за ефимокъ по вексельному курсу, по которымъ деньги имъ на Москвѣ заплачены будутъ.

Богдану Оладыну указалъ его величество быть при васъ, такожъ тогда еще къ тому въ прибавку взять князь Алексѣя Долгорукова, да изъ учениковъ навѣ-

гаціи двухъ человѣкъ, по своему разсмотрѣнію. А о бытіи тогда тѣхъ учениковъ навигацкихъ при васъ его величество изволилъ нынѣ писать отъ себя. И извольте тогда тѣмъ всѣмъ четыремъ человѣкомъ-дворяномъ дать жалованья по яти сотъ ефимковъ каждому человѣку, и по тому-жъ онъ занятъ и вексели дать купцамъ, и о томъ о всемъ мнѣ прежде увѣдомить.

Подъячимъ, при васъ обрѣтающимся, я нѣкоторую прибавку учинилъ въ жалованьѣ и велѣлъ къ нимъ перевести.

1687. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. декабря 29. Гага.

По всему видится, что миръ съ Франціею у цесаря заключенъ будетъ, и предбудущая кампанія не видится къ началю. Тогда Франція, конечно, вступитъ прилежнѣе въ дѣла сѣверныя и будетъ возставлять интересы шведскіе.

Изъ Швеціи объявляютъ, что діэта генеральная со всѣхъ провинцій вскорѣ будетъ собрана и уже сихъ часовъ есть.

Не хочу за подлинно обнадежить васъ, мой государь, чтобъ сія новина правдивая была. Однакоже нѣкоторые за вѣрно оную приѣмлютъ, понеже получаютъ отъ своихъ добрыхъ корришпондентовъ, что, будто, трактуется миръ партикулярный между короною шведскою и королемъ польскимъ, и уже такъ объявляютъ, будто и заключенъ; но не можетъ быть объявленъ до времени, пока не можетъ быть перевезено сильное корпо войскъ шведскихъ въ Померанію, дабы оттуль вскорѣ могли въ Польшу вступить. А объ обстоятельныхъ кондиціяхъ того мира знать никто не можетъ.

Однакоже прошу себя на сихъ новинахъ не осно-

вать, чего для и я не приѣмлю оныя за подлинно. Но хотя бы сіе и неправо было, ежели мнѣ позволите мое мнѣніе объявить, чаялъ бы непротивно нашимъ интересомъ быть, чтобы дѣла польскія назади нашихъ остались.

Миръ съ Гишпанією и Статы вскорѣ къ окончанію своему приведенъ будетъ.

Б У М А Г И

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА.

род. 1752 г., † 1818 г.

**1688. Опекунскій протоколъ по дому малолѣтнихъ князей
Куракиныхъ.**

1777 г. январь.

1777 г. генваря „ “ дня мы, опредѣленные опекуны къ имѣнію князей Куракиныхъ, осиротѣвшихъ послѣ смерти отца своего во младенческомъ состояніи, приѣмля въ разсужденіе, что изъ нихъ теперь двое старшіе пришли уже въ указной возрастъ къ собственному владѣнію принадлежащихъ частей каждому изъ общаго ихъ имѣнія, да и третій, хотя еще и не дошелъ лѣтами въ указной возрастъ, но воспитаніемъ и поведеніемъ своими достигнулъ уже всеконечно до довѣренности владѣть собственною своею въ наслѣдственномъ имѣніи долею, за ними-жъ и остается только меньшей одинъ ихъ братъ, не достигшій ни до указного возраста, ни до довѣренности еще собственно распоряжать принадлежащими ему доходами, и какъ всѣ они вообще не показываютъ еще теперь желанія раздѣлять по себѣ на указныя части все общее ихъ имѣніе, и что подъ надзираніемъ насъ, опекуновъ всего ихъ имѣнія, не только весь оставшій послѣ смерти отца ихъ весьма великій долгъ заплаченъ, но и составлена уже такая капитальная денежная сумма, которая обыкновенными указными съ нея процентами черезъ невеликое число лѣтъ можетъ возрасти не токмо до того ко-

личества, чтобъ оной достаточно быть могло, съ присовокупленіемъ къ ней данной покойнымъ Михайломъ Григорьевичемъ Собакинымъ, на умноженіе и содержаніе впередъ больницы, возложенной съ ихъ общаго дому по завѣщанію тѣхъ ихъ предковъ, которые составили все ихъ имѣніе, одними съ сихъ обѣихъ суммъ процентами, но отъ собственной ихъ дому означенной суммы можетъ вѣсколько приращеніемъ процентовъ же сверхъ того присовокупиться и на вѣкоторое поступленіе при настоящемъ раздѣлѣ братьевъ въ замѣну одному противъ другого за то, что на одного болѣе другого при воспитаніи издержано было изъ общихъ ихъ доходовъ,—того ради по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и опредѣлили мы нижеслѣдующее.

1. Со окончаніемъ минувшаго 1776 г. содержанія при опекуномъ протоколѣ книги о приходѣ и расходѣ всякаго званія денегъ, сочтя, засвидѣтельствовать подпискою наличныхъ опекуновъ и хранить ихъ при протоколѣ, не продолжая во оныхъ запискою никакихъ приходовъ, нижѣ и расходовъ.

2. На сей наступившій 1777 г. дать къ протоколу за печатями и подпискою московскихъ опекуновъ особливую книгу: одну для приходу и расходу состоящей теперь дѣйствительно по крѣпостямъ и векселямъ капитальной денежной собственно сего дому суммы, другую для такого-жъ приходу и расходу суммы, присоединенной на умноженіе и содержаніе больницы отъ покойнаго Михайлы Григорьевича Собакина, а третью для записки приходу и расходу единственно денежнымъ всякаго званія доходамъ съ деревень и съ промысловъ, собственно только принадлежащихъ общему и нераздѣльному еще сихъ князей дому.

3. Въ первой изъ оныхъ книгъ вести приходъ и расходъ единственно вышепрописанному, теперь состоящему собственному сего общаго дому денежному капи-

талу и со оного процентамъ, изъ коихъ и содержать учрежденную богадѣльню, не вмѣщая туда отнюдь никакихъ уже домовныхъ доходовъ, а остальные затѣмъ процентныя съ сего капитала деньги вписывать приходомъ, приращеннымъ изъ процентовъ въ сей капиталъ.

4. Во вторую книгу записать приходомъ счисляющійся теперь по крѣпостямъ въ наличности денежный капиталъ, положенный отъ Михайлы Григорьевича Собакина на содержаніе больницы, и вести изъ процентовъ оного расходъ на все то, что особливыми приказами нынѣ предписано и впередъ предписываться будетъ отъ опекуновъ точно на содержаніе изъ оныхъ процентовъ, а затѣмъ расходомъ, что сихъ процентовъ оставаться станетъ, записывать въ сію-жъ книгу приращенными деньгами изъ процентовъ въ сей капиталъ.

5. Въ третью книгу записывать приходомъ и вести расходомъ единственно окладные съ общаго дому годовые, денежные и обращаемые съ промысловъ въ деньги-жъ доходы, а какъ оныя вступаютъ на сроки въ двѣ половины года, то и опредѣленные отъ опекуновъ годовые денежные расходы изъ общаго дому раздѣлять на двѣ же половины и при вступленіи всякой половины доходовъ оныя половины расходовъ вычислять и употреблять во опредѣленные имъ мѣста, кромѣ содержанія слѣдующаго на князей, а затѣмъ, отчисленіемъ, остальные съ общаго дому денежные доходы расчислять на четыре доли по равному числу всякому князю и принадлежація части тремъ старшимъ князьямъ употреблять въ расходъ и въ отправленіе къ нимъ не по опекуновскимъ уже повелѣніямъ, но по собственнымъ письменнымъ приказамъ каждаго князя о своей части, а четвертую часть самаго меньшого князя сохранять въ собственную ему только единому принадлежность и изъ оной вести расходъ,

производимый по опекунскимъ повелѣніямъ, единственно на содержаніе и ученіе его собственно. Для чего и дается отъ опекуновъ особливая книга на приходъ и расходъ деньгамъ, слѣдующимъ единственно въ принадлежность на часть сему меньшому князю, а для принадлежащихъ, по вышепредписанному расположенію частей, старшимъ тремъ князьямъ на приходъ и расходъ книги имѣеть давать и повѣрки въ счетахъ ихъ вести собственно каждый князь о своей части.

1689. Евграфъ Сысоевъ—князю Александру Куракину.

1777 г. января 6 (17). Стокгольмъ.

Хотя и лишень присутствія вашего сіятельства, однако, тѣмъ не меньше къ всегдашнему моему объ васъ воспоминанію причину имѣю чрезъ оказываемыя вами мнѣ милости и снисхожденія, которыми я имѣлъ честь во все время вашего здѣсь пребыванія пользоваться; и потому, сіятельнѣйшій князь, дозвольте мнѣ за всѣ оныя принесть мою нижайшую благодарность. Весьма счастливымъ бы себя почелъ, если бы когда либо могъ имѣть случай изъявить мою преданность и то должное достоинствамъ вашего сіятельства высокопочитаніе такъ, какъ желаніе мое мнѣ въ семъ случаѣ предписываетъ, и чрезъ то заслужить милостиваго вашего ко мнѣ покровительства продолженіе, котораго, однакожь, между тѣмъ стараться не премину, если не инымъ чѣмъ, то хотя моимъ усердіемъ, быть достойну.

По отсутствіи вашемъ отсюда, всѣ тѣ, кои имѣли честь быть знакомы вашему сіятельству, или Х., неанакново, какъ съ большою похвалою, о васъ отзываются и сожалѣютъ, что они васъ видѣтъ болѣе здѣсь не имѣютъ надежды; между же тѣмъ съ нетерпѣливостью ожидаютъ извѣстія какъ о благополучномъ вашего сіа-

тельства въ С.-Петербургъ прибытіи, такъ и о томъ, что какіе успѣхи намѣряемое предпріятіе ваше въ началѣ имѣть будетъ.

Получа изъ работы заказанный для вашего сіятельства крестъ и заплата, изъ оставленныхъ мнѣ четырехъ червонныхъ, 100 далеровъ за оный, да за ленты 40 далеровъ, которыя хотя и не ордѣнные, однако, за неотысканіемъ оныхъ, принужденнымъ себя нашель купить иного сорта, не знавъ, куда употребить оставшіяся за выплатою креста деньги вашего сіятельства. Что же касается до настоящаго сорта лентъ, и которыя къ оному ордену здѣсь употребляются, то на оныя съ прочею декораціею пробу на усмотрѣніе вашего сіятельства при семъ имѣю честь отправить со всеискреннѣйшимъ при томъ желаніемъ, чтобы въ каждомъ, имѣющемъ случай ваше сіятельство видѣть оною декорированнымъ, возбуждала бы ту ревность и желаніе, которыя бы заслужить могли милостивое вашего сіятельства покровительство.

1690. Н. В. Энгельгартъ—князю Александру Куракину.

1777 г. января 15. Выборгъ.

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, отъ 10 сего января, я чрезъ шведскаго курьера получилъ сего дни поутру въ десятомъ часу и посылаю въ встрѣчу къ вашему сіятельству унтеръ-офицера Бѣлоусова и гевальдигера Фаделіуса для провожденія вашего сіятельства до сего мѣста, а отсюда до С.-Петербурга сего же часа пославъ нарочный для выставки лошадей подъ проѣздъ вашего сіятельства. Приложенное на имя его высокографскаго сіятельства графа Никиты Ивановича Панина того-жъ часа чрезъ нарочнаго штафета въ С.-Петербургъ я отправилъ.

Дозвольте мнѣ, милостивый государь, испросить ту благосклонность, чтобы ваше сіятельство соизволили по приѣздѣ вашемъ сюда, въ Выборгъ, въѣхать въ мой домъ, что за отличное благоволеніе отъ вашего сіятельства себѣ сочту, а у меня два покоя къ тому приготовлены. Я съ особливимъ удовольствіемъ вашего сіятельства ожидаю.

1691. J. Ruckmann—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 16 (27) janvier 1777.

Je me flatte que cette lettre vous trouvera déjà en bonne et parfaite santé à Pétersbourg. Daignez, mon Prince, recevoir les compliments les plus sincères tant sur la fin de votre voyage qui a dû être le plus désagréable du monde, que sur votre arrivée. A mesure que vous avanciez, on recevait ici des nouvelles, tantôt de M. Levetzau et tantôt des gouverneurs des provinces, et M. le comte de Scheffer avait toujours la bonté de me communiquer ce qu'il savait.

Je ne saurais vous exprimer, mon Prince, le vif intérêt qu'on prend ici à tout ce qui vous regarde. Tout le monde vous plaint et est au désespoir que vous avez [ayez] entrepris ce voyage. On aurait souhaité de vous posséder ici jusqu'au printemps. Ma voisine surtout est de ce sentiment encore. Elle me demande, chaque fois que j'y viens, de vos nouvelles, comme aussi la belle S.... qui embellit de plus en plus. Tous ceux qui l'ont vue mercredi passé ont été extasiés de sa beauté. Il y a eu une fête ce jour-là au château sur le rétablissement de la Reine-mère, et on avait représenté le temple d'Esculape dont Mme Löwenhelm était la grande prêtresse, et Mme Höpken et elle—les prêtresses. On dit qu'on n'a jamais rien vu quelque chose de plus belle [beau] et de

plus divin que la dernière. Chaque fois qu'elle me voit, elle me questionne beaucoup sur votre voyage et sur votre arrivée à Pétersbourg, et autant que j'ai pu remarquer. le premier lui tient beaucoup à cœur. et qu'elle voudrait entendre parler déjà de sa fin.

Je tâcherai de remplir au mieux les commissions que vous avez bien voulu me donner auprès [de] M. Lundberg. Je lui en ai déjà parlé et sitôt que les portraits seront faits. je les enverrai aux personnes dont vous m'avez laissé les adresses.

M. le comte Charles Fersen m'a parlé aussi de quelques fusils que vous avez ordonné de faire ici. Comme j'ignore absolument de quoi il est question, je vous prie, mon Prince, de vouloir bien m'informer si je dois les payer ou non.

1692. Le baron von der Osten-Sacken—au prince Alexandre Kourakine.

Copenhague, 21 janvier (1-er février) 1777.

M. Bertouch m'a remis votre lettre, mon cher Prince. Au lieu de votre promesse de m'écrire bien des choses de notre pays, vous remplissez trois pages d'excuses et de remerciements. Je vois que je ne puis compter sur rien. Un seul mot de votre reconnaissance m'aurait suffi. Vous avez en moi et pour la vie un ami zélé et fidèle. Oh! mon cher Prince, faites. que j'en puisse dire autant de vous. Je connais trop le monde et je ne me contente pas de paroles. Quoique vous m'assuriez de m'écrire à votre retour à Pétersbourg cette lettre détaillée, je n'en crois cependant rien, et je prévois déjà que si à Stockholm c'était votre départ qui vous en empêchait, votre arrivée à Pétersbourg et mille autres causes vous mettront dans le même cas. Vous pourriez,

mon cher Prince. à votre tour m'accuser de remplir une page entière de reproches. mais à qui la faute? Rompons cette matière.

Je savais déjà l'intention du roi de Suède à votre égard, mais je ne vous suis pas moins obligé de votre confiance. Vous souvenez-vous encore, mon cher Prince. de ce que je vous disais lorsque vous vouliez travailler sous le procureur-général. Aimé du Grand-Duc, connu de votre souveraine, avec l'esprit, les connaissances et le bon coeur que vous avez, c'eût été la seule carrière que vous eussiez dû embrasser pour être vraiment utile à votre patrie. Je ne saurais, ni ne veux croire qu'à l'exemple de nos jeunes gens vous vous soyez déjà ennuyé du poste que vous occupiez au sénat. Mais si par malheur cela vous est arrivé, vous ne sauriez mieux faire que d'accepter une mission étrangère. surtout une de celles où il n'y a rien à faire. Celle de Suède n'est pas dans ce cas; mais acceptez-la toujours si la Cour vous la donne. Ou si vous aimiez mieux la mienne. je vous..... Non, mon cher Prince. vous resterez bien à Pétersbourg. Vous y êtes nécessaire et je vous souhaite de tout mon coeur toute la prospérité possible.

J'ai fait vos excuses au comte Bernstorff. mais répondez-lui d'abord à votre arrivée. et tâchez de lui procurer en même temps une réponse de votre digne oncle.

M-gr le Grand-Duc n'avait accoutumé à ses gracieuses lettres. mais depuis le mois de septembre je n'en ai pas reçues. Peut-être les miennes l'ont-elles ennuyé ou ma franchise lui a-t-elle déplu? Non, il est trop bon. il connaît mon coeur et la droiture de mes intentions. Présentez-lui mes hommages et mes respects. Dieu veuille lui donner et à Mme la Grande-Duchesse la prospérité la plus parfaite. L'on a pris ici beaucoup de

part à l'accident fâcheux qui lui était arrivé. Je parle de la fausse couche.

Je ne vous donnerai dans cette lettre que trois commissions. C'est bien assez pour quelqu'un qui est aussi paresseux que vous et qui plus est,—pour un courtisan.

1. Je n'ai plus de crédit et je dois 6000 écus. Tâchez donc de faire en sorte qu'on m'envoie régulièrement mes appointements et si cela se pouvait tous les mois, comme tous les ministres des autres cours ici les reçoivent.

2. C'est à Pâques qu'on renouvelle les contracts pour les fermes en Livonie. Parlez au procureur-général de celle que je me flatte d'obtenir par la grâce de Sa Majesté Impériale et donnez-m'en des nouvelles le plus tôt que vous pourrez. Elle se nomme Randerfer sur l'île d'Oesel.

3. Lorsque j'allais voyager en 1770, je devais à la caisse du Grand-Duc 4000 écus dont Son Altesse Impériale me fit présent en 1773. Mon billet se trouve chez votre oncle parmi les comptes que Rubin lui a remis. Je sens bien la difficulté de le retrouver parmi ses papiers. Tout ce que je vous prie, c'est de me procurer deux mots de la part de Monseigneur par lesquels il certifie de m'en avoir fait présent. Ne prenez cette précaution de ma part que dans le vrai sens.

Si vous voulez être quitte à jamais de mes commissions, ne vous acquittez pas de celles-ci. C'est le meilleur conseil que je vous donne. En attendant vivez toujours heureux et aimez-moi un peu.

Connaissez-vous les livres 1) „Maximes du Droit public français“, où l'on fait l'éloge des lois de l'Impératrice et où l'on critique la nouvelle forme du gouvernement suédois, 2) „La morale universelle“, 3) „Principes de la législation universelle“, 4) „Les devoirs du Prince

ou discours sur la justice“, 5) „Essai sur le despotisme“, 6) „Opuscules politiques et moraux“.—ouvrages bien dignes d'être lus par un Prince comme le nôtre.

1693. Le prince Etienne Kourakine—au prince Alexandre Kourakine.

St-Petersbourg, 21 janvier 1777.

Mon cher ami, je suis bien fâché d'apprendre que vous êtes tombé malade à Viborg. Si je ne me trouvais pas dans le même cas depuis près de deux mois, rien ne pourrait me retenir pour vous venir trouver et vous donner le secours qu'il m'aurait été possible, mais malheureusement je ne puis le faire, car, quoique je me porte mieux, l'on ne me permet pas de sortir de la maison.

Excusez, mon ami, que je ne vous ai pas écrit à Stockholm, ma maladie m'en a empêché. Je vous remercie, mon cher ami, de la lettre que vous m'avez écrite de la Suède, mais je ne sais par quel hasard, en place de la recevoir de la chancellerie du Comte, je l'ai reçue de Moscou, de la part du comte Pierre; il n'y a que trois semaines que je l'ai reçue. Comme le comte Panine disait toujours qu'il vous attendait d'un jour à l'autre, voilà pour quoi je ne vous ai pas répondu.

Notre frère Alexis est à Moscou; le comte Pierre l'aime beaucoup et fait tout ce qu'il veut pour lui.

Mon ami, je vous dirai une bonne nouvelle pour moi: le Grand-Duc et la Grande-Duchesse ont beaucoup de bonté pour nous. Voilà tout ce que j'ai à vous dire.

J'ai fait aujourd'hui la connaissance du comte Lévetzow qui est venu avec vous; il est un aimable homme, je suis charmé d'avoir fait sa connaissance,

1694. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. января 23. Москва.

Черезъ полученное мною отъ брата нашего князя Степана Борисовича письмо узналъ я, что ты, другъ мой братецъ, долженъ уже теперь же быть въ Петербургъ. Жалѣю очень, что тамъ теперь не нахожусь, но исполняю, здѣсь остававшись по мартъ, волю нашего благодѣтеля и милостивца графа Петра Ивановича. Черезъ дядюшку Степана Степановича узнать ты можешь образъ праздноя моея здѣсь жизни и описаніе всѣхъ знаковъ отмѣнной милости ко мнѣ дѣдушки графа Петра Ивановича. Ежели хочешь ты, другъ мой, узнать состояніе Лобановыхъ и наше будущее состояніе, я объ этомъ писалъ къ князю Степану Борисовичу, онъ тебѣ и протоколъ показать можетъ; также все можешь узнать черезъ графа Федора Алексѣевича.

Теперь поздравляю тебя, любезный мой князь Александра Борисовичъ, съ твоимъ прїѣздомъ. Пожалуй, отпиши, какъ и что съ тобою въ Швеціи и въ дорогѣ случилось: ты меня этимъ чрезвычайно одолжишь.

Что касается до меня собственно,—мнѣ здѣсь очень весело, и многіе меня любятъ, и тѣ ненавидятъ, которые завидуютъ пріему моему отъ женщинъ.

Время мнѣ не остается больше къ тебѣ писать, ибо почта отходитъ. Оставляю на будущую пятницу все то, что высказать имѣю, и поберегу больше время, чтобы насладиться прїятными часами въ перепискѣ съ вами. Теперь прости, любезный мой другъ. Люби меня такъ, какъ и я тебя люблю. Мы проведемъ между собою счастливое теченіе нашей союзной жизни.

Надобно тебя, другъ мой, предупредить во мнѣ, что, хотя мнѣ и отдается на мое распоряженіе весь го-

довой доходъ, приходящій на мою часть, однако я имъ пользоваться не буду и не намѣренъ больше прожить, какъ 4000 въ годъ, на все то, что себѣ вообразить можно, и никакъ сверхъ этой суммы ничего не задержу.

1695. Le comte Ulrich Scheffer—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 25 janvier (5 février) 1777.

Je ne puis, mon Prince, vous cacher combien j'avois d'inquiétude pour le projet immense que vous avez à faire en partant d'ici, et je vous ai une véritable obligation de m'avoir rassuré sur votre sujet par la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire de Tornéa. Si le reste de votre voyage a été également heureux, je me flatte que vous serez maintenant rendu à vos dieux pénates et au sein de votre famille où je souhaite que vous voudriez [vouliez] bien quelquefois vous rappeler le souvenir de votre séjour à Stockholm, avec quelque retour d'amitié pour ceux qui vous ont voué toute la leur. Je ne me nomme pas à cette occasion, mais je vous prie de croire que mon silence est plus parlant que toutes les protestations que je pourrais vous faire. Pourquoi les hommes qui se conviennent ne peuvent-ils pas toujours rester ensemble? C'est une réflexion que j'ai faite bien des fois, j'en ai souvent trouvé l'inutilité, mais je ne puis pas encore m'empêcher de la faire, surtout lorsqu'il est question de vous avoir perdu, après avoir eu le plaisir de vous connaître. Je suis très aise des facilités que vous avez trouvées pendant votre route; les gouverneurs des provinces par où vous avez passé n'ont fait que suivre, en cela, la volonté du Roi, mais le témoignage que vous avez bien voulu en rendre, m'a servi pour faire leur cour auprès de leur maître, et je l'ai saisi avec empressement.

Je vous prie de vouloir bien présenter l'hommage de mes respects au digne ministre dont vous êtes les neveux, et pour qui je m'intéresse avec toute la vivacité imaginable. Vos sociétés ici n'en font pas moins pour vous, je leur ai fait un véritable cadeau en leur donnant de vos nouvelles, et tout le monde désire en apprendre bientôt votre heureuse arrivée au lieu de votre destination.

Mon frère et ma femme me chargent de les nommer particulièrement auprès de vous, mon Prince.

1696. Княгиня А. И. Куракина — князю Александру Куракину.

1777 г. января 26. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Отъ всего моего сердца поздравляю васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ. Этотъ твой вояжъ очень мнѣ много стоилъ: истинно съ ума сходила, зная, что нездоровъ поѣхалъ. Пожалуй, напиши ко мнѣ правду, совсѣмъ ли теперь здоровъ. Теперь вамъ скажу о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ. Онъ здѣсь у насъ всѣми любимъ. Братъ очень его полюбилъ, присиживаетъ съ нимъ до двухъ часовъ за полночь. Уповаю, что вамъ Степанъ Степановичъ тоже сказывалъ. Я надежду теряю васъ здѣсь видѣть, то не лишите меня того удовольствія, пишете ко мнѣ хотя по-однова въ мѣсяцъ. Брату моему скажите мое почтеніе. Поручаю васъ Богу.

1697. Копія собственноручнаго нижеподписавшагося письма, а оригинальное найдется при настоящемъ завѣщаніи.

1777 г. января 28. Москва.

Милостивые государи мои и благонадежнѣйшіе друзья князь Николай Васильевичъ Репнинъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и графъ Федоръ Алексѣевичъ Апраксинъ. По числу прожитыхъ уже мною лѣтъ и при дряхлости тѣлесной отъ увѣчной болѣзни, съ соображеніемъ теперешныхъ младенческихъ еще лѣтъ послѣднеоставшихъ моихъ сына Никиты и дочери Софьи, имѣю я справедливое основаніе представлять моему попечительному о нихъ вниманію ближе, что предѣлъ и моего вѣка можетъ незапнымъ пресѣченіемъ повергнуть ихъ и отъ меня во осиротѣніе до приспѣванія еще ихъ въ возрастныя лѣта къ собственному господствованію. Для того я, въ 28 день января сего года, сочинилъ собственноручное завѣщательное письмо, приобщенное здѣсь, о раздѣлѣ между ими всего моего остающагося послѣ смерти моей недвижимаго и движимаго, всякаго рода и званія, имѣнія, котораго ко исполненію самымъ дѣломъ во всей его силѣ и къ призрѣнію во всемъ прочемъ ихъ, дѣтей моихъ, поручаю я симъ въ воспріятіе на себя главнаго душеприказчества и опекуинства брату моему Никитѣ Ивановичу Панину, если милосердый вышній Промыслъ продлитъ его жизнь долѣе моя, а вась, милостивые мои государи и друзья, покорно прошу въ томъ случаѣ съ нимъ вообще, а при случаѣ кончины его прежде однимъ собственно милостивно принять ко осиротѣвшимъ отъ меня дѣтямъ званія на себя душеприказчиковъ же и опекуновъ, употребляя попеченіе ваше, чтобъ оное завѣщаніе мое было на все послѣдующее время со всею прочностію утверждено и во всей ея точности исполнено, а потому

милостивно-жъ обращая опекуное ваше къ дѣтямъ моимъ призрѣніе управленіемъ и надзираніемъ всего оставшагося послѣ меня въ наслѣдство имъ имѣнія, всякаго рода и званія, до приспѣянія обоехъ ихъ въ указныя лѣта къ собственному надъ имѣніемъ своимъ владѣнію, а между тѣмъ, учреждая содержаніе, воспитаніе и наученіе ихъ изъ доходовъ того имѣнія, пристойныя по сходству ихъ лѣтъ и по сообразности съ отвѣтственной памяти носимаго мною въ здѣшнемъ мірѣ званія, остальными же за тѣмъ доходами и съ случившагося денежнаго капитала указными процентами приумножать имъ, къ возрасту, денежный же капиталъ.

Сей просимой мною отъ васъ милости и возлагаемаго труда въ пользу моихъ несчастно осиротѣющихъ дѣтей не возмогу уже я никакъ вамъ заслужить, но ласкаю себя, что какъ они благодарностію своею не преминуть, хотя нѣкоторымъ образомъ, удоблетворять вамъ оное, такъ и Сердцевидецъ душъ нашихъ да будетъ свидѣтелемъ, что всю жизнь мою сохранялъ я всегда наивѣрнѣйшимъ, искреннѣйшимъ и усерднѣйшимъ образомъ мой къ вамъ, милостивые государи, дружбу, любовь и почтеніе, такъ и стану послѣднее издыханіе испускать, не погрѣшая ничѣмъ противъ онаго, но моля Вышнее Существо, дабы правосудіемъ своимъ и обѣщаннымъ роду человѣческому воздаяніемъ за благотворенія ближнимъ и за призрѣніе осиротѣвшихъ преподалъ вамъ вся благая.

Во упованіи сего буду я замыкать въ послѣдній разъ глаза мои съ спокойствіемъ и утверждаясь въ сей истинѣ, что оканчиваю мою жизнь непремѣннымъ вашего сіятельства, милостивые государи мои и друзья, покорнымъ и искреннимъ слугою. [*Далѣе собственно-ручно*] Графъ Петръ Панинъ.

1698. Завѣщаніе о раздѣлѣ послѣ смерти моеи дѣтей моихъ, сочиненное въ Москвѣ 1777 г. января въ 28 день.

1777 г. января въ 28 день. Я, нижепоименованный, представивъ себѣ недовѣдомую судьбу Божію о пресѣченіи жизни смертныхъ, будучи теперь безъ болѣзненнаго поврежденія, симъ моимъ собственноручнымъ написаніемъ благовременно опредѣляю, утверждаю и завѣщаю сыну моему графу Никитѣ и дочери моей графинѣ Софьѣ, подъ прещеніемъ суда Божія со мною въ неисполненіи, раздѣлиться между собою при самоѣ приспѣяніи въ указной возрастъ во оставшемъ послѣ меня недвижимомъ и движимомъ во всемъ имѣніи по нижеслѣдующему отъ меня собственно расписанію.

Дочери моей графинѣ Софьѣ вмѣсто указной части дать вотчинъ моихъ: Суздальскаго уѣзду Богоявленскую слободу, Мстера тожъ, въ ней, по послѣдней переписи, 594 души, оброку денежнаго съ нихъ, по моему окладу, по 1782 р. въ годъ; Курмышскаго уѣзду село Строилово съ деревнями—222 души, денежнаго сброку въ годъ по 666 р.; Шуйскаго уѣзда деревню Большое Михалево съ деревнями, съ нихъ годового оброку по 285 р., а мужеска полу душъ 95; Вологодскаго уѣзда деревню Шитробово съ деревнями, въ нихъ 89 душъ, оброчныхъ денегъ съ нихъ по 267 р.; Ярославскаго уѣзда деревню Шеблыгино съ деревнями, 72 души, годового оброка по 216 р.; Галицкаго уѣзду деревню Жарь съ деревнями, 69 душъ, оброку плотять въ годъ по 217 р.; Московскаго уѣзда сельцо Столбово, деревня Тулубьева, и въ Верейскомъ уѣздѣ пустошь Алымова, въ нихъ 73 души, а состоятъ на издѣльи. Всего ей, дочери моей, недвижимаго послѣ меня имѣнія тысяча двѣсти четырнадцать душъ, а съ нихъ годового денеж-

наго дохода, кромѣ издѣля, по три тысячи по чтыреста и по тридцати по три рубля.

Сверхъ всего сего да отдастся ей же, дочери моей, движимаго моего имѣнія, а именно:

Два письменные документа во внесенныхъ мною въ прошломъ 1776 г. въ сохранную казну Московскаго Воспитательнаго дома дву денежныхъ суммахъ на имя ея, дочери моей, на особливыхъ условіяхъ, объявленныхъ въ тѣхъ документахъ. Жемчуги, купленные покойной матерью ея, одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Серебряный дорожный мой сервизъ, въ немъ въсу 2 пуда 16 фунтовъ. Всю оставшую послѣ смерти моей гардеробу покойной матери ея, кружева и мѣхи ея. Бралианты, кромѣ шпаги и двухъ табакерокъ, осыпанныхъ финифтныхъ, одной зеленой, а другой мордоре; всѣ прочіе, безъ изъятія, ордена, звѣзды, погона и перстней отдадутся ей же, дочери моей, если оны по смерти моей останутся необращенными въ деньги, а если будутъ обращены во оныя, то въ томъ случаѣ, сколько денегъ останется послѣ меня въ наличности по крѣпостямъ и по векселямъ, изъ всѣхъ ихъ третью часть отдать ей, дочери моей, и ту часть, по кончинѣ моей выдѣля, отдать изъ указныхъ процентовъ на ея имя до вступленія въ замужество, а при противномъ тому до приспѣянія ея въ возрастъ 25 лѣтъ. Когда же бралианты имѣеть получить она въ натурѣ, то въ томъ случаѣ дать ей изъ моего же имѣнія при замужествѣ на новое платье и прочіе уборы пять тысячъ рублевъ. Французскую матери ея карету съ принадлежащими къ ней шорами отдать ей же, дочери моей.

Все прочее оставшее по смерти моей недвижимое и движимое, всякаго рода и званія имѣніе, за выше-назначеннымъ дочери моей, — московскій каменный домъ, выстроенная подмосковная, сельцо Михалково, съ ихъ мебельми, оранжереєю и садами, дворовые всѣхъ званій

люди мои отдаются отъ меня сыну моему графу Никитѣ, кромѣ единственно тѣхъ дворовымъ людей и женокъ, которымъ дадутся, и которые уже имѣтъ будутъ отпущкая за моею рукою, къ коимъ отнюдь никому и не дѣлать никакого притязанія, а оставить ихъ по онымъ въ полной волѣ и свободѣ.

Итакъ, по сему моему завѣщанію и расписанію имѣетъ получить онъ, сынъ мой, послѣ меня, кромѣ наличнаго движимаго, одного недвижимаго, сверхъ дому и подмосковной, имѣнія: во Ржевскомъ уѣздѣ село Молодой Тутъ съ деревнями, въ немъ по переписи 2577 душъ, оброку въ годъ плотятъ, сверхъ нѣкоторыхъ припасовъ и работниковъ для подмосковной, однѣми деньгами по 5154 р.; въ Козельскомъ и въ Мещовскомъ уѣздахъ село Везовна, сельцы Мелечево и Упрямово—462 души, денежнаго оброка съ нихъ по 1275 р.; Орловскаго уѣзда половина села Маслова, въ ней 267 душъ, ставятъ въ Москву своимъ иждивеніемъ водою ежегодно оржаной муки по 500 кулей, овса по 600, крупъ по 40, солодовъ по 40 четвертей. А во всѣхъ означенныхъ вотчинахъ, по переписи, 3306 душъ; денежнаго годового оброку съ нихъ, кромѣ припасовъ, по 6429 р.

Симъ моимъ завѣщаніемъ отрѣшаю я всѣ прежде мною дѣланныя завѣщанія и самое то, которое Ея Императорскимъ Величествомъ было подтверждено при отбытіи моемъ къ предводительству второй арміи, но мною въ указномъ мѣстѣ не явлено, а случаемъ преждевременной смерти второй моей супруги и дочери отъ перваго брака во всемъ оно своемъ существѣ переменялось, чего ради я сіе вновь написалъ и подписалъ къ настоящему во всемъ утвержденію собственною моею рукою. [*Дальше собственноручно*] Графъ Петръ

P. S. При свиданіи съ братцемъ моимъ въ его вѣземскихъ вотчинахъ, онъ изволилъ при моемъ пригла-

шеніи его на сіе завѣщаніе милостивно объявить мнѣ, что по кончинѣ своей жалуетъ онъ сына моего всею выслуженною своею вяземскою вотчиною и столовымъ большимъ своимъ серебрянымъ сервизомъ, возжелавъ при томъ, чтобъ я въ сравненіе оному сдѣлалъ прибавленіе дочери моей. Вслѣдствіе того, я симъ присокупленіемъ, написаннымъ собственною же моею рукою въ его вотчинѣ въ селѣ Дугинѣ, августа 23 числа сего же года, завѣщаю и опредѣляю дѣтямъ моимъ: когда дойдутъ братцева вяземская вотчина и реченный сервизъ сыну моему, хотя и съ долгомъ такимъ, который возможно будетъ заплатить въ шесть лѣтъ одними доходами съ сей вотчины, въ томъ случаѣ отдастся дочери моей выслуженная мною собственно вотчина во Ржевскомъ уѣздѣ, четверть села Молодого Туты, вся безъ исключенія; въ ней 2577 душъ; плотить мнѣ оброку въ годъ по два рубля съ души, даетъ работниковъ 40 и столовые припасы, безъ коихъ можетъ платить и по 3 рубли; да отдастся ей же, при полученіи сыномъ братцева сервиза, мой собственно большой столовый серебряный сервизъ со всѣми приборами, и шавданы двойные и тройные абронной работы. Насопротивъ того, изъ назначенныхъ выше дочери моей вотчинъ возвратятся тогда къ сыну моему только суздальская, вологодская, ярославская, шуйская и галицкая. Но если вяземская братцева вотчина вступитъ къ сыну моему съ долгомъ превосходнѣе предполагаемой здѣсь мѣры, а можетъ быть, однакожъ, оный заплаченъ быть одними съ нею доходами, хотя нѣсколько и продолжительнѣе, то въ томъ случаѣ, хотя утверждаю я получить дочери моей всѣ уже безъ изъятія вышеопредѣленные ей отъ меня вотчины, но не только надѣюсь на добродѣтель сына моего, да и завѣщаю ему и при такомъ основаніи сдѣлать сестрѣ своей прибавленіе по собственной его волѣ и по соответствію единокровнаго

съ нею обязательства къ дружелюбному братству, за что Божіе правосудіе будетъ благословлять все теченіе жизни его во благое, которому я обоихъ ихъ дѣтей моихъ поручаю съ послѣднимъ моимъ родительскимъ благословеніемъ на подражанія такому братству, какое между нами всегда сохраняемо было главнымъ предметомъ къ пріобрѣтенію столь милосердаго всегда къ намъ Божескаго благословенія. [*Далѣ собственноручно*] Панинъ.

1699. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Нуракину.

1777 г. января 31. Москва.

Я нынѣ совершенно увѣренъ о благополучномъ вашего сіятельства прибытіи въ отечество наше. Сіе ваше возвращеніе сколь чувствительно меня обрадовало, изъяснить не могу. Прошу радость мою измѣрять по неліцемерному моему къ вамъ усердію, преданности, почтенію и привязанности ко всей вашей фамиліи.

Какъ вы всегда пріемлете искреннее участіе въ моемъ благополучіи, то я долгомъ моимъ поставляю довести вамъ, что всѣ мои письма, посредствомъ вашего сіятельства Государю Великому Князю поднесенныя, имѣли дѣйствіе, къ неописанному моему удовольствію служащее. Ни одно письмо не осталось, которое бы не удостоено было его Высочайшаго отвѣта. Я и недавно имѣлъ счастье получить милостивѣйшій отзывъ собственноручный за мое съ Новымъ годомъ поздравленіе, но ничто столько меня веселіемъ не восхитило, какъ то, что Великая Княгиня удостоила меня своимъ отвѣтомъ собственной руки на російскомъ языкѣ, когда я имѣлъ честь поздравить Ея Высочество съ совершив-

шимся бракосочетаніемъ. Рѣдкій монументъ, который я сохранию на вѣки,—онъ тѣмъ драгоценнѣе, что Великая Княгиня, уповаю, къ первому мнѣ изволила написать по-русски и такимъ прекраснымъ почеркомъ, что едва и природныя наши російскія дамы, всю жизнь въ томъ упражнявшіяся, могутъ оный употребить.

Вотъ, милостивый государь, то, о чемъ я съ вѣтерпѣливостью желалъ вамъ изъясниться. Теперь еще за нужное почитаю открыть слѣдующее. Московскій преосвященный здѣсь. Ему велѣно именнымъ Высочайшимъ указомъ присутствовать въ конторѣ синодской чрезъ цѣлый годъ. Непріятно ему было сюда ѣхать, а паче въ Калугу для открытія намѣстничества, но обстоятельства жизни и поведенія его требовали сего. Онъ теперь весьма тише и свисходительнѣе. Однако правило сіе: „положи Господи храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ“, съ его нравомъ несовѣстно. Онъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Калуги. У него неладно было и съ г. Кречетниковымъ, но не знаю, чѣмъ кончилось. О Камбалѣ никогда ничего не говорить и будто бы вѣкъ его не зналъ. Со всѣми началъ обходиться скромнѣе, но поздно: однажды посслившихся мыслей худыхъ ничѣмъ переимѣнить не можно. Ко мнѣ благосклоненъ, однако желаетъ и всѣ мѣры предпріемлетъ, чтобы вовсе выжить изъ Москвы. Время больше откроетъ.

Такъ изъяснившись вамъ, яко моему искреннему пріятелю и благодѣтелю, съ истиннымъ почтеніемъ, усердіемъ и молитвами ко Богу есмь.

Р. С. Я не сомнѣваюсь, что Петръ Васильевичъ г. Завадовскій—вамъ добрый другъ и пріятель; по сей причинѣ прошу васъ съ нимъ въ разсужденіи моихъ обстоятельствъ объясниться. Онъ хотя и пишетъ ко мнѣ, однако весьма рѣдко. Можетъ быть, иногда встрѣчаются такія обстоятельства, которыя могутъ удержать

его перо отъ начертанія оныхъ. По всему городу нашему разнесся давно уже слухъ, да и изъ Петербурга тоже подтвердили, якобы мнѣ ѣхать въ Синодъ, но со всѣмъ тѣмъ ничего понынѣ рѣшительнаго нѣтъ. Признаюсь, что сіе для меня не лестно. Слабость моего здравія съ вашимъ климатомъ несовмѣстна, но какъ фаворита Камбалы намѣреніе стремится удалить меня отъ Москвы совсѣмъ, то я, конечно, соглашусь лучше къ вамъ поѣхать, нежели быть жертвою его прихотей и злобы. Не оставьте о семъ открыться Петру Васильевичу; г. Акчурину, нашему оберъ-прокурору, нельзя сего дѣла повѣрить: онъ съ фаворитомъ Камбалы одна душа и все дѣлаетъ къ его удовольствію, хотя рѣдко успѣваетъ. Я бы желалъ, чтобъ и Петръ Васильевичъ въ разсужденіи моихъ обстоятельствъ г. Акчурину или мало, или вовсе ни въ чемъ не вѣрилъ. Связь сихъ двухъ персонъ весьма странная; нынѣ объ оной не могу изъясняться. Я, такое положеніе моихъ обстоятельствъ воображая и соображая, думаю на цѣлое лѣто попроситься для осмотра епархіи до сентября мѣсяца, но боюсь, чтобы мои благодѣтели сего случая не употребили въ свою пользу, а мнѣ во вредъ. Итакъ, непрестанно волнуюсь мыслями, за что приняться. Меня и то тревожить, что насъ нынѣ трое въ конгорѣ архіеревъ,—болѣе, нежели въ синодѣ, чего никогда не бывало. Не безопасно, чтобъ иногда не сказано и безъ просьбы убираться въ свое мѣсто. У насъ еще увѣряютъ, что въ епархіи моей, въ городѣ Ярославлѣ, сего году неотгнѣнно откроется намѣстничество. При такомъ торжественномъ случаѣ мнѣ неминуемо должно быть. Все сіе, кажется, клонится къ тому, что мнѣ можно въ епархіи пожить до сентября мѣсяца, и сямъ образомъ не удастся ли отвратить то предпріятіе, которое простирается къ совершенному удаленію меня отъ Москвы. Фаворитъ Камбалы, можетъ быть, чрезъ сіе

успокоится и противоборствовать больше не станетъ, а когда зима наступитъ, то онъ паки къ вамъ возвратится, а меня оставить здѣсь въ покоѣ. Все сіе открываю вамъ по вашей ко мнѣ любви и искренности. Дружба ваша не допуститъ никого въ семъ дѣлѣ участвовать, кромѣ Петра Васильевича. И что онъ по сему заблагоразсудитъ въ пользу мою, буду ожидать посредствомъ вашимъ увѣдомленія.

P. S. Покорнѣйше прошу ничего обо мнѣ не говорить об.-п. нашему. Вотъ вамъ исторія. Запросъ былъ обо мнѣ изъ Кабинета, получаю ли я равное съ синодальными членами, т. е. петербургскими, жалованье. Онъ отвѣчалъ, что получаю по штату, синодальнымъ членамъ въ Москвѣ положенному, умолчавъ нарочно, что не равное по Москвѣ и по Петербургу положено жалованье, а запросъ посланъ былъ нарочно, чтобъ узнать, равное ли я съ петербургскими за присутствіе получаю жалованье. Недовольно сего,—онъ еще написалъ въ отвѣтъ своемъ свое мнѣніе, котораго отъ него не требовано, что такое мое требованіе есть излишнее, ибо де въ Москвѣ должно по конторскому штату жалованье получать; сверхъ того прибавилъ: „А московскій де архіерей, будучи въ Москвѣ, получаетъ противъ петербургскихъ полное жалованье по особливому указу“. Вотъ сего усердія ко мнѣ знаки! Онъ думалъ, что я о семъ никогда не свѣдаю; нѣсть тайно, еже не откроется. И такъ на семъ остановилось мое дѣло. Одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, да и десять не вынуть, но я надѣюсь на Бога, что и въ семъ пунктѣ не буду обиженъ. Прошу сіе сохранить для одного себя: ежели свѣдаетъ, то злоба умножится. Его подстрекаютъ тѣ, съ коими онъ ежедневную испиваетъ чашу. Дай Богъ ему какого хочеть мѣста, только не у насъ.

Обѣщаннаго портрета съ нетерпѣливостью ожидаю.

Вы желаете видѣть у себя челоуѣка, привыкшаго

къ странностямъ и нелѣпостямъ, но онъ не очень охотно соглашается къ вамъ ѣхать: состояніе его у васъ будетъ ограничено тѣсными предѣлами, а нынѣ оно имѣетъ пространныя. Я слышу, что онъ послалъ прошеніе къ Ея Величеству, чтобъ ему дозволено еще на одинъ годъ остаться; не знаю, справедливо ли. Такое предпріятіе учинено или для того, чтобъ его просили и увѣрили, что аки-бы безъ него невозможно обойтись, или [чтобы] показать всѣмъ, что хотя онъ и не хотѣлъ ѣхать, но его и не хотящаго заставляютъ то исполнить. Вотъ его мысли,— я ихъ коротко понимаю.

О моемъ пожалованіи Камбала тогда уже свѣдалъ, когда дѣло сдѣлано, и указы посланы, а инако, можетъ быть, опять сдѣлалъ бы какое помѣшательство, но слава Богу, что не столько можетъ вредить, какъ прежде.

Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ и Наталья Ивановна съ неописаннымъ удовольствіемъ изъяснились мнѣ о вашемъ ко мнѣ усердіи и увѣрили, что имъ не было ничего пріятнѣе, какъ быть согласными съ вашимъ мнѣніемъ. Теперь съ ними поживу долѣе и буду почти всякій день имѣть съ ними обращеніе.

1700. Княгиня А. И. Куракина—инязю Александру Куракину.

1777 г. февраля 2. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Благодарствую за ваше письмо, отъ 27 прошедшаго, которое меня много утѣшило. Видя вашъ хорошій пріемъ, мнѣ иного не осталось, какъ Бога благодарить и просить его, чтобъ онъ во вся лѣта живота вашего награждалъ васъ своею святою милостію и счастьемъ. Не досадуя, другъ мой, на моего брата, что онъ тебѣ ордена не принялъ: можетъ быть, онъ резонъ имѣетъ, а что же до вашего благополучія принадлежитъ, я увѣрена въ

немъ, что его не иначе принимаетъ, какъ свое собственное. Боже, дай мнѣ еще васъ кавалеромъ [видѣть], въ чемъ на милость Божию надѣюсь, и васъ ему поручаю.

Братъ вашъ князь Алексѣй поѣхалъ въ Орелъ на недѣлю.

1701. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. февраля 9. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. За поздравленіе ваше съ моимъ рожденіемъ благодарствую, что вы меня помните. Съ вашей стороны я, благодарю Бога, очень утѣшена, дай Богъ вамъ свою милость, а здѣсь меня мертвить погибельное состояніе Лобанова, чего и описать вамъ не въ силахъ, — все вамъ расскажетъ князь Алексѣй Борисовичъ. Катерина Григорьевна вамъ кланяется; я вчера съ нею видѣлась; велѣла вамъ сказать, что она свою турчанку красавицу выдаетъ замужъ къ Валку въ домъ за портного. Подумайте, не жалко-ль; не только вамъ, и мнѣ ея жаль.

Брату моему скажите мой поклонъ. Больше писать истинно не въ силахъ: голова очень дурна, и это насилу намарала. Поручаю васъ Богу.

1702. Князь Аленѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. февраля 9. Москва.

Теперь я насилу имѣю свободное время съ вами, другъ мой, братецъ князь Александра Борисовичъ, съизнова переписку свою начать. Пріѣдучи въ Петербургъ, словесно изъявлю я вамъ препятствія, которыя меня принудили отнять у себя удовольствіе къ вамъ

писать такъ часто, какъ бы я желалъ.... Но пресѣчемъ сію матерію: вижу, что безъ всякихъ отговорокъ желаніе ваше есть то, чтобъ я сказался виноватымъ. Вы знаете меня, итакъ, вы должны сами теперь видѣть, что съ превеликимъ удовольствіемъ исполняю желаемую вашу вещь и признаюсь въ своей винѣ. Пропустилъ я, любезный другъ, двѣ почты и къ вамъ не писалъ; отлучка моя десятидневная была этому причина. Я для осмотра нашего коннаго заводу ѣздилъ въ Орелъ, о чемъ также словесно съ вами буду разсуждать.

Черезъ полученное мною отъ васъ письмо, отъ 3 числа сего мѣсяца, узналъ я намѣреніе ваше имѣть меня въ Петербургѣ. Благодарю чистосердечно за оказанную чрезъ сіе вашу любовь ко мнѣ, но также съ превеликимъ огорченіемъ принужденъ вамъ объявить, что никакъ не въ силахъ желаніе ваше исполнить, ибо я далъ слово графу Апраксину, который живетъ у дѣдушки, съ нимъ въ Петербургъ вмѣстѣ возвратиться, и принужденъ его чрезъ сіе просить объ отсрочкѣ. Итакъ, я никакъ не могу сдѣлать то, что вы требуете отъ меня. Не думай, любезный другъ, чтобъ здѣшнія многочисленныя увеселенія побудили меня сію отговорку вамъ представить: это суцая правда. Кромѣ того, какъ я здѣсь живу у родни, котораго совѣты и разсужденія со вниманіемъ за право себѣ поставилъ слушать, въ семь моемъ поведеніи ничего другого не дѣлаю, какъ исполняю по моему собственному разсужденію плоды разговоровъ сего почтеннаго мужа, ибо его первое правило—быть постоянно въ своихъ предпріятіяхъ, когда честь или главный какой-нибудь долгъ не могутъ быть тронуты. Съ сожалѣніемъ принужденъ я вамъ сіе написать, однако обѣщаюсь, что, можетъ быть, недѣли двѣ прежде сроку пріѣду въ Петербургъ и то точно только для того, чтобъ имѣть удовольствіе васъ одолжить.

Informez-vous, je vous prie, mon aimable ami, si Voronine a déjà reçu mon épée d'uniforme. — si non, faites, je vous prie, qu'elle soit prête pour mon retour.

1703. Alexis Narichkine—au prince Alexandre Kourakine.

Moscou, 10 février 1777.

Je viens de recevoir, mon cher ami, votre lettre du 3 février avec d'autant plus de plaisir qu'elle m'annonce la continuation des bontés de Son Altesse. Son souvenir qu'il a la grâce de me témoigner, par le peu de paroles que vous me dites, répand un certain baume sur ma santé bien délabrée par le dernier choc qu'elle a reçu. Il m'est doux d'apprendre, par la même, l'accueil qu'on vous a fait à Stockholm. J'en attends les détails, que vous promettez, avec beaucoup d'impatience, et votre réponse me trouvera déjà à Polotsk pour où je pars dans deux jours. Que je voudrais me trouver à côté de vous pour vous mettre au jour toutes les nouveautés qui vous viennent de nos contrées. On chante mes louanges, me dit-on, on se plaint du gouverneur de Mohilev et, en même temps, vous entendez une députation soi-disant de mes contrées à Kalouga. Méfiez-vous de tout cela, mon cher ami, et sachez mépriser la fanfaronnade et détester la fourberie. Mais tel est le malheur des vicissitudes humaines, que le clinquant joint à la fourberie éblouit toujours et, souvent même, emporte sur la valeur intrinsèque de la chose.

1704. Le prince Alexis Kourakine—au prince Alexandre Kourakine.

Moscou, 16 février 1777.

La personne qui vous remettra ce billet, mon cher et véritable ami, m'a prié de vous écrire en sa faveur;

je ne la connais que parce que je l'ai vue cinq ou six fois chez le comte Pierre. ainsi je ne puis vous en dire grand'chose.

Je ne vous ai pas écrit la poste dernière, parce que le Comte ne m'a point fait de réponse sur ce que vous m'avez marqué, même aujourd'hui je ne vous en dirai rien—car il m'a promis de vous écrire lui-même—excepté qu'il est assez mécontent de vous sur l'énorme dépense que vous avez faite, et sur le peu d'exactitude à payer vos anciennes dettes. Au reste, il a fait en sorte que nos revenus s'augmenteront [s'augmentent] pour cette année de près de 2000 roubles pour chacun, ce que vous devez recevoir de Soloviev.

Bientôt les amusements d'ici vont avoir leur fin, à cette heure même ils sont assez insipides. Je ne sais ce que je dirai de ceux du Carnaval, car je ne les connais pas encore, je souhaite que vous vous y amusiez beaucoup, et je viendrai vous consoler et partager votre ennui du carême.

1705. Le Grand—à NN.

Paris, 17 (28) février 1777.

Quand à la traite de 400 livres du 22 mars, à 8 jours de vue, si je vous en ai débité deux fois sous les 27 avril et 4 juillet, c'est véritablement parce que je l'ai payée deux fois, et c'est, à cette occasion, que je suis obligé de recourir à votre amitié pour tâcher de me faire recouvrer cette somme. Voici ce qui est arrivé. Le sieur Turpin, auteur de différents ouvrages, et porteur de la première de cette [ces] lettres de change qu'il avait reçue des bienfaits de M. le comte Panine, vint la recevoir chez moi, mon caissier la lui paya sans difficulté. Le sieur Turpin n'en accusa point réception à

M. le comte Panine. Ce dernier ne recevant aucune nouvelle de M. Turpin, et pensant que sa lettre pourrait s'être égarée, lui en remit, deux mois après, la seconde. Le sieur Turpin, peu instruit, à ce que je pense, des usages du commerce, crut que c'était un nouveau bienfait qu'il recevait de M. le comte Panine et vint la recevoir pareillement chez moi. Mon caissier la lui paya, ayant perdu de vue qu'il lui en avait déjà payé la première. Aujourd'hui, et sur l'avis que vous avez la bonté de me donner de ce double emploi, j'ai envoyé chez ce M. Turpin qui ne désavoue point avoir reçu les deux sommes, mais qui se trouve dans l'impossibilité de me rendre les 400 livres qu'il a reçues de trop. Je viens donc vous prier, Messieurs, de voir M. le comte Panine pour lui expliquer le fait et le prier de vouloir bien garder ces 400 livres sur l'envoi de 1200 livres que le sieur Turpin doit lui faire incessamment, à ce qu'il m'a dit, lesquelles 400 livres je ne doute point qu'il ne veuille vous remettre sur la lettre que le sieur Turpin m'a dit vouloir lui écrire aujourd'hui, pour lui donner connaissance de cette affaire.

Je suis bien fâché d'être obligé de vous donner cette peine, mais c'est la voie la plus courte que je puisse employer, puisque, si je voulais poursuivre M. Turpin, je ne parviendrai pas de sitôt à en être payé. En toute occasion où je pourrai, par contre, vous être utile, vous savez que je suis entièrement à votre service.

1706. M. Guldencrone—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 20 février (3 mars) 1777.

Un seul mot de votre part m'est trop intéressant, mon Prince, pour ne pas être sensible, au delà de l'impression, au sujet de ce que vous me dites dans une

apostille au moment de votre arrivée à Pétersbourg. et si un tribut parfait de toute ma reconnaissance et de mon amitié peut me rendre digne en continuation de votre souvenir, j'ose me persuader de la durée d'un sentiment de votre part dont je sentirai toujours vivement tout le prix.

Vous ne douterez pas de l'intérêt que nous avons pris ici généralement à la nouvelle de votre heureux retour à Pétersbourg. On accuse les Suédois de quelque légèreté du côté du souvenir qu'ils portent à des amis absents. mais vous faites une exception de [à] la règle. et ma maison surtout prétend de vous nommer tous les jours avec un vrai plaisir.

Je dois, sans doute, à vos bontés la lettre toute obligeante de S. E. M. le comte d'Ostermann, et si je vous répète ici, mon Prince, que les bontés personnelles de ce ministre et le suffrage gracieux que S. E. M. le comte de Panine donne à mon zèle pour le bien commun et à ma vénération entière pour sa personne sont les premiers agréments dans le poste que j'occupe. Je vous dis, en même temps, les principaux motifs qui m'engagent à ne pas désirer de changer.

Veillez être l'interprète de ces sentiments, mon Prince, et permettez-moi de continuer avec vous une liaison d'amitié et de lettres à laquelle l'envie d'obliger pourra, je le sens, seule vous engager. Jugez, de là, de l'empressement avec lequel je réclame votre promesse de recevoir bientôt de vos nouvelles.

1707. Fr.-H. Turpin—au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 23 février (6 mars) 1777.

Je suis plus à plaindre que coupable. Vous m'avez prévenu par vos largesses, vous m'honorez de votre amitié, et malgré l'intervalle que le pays et la naissance

ont mis entre vous et moi. sans être Horace et Virgile. je puis me glorifier de vous avoir pour Mécène: pourrais-je être ingrat? L'apparence dépose contre moi, la réalité me justifie. Il est triste d'avoir besoin d'apologie, et je suis dans le cas de faire la mienne. Oui, j'ai reçu vos bienfaits. je vous ai témoigné ma reconnaissance dans deux lettres qui ne sont point parvenues jusqu'à vous. Voici quelle a été leur destinée.

La première a été confiée à la dame qui eut l'honneur de diner avec vous à Marly et dont vous fites la conquête: c'est un secret que je vous révèle aujourd'hui. Les désastres de sa fortune et, peut-être, un intérêt plus vif l'obligèrent de quitter la France pour aller en Russie chercher une éducation: elle avait tous les talents nécessaires pour s'en bien acquitter. Elle avait besoin d'un protecteur à Pétersbourg; son cœur lui persuada que vous voudriez bien l'honorer de ce titre; et, pour s'ouvrir un accès auprès de vous, elle me pria de lui remettre les cahiers et la lettre qui vous étaient adressés. Son étoile la dirigea à Stockholm où elle est aujourd'hui lectrice de la Reine; la Suède l'a enviée à la Russie. Son mari frappé, comme elle, des coups de la fortune, se flatta de pouvoir trouver des ressources à Pétersbourg où il comptait former des élèves. Il partit chargé de lettres et d'un paquet d'éloges qui vous étaient adressés. Sa tendresse conjugale l'entraîna en Suède où il s'est fixé; l'un et l'autre ont présumé que ces lettres n'avaient été écrites que pour leur ménager un appui et dès qu'ils n'en ont plus eu besoin, ils les auront condamnées à l'oubli.

Voilà la longue excuse d'une faute involontaire qui m'humilie et blesse ma délicatesse. Je n'ai d'autre consolation que dans l'espoir de la réparer: mon ambition serait satisfaite si vous preniez autant de plaisir à lire mes lettres que j'en aurai à vous les écrire.

J'ai tenté l'exécution de ce que vous m'avez prescrit sur votre auguste Souveraine: ses sujets sont en Russie, ses admirateurs sont en France, et nous avons pour émules tous les peuples de l'Europe. Le plus beau de ses ouvrages c'est d'avoir donné à votre patrie un prince qui perpétuera sa gloire et la félicité publique. Comme je n'ai point de mémoires suffisants (je n'ai que des morceaux décousus qui sont trop indignes d'elle, puisque je les crois même indignes de moi), j'ai une autre ressource, la voici. Mon Plutarque français est fort accueilli dans toute l'Europe, presque toutes les têtes couronnées ont souscrit à mon entreprise; il n'a encore paru que par cahier. Le premier volume va voir le jour; j'ai résolu d'anoblir de votre nom le frontispice. Cette dédicace me fournira le moyen de vous féliciter d'être né sous le règne d'une souveraine que la postérité comptera parmi les grands hommes. Je tracerai d'une main rapide les principaux évènements de ce règne triomphant et fortuné, sa capacité dans l'art de gouverner, son discernement dans le choix de ses ministres, l'éloge étant moins direct sera plus délicat; je me féliciterai de bien penser, si vous applaudissez à mon dessein.

Notre littérature et surtout notre théâtre fourmillent de nouveautés qui, sans avoir le sceau du génie, nous ôtent le sentiment d'une indigence absolue. Il est vrai qu'il croit beaucoup d'herbes stériles dans un champ qui, cultivé autrefois par Voltaire, donnait d'abondantes moissons. Personne ne s'annonce pour lui succéder. On applaudit avec enthousiasme à la tragédie de Zuma, production d'un nommé Lefebvre. C'est peut-être une indulgence du public pour sa jeunesse, qui a besoin d'encouragements. Quelques situations intéressantes sans être neuves, quelques vers forts et sententieux font le principal mérite de la pièce; je doute qu'elle soutienne l'examen du cabinet.

Gluck, musicien allemand, prépare une prochaine révolution dans notre musique; il n'a d'ennemis que ceux qui n'ont point assez de mérite pour lui ressembler; la nation, en général, convient de sa supériorité. Tandis qu'il transporte chez nous les richesses étrangères, No-verre, rappelant la danse à la noblesse de son origine, nous fait rougir, par ses ballets, d'avoir trop longtemps applaudi à ces énergumènes bondissant, qui disputaient en cadence à qui s'avilirait le mieux. Vestris, votre ancien maître, et Gardel, son émule, soutiennent leur réputation dans ce nouveau genre. Nos danseuses leur disputent la palme, mais la danse n'est point le talent où elles excellent le plus. Ces nymphes théâtrales sont si fort multipliées que, sans quelques recrues de milords anglais et de barons allemands, elles seraient dans l'impuissance de soutenir la dignité de leur état. Quelques seigneurs polonais traînent après leur char les débris de leur fortune. Vive les Anglais avec leurs soupirs, sterlings, et le prompt sacrifice de leur fortune! ils obtiennent des triomphes brillants et faciles. Prince, ce n'est point vous qu'ils ont pris pour modèle: vous avez vu la terre de promission [promise] sans y entrer: vous avez été sobre et tempérant au milieu d'une luxueuse abondance. M. de Saldern vous faisait quelquefois murmurer, et vous traitait comme ces médecins qui préviennent les maladies par un régime pénible. Qu'est devenu ce sage et vertueux Mentor? Il était votre ami et même votre admirateur: j'ai été souvent témoin de sa prédilection pour vous, et ce sentiment me le rendait encore plus cher. Mon destin est d'aimer qui vous aime: pour moi je n'ai plus besoin de Mentor: un vieux baptistaire m'en tient lieu: j'étais autrefois artiste, je ne suis plus qu'amateur; je ressemble à ces soldats vétérans qui, trop débiles pour combattre, ne parlent plus que de leurs antiques exploits.

Nous nageons dans l'abondance des frivolités, mais il faut avouer que c'est aux petits riens que nous devons une espèce de supériorité sur les autres nations. Les autres peuples, riches de leur fonds, négligent la superficie; ils ont tort, il faut embellir la nature sans la surcharger d'ornements; elle est rebutante en guenilles. Quoique nous attachions trop d'importance aux bagatelles, quoique nous ayons trop d'empressement pour les fleurs, nous ne laissons pas de cueillir des fruits.

Il a paru un ouvrage véritablement intéressant pour les nations policées et surtout pour l'homme public, c'est „L'histoire philosophique et politique des établissements européens dans les Indes orientales“. C'est un morceau de génie. Il en va paraître une nouvelle édition considérablement augmentée; cet ouvrage vous convient; si vous ne l'avez pas, il faut vous le procurer. Ordonnez.

Un livre d'un intérêt moins général, mais dicté par la raison vient de paraître sous le titre „Des mânes de Louis XV“. Le but de l'auteur est de montrer les progrès de l'esprit humain dans ce siècle si décrié par des écrivains bilieux et caustiques qui ne prouvent leurs assertions que par leurs propres ouvrages; il y a des choses neuves et hardies qui plaisent aux philosophes et qui peuvent scandaliser la multitude.

Avez-vous vu „Le songe de Sésostris“ par Voltaire? les comédies de Dorat? „Les Incas“ de Marmontel? On dit beaucoup de bien et encore plus de mal de ce dernier ouvrage. C'est la production d'un homme de beaucoup d'esprit, mais on est rebuté de la monotonie du style et des situations; c'est une beauté à prétentions qui est noyée dans sa parure. Avec une dépense annuelle de deux cents livres, vous jouiriez de la France à Pétersbourg; je vous offre mes services dans cette partie; le plaisir de vous être utile sera ma plus belle récompense.

Il y a, sans doute, une erreur dans les deux lettres de change dont vous m'avez gratifié: le banquier m'est venu dire que l'une était le duplicata de l'autre. J'attends votre interprétation pour rectifier cette erreur. Je restituerai mon larcin en argent, ce qui est un peu difficile, ou en envoi de livres, ce qui est très facile.

1708. П. А. Левашовъ — князю Александру Куракинъ.

1777 г. февраля 27. Москва.

Хотя находящееся нынѣ между нами разстояніе и не дозволяетъ мнѣ имѣть съ вашимъ сіятельствомъ самоличное и толь для меня пріятное собесѣдованіе, которымъ я весьма часто наслаждался, но я потщуся оное наградить постоянною съ моей стороны перепискою, подавая вамъ отъ времени до времени обстоятельныя извѣстія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я находиться буду.

По пріѣздѣ моемъ въ сей городъ не нахожу я еще ничего такового сообщить, чтобъ особливаго вашего вниманія заслуживало. Масленица препровождена здѣсь была въ разныхъ забавахъ и веселостяхъ, какъ-то: въ комедіяхъ, балахъ и маскарадахъ. Братецъ вашъ князь Алексѣй Борисовичъ всѣми сими забавами не оставилъ воспользоваться и, можно сказать, что онъ здѣсь какъ сыръ въ маслѣ плаваетъ. Новоподрослыхъ здѣсь красавицъ не есть конца, невѣсть тысячи, между коими много и весьма богатыхъ. Я одну изъ нихъ для васъ замѣтилъ, въ которой соединены находятся красота, разумъ и богатство.

1709. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. марта 2. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Давно отъ васъ писемъ не имѣла, а вчера отъ вашего имени получила фланели осмнадцать аршинъ и кружева чернаго двѣнадцать аршинъ, за что вамъ благодарствую. Слышала я, что у васъ есть портретъ Великой Княгини вонѣшной. Пожалуй, другъ мой, утѣшь меня, пришли мнѣ копію, я охотно вамъ заплачу. Иду теперь въ церковь, больше писать неколи. Поручаю васъ Богу.

1710. Le chevalier Roslin—au prince Alexandre Kourakine.

[St-Pétersbourg]. 8 mars 1777.

Le chevalier Roslin a l'honneur de présenter ses très humbles civilités à M. le prince Kourakine, et a celui de lui faire dire qu'il a payé 45 roubles pièce les copies faites d'après son portrait, parce que le copiste a eu plus de la peine à les faire que celle du prince Dolgorouki. Cela n'empêche pas que M. le prince Kourakine ne soit le maître d'en donner ce qu'il jugera à propos.

Le prix de l'original est de 300 roubles, comme il ne l'ignore pas puisqu'il en a eu la bonté de s'en informer auprès de M. le prince Dolgorouki.

1711. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. марта 9. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. За письмо ваше благодарствую. На прошлой почтѣ къ вамъ

не писала,—была не очень здорова. Теперь васъ поздравляю, приобщась Святыхъ Таинъ, и сердечно обрадовалась, что вы говѣли. Что же вы просили у меня прощенія,—я не знаю, въ чемъ: вы мнѣ никогда на мою персону противности не дѣлали, и впредь отъ тебѣ не надѣюсь. Я довольно въ вашей къ себѣ ласкѣ увѣрена. Князь Алексѣя Борисовича поздравляю съ приѣздомъ къ вамъ, желаю знать, такъ ли ему у васъ весело, какъ здѣсь было. Брату моему скажите мой усердный поклонъ. Больше теперь писать не имѣю время: иду въ церковь. Вы мнѣ, другъ, обѣщали Варламову свой кафтанъ прислать. Пожалуй, пришли къ празднику; я его службою очень довольна. Поручаю васъ Богу.

1712. Le comte Ulrich Scheffer — au prince Alexandre Kou-rakine.

Stockholm, 10 (21) mars 1777.

Vous m'avez fait un véritable plaisir, mon Prince, en me donnant de vos nouvelles par le baron de Duben et en m'apprenant que vous avez été satisfait des mesures qu'on avait prises pour faciliter votre voyage. Ceux qui en étaient chargés n'ont fait qu'exécuter les ordres du Roi, dont l'intention était de diminuer, autant qu'il était possible, les peines et les fatigues inséparables d'un voyage également long et pénible.

J'ai exécuté vos ordres en présentant vos hommages au Roi, et Sa Majesté m'a chargé de vous assurer de toute sa bienveillance. Ce n'est pas un compliment, mais la pure vérité, lorsque j'ai l'honneur de vous assurer que ce monarque vous a vu avec plaisir dans [à] sa Cour, et qu'il conserve pour vous une estime très particulière, fondée sur la sagesse de votre conduite et sur vos talents personnels.

Nous sommes accoutumés à adopter tous les sentiments de nos maîtres. ainsi ceux-ci ont passé d'autant plus facilement dans les cœurs des suédois. qu'il n'y a personne de ceux qui ont eu l'honneur de vous connaître qui ne vous rende la même justice, et qui ne s'intéresse très vivement à tout ce qui vous regarde. Nous y joindrons la reconnaissance du souvenir que vous voulez bien conserver de votre séjour dans ce pays-ci. Pour moi je vous ai une obligation particulière des choses obligeantes que [vous] avez exprimées sur mon sujet; j'ai rempli mes désirs si j'ai pu acquérir quelque peu de votre amitié.

Je suis obligé de vous quitter. mon Prince. pour aller aux noces de Mlle Sophie Fersen qui se font ce soir, et au moyen de quoi elle sera ma belle-sœur dans une heure d'ici.

1713. Le baron H. J. Duben — au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 13 (24) mars 1777.

Me voilà. mon Prince. de retour à Stockholm. j'y suis depuis une semaine. Etant arrivé un jour de poste. je n'ai pas pu vous écrire que huit jours après. ce qui a été pour moi une très grande privation. Mon voyage a été des plus heureux: j'y ai mis 18 jours, m'étant arrêté quelques heures dans différents endroits. Tout le monde m'a demandé de vos nouvelles, ayant appris avec plaisir et satisfaction celles que j'ai apportées. Vous avez eu le secret, mon Prince. de plaire généralement. Vous avez même fait des amis qui s'intéressent tendrement et bien sincèrement pour [à] tout ce qui pourra jamais vous arriver d'heureux dans le monde. Le Roi a été très satisfait de vous; il vous a vu partir avec regret et

désire bien sincèrement de vous revoir dans ce pays d'une manière et [ou] autre; le prince Charles et toute la Cour de même. Les lettres ont été remises, les réponses vous viendront probablement un autre jour de poste.

C'est aujourd'hui que Mlle Sophie se marie, c'est aujourd'hui que cette belle vestale jure à Dieu et aux hommes de n'aimer que son futur, tandis que son cœur est plein de vous. Ceci est au coin de la plus exacte vérité. Je crois remplir vos intentions, mon aimable Prince, de lui parler souvent de vous, genre de conversation qui lui est extrêmement agréable. Elle et toute la famille vous fait [font] une infinité de compliments.

Mme de Bielke fait autant, elle se donnera le plaisir de vous écrire elle-même et vous remercier, mon Prince, de la robe russe dont elle est parfaitement contente. Elle se rompt seulement la tête sur ce qu'elle pourra vous envoyer de son côté, pour qu'elle vive dans votre souvenir comme vous dans le sien. Elle est bien sensible à votre manière de penser sur [à] son sujet, elle vous rend parfaitement la pareille. Elle vous mandera elle-même que cette robe si désirée a été emballée et conservée dans sa plus grande perfection. J'eusse été impardonnable si par mon inattention, nonchalance et maladresse, cette élégance russe envoyée par vous, et dirigée par le goût exquis de Mme de Talisine, eût souffert la moindre atteinte. Je vous prie, mon Prince, de vouloir bien le lui dire, en l'assurant de mes sentiments inviolables de respect et d'attachement.

1714. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. марта 13. Москва.

Пріѣзжіе ваши были у матушки въ такое время, что меня дома не случилось; итакъ, я ихъ еще не ви-

дала. Сегодня обѣдаю съ ними у графа Чернышова. Какъ время мнѣ ни коротко, однако не могу вамъ умолчать, что съ ними у насъ случилось. Не имѣвъ толковаго слуги, не умѣли изъясниться, куда желали ѣхать: спросили, нѣтъ ли съ кѣмъ въ домѣ изъясниться по-французски; дневальному, не знаю, что вздумалось, для переводу съ ними Мотрю вывести, которая, сказываютъ, послѣ долгаго толкованія разсудила, что они хотятъ ѣхать смотрѣть китайскія тѣви, куда велѣла ихъ везти. *Avouez, n'y a-t-il pas de quoi crever de riges?*

Въ удовольствіе ваше скажу вамъ, что братъ вашего здѣсь пребываніе, конечно, было въ утѣшеніе всѣхъ насъ въ разсужденіи его поведенія; здѣшнимъ обществомъ всѣми очень любимъ и своевольничества никакого не было; мы съ нимъ часто ошибались за то, что очень покоренъ своему упрямству, которому советѣмъ посвященъ. Люблю его душою и желаю, чтобъ онъ этотъ порокъ оставилъ,—безъ того счастливъ быть не можетъ.

Касательно до князь Ивана Ивановича вамъ много сказать не могу, что не только облегчиться ихъ положенію,—почти хуже, потому что скверный бездушникъ здѣшній Репнинъ, невѣдомо, съ какого вида, возобновилъ челобитну исковую въ судномъ приказѣ. Дядюшка графъ Петръ Ивановичъ обстоятельно объ этомъ писалъ Никитѣ Ивановичу, прося притомъ, чтобъ онъ вступился, просилъ объ уничтоженіи этого иску. Сдѣлай мнѣ одолженіе, мой дорогой другъ, дайте мнѣ знать не въ продолжительномъ времени, какъ Никита Ивановичъ объ этомъ отзывается. Здѣшній, могу сказать, ежечасно привязываетъ больше къ себѣ тѣмъ, что совершенно свойственнически входитъ во всѣ обстоятельства. Прости, мой любезный другъ; вѣрьте, что я на вѣкъ вамъ вѣрная слуга.

1715. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakine.

Amsterdam, 14 (25) mars 1777.

Depuis ma très humble dernière lettre du 7 (18) courant, je ne me trouve pas favorisé avec l'honneur de vos gracieuses lettres. En attendant, des amis de moi m'ont déjà félicité sur [de] ce que Votre Excellence daigne me faire la grâce de s'intéresser en ma faveur. Quelle favorable, quelle flatteuse et quelle agréable nouvelle! Ah! Seigneur! poursuivez, poursuivez, rendez-moi heureux, je vous en prouverai respectueusement une reconnaissance éternelle. Vous sauverez toute une famille respectueusement à vous dévouée.

Pour vous animer davantage, mon Prince, à être mon patron et mon appui, je vous prie de me permettre de vous nommer le parrain de l'enfant dont ma femme va accoucher vers le mois de septembre. Mon avancement sera, à cette occasion, le plus précieux présent que Votre Excellence pourra donner à votre filleul; accordez-moi cette grâce qui me rendra l'être le plus content de l'univers. Que je serais heureux, mon Prince, si une fois, grâce à votre bienveillance, je fus [j'étais] avancé au grade de conseiller d'ambassade avec un appointement de 1200 roubles. Alors ma fortune serait faite. et du matin jusqu'au soir, moi, ma femme, votre filleul et mes enfants feraient les prières les plus sincères et les plus ardentes au souverain arbitre de l'univers, pour votre gloire, salut, prospérité et félicité. Enfin, Seigneur, j'attends tout de votre bon coeur, de votre âme noble et élevée et de votre humanité et désir à faire du bien.

Ce sera dans peu de jours que je compte expédier les plans et vues des villes et villages et campagnes et maisons de plaisance et seigneuries de ce pays-ci. En

effet. la collection est un peu volumineuse, ayant fait pendant l'hiver, tout mon mieux [pour] amasser tout [ce] qui fut [était] relatif pour avoir l'ouvrage plus complet. J'ose me flatter, mon Prince, qu'à l'arrivée Votre Excellence en sera content. Comme cette commission ne regarde que vos amusements, daignez me permettre d'y contribuer, et agréez [daignez] gracieusement, je vous supplie, accepter cette collection comme un petit cadeau d'une âme à vous dévouée; cela rendra mon contentement parfait, tandis que votre refus me tuerait de chagrin.

1716. Comtesse de Bielke—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 17 (28) mars 1777.

Il est vrai, Monsieur, que pour me conformer à ce que vous aviez paru désirer, je vous avais bien chargé de m'envoyer un habit russe. Mais vous venez d'outrepasser infiniment mon attente, non-seulement par l'élégance de cet habit et par la recherche que vous vous y avez mise, mais encore plus en voulant bien m'en faire un présent. Voilà à quoi l'on s'expose avec l'homme du monde le plus galant. Permettez-moi cependant, Monsieur, de vous faire remarquer que si vous vous acquittez ainsi de toutes les commissions qu'on vous donne, personne n'osera plus s'adresser à vous, malgré que vous y invitez [invitez] fortement par votre goût et votre exactitude. Je ne peux pas vous dire assez combien je trouve cet habillement joli et avantageux, je le porterai avec bien de la satisfaction, en me rappelant celui qui me l'a envoyé.

Je voudrais pouvoir vous témoigner ma gratitude en trouvant ici quelque chose qui pût vous être agréable. Je serais au désespoir si le souvenir que vous voulez

que je vous conserve, et qui vous est si bien dû, ne vous fût point réciproque. Vous avez un très grand avantage. Monsieur, qui est celui de pouvoir être bien sûr de ne pas tomber dans l'oubli de ceux qui ont fait votre connaissance; il ne devrait donc pas vous être permis, à vous, d'user des moyens, souvent si nécessaires aux autres.

J'ai tâché de m'acquitter des compliments dont vous m'avez chargée. Vous désirez des détails sur ce qui regarde la comtesse Sophie, vous ne sauriez croire combien ils sont difficiles pour moi, qui la vois très rarement. Vous voulez savoir si elle est mariée? oui, depuis huit jours. Si elle est heureuse? je dois le supposer puisqu'elle a choisi elle-même son époux. Ce qu'elle fait? voilà ce que je ne saurais dire précisément; tout ce que je sais, c'est qu'elle embellit tous les jours, qu'elle est fort polie et fort aimable. Pour être bien heureuse avec tout cela, il ne peut lui manquer que votre bénédiction; la lui ferez-vous attendre longtemps?

Mon mari est très sensible à votre souvenir, et vous prie, Monsieur, de vouloir bien le lui conserver. Il a été fort incommodé de la fièvre pendant quelque temps; à présent, il en est quitte et il commence déjà à sortir. Sa maladie l'a privé d'un très grand avantage, qui était celui d'assister aux noces de la comtesse Piper, étant le plus proche parent de son époux; il l'avait invité de [à] lui tenir lieu de père. A présent le sénateur Ribbing fut [a été] obligé de prendre sa place, je suis persuadé qu'il s'en est acquitté dignement. Cependant s'il a eu de vraies entrailles de père, c'est ce que je ne saurais affirmer.

1717. J. Ruckmann—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 17 (28) mars 1777.

J'ai eu l'avantage de recevoir la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 17 (28) du mois passé, et pour laquelle je vous supplie, mon Prince, d'agréer ma plus profonde reconnaissance. L'incluse m'est parvenue en même temps, et j'ai tâché de la rendre en mains propres le plus tôt possible, c'est-à-dire à la première occasion qui s'est présentée. Après avoir vainement cherché le moment pendant quelques jours, il se présenta jeudi passé, la veille de sa noce et où je lui dis être chargé d'une lettre pour elle. Elle comprit tout de suite ce que je voulais dire et me répondit que les difficultés, et surtout dans les circonstances d'alors, étaient presque insurmontables: qu'il n'y avait d'autre moyen, qu'en risquant quelque chose,—que de la lui remettre le soir du jeudi à 11 heures; ce que je fis aussi, travesti, et, heureusement, sans avoir été vu de personne. Les détails de cette aventure nocturne seraient fort longs, ainsi je me borne de vous dire, mon Prince, seulement que la noce a eu lieu le lendemain, vendredi, que toute la famille, et surtout la mère, a pleuré beaucoup à cette occasion, et que, au contraire, elle s'est montrée toute cette journée, à ce qu'on dit, avec le plus grand sang-froid du monde.

Je n'ai eu le bonheur de la voir, après sa noce que mardi passé à la Cour, où elle fut présentée à Leurs Majestés. Elle m'a chargé, en attendant qu'elle pourrait [pût] trouver l'occasion de vous écrire elle-même, de vous dire mille belles choses de sa part. Elle a voulu continuer, mais ayant été interrompue par l'arrivée de la Cour, nous avons été obligés de nous séparer. J'ai trouvé pourtant encore le moment de la prier, si elle

ne pourrait [pouvait] me remettre elle-même la réponse, de me la faire tenir par quelque personne de confiance, ou de me le faire savoir seulement, afin que je puisse la prendre moi-même; ce qu'elle m'a aussi promis. Toute la semaine s'étant passée en dévotions, je n'ai pas eu l'occasion de la voir.

Voilà, mon Prince. de quelle façon je me suis acquitté de cette commission pleine de confiance que vous avez bien voulu avoir en moi, et je vous prie d'être persuadé qu'en cette occasion comme dans toutes les autres, vous me trouverez toujours prêt à vous donner des marques non équivoques de mon parfait attachement pour vous.

Le mariage ne s'étant fait que depuis huit jours, on ne peut rien dire encore sur son particulier; tout ce qu'on peut voir, est que le mari la traite comme il a eu coutume de le faire, c'est à-dire très froidement, et ayant l'air toujours mécontent de soi-même. Vous le connaissez, mon Prince; ainsi je n'ai pas besoin de faire son portrait ici. Tout ce que j'ai à y ajouter encore, est qu'il est la cause qu'on lui a sacrifié cette pauvre comtesse. On dit que les parents lui avaient donné le terme de Pâques pour se résoudre d' [à] être uni avec ce mari qui remuait ciel et terre pour qu'elle ne lui échappât à l'arrivée, ici, du prince Frédéric, qui, à ce qu'on prétend, a reçu ordre du roi, son frère, pour revenir ici, sans aller en France ou en Angleterre. C'est à cause des finances de ce Prince, qui doivent être très dérangées, qu'il a reçu cet ordre de revenir le plus tôt possible et d'éviter, autant qu'il peut [pourra], les grandes villes.

Le baron Duben est arrivé ici, hier quinze jours, et a été présenté, le lendemain, au Roi qui, s'étant enfermé dans son cabinet, s'est entretenu avec lui pendant deux heures. Le soir, ce même baron a soupé

chez M. Beylon qui a été fort surpris de le voir, n'ayant jamais mis pied chez lui: il l'a retenu pour souper, voyant qu'il était venu exprès là pour le lui demander. Ce sont les propres termes de M. Beylon et avec lesquels il s'est expliqué vis-à-vis un de ses amis qui me les a rendus. Je ne regarde cette visite du baron de Duben que comme un avant-coureur de la cour qu'il va faire à ce favori du Roi pour obtenir quelque place.

Au reste, mon Prince, je ne le reconnais point du tout après ce voyage-ci: il est très embarrassé avec moi et ne me répond que par des monosyllabes et tâche de m'éviter autant qu'il peut. Voulant approfondir les raisons d'une pareille conduite, j'ai mis quelqu'un de ses parents en avant pour le sonder sur son séjour à notre Cour. Il doit lui avoir répondu qu'il a été assez content de l'accueil qu'on lui a fait et des bontés qu'on a eues pour lui, mais, qu'avec tout cela, on ne lui avait rien fait d'extraordinaire, comme on en a fait ici vis-à-vis de vous. Il faisait consister dans cet extraordinaire ces quantités de bals que chacun s'empressait à vous donner ici, ces petits soupers à la Cour, enfin toutes les brillantes fêtes dont vous avez joui ici. Ce même parent lui ayant demandé aussi des nouvelles de son présent, il lui a dit simplement qu'il était joli. La raison de cette demande provenait de ce que, outre le Roi, il ne l'a montré à personne, disant toujours qu'il oublie de le mettre en poche le matin quand il sort de chez lui. Malgré ce changement de caractère, je ne crois jamais qu'on sera [soit] tenté de faire de lui ce qu'il demande. Le bruit sur ce qu'on veut lui confier le fameux théâtre ici se renouvelle, mais je ne crois pas que c'est [ce soit] cela qu'il demande; au contraire, il dit à tout le monde qu'il ne l'acceptera pas.

Depuis votre départ d'ici, mon Prince, la Cour s'est amusée toujours en donnant des petites fêtes comme

„Le Camp de Scanie“, „Le Carnaval de Venise“, et tant d'autres dont j'ai déjà oublié les noms, et où Mme Lövenhielm, qui a été faite dame du palais, a joué le principal rôle. Le mal est qu'elles ont coûté beaucoup d'argent et que tout le monde au lieu de s'amuser s'y est beaucoup ennuyé. Elles ont été cause aussi de bien des tracasseries entre le Roi et la comtesse de Fersen qui lui avait refusé que sa fille assistât à ces fêtes, ne voulant pas qu'on la traitât comme une actrice. Bien du monde s'est mêlé pour les raccommoder; à la fin M. Beylon est parvenu à cela, mais il reste, malgré cela, une froideur qui n'échappe à personne.

Nos plaisirs sont toujours les mêmes et, par conséquent, invariables. On écorche nos oreilles à l'opéra et on veut qu'on le trouve excellent. A la fin on nous promet „Le Déserteur“ en suédois; comme il sera beau! En attendant, on joue la comédie française, portes fermées, chez le Roi.

Toutes vos connaissances, mon Prince, sont très sensibles de [à] votre souvenir, et elles me chargent de mille compliments pour vous. La comtesse Bielke est du nombre, et on dit qu'elle est très reconnaissante pour le joli habit russe que vous lui avez envoyé; elle en est très contente.

Le comte Kaunitz se prépare pour partir d'ici au mois de mai; il compte jouer chez nous un très grand rôle et promet ici monts et merveilles. Le baron Hafften part d'ici la semaine prochaine pour son poste de Constantinople et le baron de Guldencrone me charge d'un million de compliments pour vous.

Dans ce moment-ci on m'apporte une lettre pour vous, mon Prince, de la part de S. A. R. le duc de Sudermanie, en me chargeant de vous l'envoyer avec toutes les précautions possibles, afin qu'elle ne se perde ou soit ouverte. J'ai été obligé d'engager ma parole

d'honneur, et je vous supplie, mon Prince, de me faire parvenir au plus tôt la réponse par la même voie.

Je n'ose pas vous parler, mon Prince, de mes propres affaires, crainte de vous ennuyer. Mon état est affreux. Outre qu'il m'est impossible de pouvoir subsister dans un pays aussi cher que celui-ci avec mes appointements de secrétaire de légation et qui montent à 600 roubles, je suis, à présent dix mois, sans recevoir un sou de mes appointements de chargé d'affaires. Pour vivre pendant tout ce temps, j'ai été obligé de m'endetter, je paye, à présent, de gros intérêts et je ne sais comment les payer un jour. Jugez donc, mon Prince, de ma situation; un mot de votre part, j'en suis sûr, aura tout le succès que j'en puis souhaiter.

M. Lundberg me promet tous vos portraits pour le mois de mai; si je reçois celui qui est destiné pour Pétersbourg dans ce mois-là, je profiterai alors du départ du comte de Kaunitz pour vous l'envoyer. J'enverrai aussi votre voiture d'ici, avec ses équipages qu'il compte d'envoyer par mer. Il y a plusieurs personnes qui ont voulu acheter cette voiture et nommément le baron Oxenstierna et le général Wrangel; mais je leur ai dit, que vous avez laissé l'ordre ici pour vous l'envoyer avec le premier vaisseau qui fera voile d'ici. Ils ont paru désirer que je vous mande cela, et je vous prie de me donner vos ordres là-dessus. En attendant, je la ferai emballer et tenir prête pour [à] être expédiée d'ici.

1718. NN—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 17 (28) mars 1777.

A ce que vous recevrez probablement avec la poste d'aujourd'hui de la part du Prince, je dois ajouter la prière, mon cher ami, de ne me point nommer, mais

de dire seulement à ces messieurs que vous receviez sûrement les actes et tout ce qui vous est nécessaire par quelqu'un qui vous arrivera d'ici d'abord que la navigation sera ouverte. Il ne saurait me convenir, pour plusieurs raisons que vous imaginerez facilement, d'être nommé dans un temps où tout le monde est en agitation et où la chose fait tant parler. Pour tranquilliser ces messieurs, vous pourrez leur dire, mon cher ami, qu'il est impossible qu'on vous envoie les actes autrement, ni que vous puissiez en faire usage qu'après qu'on vous aura envoyé quelqu'un d'ici, c'est ce qu'on avait oublié de vous dire avant votre départ. La modération et le zèle que vous avez mis dans tout ce que vous avez fait jusqu'ici vous font honneur. Je ne puis vous exprimer l'impatience avec laquelle j'attends le moment de mon arrivée à St-Pétersbourg.

Je vous prie non-seulement de ne pas dire que c'est moi qui vous apporterai ce qu'il vous faut, mais même de dire que, selon ce qu'on vous mande, ce n'est point moi, mais quelqu'un qui pourrait bien venir avec moi.

1719. Le baron Le Fort—à l'Impératrice Catherine II.

Mitau, 18 (29) mars 1777.

Très Auguste Souveraine. Le plus infortuné a obéi aux ordres de Votre Majesté Impériale en quittant subitement ses Etats où il était rentré par économie, sous un nom étranger, pour demander et mériter grâce après treize années d'absence, exhorter un fils, ce qu'il a heureusement fait, et solliciter, ne pouvant dans [à] l'étranger cacher ce qu'il fut autrefois, un morceau de pain à ajouter aux 400 roubles de pension qu'il tient de la clémence de Votre Majesté Impériale.

Publiquement humilié au moment présent par les fréquents messages de quatre différents officiers de la police, banni à la hâte et tout d'un coup d'un Etat heureux où chacun accourt avec joie, quelle situation plus déplorable! Quels biens au monde pourraient en consoler!

Obéissance aveugle et soumise, patience dans le malheur, fidélité invariable sont ceux qui me tiendront éternellement à cœur.

De Votre Majesté Impériale, le plus soumis, le plus infortuné sujet.

1720. Le baron Le Fort—au prince Alexandre Kourakine.

Mitau, 18 (29) mars 1777.

Vu ma santé, je n'ai pu arriver qu'avant-hier, après le départ de la dernière poste. Mon esprit ne fut, en chemin, occupé que de mes malheurs, de toutes vos amitiés pour me consoler autant que possible.

Tout à l'heure je viens de finir une lettre que j'ai directement adressée à Sa Majesté Impériale et de laquelle, vu cette confiance que vous méritez, cher Prince, à si juste titre, je joins copie. J'en abandonne le résultat à la Providence.

Comme c'est ici la semaine sainte, je ne demanderai qu'à être présenté demain, jour de Pâques, après quoi je mènerai une vie tranquille, conforme à mes circonstances autant tranquilles, c'est-à-dire qu'il est possible de l'être, vu ma triste position. Mes plus doux moments seront ceux où je me rappellerai être encore dans le voisinage de ces âmes vertueuses dont le souvenir ne s'effacera jamais de ma mémoire. Je vous demande, en conséquence, cher Prince, la permission de vous entretenir de temps à autre, et de vous réitérer aussi sincèrement mes sentiments de reconnaissance.

1721. Le baron H.-J. de Duben—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 21 mars (1 avril) 1777.

J'ai eu l'honneur et le plaisir, mon Prince, de vous écrire le 24 passé. D'abord, à mon arrivée, une indisposition m'a empêché d'écrire à S. E., M. votre oncle, avant aujourd'hui. Je vous prie de vouloir bien lui en faire mes excuses et me donner de temps en temps un petit mot de sa santé.

J'ai l'honneur, mon Prince, de vous envoyer une lettre de Mme Bielke. Mme Fersen vous fait ses compliments et excuses; elle aura l'honneur de vous écrire au premier jour; elle, aussi bien que votre aimable héroïne, vous font leurs compliments les plus sincères et presque tendres. En vérité, mon Prince, je ne saurais assez vous répéter combien vous avez laissé de regrets et d'amis. Le Roi, la Cour et tout le monde désire que vous revinsiez. Enfin ma lettre à S. E. M. le comte Panine est toute remplie de vous.

Dans ma dernière, je crois vous avoir exprimé tout l'intérêt que le Roi, le prince Charles et toute la famille royale prennent en tout ce qui vous regarde. Toutes vos connaissances et toutes nos jolies femmes même vous font des compliments, mon Prince.

Je vous supplie, mon Prince, de ne jamais laisser échapper l'occasion pour assurer Mgr le Grand-Duc de mon respectueux attachement, regrets et reconnaissance éternels, et de mon envie et désir de pouvoir personnellement être témoin de son bonheur constant. Je suis très flatté de pouvoir ici rendre compte de ses agréments, amabilités et excellentes qualités de cœur et d'esprit. J'aime trop la vérité pour vous démentir en rien. Vous savez aussi qu'on est très intéressé d'avoir

une idée de Mme la Grande-Duchesse. vous savez tout ce qu'il aît [a] à dire. les princes et les princesses surtout sont toujours intéressés à se connaître.

Les plaisirs vont reprendre leur train, Pâques et Carême sont finis. Le Roi étant un peu indisposé, ayant passé les fêtes à Ulriksdahl ne revient que dans la semaine prochaine.

Les bals de la Bourse ont déjà recommencé. Le Roi doit camper avec régiment de [la] garde les premiers jours de juin. Il passera six semaines à Drottningholm qu'il vient d'acheter à la Reine-mère. Il ira à Carlscrona. Le carrousel aura lieu. au mois d'aôût. à Stockholm.

1722. Князь Степанъ Куракинъ—князьямъ Александру и Алексію Куракинымъ.

1777 г. марта 23. Окстополь.

Любезные друзья и братья. На нынѣшней почтѣ я получилъ письмо отъ графа Петра Ивановича, въ которомъ онъ мнѣ показываетъ нѣкоторое неудовольствіе въ томъ, что я его просилъ, чтобы мнѣ выдѣлать часть изъ нашихъ домовъ, и не знаю, съ чего онъ заключаетъ, что будто намѣреніе мое къ тому клонится, чтобы итти въ отставку. Я не знаю, въ чемъ онъ находитъ непохвальную нетерпѣливость для того, что я нахожусь принужденъ имѣть либо въ Петербургѣ, или въ Москвѣ домъ, а такъ какъ у насъ, любезные друзья, только два дома, изъ которыхъ одинъ для меня очень великъ, а другой вамъ складнѣе имѣть, по положенію мѣста и по вашей службѣ, итакъ, по онымъ причинамъ, я просилъ, чтобы, положа дома въ оцѣнку, выдать мнѣ мою часть, по которой я намѣренія имѣлъ взять свое расположеніе, гдѣ мнѣ завестъ домъ и какъ великъ.

чтобы мнѣ чрезъ оное не войтить въ долгъ. Мнѣ графъ ставить себя въ примѣръ, что онъ до сорока лѣтъ жилъ безъ дома, а жилъ все въ наемныхъ; но вамъ не безъизвѣстно, любезные друзья, какъ скучно и безпокойно жить все въ наемныхъ домахъ, да опять и хлопотно затѣмъ, что, нанявъ домъ, долженъ всегда его взять на свой страхъ, а за людей не всегда можно отвѣчать, чтобъ отъ неосторожности какъ-нибудь не сожгли бы его; итакъ, въ такомъ случаѣ, можно найтись противъ своего чаянiя въ большомъ убыткѣ, не получа ни мѣста, ни остатку дома. Отложя этотъ нечаянный случай, считите, любезные друзья, что если бы мнѣ тестъ не далъ бы такъ свой домъ, то я не могъ бы менѣе нанять дома меблированнаго, какъ за 900 р.; итакъ, вы можете счесть, какую большую это сумму можетъ сдѣлать въ короткое время, если-бъ я нанималъ, и за расходомъ моей четвертой части домовою суммой, которую наемъ дома гораздо превзойти можетъ въ короткое время; и могу найтись прежде, нежели бы думалъ, въ нѣсколькихъ тысячахъ рублей въ долгу. Вотъ, любезные братья, мое мнѣнiе; теперь прошу васъ, какъ можно скорѣе, сдѣлать мнѣ одолженiе написать каждый особливо свое мнѣнiе, чтобъ я, сообразя свои мысли съ вашими, могъ бы написать отвѣтъ къ дѣдушкѣ.

Позабылъ, было, любезные друзья, у васъ спросить, о какомъ неотстроенномъ домѣ графъ ко мнѣ пишетъ. Теперь, любезные друзья, хоть я и не имѣю выше упомянутаго расхода затѣмъ, что мнѣ тестъ даетъ свой домъ, который, правда, весьма тѣсенъ, однакожъ я на это не всегда вѣрно считать могу: онъ можетъ нынѣ либо завтра ему на что-нибудь занадобиться, да сверхъ того мнѣ и совѣстно въ немъ такъ долго жить.

При семъ прилагаю копію съ моего письма, которое я къ графу Петру Ивановичу писалъ, и его отвѣтъ

въ оригиналъ, который прошу, незамедля, ко мнѣ возвратить. Пожалуйте, друзья мои, пришлите ко мнѣ ваши мнѣнія: я ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаю.

1723. J. H. F. Oldeslop—au prince Alexandre Kourakine.

Amsterdam, 24 mars (4 avril) 1777.

Dans la flatteuse espérance que Votre Excellence aura bien reçu mes deux très humbles dernières lettres des 7 (18) et 14 (25) mars, j'ai maintenant l'honneur d'envoyer à Votre Excellence le connaissance des estampes des vues et plans des villes, villages, campagnes et maisons de plaisance de ce pays-ci, se trouvant dans une caisse bien emballée en toile cirée et nattes, marquée PDK et embarqué à votre adresse pour St-Pétersbourg, à bord du vaisseau du capitaine Ryn Hendriks Loos, dont j'espère une bonne et prompte arrivée, et, après la réception, votre gracieuse approbation.

Je suis maintenant occupé de [à] faire une petite collection de livres pour votre compte, dont l'expédition se fera vers la fin de ce mois, attendant encore quelques nouveautés de la France.

1724. Comte de Fersen—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 24 mars (avril 4) 1777.

Ne doutez pas, mon Prince, que je n'aie reçu votre lettre avec toute la satisfaction d'un cœur qui vous est dévoué, et qui honorera toujours toutes les vertus solides et sociables que vous nous avez développées pendant votre courte apparition à notre Cour. Je vous rends cet hommage d'un commun accord avec tous ceux qui ont eu l'honneur de vivre avec vous, et qui sentent, ainsi

que moi, les regrets de votre absence. Le Roi et la famille royale vous ont développé les effets de leurs bontés, et je puis vous assurer qu'ils n'ont pas encore cessé de vous rendre les témoignages les plus flatteurs et les plus justes.

Je ne suis pas moins reconnaissant au [du] souvenir dont m'honore monsieur votre oncle, qu'aux [que des] choses flatteuses dont votre lettre est remplie à mon sujet. Ma considération pour lui et mes sentiments pour vous, mon Prince, sont mes titres les plus méritoires; et quant au service de ma patrie, dont je me suis dégagé pour la vie, certainement le suffrage des personnes éclairées comme vous est d'un prix dont mon âme est pénétrée; et j'ose aussi me flatter que le Roi, mon maître, et mes compatriotes me tiendront compte de mon zèle et des vœux que je ne cesserai de faire pour le bien de l'un et de l'autre, et pour la continuation d'une aussi ferme amitié entre votre patrie et la mienne, que celle que j'aurai pour vous toute ma vie.

1725. Le baron von der Osten-Sacken — au prince Alexandre Kourakine.

Copenhague, 25 mars (5 avril) 1777.

Je dois vous dire, mon cher Prince, que le comte Bernstorff n'a pas encore reçu la réponse de votre oncle, malgré les assurances que vous m'en donnez. Je vous prie d'en avoir soin. Ne l'oubliez pas.

Le général Eickstedt m'a parlé de la commission que votre digne oncle avait donnée au général Ahlefeldt touchant le cheval entier Cap de more [sic] qu'il souhaite d'avoir. J'ai eu l'honneur d'écrire déjà l'année passée à Mgr votre oncle qu'il n'y avait pas actuellement un tel cheval avec les qualités requises

dans tout le Danemark, et le général Eickstedt me l'a rappelé et dit qu'il l'avait aussi écrit à M. d'Ahlefeldt. mais si Son Excellence demandait un cheval entier d'une autre couleur, qu'il en aurait soin. Mgr votre oncle n'a qu'à me faire dire par vous son intention et je la remplirai avec toute l'exactitude possible. En 4 ou 5 ans on aura des Caps de more, cette couleur ayant été presque détruite par la vente des chevaux il y a 6 ans.

Je suis le premier à douter de la réussite du projet que je vous communique. Vous connaissez le palais du grand chambellan comte Reventlau. Il a coûté avec les meubles 112 m. écus. et on le vendrait peut-être pour 24 m. Qu'en pensez-vous, si notre Cour l'achetait pour la demeure de son ministre? On jette souvent de l'argent chez nous, et celui-ci serait bien employé et de peu d'importance. Parlez-en discourсивement [en causant] et dans un bon moment. Je pourrais par là obliger infiniment la famille de Reventlau.

Actuellement, mon cher Prince, je vous remets la réussite d'une chose qui me ferait un sensible plaisir. Le conseiller honoraire Tchekalevsky est un garçon de mérite et d'une très bonne conduite. Il est ici aimé et distingué par tous; mais son rang l'exclut de certaines distinctions à la Cour, dont jouissent cependant les autres secrétaires de légation qui ont été ici comme chargés d'affaires; par exemple, de dîner à la table du grand-maréchal lorsque la Cour est à la campagne. Je souhaiterais de lui procurer ici non seulement tous les avantages, mais principalement celui de sa fortune, d'autant plus qu'il est pauvre. Si vous trouvez moyen de le faire avancer par votre gracieux oncle au grade de conseiller de légation avec 1200 roubles d'appointements, je regarderai ce service comme rendu à moi-même. Le comte Ostermann me l'a fortement recommandé. Il le connaît. Le collègue

peut donner ce titre et ce rang par lui-même sans s'adresser au Sénat. Mais, mon cher Prince, il faut que personne dans le collège [n'] en soit instruit avant que l'affaire soit décidée, parce que bien des gens s'y opposeraient. Je vous jure que je n'ai d'autre motif que celui de faire du bien, d'autant plus qu'il le mérite. Je vous connais, mon cher Prince, vous avez les mêmes sentiments et n'avez pas besoin d'aiguillon pour vous porter à contribuer au bonheur d'autrui. Il ignore que je vous en parle. Quel plaisir n'aurais-je pas de le surprendre si agréablement. Il est depuis 10 ans au service et depuis 3, conseiller honoraire. J'attends tout de vos soins et des bontés du comte Panine.

J'ai reçu du collège 1500 r., mais il m'en reste encore beaucoup en appointement et dépenses extraordinaires de l'année passée. Que faire?

1726. Самуиль, епископъ ростовскій, — князю Александру Кураину.

1777 г. марта 27. Москва.

Возставъ отъ одра болѣзни и принявъ въ руки перо, спѣшу начертать вашему сіятельству мою истинную благодарность за ваше ко мнѣ усердіе, живо въ письмѣ вашемъ изображенное. Долгое мое молчаніе, въ которомъ я понынѣ погруженъ былъ, произошло не отъ недостатка моей къ вамъ преданности и искренности, но отъ тѣхъ обстоятельствъ, которымъ жизнь человѣческая всегда почти подвергается. Ваши благотворенія столь мнѣ чувствительны, что ихъ изъ памяти и сердца моего ничто истребить не можетъ. Продолжайте, ваше сіятельство, сіе драгоцѣннѣйшее вашей души ко мнѣ расположеніе. Оно будетъ мнѣ доказательствомъ вашего человѣколюбія и утѣшеніемъ среди всѣхъ злоключеній, въ мірѣ семъ встрѣчающихся.

Ничто меня столько не обрадовало и не ободрило, какъ ваше твердое увѣреніе о неотъемлемой ко мнѣ милости государя нашего Великаго Князя. Оно расширяетъ сердце мое, часто печалью стѣсняемое, оно растворяетъ небесной сладостью горести жизни моей, оно наполняетъ душу мою крѣпостью и радостью. Но не меньшее дѣйствіе произвело во мнѣ и желаніе Великой Княгини, чтобъ я удостоенъ былъ видѣть ея возжелѣнныя очи и наслаждаться ея добродѣтелями, всѣхъ сыновъ отечества нашего плѣнившими. Прошу ея высочеству донести, что когда сіе исполнится, тогда я съ Симеономъ старцемъ и богопріимцемъ, получивъ свое удовольствіе, воспую оную божественную пѣснь, готовъ будучи къ общему жребію, для смертныхъ определенному: „Нынѣ отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей“. (Луки гл. 2, ст. 29—30). Симеону бѣ обѣцано духомъ святымъ невидѣти смерти, прежде даже не видѣти Христа Господня, а я прошу Бога, чтобы мнѣ не умереть, донелѣ не увижу ту любезнѣйшую двоицу, отъ которой всѣ чаемъ утѣхи Россіи.

О себѣ доношу, что уже другой мѣсяцъ истекаетъ, какъ я простудою мучусь, но нынѣ нѣсколько чувствую облегченіе. Когда хорошіе дни, тогда со двора выѣзжаю, и нахожу самое лучшее мое удовольствіе, когда бываю у ея сіятельства княгини Александры Ивановны и у графа Петра Ивановича, по моему къ нимъ усердію и привязанности. Съ графомъ препровождаю время въ чтеніи разныхъ, наипаче моральныхъ піесъ, его сіятельству отъ разныхъ сочинителей и переводчиковъ сообщаемыхъ, а съ княгинею въ разглагольствіи о важныхъ предметахъ, составляющихъ и временное, и вѣчное наше блаженство, почерпаемыхъ изъ божественнаго откровенія и основанныхъ на вѣрѣ, благими дѣлами всегда сопро-

вождаемой. Тако съ вашимъ сіятельствомъ изъяснившись, заключаю моею благодарностью, чистѣйшей искренностью, почтеніемъ и теплыми къ Богу молитвами.

Когда я уже написалъ къ вамъ письмо, то вдругъ отъ ея сіятельства княгини Александры Ивановны услышалъ, что вы назначены радостнымъ вѣстникомъ ко двору шведскому, съ чѣмъ васъ и поздравляю усерднѣйше. Письмо къ его императорскому высочеству поздравительное адресовалъ я уже къ его превосходительству г. Николаю Ивановичу Салтыкову. Сердечно сожалью, что ваше сіятельство отлучаетесь, воображая слабость здравія вашего, дурную осеннюю погоду и дорогу болотистую; весьма пораженъ по моему къ вамъ усердію, но буду молиться Всевышнему, чтобъ Онъ, по своей благости, сподобилъ васъ совершить счастливо и скоро возложенную на васъ комиссію къ утѣшенію вашей фамиліи и къ отрадѣ и удовольствію того, кой васъ искренно почитаетъ.

1727. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куранину.

1777 г. марта 30. [Москва].

Отъ пріѣзжихъ слышу, въ какомъ странномъ смотрѣніи нашъ несчастный князь Иванъ, чему я очень и вѣрю, какъ скоро онъ отданъ въ смотрѣніе капралу. Сдѣлай свое размышленіе о немъ, мой дорогой другъ. Вѣрьте, —не въ томъ только счастье состоитъ, чтобъ объ одномъ себѣ стараться, а другихъ на одну судьбу опредѣлять. Онъ несчастливъ тѣмъ, что остался меньше всѣхъ послѣ тѣхъ, которые бы, конечно, ровное попеченіе о немъ имѣли. Вы таперь въ тѣхъ лѣтахъ, что сами можете надъ нимъ надзирать; и если этого не сдѣлаете, скажите, какъ вы это не почтете не только за стыдъ, а за смертный грѣхъ, что родного брата бро-

силы безъ призрѣнія. Когда вы къ себѣ въ домъ переѣдете, перевезите его туды же. Не думайте, чтобъ онъ большую тѣсноту вамъ сдѣлалъ; хотя въ приворотной избѣ ему быть, только подъ вашей кровлею и глазами. Онъ самъ столько имѣеть, чтобы собственно для него содержать путнаго человѣка, который бы могъ въ немъ потерянное поправить. Не только жалко, но стыдно слышать, что онъ у васъ такъ брошенъ. Дружески вамъ, мой дорогой другъ, говорю, что вы должны въ это войти по всѣмъ правамъ, что въ свѣтѣ есть святѣй. Въ противномъ случаѣ заставите думать, что ваше сердце не такъ хорошо расположено, какъ мы всѣ считаемъ. Прости. На это буду ожидать отвѣту.

1728. П. А. Ступишинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. апрѣля 10. Выборгъ.

Хотя я въ домѣ вашего сіятельства и былъ два раза, однако не имѣлъ чести ваше сіятельство получить и откланяться, въ чемъ себя извиняю и приношу мое ужъ заочное благодареніе за всѣ оказанныя вашимъ сіятельствомъ ко мнѣ милости; притомъ же и донести честь имѣю объ отправленномъ отъ меня нарочною офицерѣ съ донесеніемъ къ его высокографскому сіятельству Никитѣ Ивановичу Панину. Оно-жъ въ томъ состоитъ, о чемъ и ваше сіятельство извѣститъ за долгъ почель. Какъ я сюда изъ С.-Петербурга прибылъ, то и получилъ на мѣстѣ отъ надежнаго человѣка, бывшаго нынѣ на шведской сторонѣ, вѣрное извѣстіе, что тамо изъ резервныхъ людей, иль такъ называемаго дублирунга, учреждены имѣютъ быть особливые полки и въ началѣ будущаго лѣта обучаемы будутъ самимъ королемъ, да и по крѣпостямъ поправленіе дѣлано будетъ, но какъ сіе учрежденіе изъ того резерва, называемаго

дублирунгомъ, особыхъ полковъ противъ прежняго тамо поведенія казалось быть необыкновеннымъ, однако въ достовѣрность того и комендантъ фридрихсгамскій г. полковникъ Линденъ, по свѣдѣнiю его, то учрежденiе мнѣ своимъ рапортомъ подтверждаетъ, что де изъ имѣющихся тамо резервныхъ, къ службѣ слѣдующихъ людей учреждается шесть полковъ, которые изготовляются быть во всемъ комплектѣ въ будущемъ сего года маѣ мѣсяцѣ, и говорятъ, что для экзерцици сихъ полковъ въ шведскую Финляндію его величества короля ожидаютъ; какъ же скоро море вскроется, ожидаютъ въ финляндскія крѣпости изъ Стокгольма разнаго хлѣба и нѣсколько шебековъ съ амунициею. Отъ солдатъ все ружье, которое найдется негоднымъ, приказано отобрать, а вмѣсто онаго годное выдать. А сіи резервные, иль дублирунгъ, въ томъ состоятъ: который русгальтеръ содержитъ отъ себя въ службѣ драгуна, а солдатскій крестьянинъ—солдата, то-бъ на мѣста выбылыхъ и заступали ужъ изъ того резерва, иль дублирунга, для чего и долженъ тотъ русгальтеръ всегда въ готовности имѣть другого драгуна, а крестьянинъ—солдата. Итакъ, ваше сіятельство покорнѣйше прошу онаго моего офицера съ тѣмъ донесенiемъ его высокографскому сіятельству представить и, какое повелѣніе получить, съ тѣмъ и обратно сюда возвратить.

1729. Le comte Charles Sparre—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 10 (21) avril 1777.

J'ai l'honneur de vous envoyer, Monsieur, quelques imprimés selon ce que vous avez souhaité. L'acte de votre réception à l'Académie des sciences sera toujours, mon aimable Prince, un sujet de plaisir et d'honneur

pour notre Académie: il fait l'époque la plus agréable de ma présidence. Permettez que nous nous flattions d'un peu de retour, vu la sincérité de nos sentiments. J'ai traité, en finissant ma tâche du dernier quartier, de la police en général, quel en est l'objet, les devoirs et les moyens de l'administration. La matière est vaste, et le canevas seul devenant trop volumineux pour un discours académique, et le sujet par lui-même très peu intéressant, je me suis trouvé réduit à en supprimer autant que possible les détails pour n'en abandonner au public qu'une notion générale de la police de tous pays. L'usage veut qu'on imprime, et le devoir de l'académicien de s'y soumettre: c'est donc à cette loi que vous devrez l'ennui, Monsieur, de ne trouver dans mon discours ci-joint qu'un avorton aussi peu digne de voir le jour que son auteur mécontent de l'y avoir produit.

Une fièvre qui m'a tarabusté près d'un mois, est la cause que je ne vous ai pas plus tôt admis au nombre des censeurs d'un collègue qui se rend justice, mais qui ne vous aime pas moins et qui vous demande toujours bien sincèrement une part à votre précieuse amitié.

Nous marions nos belles demoiselles; c'est le patriotisme qui adoucit le sentiment d'envie qu'on aurait sans cela de voir les bijoux ainsi disposés au pouvoir du prochain. Le comte de Piper et le baron de Lantingshausen ont successivement mis la main sur ces trésors et paraissent aussi contents que nous devons le supposer d'avance. Le dernier se mariait hier à la Cour contre [à] Mlle de Stockenström; ma chienne de fièvre me privait du plaisir d'être des noces de l'aimable fille du comte de Fersen. N'allez pas croire, au moins, qu'il y a de la malice de ma part en mes narrés; non il y entre bien plus d'amour-propre que de méchanceté, car j'aime à vous rafraîchir les idées d'un pays où vous êtes chéri,

1730. Евграфъ Сысоевъ—князю Александру Куракину.

1777 г. апрѣля 12 (23). Стокгольмъ.

Изъявляемые въ письмѣ вашего сіятельства, отъ 25 минувшаго марта, а мною полученнаго 10 апрѣля, знаки милостей вашихъ, а особливо довѣренность, которою сіятельнѣйшій князь въ ономъ меня милостиво удостоить изволили, возбуждаетъ во мнѣ наичувствительнѣйшую благодарность. Я не могу скрыть того, что вы толь лестною для меня комиссіею надѣлить изволили меня сверхъ моего ожиданія, потому что я еще оной ничѣмъ заслужить по сіе время не былъ въ состояніи, но какъ то было угодно вашему сіятельству во мнѣ милостиво избрать своего корреспондента, то съ моей стороны нижайше и осмѣливаюсь васъ увѣрить, что я къ споспѣшествованію какъ въ сей, такъ и впредъ налагаемыхъ на меня отъ васъ комиссіяхъ, сколько моего смысла, силъ и усердія достанетъ, не премину въ угожденіе ваше посвятить все то, что преданность моя волѣ вашего сіятельства отъ меня востребуетъ.

Вслѣдствіе повелѣнія вашего сіятельства, по предварительному о себѣ чрезъ Плуменфельта и барона Фейера докладу, на другой день по полученіи письма имѣлъ счастье вручить оное при весьма многолюдномъ собраніи въ шотландской ложѣ его королевскому высочеству, который, отъ меня принявъ оное, спросить изволилъ весьма милостиво, какъ вы можете, прибавя къ тому съ усмѣшкою, что онъ думаетъ, что вы еще въ большихъ трудахъ и работѣ въ С.-Петербургѣ свое препроводите время. На оное я отвѣтствовалъ, что все то, что отъ вашего сіятельства ни зависѣло вслѣдствіе данной отъ его королевскаго высочества комиссіи и повелѣнія, вами уже исполнено, такъ что вы теперь больше праздны за неимѣніемъ подлежащихъ актовъ,

нежели упражнены въ масонскихъ работахъ. На оное герцогъ, оборотаясь къ барону Фейеру, сказалъ, что онъ то же самое почти и самъ могъ предвидѣть; послѣ чего, изъявляя я ему просьбу вашего сіятельства о снабденіи васъ высокими его наставленіями въ произведеніе въ дѣйство тѣхъ работъ, которыхъ, какъ ваше сіятельство, такъ и прочіе желающіе въ оныхъ имѣть участіе съ крайнею нетерпѣливостью ожидаютъ, отступилъ въ свое мѣсто.

Свидѣвшись же предъ тѣмъ съ барономъ Фейеромъ, просилъ его именемъ вашего сіятельства какъ о сообщеніи вамъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и актовъ, такъ и объявилъ ему при томъ и то, что вы находитесь въ немаломъ безпокойствѣ о его по сіе время противу васъ молчаніи, изъ коихъ на первое я отъ него въ отвѣтъ получилъ, что требуемые вами акты давно бы къ вамъ отправлены были тѣмъ наипаче, что чинимое вашимъ сіятельствомъ въ семъ дѣлѣ въ мѣстѣ вашего пребыванія домогательство и труды довольно уже свѣдомы какъ герцогу, такъ и ему; но какъ по сіе время никакого къ пересылкѣ тѣхъ актовъ надежнаго случая не было, то герцогъ и не могъ прежде сего желанія своего въ семъ случаѣ исполнить, а намѣренъ оныя послать съ графомъ Кауницомъ, который въ будущемъ мѣсяцѣ въ С.-Петербургу отправится намѣренъ; на второе же въ оправданіе свое мнѣ сказалъ, что причина молчанія его противу вашего сіятельства была единственно та, что онъ писемъ своихъ до сихъ поръ посылать по почтѣ не осмѣливался, опасаясь открытія оныхъ на границѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, давъ притомъ мнѣ выразумѣть и то, что онъ не знакомъ съ г. Рикманомъ. На то я ему отвѣтствовалъ, что относительно послѣдняго обстоятельства я въ томъ отвѣчаю, что его письма вѣрно и при моихъ глазахъ въ пакетъ положены и безъ всякаго сумнѣнія изъ нашей канце-

лярїи на почту отпращены будутъ, предъявя при томъ ему, что, если я удостоенъ буду довѣренностью его къ доставленію писемъ къ вашему сіятельству, то я оныя прошивать не премину, такъ чтобы ваше сіятельство по полученіи ихъ могли знать навѣрное, были ли оныя въ рукахъ любопытствующихъ, или нѣтъ. На которое условіе онъ соглашася, обѣщаль по первой почтѣ писать къ вашему сіятельству. Послѣ же всего того вызвался мнѣ, что онъ принимаемымъ вами трудомъ, тщаніемъ и ревностью къ созиданію предпріятого вами зданія такъ доволенъ и столько въ семь дѣлѣ нашелъ въ васъ неутомимости, что онъ почти онаго отъ вашего сіятельства не надѣялся.

Между же тѣмъ низжайшею должностью поставляю донести вашему сіятельству, что, какъ его королевское высочество герцогъ, такъ и баронъ Фейеръ нѣсколько времени тому назадъ старались всячески г. Рикмана сдѣлать законнымъ братомъ, и какъ я изъ рѣчей барона Фейера примѣтити могъ, единственно для облегченія корреспонденціи съ вашимъ сіятельствомъ; однако ничто не могло побѣдить застарѣлое его противу масонскаго общества предразсужденіе: онъ наикрѣпчайше настоятъ въ томъ, чтобъ ему прежде принятія его въ орденъ тайности онаго открыты были, а какъ ему сказано было, что того не возможно сдѣлать, то онъ теперь отговоркою ставитъ то, что онъ отнюдь никакой склонности не имѣетъ къ большимъ обществамъ, такъ что всѣ принимаемыя къ убѣжденію его мѣры по сіе время были напрасны.

1731. Roslin—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 12 avril 1777.

Le chevalier Roslin supplie M. le prince Kourakine de vouloir bien lui faire dire si le portrait qu'il lui demande de Monseigneur doit être de la grandeur ordinaire ou, s'il a quelque grandeur particulière, auquel [à laquelle] on le destine. Un mot de réponse, s'il lui plaît.

Si le chevalier Roslin n'était pas incommodé de la fièvre tierce depuis douze jours, il aurait eu l'honneur de faire la révérence lui-même à M. le prince Kourakine.

1732. La comtesse Fersen—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 13 (24) avril 1777.

Infiniment flattée de votre souvenir; rien ne pouvait m'être plus agréable que la lettre que vous avez bien voulu m'écrire; vous jugerez aisément du plaisir qu'elle m'a fait par celui que je prends à vous en remercier. Les sentiments que vous y marquez, mon Prince, à l'égard de ma personne et de ceux qui m'appartiennent, doivent me flatter autant que le souvenir que vous voulez bien conserver des faibles attentions qu'on a été dans le cas de vous marquer. Il est bien heureux pour moi si les moments que vous m'avez fait l'honneur de passer dans ma maison ont pu répandre quelques agréments sur le séjour que vous avez fait en cette capitale, satisfaction que j'ai partagée avec tous ceux de notre société qui ont eu l'avantage de vous connaître et vous voir chez eux. Ces sentiments, mon Prince, sont dus à votre mérite, qui vous a acquis un [le] suffrage universel en ce pays-ci, et qui a tant de titres à augmenter les justes regrets que votre départ a fait naître.

Mme et Mlle de Sparre. de même que mes filles, dont la cadette vient de se marier nouvellement, me chargent de bien des compliments pour vous. Elles sont certainement du nombre de vos amies en ce pays-ci, qui, comme moi, s'intéresseront toujours à vos succès et à vos prospérités, et qui désirent être conservées dans votre souvenir.

1733. J. Ruckmann—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 14 (25) avril 1777.

Deux lettres que vous avez eu la bonté de m'écrire, mon Prince, me sont parvenues exactement, conjointement avec les deux incluses pour la comtesse Sophie et une pour Sissoiev, et je vous supplie de recevoir mes remerciements très sincères pour tout ce que vous avez bien voulu m'y dire d'obligeant. C'est avec bien de la peine que je suis parvenu à remettre les deux premières lettres, comme aussi de lui faire lire celle que vous m'avez écrite, et dans laquelle vous avez si bien dépeint les sentiments de votre cœur. Elle est continuellement obsédée par son mari: jaloux comme un tigre, il ne bouge point d'auprès d'elle. Elle en gémit; mais le sort étant une fois jeté, elle veut au moins sauver les apparences et s'enterrer dans la province, d'où elle m'a dit ne vouloir revenir ici que pour l'été prochain. Elle partira d'ici sitôt que sa soeur Mme de Klinckowström aura accouché, ce qui se fera, selon toutes les apparences, dans deux ou trois semaines. Jusqu'à présent, elle ne m'a point parlé de vous, m'ayant fait entendre qu'elle voudrait bien le faire, mais que le manque d'occasion en était la cause. Il faut qu'elle se contraigne vis-à-vis de moi plus que vers les autres, parce que son mari ayant remarqué que je lui ai parlé plus souvent depuis votre départ qu'avant, me soupçonne de nourrir encore l'ancienne

amitié entre vous et elle: il lui a fait des reproches cruels sur cela. Elle l'a envoyé promener, comme vous sentez bien, mais, en attendant, il est inconcevable ce qu'elle souffre. J'ai eu, pourtant, l'occasion de lui parler à un bal que la Reine a donné, et elle m'a chargé de vous écrire tout ce qu'un cœur sensible peut dire et de vous assurer que les sentiments que vous avez reconnus en elle ne changeront jamais. Pour peu qu'elle aura [ait] du temps et de l'occasion, elle m'a promis de vous écrire et de vous informer elle-même de tout ce qui la concerne. Nous sommes aussi convenus déjà des moyens pour me faire parvenir la lettre. Voilà, mon Prince, tout ce que je peux vous dire, jusqu'à présent, de sa part. Je la regarde comme la personne la plus malheureuse du monde, et qui a été sacrifiée à un homme dont l'humeur noire et le mauvais caractère ne sont que trop connus.

Les incluses de Sissoiev ont été rendues par lui-même en mains propres du Duc, et Son Altesse m'ayant chargé à la dernière Cour de vous faire ses compliments et de vous remercier pour la dite lettre, m'a remis, à cette occasion, la réponse pour vous, que j'ai l'honneur de joindre ici. Il s'est expliqué dans les termes les plus gracieux à votre sujet et a répété, à plusieurs reprises, que je ne devais point oublier de vous saluer de sa part. M. de Wachtmeister m'a insinué, à cette occasion, que le Duc aurait [pour] agréable, si vous voudriez [vouliez] m'adresser les lettres que vous écrirez à Son Altesse, et qu'on aura soin de me charger aussi des réponses. Je l'ai remercié de la confiance qu'on voulait bien me témoigner, n'ayant pas le bonheur d'être de la société, et je lui ai demandé la raison pourquoi on ne voulait pas que cela fût Sissoiev. Il n'a su me répondre autre chose si non que vous ferez plaisir au Duc en me chargeant de ces commissions.

Je n'ai rien de plus fortement à cœur que l'affaire de M. Tauprein; mais elle est d'une nature à tirer en longueur. Son avocat m'assure que si son adversaire ne veut pas s'accommoder à l'amiable, il n'y a rien à gagner, les lois de ce pays-ci permettant de faire testament en faveur de qui on veut. En attendant, l'avocat est parvenu, ces jours-ci, avec une sentence du Parlement, d'obliger l'adversaire de M. Tauprein de mettre caution pour tous les biens qu'il a entre ses mains et qui se trouvent à Upsal, et il est cité lui-même pour la fin du mois prochain au Parlement. Il faut voir ce qu'il en arrivera alors. J'ai avancé déjà de l'argent ici pour le procès, et il faudrait bientôt en avoir davantage. J'en écrirai avec le courrier prochain à M. Tauprein, et je le prierai de me mettre en état de faire face aux dépenses qu'il y aura à faire ici.

Les cartes que vous avez bien voulu me charger ici pour M. le comte de Roumiantsev-Zadounaïski étant prêtes, je ne manquerai pas de vous les faire parvenir par M. le comte de Kaunitz qui se prépare pour partir d'ici. Le prix de ces cartes étant fixé, vous me permettez, mon Prince, de tirer, la semaine prochaine, une assignation sur vous, afin que je puisse payer les gens qui les ont faites et qui viennent déjà m'assiéger pour cet argent. Je ne sais pas encore à combien cela pourra monter.

Je n'ai pas de nouvelles à vous donner d'ici. Le Roi s'amuse toujours avec le tournoi qui aura lieu à la fin du mois prochain. Dimanche passé, la noce de Mlle Stockenström avec M. Lantingshausen a été célébrée au château. Le grand écuyer, comte Lewenhaupt, est parti pour les pays étrangers pour se dissiper, et les trois Grâces: Mme Lövenhielm, Mme de Höpken et Mme Meerfeldt continuent toujours de faire le beau et le mauvais temps.

1734. Le baron H. J. Duben—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 14 (25) avril 1777.

J'ai eu l'honneur et le plaisir, mon Prince, de vous écrire le 11 de ce mois. J'ai celui de vous envoyer une lettre de la part de Mme Fersen. Mme sa fille ne m'en a point donné; elle vous souhaite seulement du bonheur et de la prospérité. Elle se porte bien; il n'y a pas question d'amant.

Hier, on a célébré l'anniversaire de la princesse Albertine. Il y eut gala et bal à la Cour qui dura jusqu'à 4 heures ce matin. Le bal fut interrompu par des hérauts, lesquels au son des trompettes et timbales annonçaient un carrousel qui sera ouvert, je crois, le 24 du mois prochain. Les deux quadrilles, composés de 24 chevaliers, firent leur défi, ayant à leur tête l'un le Roi, l'autre le prince Charles.

1735. Roslin—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 23 avril 1777.

Il vient d'arriver un malheur qui empêche que le portrait que vous m'avez commandé pour son Altesse Impériale ne peut [puisse] être prêt avant le voyage de la Cour, le pauvre peintre ayant à moitié fait sa besogne est tombé malade d'une fièvre chaude dont il ne pourra être guéri si tôt; ainsi il faut patience.

Moi, je suis malheureusement toujours malade, ce qui me fait un tort irréparable pour mes occupations. Je suis d'autant plus fâché, que ce malheureux contretemps m'empêche de vous faire ma cour, car Dieu sait quand vous aurez le temps de penser à moi. Emporté

par le tourbillon d'une Cour brillante et aimable. il ne vous restera guère de loisir de penser à nous autres humains. ainsi je m'y prépare d'avance et vous supplie seulement de ne pas m'oublier tout à fait.

1736. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. апрѣля 24. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. За поздравленіе ваше меня съ моими именинами благодарствую, также и за присланное мнѣ яйцо: доказываетъ, что вы меня всегда помните. Доложите Ея Высочеству, что я сердечно жалѣю, что сама не могу принести мою благодарность, а поручаю вамъ. Здѣсь мнѣ сказываютъ, что у васъ есть портретъ Великой Княгини, одолжи меня копією, пожалуй, другъ мой, потѣшь мою старость. Слышала, что нашъ князь Алексѣй Борисовичъ неможетъ; я очень о немъ жалѣю, пожалуй, отпишите, прошло-ль ему. Поручаю васъ Богу.

1737. Lesage—au prince Alexandre Kourakine.

Paris. 28 avril (9 mai) 1777.

Je suis fâché de m'être trompé dans le choix du Sr Chevry. ne vous l'ayant envoyé que dans la confiance où j'étais que, sachant parfaitement son talent. il était en état de vous satisfaire. en ayant été d'ailleurs assuré par l'épreuve qu'en a faite M. de Kolitchov qui m'a dit avoir été satisfait de son accommodage.

Votre Excellence ne voudra peut-être pas s'en rapporter à moi pour la difficulté qu'il a. à présent. pour trouver un valet de chambre tel que vous le désirez, mais elle peut s'en informer à [auprès de] M. le prince

Bariatinski qui, certainement, lui confirmera que notre Cour, étant toute composée de jeunes gens, chacun voulant avoir un bon valet de chambre, tous ceux qui sont un peu savants dans leur art se placent à la Cour avec d'autant plus de facilité que l'on les paye bien, et que parmi ces gens-là il n'y a que ceux qui coiffent les femmes qui s'attachent à se perfectionner, les Français n'étant pas, pour le présent, fort curieux de leur accommodage, au moyen de quoi un perruquier, pour peu qu'il ait de science, ne se soucie pas de s'expatrier, trouvant, sans être trop savant, à gagner autant sans sortir de chez lui. Au surplus, je vais faire tout mon possible pour en trouver un qui puisse faire votre affaire, m'entendant pour cela avec M. le prince Bariatinski, n'ayant d'autre ambition que celle de vous contenter.

1738. Levetzau—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 28 avril (9 mai) 1777.

C'est pour m'acquitter de la parole que j'ai eu l'honneur de vous donner, mon Prince, avant votre départ pour Tsarskoé-Sélo, de vous faire tenir l'étoile de l'ordre de Dannebrog, aussitôt qu'on me l'aurait confié, que j'ai celui de vous adresser ces lignes.

Ce n'est que depuis ce matin qu'il se trouve entre mes mains, et je m'empresse à vous le faire parvenir, afin que le crachat que vous comptez faire monter en bijou soit bientôt achevé, pour que j'aie le plaisir de vous voir décoré de cet ordre avant mon départ, qui est fixé au commencement du mois de juillet.

Vous voyez donc, mon Prince, qu'il n'y a pas de temps à perdre, si vous voulez me procurer cette satisfaction, et, en vérité, je craindrais que, si les fêtes de St-Pierre et St-Paul se passeraient [passaient] sans qu'il

vit le grand jour, il ne se rouillerait [rouillât] tout à fait avant que de sortir du bureau où il est gardé.

1739. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, fin avril 1777.

L'assemblée des chirurgiens a décidé que M. votre frère avait la rougeole, mais que les symptômes et les accidents étaient beaucoup meilleurs que de celle de M. Apraxine, ce qui fait espérer que quelques jours le délivreront de cette incommode visite, et il lui faudra peu de temps pour se rétablir. On espère que son embonpoint lui servira de nourriture pendant quelques jours, parce qu'on l'a réduit à „Hafersuppe“, encore doit-elle être légère. Voilà le bulletin de midi. J'oubliais de vous dire que le sommeil n'a pas été des meilleurs. Notre malade vous embrasse de loin parce qu'il ne vous le permettrait pas de près.

1740. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 30 avril 1777.

La rougeole pousse très bien: les nuits sont toujours les-mêmes. c'est-à-dire un sommeil fort souvent interrompu par la toux, qui se soutient au même degré; mais cependant les crachats commencent à devenir louables. Hier, notre malade a eu un saignement de nez assez passable qui a un peu soulagé la tête. Enfin tout va au mieux possible pour son état.

Le prince, votre frère, me charge de vous dire que, dès qu'il aura reçu tout ce que portent vos commissions, il vous l'acheminera. Il vous embrasse, mais toujours de loin, car avec sa physionomie rubiconde, ce n'est

plus le bel Alexis. Hier encore et ce matin il s'écriait avec une espèce d'étonnement: comme me voilà fait! Je l'ai assuré que c'était un mal pour un bien, parce que, après cette maladie-là, il y avait tout à gagner, et que c'était un mal pour un bien, puisque l'on fait nouvelle peau, par conséquent celle de dessous sera toute neuve, et plus belle que la vieille, car, comme dit l'Écriture, il s'est dépouillé du vieil homme, de même il se dépouille du sa vieille peau. C'est assez vous ennuyer.

1741. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 1 mai 1777.

Nous avons lieu de nous réjouir: notre malade va beaucoup mieux, il n'a point de fièvre, il n'a point de mal de tête, la rougeole a poussé très copieusement et est actuellement à son degré. La gorge est un peu embarrassée, ce qui cause presque une extinction de voix qui n'est rien que pénible, mais dont on ne craint rien pour les suites. Les gargarismes adoucissent le mal et après-demain la rougeole, suivant le cours des choses, doit commencer à prendre congé. Nous attendons ce temps et les suites avec impatience.

Dmitri a apporté vos trois portraits: M. votre frère attend que vous lui marquiez ce qu'il en doit faire. Quoique hier, dans la journée, le malade ait été plus assoupi qu'éveillé, cependant il a passé une très bonne nuit, non seulement en comparaison des autres qui avaient été très mauvaises, mais encore pour une personne même en santé. Les yeux sont d'une faiblesse si grande qu'il ne peut supporter la lumière, aussi, pour cette raison, je suis condamné à vivre dans un cachot en quoi on a transformé votre chambre, la seule différence—c'est que, dans ces endroits affreux, une lampe sépulcrale en

éclaire l'horreur, et que je me sers de deux bougies. — ce qui ennoblit la chose.

Je ne vous dis rien de ses sentiments pour vous, car, si j'en croyais tout ce qu'il m'inspire, le papier ne suffirait pas à la matière.

1742. Lévetzau—au prince Alexandre Kour. kine.

St Pétersbourg, 1 (12) mai 1777.

Comme vous me marquez, mon Prince, désirer avoir un échantillon du ruban de l'ordre de Dannebrog, j'ai l'honneur de vous l'envoyer ci-joint, supposant que, quelque petit qu'il soit, il suffira pour servir de modèle à ceux que vous comptez de faire faire.

Je crois avoir oublié de vous dire, dans ma dernière, que la plaque de l'ordre que je vous ai remise était un peu trop petite, et que les chevaliers la portent actuellement plus grande.

Le portrait que vous me faites, mon Prince, de la vie champêtre que vous menez à Tsarskoé-Sélo est digne d'envie, et je ne suis nullement surpris que la ville et ses habitants sont privés de votre chère présence pour si longtemps. En abolissant la gêne et l'étiquette qui sont communément à la suite des souverains, je conviens avec vous, Monsieur, qu'on doit jouir en plein de tous les agréments que vous offre votre séjour, qui, de toutes façons, est embelli par les soins qu'on en a pris en dépit de la nature qui agit en vraie marâtre envers ce charmant endroit. On peut vraiment dire que Tsarskoé-Sélo est digne d'une aussi belle et grande souveraine que celle qui l'occupe. J'avoue pourtant, et suis persuadé que vous êtes de mon sentiment, que sans la présence de cette grande princesse qui, par son affabilité extrême, répand des charmes partout, vous trouve-

riez souvent du vide et de l'ennui dans ce séjour. Nous autres, pauvres habitants de la ville, sommes condamnés à ne pas connaître tous ces plaisirs, et, il semble, depuis que la famille Impériale s'est établie à la campagne, que tous les cœurs l'ont suivie, et qu'il ne nous reste que le corps inanimé, malgré les efforts que nous faisons pour nous distraire et nous dissiper. Les divertissements publics sont devenus insipides et les spectacles peu fréquentés.

Hier, nous avons eu un concert dans la maison de Yagoujinski, où M. Palschaur s'est surpassé pour plaire au petit nombre de personnes qui y assistèrent. C'est aussi à ce concert que je me suis acquitté de la commission dont vous m'avez chargé pour M. le comte de Brühl, et il m'a répondu qu'il n'était pas plus avancé dans ses affaires que lors de votre départ.

J'ai passé, selon vos souhaits, chez le chevalier Roslin pour lui demander des nouvelles du portrait de Mgr le Grand-Duc, destiné pour M. de Numsen, et il me l'a fait voir tout achevé, et je trouve que le peintre a assez bien réussi pour la ressemblance. Il m'a dit que si vous vouliez passer chez lui en venant en ville, il aurait l'honneur de vous le remettre en mains propres.

J'espère, mon cher Prince, que vous n'oublierez pas, à cette occasion, de commander le portrait que vous avez eu la bonté de me promettre, afin qu'il soit fini avant mon départ d'ici, vous assurant que je ne serai point du tout satisfait de mon séjour en Russie, si je ne possède cette marque de votre amitié.

Je suis très fâché de ne pouvoir satisfaire à l'envie que vous avez d'apprendre des nouvelles de Stockholm, le dernier courrier ayant été arrêté par les glaçons qui se trouvent dans le golfe.

M. et Mme d'Ahlefeldt, très sensibles à votre souvenir, aussi bien que M. de Beiger, m'ont chargé de vous

faire bien des compliments de leur part. Je me flatte, mon cher Prince, que vous aurez la bonté de m'avertir quand vous viendrez en ville, afin que j'aie le plaisir de vous voir.

1743. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakine.

Amsterdam, 2 (13) mai 1777.

C'est avant-hier que je viens de recevoir l'honneur de votre gracieuse et très obligeante lettre du 12 (23) avril par laquelle il plaise [il plait] à Votre Excellence de me marquer votre gracieuse acceptation pour être le parrain de l'enfant dont ma femme va accoucher au mois de septembre prochain; ce dont ma femme et moi vous sont [sommés] très obligés, mon Prince; aussi, votre gracieuse approbation à cet égard nous a rendu le plus contents possible, vu que sous la bienveillance d'un tel illustre parrain, l'heureux filleul puisse [peut] se promettre un sort flatteur. A son temps, j'aurai l'honneur, mon Prince, de vous faire très humble rapport, lorsque ma femme sera accouchée et que le nouveau-né brillera avec le nom d'Alexandre ou d'Alexandra.

Quant à mon sort, j'observerai les bons et gracieux conseils de Votre Excellence et je me conformerai à tout ce que vos grâces me prescriront. Daignez seulement me continuer un gracieux souvenir, et lorsque l'occasion se présentera, appuyez mon affaire en faisant remarquer que depuis la mort de mon cher père, arrivée le 30 septembre 1752, je me trouve chargé ici des affaires de la Cour impériale étant [depuis] près de 25 ans, de sorte qu'il me semble pouvoir bien aspirer au grade marqué. Quelle quantité de serviteurs du Collège n'ont [pas] été avancés dans cet entre-temps qui n'ont pas servi aussi longtemps et qui, pourtant maintenant, sont

bien au-dessus de moi. Enfin, Seigneur, tout est à vous confié, j'attends maintenant tout de votre protection et appui, et si une fois je réussis par votre gracieuse bienveillance et assistance, j'en serai à Votre Excellence le plus respectueusement reconnaissant jusqu'au tombeau.

Comme je ne désire que vous contenter, j'obéis à vos ordres, mon Prince, pour vous porter en compte le montant des vues de la République faisant un total de 197 fl. 3. Faites-moi seulement cette grâce, de me renvoyer ce qui ne sera [pas] approuvé par Votre Excellence, que je défalquerai ensuite de votre compte, ne respirant que pour vous satisfaire et éviter tout mécontentement quelconque.

Conformément à votre intention et à ma promesse, j'ai l'honneur d'envoyer à Votre Excellence ci-joint le connaissance d'une petite caisse avec des livres à vous, expédiée par le vaisseau du capitaine Claas Teunile, marquée PDK № 16, contenant les nouveautés suivantes: Suite des Aventures de Choréa, 8 fig. № 5 à 8, faisant la fin, 4 fl., Suite d'Arnaud: Le sire de Créqui, Le prince de Bretagne, Pauline et Suzette, 5 fl. 2, Abrégé de l'histoire d'Allemagne par Pfeffel, 2 vol., 8°. 5 fl. 10. L'ami des arts, 1 fl., Anecdotes des beaux-arts, 5 fl., Philosophie de la nature, 6 vol., 8 fig., 18 fl., Les Incas, 2 vol. 8°. 2 fl., Lettres de Rivers, 1 fl., La vie de Tristram Shandy, 2 vol., 1 fl. 8, Voyage littéraire de la Grèce, 2 vol., 6 fl. 10. De la législation, 2 fl. 10, Le Nazaréen, 1 fl. 10. Lettre de l'avocat Linguet au comte de Vergennes, 0 fl. 11. Amusements militaires, etc. Pour la caisse, frais de l'expédition et assurance 3 fl. 12, somme 67 fl. 13, laquelle somme j'ai pris la liberté de vous porter en compte, outre 23 fl. 6 pour port de lettres depuis le 3 décembre passé jusqu'ici, de Paris pour St-Pétersbourg et ailleurs.

Votre Excellence trouvera encore ci-joint un con-
naissance d'une petite caisse que j'ai recue d'un fleu-
riste de Leyde, de la part de M. le professeur Allamand,
contenant 30 oignons de tubéreuses, et dont l'on a as-
igné sur moi le montant. Je ne crains que trop que
ces oignons arriveront [n'arrivent] trop tard, devant
être expédiés au commencement d'avril. Enfin, à l'ar-
rivée, je vous prie de faire remettre la caisse à M. le
prince Alexis, votre frère, et de lui demander 11 fl. 4,
faisant les frais avec l'expédition de la dite caisse, ayant
pris la liberté, mon Prince. d'en vous débiter en compte.
Ce n'est pas à Leyde où se trouvent les fameux fleu-
ristes, étant [c'est] à Harlem où il les faut acheter et où
l'on trouve tout suivant le prix des catalogues que vous
trouverez joint dans la caisse des livres. Si donc le
Prince est amateur, soit pour lui, soit pour des amis
ou amies, qu'il m'en donne la commission et je lui en-
verrai le tout selon le catalogue marqué dont, jamais.
on ne peut être la dupe, tandis que des autres endroits
l'on reçoit du rebut.

1744. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, [mai 1777].

Je n'ai que le temps de vous dire que M. votre
frère se porte mieux. La voix n'est pas si éteinte, les
yeux sont en meilleur état que vous ne les avez laissés.
La toux n'est pas si fréquente. Il est levé depuis ce
matin d'après le conseil de M. Fräz. Enfin tout va le
mieux du monde. La paix est faite avec Fräz.

1745. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. мая 4. [Петербургъ].

Получилъ я, любезный другъ, письмо твое, отъ 3 числа, и по оному все исполнилъ. Только скажу теперь, что въ росписи жалованью людямъ твоимъ ошибка есть двадцатирублевая въ счисленіи всей суммы, которую я поправляя, выдалъ 219 рублей и 60 рублей также на мѣсячное людямъ, что дѣлаеть вмѣстѣ 379 р. Итакъ, 380 р. заплачено Рослейну, да 379 р. сегодня выдалъ, останется отъ 1000 р. 251 р., для уплаты Порынкову, которые ему послѣзавтра выдамъ. Къ Рослейну я посылалъ, его не застали дома, и съ завтрашнею почтою я къ тебѣ самъ отпишу его отвѣтъ. Что касается до счетовъ брата князь Ивана,—уже давно я далъ Дмитрію 200 р. на ихъ уплату.

Объ лентѣ отповѣди сегодня дать я не могу, потому что Дмитрій, ѣздя по всему городу, насилу нашель одного француза, который ихъ дѣлаеть, и который сказалъ, что только завтра отвѣтъ дать можетъ, если онъ возьмется дѣлать, для того что онъ самъ не знаетъ, найдетъ ли онъ такого шелку, или нѣтъ.

Съ архитектуромъ я не говорилъ, моя болѣзнь этому была причиною, но какъ скоро я выздоровлю, я къ тебѣ объ ономъ отпишу.

Объ каретѣ я также не говорилъ, понеже я Графа еще не видалъ и изъ комнаты не выхожу.

Камней для печатей еще ко мнѣ не принесли, для того я ихъ не присылаю, а присылаю звѣзду, которая готова, и стоитъ 6 р.

Vous me demandez, mon cher ami, la raison pourquoi la princesse Kourakine est venue si vite chez nous. La raison est que tous les médecins lui ont ordonné

de suivre une cure réglée et qu'elle est venue la faire sous la direction de M. Fresse.

Pour mon état, il est aussi bon que je puis le désirer et demain je compte, s'il fait beau, aller prendre l'air.

1746. Etienne Kolitchov--au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 5 (16) mai 1777.

Il vous paraîtra bien hardi de ma part, mon Prince, que, au lieu de vous faire des excuses de ne vous avoir pas écrit depuis si longtemps, je vous importune par ma prière, mais les bontés que vous m'avez toujours témoignées m'encouragent.

Plusieurs raisons m'obligent à chercher à quitter Paris, quoique les agréments de ce pays-ci, et surtout les bontés de mon chef, dussent m'y retenir; mais n'ayant aucune perspective pour mon avancement, d'ailleurs le désir de trouver plus d'occupations pour me rendre un jour digne d'être employé au service de ma patrie, voilà ce qui m'a déterminé à prendre cette résolution. J'ai demandé la permission à M. le prince Bariatinski, qui me l'a non seulement permis, même il a eu la bonté d'écrire une lettre très flatteuse, en ma faveur, à S. E. M. le comte de Panine; de mon côté j'ai écrit à ma cousine Mme de Narichkine à ce même sujet. Je prends la liberté de vous prier aussi, mon Prince, de vouloir bien vous intéresser auprès de Son Excellence, à ce [pour] qu'il ait la bonté de me placer ailleurs, en qualité de conseiller d'ambassade, dans quelque endroit qu'il juge à propos. Craignant de vous ennuyer par un long détail de mes affaires, Mme de Narichkine vous communiquera mes intentions en cas qu'on me donnât

le choix de la place, ce qui, cependant, ne m'arrêterait pas: je ne désire uniquement que mon avancement.

Vous savez, mon Prince, que nous avons ici l'Empereur sous le nom de comte de Falkenstein. Jamais prince n'a voyagé avec moins de simplicité, moins de faste, moins de prétentions, et personne ne mérita davantage le respect et l'admiration d'un chacun. Il n'y a qu'une voix sur son esprit, son amabilité et sa bonne manière de voir les choses et de raisonner avec un tact et une finesse admirables. Il faudrait des volumes pour vous faire part des histoires qui sont arrivées à ce prince, tant pendant son voyage qu'à Paris, vu son incognito et les bons mots qu'il a dit à plusieurs sujets. La Cour et le public en sont contents avec raison: à Versailles il a aboli toute l'étiquette, il y a paru comme un simple particulier, il a fait, lui-même, tout le premier, les visites chez tous les ministres du Conseil, il a rendu visite à tous les princes du sang, à tout le corps diplomatique et, même, à des particuliers qui se sont fait écrire chez lui, il n'a voulu avoir aucune fête, à peine a-t-il accepté l'opéra de Castor et Pollux qu'on donna avant-hier au théâtre de Versailles. Il passe son temps à voir tout ce qu'il y a de plus curieux dans la ville, il va quelquefois au spectacle, ou fait des visites en restant jusqu'à dix heures du soir dans les sociétés, où on le reçoit sans aucune cérémonie: dernièrement il fut chez l'ambassadeur d'Angleterre, et M. Necker: il ne soupe ni ne dîne chez personne.

Il est applaudi au spectacle toutes les fois qu'il y vient. Comme il assistait au Français à la représentation d'Edipe, le public lui fit, sur-le-champ, l'application de ces vers de Jocaste (acte II, scène III):

Le Roi plus grand que sa fortune,

Dédaignait comme vous une pompe importune;

On ne voyait jamais marcher devant son char, etc...

Le public saisit ce passage et tout le parterre se tourna vers sa loge et applaudit à tout rompre. Voilà à peu près un abrégé de ses anecdotes.

1747. Roslin—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 5 mai 1777.

Voici le portrait de S. A. I. le Grand-Duc que vous m'ordonnez de vous adresser. Il me reste dû maintenant deux pour le compte de S. A. I. le Grand-Duc et deux pour le compte de S. A. I. Mme la Grande-Duchesse que j'ai payés de mon argent et employé bien du temps et des soins pour les faire faire comme ils l'ont été. Je me repose sur vous, mon Prince, pour avoir la bonté de me faire rembourser les 400 roubles qui m'en revient [reviennent].

Le prix d'une copie du portrait de Sa Majesté Impériale faite sous ma conduite et retouchée par moi est de 100 roubles; ainsi vous me communiquerez vos intentions à ce sujet lorsque vous le jugerez à propos. Je me recommande en attendant à votre gracieux souvenir.

1748. Levetzau — au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 6 mai 1777.

Me faisant un vrai plaisir de saisir avec avidité toutes les occasions qui se présentent pour me rappeler à votre souvenir, mon Prince, je saisis avec empressement celle que m'offre M. le général d'Ahlefeldt, en me priant de vous rappeler la promesse que vous avez bien voulu lui donner, de faire ressouvenir S. E. M. le comte

de Panine à l'occasion de son séjour à Tsarskoé-Sélo, de parler à Sa Majesté Impériale en faveur de la veuve du conseiller intime de Prangen. Je n'ai rien à ajouter à cette prière, étant convaincu que si vous avez la bonté de rappeler au souvenir de M. le comte de Panine la promesse qu'il lui a plu de faire lui-même à M. d'Ahlefeldt, de vouloir s'intéresser en faveur de cette veuve, son affaire ne souffrira aucune difficulté.

Quand donc pourrai-je me flatter, mon Prince, d'avoir le bonheur de vous voir ici en ville? Si mes désirs et vœux seraient [étaient] exaucés, je ne tarderai guère de jouir de cet avantage, mais sachant combien vous aimez remplir des devoirs si agréables, que ceux de faire votre cour à S. A. I. Mgr le Grand-Duc, je désespère presque d'avoir cette satisfaction de sitôt. Si pourtant vous aviez un moment de reste pour songer à vos amis de la cité, et que ce souvenir pourrait [pût] vous engager à leur sacrifier quelques moments, je désirerais fort que vous daigniez m'en faire part, ayant à vous parler, à la suite, de ce que vous m'avez fait l'honneur de me dire à mon sujet la dernière fois que vous fûtes en ville, et que j'eus le plaisir de vous entretenir un instant chez M. votre frère.

1749. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakine.

Leyde, 7 (18) mai 1777.

Étant chargé actuellement du poste de recteur de cette université, je vous aurai une double obligation de tout ce que vous voudriez bien faire en faveur de nos Muses. Soyez persuadé, mon Prince, je vous supplie, qu'en votre égard je travaillerai toujours avec un empressement distingué d'être utile à tous ceux que

bien de nos deux nations, la connaissance personnelle avec Mgr le Grand-Duc sera de la même nature. Quelle satisfaction pour nous deux qu'une liaison pareille se forme sous le ministère de M. votre digne oncle. Dites-lui mille choses pour moi, je vous en conjure; que je serais heureux d'être de ce voyage! Les sénateurs Scheffer et Posse en seront,—le premier comme de raison, et j'en suis enchanté, bien persuadé qu'il gagnera l'estime et l'approbation de votre grande souveraine et l'amitié du comte Panine,—deux chambellans, Posse et peut-être Ehrenswärd, la suite sera extrêmement peu nombreuse.

Excusez la hâte, je suis pressé et j'écris à bâton rompu.

1763. Lesage—au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 22 mai (2 juin) 1777.

Je n'ai que le temps de vous donner avis que je viens d'expédier, par la poste, à l'adresse de M. Oldecop les deux premières paires de manchettes de dentelle, des douze que vous m'avez chargé de vous acheter, en le priant de vous les faire parvenir le plus diligemment que faire se pourra, ayant l'honneur de vous prévenir qu'à chaque courrier il recevra un semblable paquet.

Je suis après la commande que vous avez eu la confiance de m'en donner, et j'espère que le tout vous parviendra par le navire du capitaine Martin.

J'ai découvert un valet de chambre qui m'a été annoncé pour être le premier coiffeur d'hommes de Paris, dont j'espère que vous serez content, ayant eu beaucoup de peine à l'engager à partir. J'en avais trouvé un pour le prince Dolgorouki qui m'en a aussi demandé, mais après les réflexions qu'il a sans doute faites, il s'en est dédit.

1764. Lesage—au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 26 mai (6 juin) 1777.

N'ayant pas eu encore assez de temps pour que les habits, que Votre Excellence m'a ordonnés, soient brodés, je n'ai pas pu profiter du capitaine Langlois pour vous les faire passer; mais sachant combien vous désirez avoir le valet de chambre que vous m'avez demandé, j'ai cru devoir toujours le faire partir par le premier navire, sauf à vous expédier vos habits par le plus prochain, ce à quoi je l'ai déterminé.

J'espère que vous serez plus content de celui-ci que vous ne l'avez été du Sr Chevry: 1) parce que ne s'étant jamais attaché qu'à l'accommodage des hommes, il s'y est rendu fort habile, comme Mgr le prince Bariatinski peut vous le confirmer; 2) c'est qu'il est d'une si bonne conduite que, pour le déterminer à s'attacher à votre service, je l'ai débauché de chez un seigneur chez lequel il demeurerait, et qui ne voulait pas absolument qu'il le quittât. En conséquence, en connaissant d'ailleurs sa famille, qui est très honnête, je l'ai arrêté pour votre service dès le mois d'avril, et cependant par l'acte que j'ai passé avec lui, je n'ai fait courir ses appointements que du premier mai, remettant à votre générosité de le dédommager du surplus du temps qui n'est pas compris dans son engagement.

Je supplierai Votre Excellence de vouloir bien ne pas oublier la promesse qu'elle a eu la bonté de me faire, de songer à moi pour le mois de juillet prochain: vous me rendrez le plus grand service.

Afin que le Sr Rondeleux, qui est le valet de chambre que je vous destine, puisse plus facilement se présenter à Votre Excellence, je l'ai chargé de vous remettre la présente aussitôt qu'il sera arrivé.

1765. Терентій Ворошнинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. мая 27. Москва.

Довошу вашему сіятельству, милостивѣйшему государю. Пріѣхаль въ Москву сего мѣсяца 25 числа, слава Богу, все благополучно, и въ домовую канцелярію указъ отдалъ, и отвели покои въ шпитальскомъ домѣ. У дѣдушки Петра Ивановича былъ и принять милостиво. У бабушки былъ и кафтанъ Варламову отдалъ; изволила меня спрашивать, чѣмъ ваше сіятельство изволили меня пожаловать, и я докладывалъ, что ваше сіятельство изволили обѣщать мнѣ и Соловьеву къ празднику прислать; изволила приказать шутку написать: „мнѣ сулилъ кофту цѣлый годъ, а вотъ полтора года“, и я ея сіятельству докладывалъ, что мы никогда этого не подумаемъ, да и впредь думать не отважимся; и много изволила смѣяться и очень довольна, что ваше сіятельство меня въ домъ изволили принять и помнить родителя своего.

Вторая исторія начинается. Явился къ тетускѣ княжвѣ Аграфевѣ Александровнѣ; первый пріемъ мнѣ былъ,—изволила спросить, съ чѣмъ я пріѣхаль, и какое за мною будетъ дѣло, и я ей приказъ вашего сіятельства показалъ, на что изволила сказать, чтобъ я ѣхаль на приказъ, и я ни на что не согласился, и обѣщалася дѣдушку просить, чтобы куда-нибудь послать, и съ огорченіемъ вышла, и разогнала насъ обѣдня. Послѣ обѣдни была мнѣ вторая удіенція. Изволила мнѣ сказать, что беретъ въ свою опеку, и на новѣшней почтѣ хотѣла къ вашему сіятельству писать, и я чрезъ Полютова спозналъ, что къ ней въ двореческую должность, и оная должность мнѣ не очень мила.... и вся наша гисторія кончилась. За подводы, на чемъ я ѣхаль, пятнадцать рублевъ Соловьевъ заплатилъ; только бы ваше

сіятельство объ ономъ письменно изволили приказать, въ чемъ онъ сумнѣвается, и осмѣлился вашего сіятельства, милостивѣйшаго государя, утруждать о письменномъ моемъ прошеніи, которое я вашему сіятельству, милостивѣйшему государю, подалъ, на что изволилъ сказать „хорошо“, на что буду отъ вашего сіятельства, милостивѣйшаго государя, милостивой резолюціи ожидать.

1766. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину.

1777 г. мая 29. С.-Петербургъ.

Посылаю при семъ къ вашему сіятельству коллекцію медалей и портретовъ. Первыхъ числомъ 102, а другихъ 57. Чтобъ имѣть полную коллекцію, какой ни у кого нѣтъ, остается сдѣлать еще 6 медалей, а именно: 1) на побѣды надъ турками на морѣ и на сухоиъ пути, 2) Вольнаго Экономическаго Общества, 3) того же Общества другая медаль, 4) за успѣхи въ наукахъ благороднымъ дѣвицамъ монастырнкамъ, 5) на послѣднее бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ, 6) въ почестъ графу Алексію Григорьевичу Орлову-Чесменскому. Изъ нихъ первыя пять могутъ поспѣть недѣли черезъ двѣ или три, потому что штемпели ихъ надлежало выпрашивать у разныхъ людей, у кого они были въ храненіи, а которыхъ нельзя было достать, я выпросилъ сдѣлать вновь штемпели. Сіи пять медалей будутъ стоять сверхъ семидесяти пяти рублей еще три рубля съ небольшимъ; а шестая большая медаль графу Алексію Григорьевичу будетъ стоять особо два рубля съ полтиною, и она въ дѣлѣ останется долѣ прежнихъ, потому что для нея также надобно новый штемпель дѣлать; старый хотя и можно выпросить въ Адмиралтейской коллегіи, однако онъ не годится: сдѣлавшіяся

на немъ трещины дѣлають такія же трещины въ медалѣ. Обѣщали меня увѣдомить, какъ только скоро поснѣтъ и сія послѣдняя медаль.

1767. Правительствующему Сенату Коллегіи иностранныхъ дѣлъ доношеніе.

1777 г. іюнь.

Въ оной коллегіи находятся ассесоры Иванъ Грень и Иванъ Страховъ, которые въ тотъ чинъ произведены по опредѣленію Правительствующаго Сената апрѣля 26 дня 1773 г. А какъ они, находясь многіе годы при дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ графѣ Панинѣ, безпрестанно несутъ предъ другими ихъ сверстниками излишніе труды и исправляютъ при немъ важнѣйшія государственныя дѣла съ ревностью, тщаніемъ и вѣрностью, употребляясь сверхъ того и въ частыхъ сношеніяхъ по службѣ и дѣламъ ея императорскаго величества съ иностранными министрами, то Коллегія иностранныхъ дѣлъ за нужно находить Правительствующему Сенату представить, дабы благоволено по сямъ толь важнымъ резонамъ пожаловать ихъ въ надворные совѣтники независимо отъ старшинства, потому что оное въ разсужденіи ихъ и подобныхъ имъ мѣста никакъ имѣть не можетъ безъ поврежденія самой службы.

Оригинальное подписано тако: графъ Никита Панинъ, графъ Иванъ Остерманъ, секретарь, Иванъ Петровъ.

1768. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину.

St-Petersbourg, 2 juin 1777.

Казначей у отпуска медалей прислалъ ко мнѣ послѣ каталогъ медалямъ, который, я чаялъ, что онъ

мнѣ дастъ порядочнѣе и обстоятельнѣе. Каковъ есть казначейскаго сочиненія, къ вашему сіятельству посылаю. Думаю, что въ Швеціи сдѣлаетъ самъ хозяинъ другой.

Если наскучить вамъ чтеніе каталога, voici, mon Prince, des vers pour vous désennuyer. On les a fait en France pour l'Empereur.

César, des Muses de la France.

Va bientôt recevoir un encens mérité.

Elles embelliront pour lui la vérité;

Et, puisqu'il veut cacher son rang et sa naissance,

Elles vont l'élever à la divinité.

Ce n'est plus un mortel; déjà Paris le nomme

Hercule. Apollon, Mars. Neptune, Jupiter.

Mais nous sommes plus vrais sur les bords de l'Isère:

César n'est point un Dieu de la Grèce ou de Rome.

Il est bien plus cent fois à nos yeux: c'est un homme.

1769. Князь Степанъ Куранинъ—князю Александру Куранину.

1777 г. іюня 6.

Любезный другъ и братъ князь Александра Борисовичъ. Пожалуй, одолжи меня, какъ возможно, истребуй позволеніе отъ Великаго Князя, чтобы мнѣ пріѣхать въ Петергофъ, чтобы его просить о позволеніи, дабы остаться въ пикинерахъ такъ, какъ ты уже ему и сказывалъ. Я не думаю, что его высочество могъ бы считать, что я ему неблагодаренъ за подполковничій чинъ, и иду изъ полка; но единственно для того тружу его въ ономъ, что я нахожу себѣ столь великій авантажъ въ пикинерахъ остаться. Итакъ, я не думаю, чтобы онъ могъ подосадовать сдѣлать совершенно счастливымъ того, кому онъ ужъ открылъ путь къ совершенному благополучію. Итакъ, мой другъ, я остаюсь въ

надеждѣ твоей ко мнѣ братской любви, что ты, конечно, постараться исходатайствовать мнѣ дозволеніе пріѣхать къ вамъ, чтобъ изъясниться по моимъ обстоятельствамъ. Пожалуй, отправь, какъ можно поскорѣе, подателя сего письма ко мнѣ съ отвѣтомъ, который, надѣюсь, будетъ для меня согласенъ съ желаніемъ моимъ.

1770. Князь И. С. Барятинскій—князю Александру Куракину.

1777 г. іюня 11 (22). Парижъ.

Пріятное письмо вашего сіятельства изъ С.-Петербурга, отъ 31 марта (11 апрѣля), я въ свое время съ особливымъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить. Ласкательныя вашего сіятельства для меня выраженія мнѣ столько пріятны, сколько есть искренное мое къ вамъ почтеніе. Счастливъ я совершенно буду, если ваше сіятельство подлинно мнѣ отдасте справедливость въ моей къ вамъ преданности. Благоклонное ваше со мною обращеніе съ самыхъ младыхъ вашихъ лѣтъ представлялось мнѣ всегда залогомъ о таковыхъ вашего сіятельства обо мнѣ мнѣніяхъ. Осталось мнѣ теперь только того желать, чтобы вы, милостивый государь мой, съ своей стороны продолжали ко мнѣ таковыя ваши расположенія и увѣрились бы обо мнѣ, что я въ моихъ правилахъ утверждаюсь или, лучше сказать, старѣюсь съ моими лѣтами.

Простите мнѣ, милостивый государь мой, что я замедлил вамъ отвѣтомъ. Конечно, ни дѣла, ни упражненіи тому не причиною, а частью моя болѣзнь, отъ которой я, благодаря Бога, освободился, и присутствіе здѣсь Императора всѣхъ насъ занимало. Ваше сіятельство то видѣть могли изъ моихъ донесеній ко двору.

Я съ вами согласенъ, что все то не весьма интересно, но какъ всѣ мои собратія то же дѣлали, такъ и мнѣ отъ нихъ отстать не хотѣлось.

Приложенное письмо къ Лесажу я отдалъ, какъ скоро получилъ, ибо онъ случился тогда быть у меня. При томъ я ему пересказалъ вашего сїятельства удовольствіе объ его исправности, и что вы мнѣ поручать изволите смотрѣть за выборомъ посылаемыхъ къ вамъ вещей. Лесажъ съ своей стороны весьма хвалился вашею къ нему благосклонностью, равно также и исправнымъ платежомъ по его счетамъ. Ваше сїятельство будьте въ томъ благосклонны, что если Лесажъ будетъ спрашивать моего совѣта или будетъ мнѣ показывать вещи прежде покупки, что я ему буду сказывать мое мнѣніе и подавать совѣты, какъ бы для самого себя.

Поликмахара Лесажъ къ вамъ уже отправилъ; я о немъ не токмо ничего не имѣю сказать о его поведеніи и искусствѣ, но я и не знаю, каковъ онъ и собою, ибо я его не видалъ. По совѣсти вамъ скажу, что я бы на себя исполненіе сей комиссіи и не взялъ, чтобы выбрать вамъ парикмахара, потому что хорошіе здѣсь слуги весьма рѣдки. Искуснаго же волосочоса не послалъ бы я къ вамъ по правиламъ поповой собаки: у насъ есть пословица „Попова собака на снѣгѣ лежитъ,—сама не ѣстъ, и никому не даетъ“.

1771. Alexis Narichkine — au prince Alexandre Kourakine.

Polotsk, 15 juin 1777.

Que vous êtes heureux!—mais vous méritez de l'être. Vous vous amusez, êtes sûrement joyeux et particulièrement, en bonne santé; pour moi, je ne me porte pas bien, mais j'espère que ma santé reviendra, et que je serai aussi gai.

Dites-moi vrai: tout en aimant aussi sincèrement vos amis, les amusements de la Cour ne vous les font-ils pas un peu oublier? au moins moi, qui savais [être] très bien persuadé de la bonté et de l'excellence de votre cœur. Oui, mon cher ami, je le suis aussi sincèrement que je vous prie de l'être de ma véritable amitié. Je suis malade, mon cher, de cœur et d'âme. Mon affliction est extrême. Mon frère—Pougatchov! Voilà ce que je lis dans les papiers étrangers, à ce que je ne puis pas croire. Je ne sais mot de son affaire et je perds la tête. Remettez l'incluse et plaidez ma cause comme [l'] amitié vous le dictera. Adieu, mon cher, soyez heureux pour moi, je perds jusqu'à l'ombre de gaieté. Je deviens impossible à mes yeux. Mettez-moi aux pieds de Leurs Altesses Impériales.

1772. Княгиня А. И. Куракина— князю Александру Куракину.

1777 г. іюня 15. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Давно отъ васъ письма не имѣю, итакъ, не знаю, что писать. Скажу вамъ, что я ѣздила къ Троицѣ и у васъ въ Елдигинѣ три noci ночевала; жалѣю о томъ, что васъ со мною не было. Катерина Григорьевна поручила мнѣ къ вамъ переслать плетешокъ съ красной фольгой, который она вамъ даритъ, а зеленой фольгой я сама для васъ вязала; желаю вамъ здорово носить. Поручаю васъ Богу.

1773. Le baron H. J. de Duben—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 16 (27) juin 1777.

Enfin, mon Prince, comment avez-vous été content du comte de Gottland? Certainement, les nouvelles que nous en avons eues, pour un commencement, n'étaient que trop satisfaisantes. Le courrier, que le Roi expédia aux deux Reines et au Duc, partit deux jours après son arrivée. Enfin ce voyage que nous avons tant désiré a donc eu lieu, et comme je suis persuadé, pour un bien réciproque. Le Roi a écrit et mandé jusqu'à quel point il était enchanté de l'esprit et de l'amabilité de votre grande souveraine, d'avoir fait sa connaissance, celle de Mgr le Grand-Duc et de Mme la Grande-Duchesse, enfin combien M. votre oncle lui a fait d'impression. Les préparatifs pour ce voyage se sont faits avec beaucoup de secret; et huit jours avant seulement, le Roi me fit la grâce de m'appeler et m'ordonner de donner le peu d'éclaircissements dont j'étais en [à] même de faire mention. Le courrier doit partir dans deux heures et, comme c'est l'heure du dîner, je n'ai pas le temps de m'entretenir au long sur une matière aussi intéressante que ce voyage. Lorsque cette lettre vous parviendra, je pense que le Roi sera parti. Mon Dieu! comme vous m'obligerez, mon Prince, de m'écrire quelques petits détails sur son séjour, je vous en conjure.

Le Duc et la Duchesse m'ont fait l'honneur de me demander de vos nouvelles avant-hier. La plupart de vos connaissances sont à la campagne. Mme Klinckowström accoucha d'une fille, il y a trois semaines. L'aimable Sophie a été malade d'une fièvre languissante: elle est mieux, mais bien changée et vous fait ses compliments.

M. Simolin vient de faire l'acquisition d'une maîtresse charmante, Mlle Dubois, danseuse de l'opéra de

Paris. Un jeune suédois fort riche, M. Jennings, l'a séduite à Paris par de grandes promesses. Il l'a plantée à Copenhague. M. Simolin y a fait sa connaissance, aussi bien qu'à Hambourg. Elle se donne le nom de Le Clerc, elle est belle et du meilleur ton possible. Aussi l'a-t-il logée chez lui et la mène grand train.

1774. Serge Domachnev — au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 19 juin 1777.

C'est mercredi, 21 du courant, cher et respectable Seigneur, que nous avons assemblée à l'Académie. Ne la rendez pas vide pour moi par votre absence; venez-y, je vous [en] conjure, et vous m'en avez même flatté. Ce sera après midi, sur les 4 heures.

J'ai l'honneur de vous souhaiter, mon Prince, le bonjour et le [un] bon voyage.

1775. Hippolyte Bogdanovitch — au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 20 juin 1777.

Voici, mon Prince, encore quatre médailles de ceux [celles] qu'on n'a pas pu frapper d'abord. Reste encore la cinquième sur l'heureux mariage de Leurs Altesses Impériales, laquelle, quoique déjà faite, ne peut se donner jusqu'à ce qu'on recevra [reçoive] l'ordre de la vendre. On dit qu'elle n'a pas encore été présentée à Sa Majesté.

Je joins ici, mon Prince, quelques vers que l'Académie m'a prié de composer à l'honneur de M. le comte de Gottland. Il doit venir voir cette Académie demain. On apprête des discours et tant d'autres choses pour

lui, que cela ne peut faire qui du plaisir à l'illustre voyageur.

Стихи въ честь г. графу Готландскому на случай, когда онъ удостоилъ посѣтить С.-Петербургскую Императорскую Академію Наукъ, іюня 21 дня 1777 г.

Героя своего являя кротость права,
Противу склонности умолкла нынѣ слава,
Таящая отъ насъ его высокій санъ;
Но музъ соборъ дѣла его провозглашаетъ,
Подъ всякимъ именемъ онъ ими увѣнчанъ:
Не титломъ славится, но титло возвышаетъ.

Traduction libre.

Pour plaire à son héros, mais sans doute avec peine.
La Déesse aux cent voix affecte le secret,

En respectant son ton discret,
Sur l'auguste inconnu que Thétis nous amène,
Sans le nommer,—celui dont tant et tant de fois
Apollon souriant couronna le jeune âge.

Pour chanter ses vertus, nous unissons nos voix.
Sous quelque nom qu'il veuille accepter notre
hommage.

1776. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюня 27. Петербургъ.

Князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ далъ мнѣ комиссію сыскать для васъ ту часть Древней Россійской Вивліюэики, въ которой напечатано родословіе князей Куракиныхъ, что къ вашему сіятельству и посылаю.

Изъ пера моего вырвались четыре стиха, которыхъ особо не посылаю для того, что найдете ихъ въ нынѣшнихъ газетахъ.

1777. М. В. Страховъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюня 28. Въ селѣ Дугинѣ.

По двѣнадцатидневномъ путешествіи достигнувъ вчерашняго числа въ 12 часовъ пополудни до здѣшнихъ предѣловъ, поставляю я за долгъ донести вашему сіятельству, вѣдая изъ многократныхъ опытовъ безпримѣрную вашу горячность къ его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу, что его сіятельство изволилъ окончать свое путешествіе благополучно и въ вожделѣнномъ здоровьѣ, ровно какъ и графъ Никита Петровичъ.

На сихъ дняхъ ожидаются сюды ихъ сіятельствы графъ Петръ Ивановичъ и княгиня Александра Ивановна, а принуждены были они замедлить своимъ сюды прибытіемъ за приключившеюся болѣзнью большей дочери князя Ивана Ивановича Лобанова. Я не премину, конечно, исполнить вашего сіятельства повелѣнія и донести вамъ, какъ скоро они изволятъ только сюды пріѣхать.

1778. Le duc de Sudermanie—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 29 juin (10 juillet) 1777.

A la gloire du grand architecte de l'univers!

* * *

La paix, la concorde et l'union soit [soient] avec vous!

Votre dernière nous est parvenue et nous avons appris avec bien de la joie les bonnes intentions dans lesquelles vous avez trouvé nos chers frères de Russie. Il nous serait bien doux de contribuer à leur procurer toutes les lumières maçonniques, et nos intentions fraternelles, déjà disposées pour cet effet, n'attendaient que votre arrivée sur les lieux

pour vous envoyer les instruments nécessaires pour la fondation de cet édifice et pour l'établissement d'un nouveau chapitre, dont la constitution aurait encore plus lié nos frères avec nous et aurait contribué de plus à la tendre union qui est si désirable et si nécessaire pour la prospérité de notre St-Ordre. Sur vos demandes réitérées nous étions sur le point de vous munir des ustensiles nécessaires pour sa formation: mais un événement inopiné nous met hors d'état, pour le moment, de concourir à vos souhaits comme aux vœux de nos éclairés frères de Russie.

Nous venons de recevoir un ordre de notre supérieur chef et du grand directoire général de l'ordre que, pour des raisons qu'on n'ose dire, toute nouvelle constitution et établissement chapitral, pour quelque temps, est suspendu, interdit et défendu.

Malgré toute notre bonne volonté à remplir les vœux de nos dignes frères de Russie, nous sommes obligés d'obéir strictement aux décrets émanés de nos supérieurs, et nous attendons, avec impatience, le moment que cet édit touchera à sa fin pour témoigner à nos frères de Russie l'amitié fraternelle qui nous tient avec eux et dont nous vous chargeons de les assurer.

Nous vous remercions tendrement, avec les honneurs qui vous sont dûs, des peines que vous avez eues et nous vous déchargeons, par cette lettre, de votre commission, attendant un moment propice pour vous convaincre de notre sincère attachement et amitié: sur ce, nous prions le grand architecte de l'univers de vous protéger avec sa grâce.

Donné au grand directoire du Nord le 10me jour du 7me mois, l'an de grâce 1777. Signé: Charles, duc de Suderm[anie], et plus bas: ad. Louis Cte de Lewenhaupt.

1779. Mémoire des fournitures faites à S. E. Mgr le prince Kourakine par Lesage, tailleur du Roi.

Paris, du moi de juillet 1777.

6 $\frac{1}{2}$ aunes de velours d'hiver amaranthe, couleur fine, à 34 livres l'aune, pour habit, et envoyé de quoi faire la culotte—221 livres: 1 $\frac{1}{2}$ aune de fort satin jaune de Gênes, à 15 livres l'aune, pour veste et parements—22 livres 10; 8 aunes de satin jaune, à 10 livres l'aune, pour doubler l'habit et la veste—80 livres; dessous de veste en satin—10 livres; entre-deux de toile et ouate pour la veste—4 livres 10; broderie de l'habit, veste et parements d'un bord riche en soie et chenille nuancé avec plissés riches à la veste et aux parements, compartiment de satin couvert en tulle—560 livres; poches d'habit et de veste—1 livre 10; panier d'habits—3 livres; façon d'habit, veste brodée et culotte—20 livres.

3 $\frac{1}{2}$ aunes de ratine écarlate, teinture des gobelins, à 3 $\frac{1}{2}$ livres l'aune, pour habit, veste et culotte—119 livres; 8 aunes de satin, à 9 livres 10 l'aune, pour doubler habit et veste—76 livres; 2 $\frac{1}{2}$ douzaines de boutons d'or riches, en paillons d'or et perles, à 15 livres la douzaine—37 livres 10; 2 $\frac{1}{2}$ douzaines de petits pour veste et culotte, à 7 livres 10 la douzaine—18 livres 15; poches d'habit et veste—1 livre 10; panier d'habit—3 livres; jarretières d'or pour la culotte—10 livres; façon d'habit, veste et culotte—20 livres.

6 $\frac{1}{2}$ aunes de velours anglais noisette, à 20 livres l'aune, pour habit et culotte sans être faits—130 livres; 1 $\frac{1}{2}$ aune de velours anglais bleuté pour veste et parements, à 20 livres l'aune—30 livres; 8 aunes de croisé pour doubler l'habit et veste, à 7 livres l'aune—36; dessous de veste en soie—10 livres; entre-deux de toile et ouate à la veste—4 livres 10; broderie de l'habit et veste d'un bord riche en soie nuée avec plein

riche à la veste et aux parements—480 livres; poches d'habit et veste—1 livre 10; panier d'habits—3 livres; façon d'habit, veste brodée en soie et culotte 20 livres.

3¹/₂ aunes de drap de castor vigogne à long poil, à 36 livres l'aune, pour un surtout—117 livres; 1 aune de piqué de soie verte pour la veste—15 livres; 8 aunes de ras de St-Cyr. à 7 livres l'aune, pour doubler l'habit et la veste—56 livres; dessous de veste en soie—8 livres; 38 boutons d'acier ovales, à 15 livres la douzaine—47 livres 10; velours pour le collet du surtout—3 livres; poches d'habit et veste—1 livre 10; façon du surtout et veste 16 livres.

Douze paires de bas de soie superfins, à 14 livres 10 la paire—174 livres. Deux pièces de ruban du grand ordre de Danemark contenant chacune 24 aunes, ce qui fait en tout 48 aunes, qui à 7 livres 10 l'aune, font 360 livres.

Porcelaine.

Un déjeuner de porcelaine de France en mozaïque—222 livres; un dito beau bleu—270 livres; une tasse de pareille porcelaine—96 livres; une dito—72 livres; une dito—60 livres; une dito 60 livres; une dito—42 livres.

Six jolis minois en pastel faits exprès avec leurs bordures dorées et leurs glaces, à 72 livres chacun.—432 livres.

Manchettes de dentelle.

№ 1 une paire de manchettes de points à bride—78 livres; № 2 une paire dito—108 livres; № 3 une paire dito—112 livres; № 4 une paire dito—87 livres; № 5 une paire dito—111 livres; № 6 une paire—dito 116 livres; № 7 une paire dito de point d'Argentan—252 livres; № 8 une paire dito—236 livres; № 9 une paire dito—236 livres; № 10 une paire dito—236 livres; № 11 une paire dito—204 livres; № 12 une paire dito—204 livres; payé

pour la façon des douze paires, à 20 sols la paire—12 livres.

Payé pour caisses, emballage en toile cirée. droits du roi, port, voiture de Paris à Rouen, octroi et frais d'embarquement—171 livres.

Fourni au sieur Rondely, valet de chambre arrêté par Son Excellence, un habit complet de drap doublé de toile de coton, boutons d'acier, montant pour les fournitures et façon à 120 livres; avancé en argent comptant pour les frais de son voyage 120 livres, et pour le coût du contrat d'engagement 24 livres. Total six mille quatre cent vingt-trois livres un sol.

1780. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 2. Красное Село.

Любезный другъ и братъ князь Александръ Борисовичъ. Пожалуй, приведи, какъ возможно поскорѣй, путь къ желанному моему совершенному благополучію, увѣдомь меня, мой другъ, говорилъ ли ты послѣ меня Его Высочеству, и не отступаетъ ли онъ отъ своего слова, чтобы меня сдѣлать благополучнымъ; если же ты еще послѣ меня не говорилъ, то, пожалуй, приложи твое всевозможное стараніе, чтобъ Его Высочество не перемѣнилъ своего слова и поскорѣй бы меня выпустилъ изъ полка, чрезъ что ты сдѣлай совершенно счастливымъ твоего вѣрнаго друга и брата.

1781. Ernest, duc de Mecklembourg.—au prince Alexandre Kourakine.

Celle, 3 (14) juillet 1777.

Oserais-je bien rappeler à votre souvenir un ancien ami qui vous est toujours bien attaché, et qui continue

à avoir les mêmes sentiments pour vous, que vous lui connaissez depuis bien des années. Si je ne vous écris pas souvent, cher ami, c'est que je crains de vous importuner. Les devoirs que vous avez à remplir comme homme de Cour, vous laissent peu de moments libres: il serait indiscret d'importuner vos loisirs par mon griffonnage. D'ailleurs, mes lettres ne sauraient être intéressantes: la petite ville que j'habite et que vous connaissez offre peu de nouvelles.

Je prends la liberté de recommander à votre protection le major Bennigsen, porteur de cette lettre, de même que sa femme; je me flatte de votre amitié que vous voudrez bien avoir quelque bonté pour eux. L'histoire du mariage de ces jeunes gens vous sera peut-être déjà connue. Madame est née Mlle de Schwicheldt de très bonne famille. Madame sa mère, un peu trop rigide et sévère, ne voulut absolument point consentir à ce mariage, de sorte que la belle se fit enlever de bon gré, et, à la fin, la mère fut obligée de consentir à tout. Voilà, en peu de mots, un petit roman. Honorez ce jeune couple de votre protection; je vous en aurai une obligation infinie.

Je compte aller pour quelques jours à Pymont, non pas pour y prendre les eaux, mais pour revoir ce charmant endroit où notre première connaissance se fit, et où nous nous jurâmes une amitié éternelle. Ah! cher ami, ressouvenez-vous en aussi, et soyez constant comme moi; donnez-moi un petit mot de réponse et, surtout, dites-moi que vous aimez encore un peu votre ami.

C'est avec les sentiments d'une sincère amitié et ceux d'une estime parfaite que j'ai l'honneur d'être votre fidèle ami et très humble serviteur Ernest, duc de Mecklembourg.

1782. Stanislas II. roi de Pologne,—à M. Tiesenhausen.

Varsovie, 4 juillet 1777.

Le chancelier Borch est venu chez moi avec des plaintes que vous avez obtenu une contumace contre lui, et qu'encore vous tâchez d'en obtenir une autre.

Pour détourner les fâcheuses conséquences qui, non seulement, touchent ses terres, mais encore sa charge, il me dit que, légitimement, il ne peut ni juger ni sceller les privilèges; et voilà ce qu'il m'a fait sentir vivement en me demandant que j'arrête l'affaire, de manière que vous n'en obteniez pas une autre. Entre autres, il m'a dit une chose bien curieuse et bien extraordinaire, savoir: que vous lui avez donné une citation au nom de M. Alexandrowicz, écuyer de Lithuanie, lequel étant ici, a dit publiquement, que non seulement il ne savait rien de cela, mais qu'il était offensé qu'on eût ainsi pris son nom, ajoutant que si le jugement était impartial, il ferait un manifeste et porterait ses plaintes contre vous.

M. le chancelier, après mille autres discours, m'a dit qu'il ne lui est pas possible de paraître devant le tribunal avec M. Tiesenhaus, puisque le tribunal est aujourd'hui plus entre ses mains qu'il n'a jamais été entre celles des Czartoriski et de Radziwil, et qu'ainsi il n'espère rien là de bon pour lui, et il m'a prié beaucoup que le temps pour un jugement ou pour un accommodement soit fixé pour cette affaire à Varsovie.

Le chancelier m'a dit encore ceci, que Sa Majesté Impériale a gracieusement promis à sa femme qu'elle fera veiller sur cette affaire et qu'elle a donné des ordres à l'ambassadeur pour que cette affaire fût jugée ou accommodée à Varsovie, et non ailleurs. Voilà ce qu'il m'a dit, mot pour mot; ajoutant encore ceci: qu'il espérait, par la bonté de la souveraine, qu'il y aurait de nouveaux

ordres à M. l'ambassadeur [pour] qu'il tienne la main à l'exécution des premiers ordres. Il m'a paru vraiment sensible et m'a assuré avoir fait tout ce qu'un honnête homme peut faire; qu'il a eu toute la patience possible; et que même, quand M. Stackelberg, sur les premières nouvelles de cette affaire, lui dit: „Voulez-vous que je prenne cet homme-là par la tête?“ M. le chancelier lui répondit: „Non, monsieur. je ne veux pas agir par force, je souhaite obtenir une satisfaction juridique“. Le chancelier a ajouté encore ceci: „Quand on a nommé une commission et désigné les juges qui devaient la composer, M. le grand-général Branicki a été désigné pour président; je ne me suis point opposé, quoique je susse bien qu'il n'avait jamais été mon ami. Et je [le] lui demandai moi-même, me confiant sur la justice de ma cause. Lorsque cette commission a été cassée. Votre Majesté nous a, à plusieurs reprises, fait espérer qu'elle nous donnerait des preuves de sa bienveillance, en portant M. le trésorier à un accommodement à l'amiable, mais l'effet prouve le contraire: il nous traîne à son tribunal. A présent, je suis venu pour supplier Votre Majesté qu'on nous rende justice ici et que le jugement ou l'accommodement soit établi à Varsovie: et que si M. le Trésorier veut continuer à nous traîner à son tribunal, je puis assurer Votre Majesté que personne de nous n'y paraîtra jamais, et qu'il n'a qu'à faire ce qu'il veut. Il a poussé à bout la patience de tous les honnêtes gens, et il finira mal. Et moi j'attendrai une occasion favorable de lui faire ressentir tous les désagréments qu'il me donne aujourd'hui“. Tel était le sens des discours du chancelier, si je n'en rapporte pas les paroles mêmes.

En conséquence de tout ceci, comme je vous [l'] ai déjà dit plusieurs fois, je ne puis vous dire rien de plus à présent, que, seulement, par l'amitié que j'ai

pour vous et par toutes les raisons de la prévoyance et de la prudence, je vous conseille, monsieur, je vous prie et vous conjure pour l'amour de vous-même: trouvez un moyen plus doux que celui du tribunal que vous avez pris pour finir cette malheureuse affaire. La fortune est changeante, c'est une vérité; une paix d'airain est préférable à une guerre d'or, cela est une autre vérité.

1783. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 5. Село Дугино.

Сердечно благодарствую, любезный другъ, князь Александръ Борисовичъ, за твое дружеское письмо. Отвѣты на включенныя въ ономъ здѣсь слѣдуютъ. Пожалуй, дорогой, поднеси ихъ при засвидѣтельствovanіи моей душевной преданности и истиннаго почтенія. Вотъ четыре дня, какъ я пользуюсь свиданіемъ моимъ съ сестрою и съ братомъ. Къ большому моему удовольствію я нашель бабушку вашу меньше одряхлѣвшю, нежели себѣ представлялъ. Душевно-бъ я обрадовался, если-бъ и тебя могъ здѣсь же обнять, а князь Алексѣя ожидаю всеконечно. Пожалуй, скажи мой искреннѣйшій поклонъ всѣмъ намъ принадлежащимъ нашимъ ближнимъ и дай мнѣ знать, когда считаетъ выѣхать князь Николай Васильевичъ для смотру полковъ; всѣхъ васъ сердечно обнимаю. Живи съ Богомъ.

1784. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 5. Село Дугино.

Увѣрили меня, что сегодня къ вамъ почту отправятъ, для чего, не хотя время потерять, отмѣнить не могла, чтобы вамъ, мой дорогой другъ, не сказать, что мы здѣсь уже четыре дня, слава Богу, пріѣхали здо-

ровы и къ совершенному себѣ удовольствію наѣхали своего драгоценнаго хозяина здорова и очень весела. О свиданіи съ нимъ вамъ не описываю,—можете сами себѣ его представить, сколь оно было всѣмъ намъ радостно, больше тѣмъ, что нашли его гораздо здоровѣе, чѣмъ когда себѣ воображали. Вашего присутствія у насъ недостаетъ, чтобы совершить наше удовольствіе. Вы знаете, мой любезный другъ, что я чистосердечно своихъ люблю и ничего пріятнѣе не нахожу, какъ быть между ими, особливо, когда дружба всѣми властвуетъ. Положеніе мѣста мы наѣхали очень хорошее; только за большими вѣтрами еще нигдѣ быть не могли; топерь собираемся ѣхать гулять. Не знаю, дозволить ли время этимъ пользоваться.

1785. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 5. Село Дугино.

Простите мнѣ, ваше сіятельство, что я не имѣлъ чести вамъ донести о прибытіи сюды на другой день Петрова дни ихъ сіятельствъ графа Петра Ивановича, княгини Александры Ивановны и княжны Аграфены Александровны прежде. Сіе происходило, конечно, отъ одной невозможности, а отнюдь не отъ недостатка моего горячаго усердія, съ коимъ я обыкъ всегда исполнять повелѣнія ваши. Невозможность же сія воспослѣдовала не отъ того, чтобы не съ кѣмъ было отправить къ вамъ донесеній моихъ, но потому, что я привужденъ отправленіемъ ихъ къ вашему сіятельству нечувствительно промедлить нѣсколько дней за отлагательствомъ, такъ сказать, съ часу на часъ отвѣта его сіятельства графа Никиты Ивановича, который здѣсь слѣдуетъ, а безъ онаго онъ не изволилъ приказывать почтальона отправлять.

Признаюсь самъ, милостивый государь, что я не могу довольно теперъ нараловаться, видя семейственное пребываніе всей вашей высокопочтенной фамиліи, и не скажу, конечно, неправды, если примѣчу, что къ составленію ея прямого и полнаго удовольствія ощущается мною одинъ недостатокъ, т. е. что нѣтъ васъ съ ними. Пріѣзжайте, милостивый государь, хотя на самое короткое время, и подайте имъ то единственное утѣшеніе, коего имъ не достаетъ къ теперешнимъ пріятнымъ положеніямъ.

1786. Самуиль, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 6. Ростовъ.

Чувствительно ваше сіятельство меня одолжили первымъ своимъ пріятнѣйшимъ письмомъ мая отъ 16, во послѣднимъ несказанно больше обрадовали, доставивъ мнѣ вѣрно отъ Государя Великаго Князя высочайшій отвѣтъ на мое съ праздникомъ Святыя Пасхи поздравленіе. Ему угодно было начертаніемъ своей десницы возвѣстить мнѣ то же, чѣмъ и вы порадовали. Ни изрещи, ни изобразить не могу, какою я объять былъ радостію, увѣдавъ совершенно о томъ; стократно я лобызалъ духомъ и сердцемъ моимъ руку великаго Павла, начертавшую ясныя знаки оной радости, открывшейся въ начувствительнѣйшихъ выраженіяхъ. Покорно прошу васъ, милостивый государь, изъяснить мою Его Императорскому Высочеству истинную благодарность посредствомъ препровождаемаго при семъ письма. Я въ ономъ то начерталъ, что отъ сердечныхъ и душевныхъ моихъ чувствій истекало на мое перо. Дай Богъ намъ скоро и благополучно совершеннымъ достиженіемъ нашего чаянія и желанія возвеселиться.

Прошу поздравить, если благопристойный случай откроется, и Государыню Великую Княгиню, и доложить, что уже то исполняется, чего я въ первомъ моемъ письмѣ Ея Высочеству желалъ отъ всего усердія. Государь Великій Князь повелѣлъ мнѣ не разглашать; усердно васъ прошу увѣрить, что я не изъ числа тѣхъ людей, коихъ языкъ необузданъ, и о коихъ цѣлю третью главу Іаковъ апостоль написалъ: я вѣренное мнѣ умѣю свято и ненарушимо сохранять, хотя съ сожалѣніемъ признаться должно, что наши церковныя узаконенія въ семь случаѣ недѣйствительными остаются. Мы въ церкви о семъ внутренно молимся, а нѣкоторыя христіанскія державы, какъ-то шведская, отверстыми устами проливаютъ мольбы ко Всевышнему Подателю благъ, но внутренняя молитва предпочитается вѣшной.

Вы въ первомъ своемъ письмѣ обрадовались о счастливыхъ моихъ успѣхахъ; я сіе ваше чувствіе приѣмлю истиннымъ знакомъ велицемѣрной вашей ко мнѣ любви, но какъ вы во первыхъ принимали въ томъ искренное участіе, то я вамъ первымъ долгомъ моимъ поставляю принести наичувствительнѣйшую мою благодарность и молю Бога, чтобъ онъ единъ благоволилъ мнѣ открыть и подать средства, служащія къ совершенному о томъ насъ увѣренію.

Справедливо, что я съ крайнимъ сожалѣніемъ оставилъ моихъ благодѣтелей, вамъ извѣстныхъ, но положеніе обстоятельствъ моихъ, а паче долгъ мой неминуемо того требовалъ. Всѣ ваши выраженія, къ сему относящіяся, на истинѣ основаны. Я ихъ не только лобызаю устами, но и сердцемъ. Онѣ суть сладчайшій плодъ вашей ко мнѣ дружбы и искренности. „Аще сія забуду вся, забвенна буди десница моя“,—такъ нѣкогда древность увѣряла о своей благодарности и чувствительности.

Съ прискорбіемъ получилъ я вѣсть, что нашъ об-

шіи пріятель Петръ Васильевичъ взялъ отставку, но объ оной еще достовѣрнаго извѣстія не имѣю.

Исполняя ваше требованіе, или, лучше сказать, удовлетворяя ваше ко мнѣ нелестное усердіе, имѣю честь о себѣ донести, что я прибылъ 14 мая въ Ростовъ. Время здѣсь было самое непріятное, со стужею и лихорадочными, однако неопасными припадками соединенное. Климатъ въ Ростовѣ весьма нездоровый, сырой, скурбутическій; положеніе мѣста низкое, гнилое и болотистое. Вода такая въ озерѣ, которой никакъ пить не можно, особливо вновь пріѣзжему человѣку. Я за 10 верстъ, а иногда и болѣе, получаю воду. Жители сего города избавляются отъ всѣхъ своихъ болѣзней лукомъ да чеснокомъ и лѣкарствъ никакихъ никогда не требуютъ и терпѣть не могутъ вовсе врача. Къ крайнему удивленію родившіеся здѣсь живутъ девяносто и болѣе лѣтъ, только лукомъ да чеснокомъ совсѣмъ провоняли. Сии овощи огородные составляютъ ихъ и промыселъ почти первѣйшій. Я избавляюсь отъ всѣхъ припадковъ переменною воздуха, въ отдаленныя монастыри и загородныя дома, совсѣмъ обветшавшіе и упавшіе, ежечасно выѣзжая; пью пирмонтскія воды, кои весьма мало поспѣшествуютъ къ возстановленію моего здравія, а для лучшаго и пріятнѣйшаго препровожденія времени упражняюсь въ отправленіи моихъ дѣлъ, служащихъ къ удовольствію моему частвы.

Я былъ на самое кратчайшее время въ Ярославлѣ. Городъ прекрасный какъ положеніемъ своего мѣста, такъ и благоустройствомъ воздуха. Можно о немъ по справедливости сказать: „рѣчная устремленія веселятъ градъ сей“. Нашелъ я въ немъ благолѣпіе церковей рѣдкое и вниманія достойное: едва остается какая церковь, которая бы не имѣла жемчужной утвари. По сейто причинѣ старая пословица Ярославля тако гласитъ: „Городъ Ярославль богомольемъ взялъ“. Раскольниковъ

въ городѣ почти нѣтъ, — не болѣе пяти человѣкъ, кои скоро, уповаю, придуть въ разумъ истины. Если мнѣ въ семь городѣ жить, то можно здоровымъ быть, а въ Ростовѣ никакъ не можно. Только въ Ростовѣ домъ архіерейскій славный и почти какъ Кремль въ Москвѣ. Не думаю, чтобы въ Россіи подобный другой домъ архіерейскій могъ сыскаться. Есть и въ Ярославлѣ домъ архіерейскій, но весьма ветхъ и по многимъ причинамъ къ пребыванію вовсе не способенъ. Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ на самое краткое время занялъ было оный, но по причинѣ сырости и ветхости оставилъ. Стоитъ на горѣ при самой Волгѣ на самомъ прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Жители города Ярославля откровенные люди, ласковые и набожные. Счастливъ Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ, — его всѣ полюбили. Онъ своимъ тихимъ и кроткимъ поведеніемъ и благоразумными распоряженіями привлекъ ихъ къ себѣ сердца и заслужилъ любовь. Признаюсь, что и я его обращеніемъ со мною весьма доволенъ и больше желать не могу. Продолженіе нашего обращенія съ нимъ, уповаю, еще насъ тѣснее соединитъ. У меня не было и не будетъ такихъ несогласій, каковы произошли между г. Кречетниковымъ и московскимъ преосвященнымъ: я во всемъ споспѣшествую общему благу. Г. Мельгуновъ отправился къ вамъ. Если онъ вамъ знакомъ и друженъ, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Онъ, уповаю, часто бываетъ у Николая Ивановича г. Салтыкова. Не погнувайтесь, что я симъ пространнымъ описаніемъ моихъ обстоятельствъ отнял у васъ нѣсколько минутъ драгоценнѣйшаго вашего времени, — вы сами къ тому подали причину.

Я слышу, что его сіятельство графъ Никита Ивановичъ уже въ вяземскихъ своихъ деревняхъ, куда отправилась какъ ея сіятельство княгиня Александра Ивановна, такъ и графъ Петръ Ивановичъ. Сердечно

сожалѣю, что я не могу съ ними принять участіе, а если-бъ я въ Москвѣ былъ, то конечно бы къ тому средство открылось, но сердцемъ и душой желаю, чтобы сіе путешествіе послужило графу Никитѣ Ивановичу къ возстановленію дражайшаго его здравія и къ общему всѣхъ любящихъ вашу фамилію обрадованію.

Поздравляю васъ съ дражайшимъ гостемъ, — королемъ шведскимъ. По дѣламъ сего государя я увѣренъ, что просвѣщеніе, ему вообще приписываемое, и прославленіе воздаваемое, по справедливости, занимаютъ въ душѣ его мѣсто.

Прошу о Петрѣ Васильевичѣ обстоятельнѣе меня увѣдомить. Я наиболѣе буду сожалѣть, если онъ пошелъ въ отставку. Ни лѣта его, ни способность къ службѣ, ни доброе расположеніе къ общему благу души его не дозволяютъ еще ему предать себя уединенію.

Искренно васъ поздравляю съ тѣмъ же самымъ, что вы мнѣ возвѣстили. Я во всей моей жизни не желаю болѣе ничего, кромѣ сихъ радостныхъ увѣдомленій. Увѣряютъ меня нѣкоторые, что сія сладчайшая надежда можетъ совершиться въ самое то время, когда наша ярославская губернія откроется, т. е. первыхъ чиселъ декабря.

Не могу я вамъ не открыть того, о чемъ меня пріѣзжающія знатныя особы къ намъ на богомолье совершенно увѣряютъ. Государь Великій Князь о томъ же изволилъ писать къ московскому, о чемъ и ко мнѣ, но сей вездѣ не только разгласилъ, но и копіи чрезъ заиковоспасскаго архимандрита раздаетъ. Вообразите, свойственно ли такое дѣло просвѣщенному человѣку? Я знаю, что Государь Великій Князь оказываетъ ему отличную довѣренность, но сердечно сожалѣю, что сей человѣкъ употребляетъ оную во зло. Страсть тщеславія затмѣваетъ все его просвѣщеніе.

Онъ симъ образомъ хочетъ увеличить свое высокоуміе, честь и славу, но трудно и невозможно почти возвратить то, что однажды и съ самаго начала потерялъ. Отпустите великодушно мнѣ, что я о семъ вамъ столь откровенно изъяснился; не страстью движимый, но сожалѣніемъ порываемый сіе пишу и прошу сохранить для себя. Я не сомнѣваюсь, что вы слышите, что о немъ пріѣзжающіе къ вамъ говорятъ. Уповаю, — фельд-маршалъ князь Александра Михайловичъ Голицынъ всѣмъ пересказалъ, какія онъ, будучи на кушаньи у графа Петра Ивановича, проказы дѣлалъ, гдѣ и я былъ, но желалъ бы или никогда съ нимъ не быть, или чтобъ онъ свое поведеніе совсѣмъ перемѣнилъ. Думаю, — и князь Михайла Никитичъ г. Волконскій много вѣстей о немъ къ вамъ привезъ. Повѣрьте, что и изъ самой черни нѣтъ такого человѣка, который бы не готовъ былъ возложить на него руки, якоже на Павла апостола.

1787. Графъ И. А. Остерманъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 9. С.-Петербургъ.

Препровождая къ вашему сіятельству для всенижайшаго полнесенія Его Императорскому Высочеству полученное мною сейчасъ отъ графа Стакельберга письмо, имѣю честь въ отвѣтъ на почтенное ваше письмо, отъ 13 дня сего мѣсяца, довести, что шведскаго короля письмо, по милостивѣйшему повелѣнію Государя Цесаревича, въ архивѣ иностранной коллегіи хранимо, только я-бъ слабѣйше мнилъ, что оное письмо заслуживало отвѣтъ. Другое же письмо къ Ея Императорскому Высочеству, мнѣ кажется, не такого содержания, чтобы заслуживало отвѣтъ. Слѣдовательно, буду ожидать объ ономъ дальнѣйшаго высокаго повелѣнія.

1788. Le comte Ivane Golovkine — au prince Alexandre Kourakine.

Monchoix, près de Freienwalden, le 11 (22) juillet 1777

Vous voudrez bien ne point vous scandaliser de ce que je vous griffonne ainsi sans compliments. Nous sommes trop sincères et, j'ose croire, trop amis, pour observer ces minuties. D'ailleurs je ne saurais me refuser d'accompagner de quelques lignes la lettre que ma sœur de Kameke prend la liberté d'adresser à Son Altesse Impériale, qui a daigné m'ordonner de dire à ma sœur qu'elle devait lui écrire. Je vous aurais une obligation infinie, mon cher Prince, si vous aviez la bonté de me mettre aux pieds de Leurs Altesses Impériales, à cette occasion. J'ai reçu tant de marques de leur haute bienveillance que je ne puis que regretter le temps, où je serai privé de leur rendre mes hommages. Comme ils sont absolument désintéressés, n'étant dictés que par l'admiration qu'inspire la connaissance des vertus qui font le bonheur de ceux qui approchent Mgr le Grand-Duc et Mme la Grande-Duchesse, je puis les exprimer librement, et réunir, de cette façon, le plus agréablement du monde, mon devoir et mon inclination. Après cet épanchement des sentiments dont mon cœur sera toujours rempli, je retourne à vous, mon cher Prince, qui faites souvent le sujet de la conversation parmi des personnes qui vous sont fort acquises, parce qu'elles vous connaissent.

Notre société actuelle est composée de mes deux sœurs, de ma belle-sœur, de mon frère et de mon neveu: ces derniers se rappellent toujours le colonel du régiment de Royal-Fantaisie, dont ils portent encore l'uniforme, et tous me chargent de leurs compliments sincères. Pour moi, qui vous rends aussi la justice que vous

méritez, je me retrouve avec beaucoup de satisfaction auprès de mes plus proches parents qui sont en même temps mes vrais amis. J'ai été longtemps privé de les voir, entre autres ma sœur de Schmettau, ce qui occasionna une scène d'abord comique, ensuite attendrissante, puisque l'on nous présenta l'un à l'autre sous des noms étrangers et que nous eûmes de la peine à nous reconnaître après un espace de vingt-quatre ans. La bonne et cordiale réception de ma famille me console du grand détour qu'il m'a fallu faire pour venir ici, et de la fatigue du chemin par terre. Cela m'a plus fatigué que le trajet par mer, quoique les vents contraires et les calmes m'aient arrêté [à] quinze jours de Cronstadt à Travemunde. J'ai aussi essuyé un assez fort orage, mais pouvant gagner la haute mer, il n'y avait pas tant de danger que si cela nous avait surpris dans le golfe de Finlande. Presque tous les passagers étaient malades; moi, qui ai le pied marin,—le bon appétit, de même que le sommeil, ne m'ont pas fait le moindre faux bond, et je suis très décidé de [à] retourner par Lubeck et Réval, ne connaissant pas cette dernière ville. La semaine prochaine je compte partir pour me rendre à Pymont où ma femme m'attend. Je ne sais point au juste de quel côté je porterai ensuite mes pas, mais j'irai pour sûr en Hollande, pays où il sera certainement question de vous, mon cher Prince, à cause que vous y êtes aimé et estimé comme partout où vous avez été. Si vous voulez me favoriser d'une réponse, vous pourriez l'adresser directement à La Haye et la donner à M. le directeur des postes d'Eck, qui me la fera parvenir.

Permettez-moi de vous demander si mon neveu Alexey Gavrilovitch vous a communiqué une lettre de Mme Voltchkov, femme du chargé d'affaires à Dantzick, où elle me priait de vous prier de faire en sorte, s'il est possible, que son fils fût attaché au régiment de

Mgr le Grand-Duc, comme honoraire, en attendant que son âge lui permette de faire le service. Je prendrai sur mon compte ce que vous croirez possible de faire à cet égard, parce que le père et la mère sont des braves gens, et l'enfant promet beaucoup, nonobstant qu'il est encore bien jeune.

1789. J. A. d'Ahlefeldt—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 11 juillet 1777.

La gracieuse permission, de la part de S. A. I. Mgr le Grand-Duc, d'oser assister à l'exercice de son régiment, m'est la plus agréable nouvelle, mon Prince, que vous auriez [eussiez] jamais pu m'apprendre. Je vous ai certainement toute la reconnaissance de me l'avoir procurée, et rien ne m'empêchera de me rendre jeudi matin à l'endroit indiqué.

Les lettres que vous m'avez fait l'honneur, mon Prince, de m'adresser pour M. de Levetzau lui seront incessamment remises; son départ est fixé à jeudi au soir.

1790. Князь Н. В. Репнинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 11. Ульяновка.

Посылаю при семь вишни для Великой Княгини, которья прошу ей отъ меня поднести.

О князь Степанъ я вынче пишу къ графу Никитъ Ивановичу, прося, чтобъ онъ его жребій рѣшилъ.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ и благополученъ.

1791. Le prince Nicolas Repnine—au prince Alexandre Kourakine.

Oulianka, 15 juillet 1777.

J'ai reçu, mon ami, votre lettre d'hier par M. votre frère. Ma maison ne sera pas incessamment prête, mais vous pouvez disposer de la vôtre. Je la ferai évacuer aussi vite que possible, et avant le premier d'août. Je vous suis sensiblement obligé de la complaisance que vous avez eu de me la prêter, mais je vous en demande encore une: c'est celle de faire examiner par vos gens le dommage que je puis y avoir fait, afin que je puisse le faire réparer. Quant à l'architecte, il s'appelle Boton et [c'] est celui du collège de commerce. Vos gens n'ont qu'à demander sa demeure chez les miens.

Je vous supplie, mon ami, de présenter à Mme la Grande-Duchesse les cerises que je vous envoie, et de demander réponse à Monseigneur s'il désire, lundi matin, voir ma compagnie qui est à Péterhof. Marquez-moi ce qu'il vous dira et présentez-lui la lettre ci-incluse.

Je vais aujourd'hui en ville et porterai moi-même ma réponse à Mme de Borch.

1792. Графъ Н. И. Панинъ—князю Алекса́ндрѣ Куракинѣ.

1777 г. іюля 19. Сельцо Дугино.

За твое, любезный мой князь Александръ Борисовичъ, послѣднее, отъ 4 числа, я благодарить за тѣмъ замѣшкался, что по причинѣ продолжающейся здѣсь очень худой погоды былъ не очень здоровъ и особливо страдалъ, да и теперъ еще по часамъ много терплю отъ головного боля, между тѣмъ же считалъ, что ты, мой другъ, уже получилъ мое письмо, препровождающее

отвѣтъ мой къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Повѣрь, мой дорогой, что я совершенно удостовѣренъ о изящности расположеній твоей души и разсудка. Держи только въ уздѣ добродѣтели ваши случайныя воображенія, то ваши дѣянія всегда будутъ руководствоваться добрымъ разсудкомъ, и оный нечувствительно возьметъ въ васъ мѣсто всѣхъ вашихъ желаній, а сія теорія по наслышкѣ не приобрѣтается.

Я съ сердечнымъ удовольствіемъ, любезный другъ, читалъ твою рефлекцію объ импетѣ правосудія и личнаго какого-либо оскорбленія, и что таковыя живности однимъ только испытаніемъ исправляемы быть могутъ. Въ сей провицательной истинѣ благоразсужденіе отчаяваться, конечно, не дозволить, лишъ бы только утвердить предъ своими душевными глазами, что и всякая правда на краю своей силы принимаетъ образъ осудительный. Не хочу скрыть предъ тобой, мой дорогой другъ, что таковымъ существомъ представляется мнѣ сенсація, происшедшая отъ отвѣта о законахъ шведскихъ въ разсужденіи браковъ. Тутъ нашъ гость не помѣстилъ разсудка, а вырвался одною истинною своей земли, гдѣ единая воля монарша не составляетъ законовъ. Правила воспитанія его земли отличаютъ совѣмъ государственные законы отъ права, или регалій, монарха прощать и миловать безъ поврежденія основаній и обиды невиннымъ. Когда онъ былъ о семъ спрошенъ, ему бы надлежало напередъ одумать, что ему надобно было отвѣчать передъ людьми, которые воспитаніемъ и привычкою поставляютъ власть законовъ надъ собою въ одной волѣ монаршей, а тогда бы, можетъ быть, его отвѣтъ былъ размѣриѣе. Сей самый примѣръ, мой любезный другъ, можно счесть въ категоріи многихъ подобныхъ, кои ты еще въ свѣтѣ повстрѣчаешь между людьми, въ разныхъ правилахъ воспитанными.

Теперь побесѣдую съ вами о братѣ твоёмъ князѣ

Степанъ Борисовичъ. Ты, мой другъ, конечно, обстоятельно знаешь, какимъ образомъ говорилъ о немъ Его Высочество съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ по причинѣ его переселенія въ пикиверные полки, и что Репнинъ о семъ ко мнѣ писалъ. Я на сегодняшній мой къ нему отвѣтъ и на письмо мое къ теткѣ твоей Марьѣ Степановнѣ здѣсь ссылаюсь. Ей-ей, любезный мой, вѣтъ ни чести, ни авантажа столь благородному похищать чины чрезъ пикиверскую службу. Лучше ихъ позже достигать, но путемъ благопристойнымъ, умалчивая о томъ, что тутъ неизбѣжно представляется къ совершенному закоснѣнію достоинствъ чловѣка въ братѣ твоемъ, о чемъ по его лѣтамъ размышлять должно гораздо больше, нежели о его настоящихъ чинахъ.

Сердечно и съ нетерпѣливостью ожидаю, любезный мой, приближающагося торжества нашей обожаемой Великой Княгини. Дай Боже, мнѣ тебя симъ днемъ особенно поздравить, а теперь поручаю напамятовать Ихъ Высочествамъ о моей къ нимъ душевной привязанности и подвергнуть къ ихъ стопамъ; тебя же, моего друга, сердцемъ и душою обнимаю. Живи съ Богомъ.

1793. Приказъ въ полкъ.

1777 г. іюля 19.

По ордеру г. генераль-майора барона Строганова съ прописаніемъ повелѣнія главной команды и государственной военной коллегіи указа, онаго полку г. примеръ-майоръ князь Степанъ Куракинъ, по представленію г. генераль-аншефа и государственной военной коллегіи вице-президента и кавалера князь Григорія Александровича Потемкина и по признанію имъ способности и достоинства, опредѣленъ къ формированію поселенныхъ гусарскихъ и пикиверныхъ полковъ

съ награжденіемъ подполковничьимъ чиномъ, почему въ тѣ формируемыя полки изъ онаго выключенъ, о чемъ полку и вѣдать; а не имѣется ли чьихъ казенныхъ или партикулярныхъ долговъ, подать отъ ротъ и отъ должностей рапорты. Подлинный подписалъ вице-полковникъ и кавалеръ фонъ-Паткуль.

1794. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 24. Село Дугино.

Мы, слава Богу, всѣ здѣсь здоровы и довольны, живемъ дружелюбно, спокойны и веселы, пользуемся гуляньемъ, сколько время дозволяетъ, остальное употребляемъ дѣланіемъ своей партіи, и такъ всегда безъ скуки время свое проводимъ. Сердцемъ, право, жалѣю, что васъ, мой любезный другъ, съ нами нѣтъ. Одного вашего присутствія не достаесть для совершенія нашего удовольствія. Ждемъ отъ васъ сюда гостей, которыми очень радуюсь. Со всѣмъ тѣмъ дрожу, чтобы не нанесло на меня тучи. Таперь вы знаете, въ какомъ мы положеніи. Отсюдова вѣстей никакихъ нѣтъ, только что гостять здѣсь Пассекъ и Хованскій съ женою.

1795. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину.

1777 г. іюля 26. Село Дугино.

Препровождая къ вашему сіятельству слѣдующее здѣсь письмо, имѣю я честь вамъ, милостивый государь, донести, что всѣ ваши здѣсь находящіеся родные находятся въ добромъ здоровьѣ, угѣшаясь несказанно, что они могутъ прожить вмѣстѣ нѣсколько дней, не занимаясь ничѣмъ другимъ, какъ одними невинными деревенскими забавами и изліяніемъ другъ къ другу

однихъ нѣжныхъ сродственническихъ чувствованій. Они разговариваютъ весьма часто о васъ и сожальютъ, что васъ здѣсь нѣтъ, а особливо ея сіятельство княгиня Александра Ивановна. Она изволить почти выѣзжать ежедневно, да и на охоту.

Сколько его сіятельство графъ Никита Ивановичъ изволить здѣсь прожить,—не могу точно донести вашему сіятельству, а только знаю то, что онъ проговаривалъ нѣсколько разъ, что онъ изволить здѣсь остаться до первыхъ чиселъ сентября.

На сихъ дняхъ гостили здѣсь Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ и князь Алексѣй Васильевичъ Хованскій съ княгинею, а теперь находится здѣсь Петръ Богдановичъ Пассекъ и поѣдетъ отсюда въ будущую субботу прямо въ С.-Петербургъ.

1796. M. Numsen—au prince Alexandre Kourakine.

Fridensbourg, 27 juillet (7 août) 1777.

Je ne saurais vous dire, Monsieur. quelle a été ma joie, lorsqu'un capitaine de vaisseau m'a apporté, le premier de ce mois, la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 18 mai, et qui renfermait le portrait de Mgr le Grand-Duc. Cette marque gracieuse des bontés d'un Prince que je révère et, s'il m'est permis de me servir de ce terme, que j'aime si sincèrement, a réveillé toute la sensibilité de mon âme, et mon ravissement, ainsi que ma reconnaissance, étant trop vifs pour se renfermer en eux-mêmes, je prends la liberté de lui adresser la lettre ci-jointe. J'espère, mon cher Prince, que vous voudrez bien vous charger de la présenter à Son Altesse Impériale, et porter en même temps à ses pieds les remerciements les plus respectueux et les plus sincères pour cette nouvelle

marque de sa haute bienveillance, dont le souvenir sera cher et éternellement présent à ma mémoire.

Recevez pour vous-même, mon cher ami, tous les remerciements que je vous dois pour la part que vous avez à un don si précieux, et soyez persuadé que ma reconnaissance égalera toujours le ravissement que vous m'avez causé, en me procurant l'image d'un Prince pour lequel mes sentiments ne vous sont point inconnus.

S. A. R. Mgr le prince Frédéric, ayant très gracieusement reçu ce que j'étais chargé de lui dire de votre part, m'a ordonné de vous donner, Monsieur, les assurances les plus positives de son estime et de la satisfaction avec laquelle elle découvre en vous un attachement au Danemark, dont elle vous tiendra toujours compte. Elle vous fait dire, en même temps, que votre ancienneté parmi les chevaliers de Danebrog est datée du jour où les marques de l'ordre ont été expédiées d'ici pour M. le comte de Panine. Je souhaite de tout mon cœur que le moment où vous en serez décoré ne soit pas trop reculé, et j'en apprendrai la première nouvelle avec le plus grand plaisir. Je vous prie, mon cher Prince, de me renouveler [rappeler] au souvenir de ceux qui me conservent encore quelque bonté, surtout à celui du respectable comte de Panine, auquel je porte, avec raison, les sentiments d'un fils, et de Marie Andréévna, Catherine Andréévna, Prascovia Alexandrovna, Anna Nikitichna, Marie Stépanovna, etc.

Je crois devoir vous informer, mon très cher ami, parce que vous vous rapportez dans votre lettre à une lettre de Monsieur votre oncle à M. le comte de Bernstorff, que celui-ci n'a pas jusqu'ici reçu de réponse à sa lettre de la part de M. le comte de Panine.

1797. Le prince Stanislas Poniatovski—au prince Alexandre Kourakine.

Varsovie, 28 juillet (8 août) 1777.

Votre lettre, mon cher Prince, m'a donné, et en partie dédommagé, du regret d'avoir perdu celle que vous m'avez adressée sous le sauf-conduit du corps diplomatique. Vous avez pu voir par ma première, qui vous aura été remise par M. Deboli, tout le cas que je fais d'avantages semblables: c'est donc moi qui me crois le droit de vous donner, plutôt que de recevoir, conseil à ce sujet. Cette mauvaise querelle passée, vous aurez encore à vous accommoder de ma manière de prendre à rebours votre lettre, c'est-à-dire pas autrement que par sa fin: car, quant aux expressions d'amitié que vous avez bien voulu y placer, elles sont trop flatteuses pour moi et trop réciproques de ma part, pour que je ne veuille les conserver exactement comme elles sont.

Soyez persuadé, mon Prince, que j'ai témoigné au Roi, avec tout l'intérêt et l'énergie que le motif m'inspirait, le désir que le comte de Panine avait de voir M. Sacken décoré de l'ordre de l'aigle blanc: mais quoique le Roi sente bien vivement le prix de l'amitié du Comte, il a été impossible de vaincre sa répugnance à cet égard: et pour se débarrasser de ma sécature [mon insistance] il me ferma la bouche, disant qu'il écrirait lui-même à ce sujet à votre oncle, mon Prince. Comme il lui en coûte de ne pas pouvoir entrer aussi bien qu'il le voudrait dans les vues du Comte, il a différé jusqu'à présent cette lettre. Je l'ai de nouveau fait souvenir de la chose, mais il n'a parlé que de la lettre, disant qu'elle partirait bientôt. Voilà, mon Prince, du moins, l'histoire de la chose, faible dédommagement de ce que j'aurais aimé à vous envoyer.

Quand vous me demandez, mon Prince, que je vous marque les personnes qui m'intéressent à Pétersbourg, pour que vous m'en envoyiez des nouvelles, je commencerai par vous mettre à la tête de la liste; car ce n'est pas nouvelle [nouveau] pour moi que vous avez [ayez] le bonheur souvent d'être pas seulement auprès, comme l'on dit, mais même avec le Grand-Duc, dans sa société [la] plus intime. Au reste, quoique ceci ne soit pas nouvelle [nouveau], la chose me paraît si fort à votre avantage que je m'en entretiendrai toujours avec le plus grand intérêt avec vous.

Mais après vos occupations de physique et lectures politiques,—si la physique et la politique ont encore quelque chose à vous apprendre,—il faut pourtant que vous vous récréiez dans quelque société particulière, surtout dans l'absence du comte de Panine, et je serais bien aise de pouvoir vous suivre un peu d'ici; et puisque vous me permettez de vous faire quelque question. apprenez-moi comment va la coterie des jolies jeunes femmes chez Mme Nélédinski. Et le prince Kourakine, qui n'y serait pas déplacé, en est-il? Au reste, l'été peut avoir dissipé tout cela. Sa tendance naturelle est de porter l'homme à une société bien moins nombreuse. Je ne sais si le soleil a la même force dans votre climat, et je serais bien aise d'avoir à ce sujet quelques observations physiques de votre édition; si je ne me trompe elles seraient très correctes.

Je n'ose vous en envoyer de mon voyage, n'ayant presque fait que courir. Je puis pourtant vous dire que j'ai été enchanté de la fertilité et d'un [du] degré de culture, beaucoup supérieur à celui auquel je m'attendais dans vos provinces méridionales. Pourvu qu'on ait un peu de patriotisme ou d'humanité, il est difficile de ne pas être frappé et touché de la différence de votre Ukraine à la nôtre. Le sol est d'égale

bonté, mais ni la population ni la culture ne sont égales; puis ces batteries continuelles, que les disputes très mal fondées pour les limites font naître, arrêtent encore ce peu de progrès que le pays pourrait faire. Ce coin de la Pologne, la Podolie et la Volhynie y comprise, sont les meilleurs domaines du Royaume: et quoique ces provinces soient très destituées de numéraire actuellement, il se pourra [pourrait] qu'avec le temps leur situation à cet égard sera [soit] moins déplorable, surtout si le commerce de la mer Noire devient plus avantageux, et si les rivières qui y mènent sont rendues navigables. Réellement, il est inconcevable à quel point se fait sentir chez nous ce manque d'argent; la plus sûre mesure en est, il me semble, le prix des terres; celles qui ont perdu le moins de leur valeur ont déchu d'un tiers, et probablement elles déchoiront encore davantage, vu qu'on ne peut presque pas arrêter la sortie de l'argent pour mille choses de luxe dans ce cher pays de liberté accompagnée d'un gouvernement si faible.

Il est vrai que notre situation est bien triste, car qu'y a-t-il de plus fâcheux que de se voir si petit entre trois puissances si formidables! Malgré cela, le Roi ne se décourage pas et travaille aux choses qui sont à faire dans cet état de faiblesse et de dépérissement général, non par plaisir, mais par fermeté, et par un devoir que ses vertus citoyennes lui dictent.

Je crois, mon cher Prince, que vous conviendrez que cet éloge est bien mérité, et si vous n'en étiez pas assez persuadé, rappelez-vous les horreurs dont votre situation d'alors ne pouvait nous défendre de la Diète de 1775.

C'est de cette fange de crimes particuliers, infinis, qu'est sorti un des plus beaux monuments de la sagesse humaine: je veux dire la commission d'éducation; et

qui en a été l'auteur?—ce n'est sûrement pas la Diète, car elle a fait, et y a réussi en partie, tout ce qu'elle a pu pour faire avorter l'utilité de ce plan, en détournant par des voix différentes les fonds, après les jésuites, destinés à l'exécution de ce plan. Ce n'est donc que le Roi qui a protégé cet établissement, soutenu par la Russie et un petit nombre d'honnêtes gens.

Pardonnez-moi, mon cher Prince, cette tirade de politique; comme elle peut vous avoir fatigué, il faut vous laisser un peu reposer. Il est vrai qu'il est bien agréable de s'entretenir avec vous, car outre que vous avez tout ce qu'il faut pour comprendre, vous aimez encore à comprendre; moi, de mon côté, je serai toujours charmé d'apprendre votre manière de penser sur les différents objets dont nous pourrons nous entretenir, et me flatte que nos avis ne seront pas fort différents, surtout sur les choses qui regardent mon pays: car s'ils l'étaient, j'aurais la présomption de décider, ou que vous n'êtes pas bon Russe, ou [que] je ne suis pas bon Polonais.

Je n'ai point oublié aucune partie de nos entretiens. et croyez que j'ai déjà songé à effectuer la chose que nous avons concertée. Il est vrai que je regarderai cela comme un très grand malheur pour moi que d'avoir déplu à un Prince qui mérite pour autant de raisons qu'on recherche sa bienveillance que le fait le Grand-Duc, que personne ne saurait être plus sensible que je ne l'ai été à sa froideur, et que personne ne cherchera avec plus d'ardeur à en effacer toutes les traces.

Il est bien temps de [finir].

Me ferez-vous l'amitié de vous charger de mes respects pour le Comte auprès duquel vous vous trouvez peut-être, et demanderez-vous à Mme de Talisine si elle se souvient quelquefois d'un quelqu'un qui se rappelle ses bontés avec bien du plaisir.

1798. П. А. Левашевъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 1. Сельцо Дугино.

Время наше здѣсь препровождаетъ мы очень весело и пріятно; гостей пріѣзжихъ всегда бываетъ здѣсь премножество. Недавно пріѣзжалъ сюда изъ Москвы Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, князь Алексѣй Васильевичъ Хованскій и съ его супругою, которые, погостивши здѣсь нѣсколько дней, въ домъ свой отъѣхали. Однимъ словомъ, гости одни отъѣзжаютъ, а другіе пріѣзжаютъ, какъ живущіе по сосѣдству, такъ и изъ самой дали, а вчерашній день пріѣхалъ къ намъ тверской губернаторъ г. Тутолминъ съ нѣсколькими дворянами. У насъ каждый день не менѣе за столъ садится, какъ человѣкъ по двадцати, а иногда и болѣе,—слѣдовательно, компанія здѣсь всегда многочисленна и болѣе похожа на городскую, нежели на деревенскую. Сверхъ же того, почти всякій день ѣздимъ на охоту, а мѣста прекрасивыя, зайцевъ премножество и всякаго рода дикихъ птицъ. У графа Петра Ивановича псовая охота такая хорошая и порядочная, каковой лучше желать не можно. Итакъ, вы, милостивый мой благодѣтель, по всему выше предъявленному легко судить можете, съ коликою пріятностью мы здѣсь нашу деревенскую жизнь препровождаетъ.

Время же, которое иногда остается незанято никакими забавами и веселостями, я также употребляю съ немалою пользою, а именно хожу часто нѣшкомъ по полямъ и почти каждый день съ новымъ удивленіемъзираю на разные роды безчисленныхъ твореній, какъ-то: различныхъ травъ, цвѣтовъ, деревьевъ и разнообразныхъ насѣкомыхъ, изъ коихъ каждая порода живетъ своимъ обществомъ и управляется

особливыми правилами, кои имъ разумная натура предначертала своимъ чудодѣйственнымъ перстомъ.

Земледѣлецъ и его польское упражненіе также пріятно деревенскаго жителя занимать можетъ. О если бы большіе господа прямо знали, коликаго пота и труда стоитъ крестьянамъ ихъ собираемыя съ нихъ деньги, то бы, конечно, не стали толикимъ множествомъ ставить ихъ на одну карту, а больше бы подражать стали вашей въ томъ похвальной умѣренности... Къ слову карты позвольте мнѣ у вашего сіятельства спросить, нѣтъ ли между нами какого-либо стараго по игрѣ расчета, или оставимъ уже сіе до нашего самоличнаго свиданія.

1799. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakine.

Berlin, 4 (15) août 1777.

Le comte de Lehndorf, chambellan du roi de Prusse, s'est cru être autorisé, par les bontés que Leurs Altesses Impériales lui ont témoignées, de leur annoncer l'accouchement de Mme son épouse, et moi de rendre à Son Altesse Impériale compte des lettres dont elle a bien daigné me charger pour ses sérénissimes frères, les plus aimables princes qu'il soit possible de voir. Je ne connais, mon cher Prince, de digne personne aux soins de qui je puisse mieux les remettre; je vous supplie de les rendre à Leurs Altesses Impériales et de mettre à leurs pieds, soin auquel, je suis sûr, vous ne vous refuserez point par toutes sortes de motifs et par celui même qui est l'objet du voyage de M. le comte d'Oxentierna. J'en ai tous les détails possibles et quelques autres encore dont je crois être un peu dans le cas de pouvoir vous informer. Ils sont tous très satisfaisants.

Je quitte demain, de grand matin, cette capitale et ses environs qui, à mon avis, offrent un spectacle étonnant et merveilleux. S. M. le Roi est parti, hier, pour la Silésie. M. de Chouvalov est ici depuis quelques jours, il n'attend pour continuer sa route pour St-Pétersbourg que l'arrivée de celui qui en vient. M. et Mme de Vietinghoff sont aussi ici. Assurez, je vous en supplie, de mes sincères amitiés le prince Gagarine, et de mon respectueux dévouement votre digne oncle et le plus aimable des humains. Je compte être à Londres vers le 15 août, malgré quelque détour.

1800. Le baron H. J. de Duben—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 9 (20) août 1777.

Voilà le comte de Gottland de retour, enchanté de son voyage et de sa réception, enthousiasmé de la personne de l'Impératrice et satisfait au plus grand point de la connaissance de Mgr le Grand-Duc et de Mme la Grande-Duchesse, dont la figure et l'amabilité lui ont fait de très grandes impressions. Il n'y a [est] question que de la Russie, et toutes les conversations du Roi roulent sur la satisfaction qu'il y ait [a] ressentie.

Les choses ont bien changé de face, mon Prince, depuis que Chouvalov était chez nous. L'esprit, la modération et la sagesse d'un ministre comme M. votre oncle ont fait tourner en bien des circonstances qui, sous un autre, eussent causé des embarras pour longtemps. Votre voyage en Suède a mis le sceau à une confiance établie sur l'oubli d'anciennes tracasseries. Je vous l'ai dit, mon Prince, dans son temps, et je me souviendrai toujours par où l'harmonie présente a commencé, si, par la suite des temps, comme j'espère, et dont je

suis persuadé, les intérêts des deux cours s'approcheront [s'approchent] davantage.

Par l'intérêt, mon Prince, que votre amitié prend en ce qui me regarde, je dois vous dire que les bontés et l'estime du Roi augmentent tous les jours pour moi, que ma fortune, cependant, n'a guère d'aspect plus favorable. Le Roi semble avoir tant d'engagements, de promesses pour les uns et les autres que ma pauvre patience aura encore plus de raison de se lasser. Dites, je vous prie, à votre cher et respectable oncle, que lui seul pourra imaginer le moyen de me faire valoir auprès du Roi, mon maître. J'avais obligation à lui seul, lorsque je fus envoyé en Russie en dernier lieu, je prévoyais le poids dont serait [en raison de] l'intérêt qu'il prit [prenait] en [à] moi. J'ai toujours osé me vanter de mon attachement pour la Russie, et je ne craignais pas, dans ce moment-là déjà, que sa protection pût nuire à un suédois qui agissait par conviction et qui avait pris la liberté de parler à son maître conformément à ses sentiments.

Ce qui m'a fait de la peine dans mes deux voyages [c'] est que je n'étais pas en même de me rendre plus aimable aux yeux de S. E. le comte Panine; je l'aimais tendrement, mais je dois avoir paru quelquefois insipide avec lui. Voici la cause et voici le chagrin que je vous ai confié d'avoir dans le cœur. Ma sensibilité est extrême, et l'amour, le cruel amour manquait de me tourner tout à fait la tête et m'occupe encore également, pour influencer sur mon bonheur. Huit jours après mon arrivée, la première fois, à Pétersbourg, je devins éperdument amoureux d'une demoiselle anglaise qui s'appelle miss Cramp. Elle est extrêmement belle, aimable, sage, honnête, d'un caractère rare et d'un esprit aussi orné que solide. Je lui fis ma cour, et au bout d'une quinzaine de jours que mes affaires auprès d'elle paraissaient extrêmement

répondre à mes désirs, elle me dit: „Monsieur, je crois que vous me respectez trop pour m'entretenir des sentiments dont vous m'honorez. dans des vues moins conformes à la justice que vous devez à ma manière de penser. Malgré la différence qu'il peut y avoir entre votre état et le mien, je ne dois pas vous soupçonner de vouloir m'en imposer. en me flattant d'une illusion qui peut me rendre malheureuse pour le reste de mes jours. Si vos sentiments sont sincères, permettez que j'en prévienne mon tuteur, et je vous prie de vous adresser à lui“.

Je répondis, mon Prince, avec transport à cette déclaration. qui ne laissa pas cependant que de tourmenter mon esprit. Comme cette demoiselle a très peu de bien, et qu'il me fallait voir un aspect plus favorable dans ma fortune, je voulais gagner du temps. faire des secondes réflexions, et prendre différentes mesures nécessaires pour quelqu'un qui se trouvât [trouverait] tout d'un coup surpris par un mariage d'inclination, contre tous les projets que j'ai formés dans ma vie. Enfin je prévien la demoiselle sur les bornes de ma fortune: elle me fit envisager avec esprit et naïveté que les richesses ne la rendraient pas plus heureuse. Un jour que j'étais chez elle, elle se retira sous le prétexte d'une indisposition vraie ou simulée, me mettant aux prises avec son tuteur. Ce tuteur est un nommé Hyk, courtier et très honnête homme, mais rond et laconex [laconique], comme les anglais le sont. Il m'entretient sur le [au] sujet de sa pupille et me prie de m'expliquer en m'avertissant des bornes de sa fortune. Jamais embarras n'égala le mien. Je lui parlai aussi des bornes de la mienne, étant à mon aise comme garçon. mais pas assez riche pour rendre heureuse une femme qui n'eut [n'a] point de bien, à moins que le Roi, mon maître. ne me plaçât en Russie ou dans quelque autre mission

où les appointements, joints à mes propres revenus, pourraient me procurer une vie plus agréable. Le bonhomme prit l'idée que je ne cherchais qu'à éluder les démarches qu'une vivacité de passion m'avait fait faire. Au bout d'un mois ou six semaines, la demoiselle devint sombre et mélancolique et changea de conduite, prit un air de réserve, et m'écrivit [écrivit] un beau matin qu'il paraissait que nous n'étions pas faits l'un pour l'autre, et qu'elle avait pris le parti d'aller dans 8 jours en Angleterre avec son frère et [sa] belle-sœur, qu'elle serait toujours jusque là trop heureuse de pouvoir me voir. Je la voyais [vis] jusqu'au dernier moment, effectivement, avec la même passion. Elle avait l'air d'attendre encore ces derniers jours une déclaration finale, jusqu'au jour avant son départ qu'elle me fit entendre son mécontentement sur ma conduite. J'ai cru ne point devoir lui écrire en Angleterre. Je priai le frère seulement de me mander sur [à] Stockholm leur arrivée et nouvelles de Londres. J'ai reçu une lettre à mon arrivée à Stockholm, lorsque vous y étiez, mon Prince. Ayant toujours cette jeune personne dans le cœur, je suis reparti pour la Russie. J'ai vu, de nouveau, le tuteur plusieurs fois; je l'aime et je l'estime. Il paraît avoir bien envie que j'épousasse [épouse] sa pupille. Je lui parlai jusqu'au dernier moment de mon amour et de mon irrésolution. Maintenant la demoiselle est de retour à Pétersbourg, et tous les jours de poste j'ai été sur le point de lui écrire mon dernier mot; jamais je n'en ai eu le courage. J'ai fait tous mes efforts pour l'oublier, pour m'attacher autre part, et la raison me dit que je ne pourrai jamais avoir une femme avec de meilleures qualités. Sa manière de penser la rendrait contente de venir avec moi en retraite en Russie ou en Suède, et son éducation la met dans le cas de se mettre sur le plus grand ton possible, s'il fallait. Elle a deux

sœurs, une sœur aînée, très belle. que je ne connais pas. étant en Angleterre mariée avec M. Hay. et une petite à Pétersbourg. très bien élevée. Ils ont entre eux une fabrique de cordage, qui rapporte à chacune quelque chose, au-delà de mille roubles seulement; père et mère sont morts.

Eh bien, mon Prince, voilà le sujet de mon chagrin, de mes inquiétudes, et si elle voudra [veut] de moi. je crois que je ne pourrai jamais [en] épouser une autre.

Imaginez-vous, mon Prince, qu'à mon âge ce n'est que la seconde fois que j'ai pensé sérieusement au mariage, car la première fois j'y songeais en Angleterre avec de grands biens, mais les parents étaient contre. De grâce. donnez-moi vos conseils, et dites si j'eusse [ai] le bonheur un jour d'être nommé pour la Cour de Russie, si un pareil mariage pût [pourrait] être regardé comme mésalliance, qu'il me ferait du tort ou même mettrait ma femme dans le cas d'être moins regardée à la Cour. Je vous recommande mon secret à tout le monde, excepté au comte Panine, pour qui je n'ai aucun secret, et que je voudrais plutôt qu'il fût au fait de la cause de mon ennui. Hélas! ce qui est sûr. c'est que s'il passa [passait] par la tête de la demoiselle de m'écrire tout d'un coup pour me faire des reproches. je volerais tout de suite à Pétersbourg la rejoindre.

Mille pardons, mon Prince, d'un griffonnage aussi volumineux. Vous savez que les amoureux sont ennuyeux et croient que tout le monde prennent [prend] part à leurs peines.

Mme Piper est toujours à la campagne, elle a été sur une terre de son mari, maintenant elle est chez sa sœur Klinckowström; elle n'est pas heureuse, et je crois toujours que vous avez une grande part dans sa tristesse. Tout le monde est à la campagne. et je crois presque

être seul à Stockholm. Cette tranquillité me rend plus heureux. Je vais deux fois par semaine à Drottningholm; Nolcken et sa femme y sont. Celle-ci paraît être enchantée de son séjour en Suède, aussi est-elle comblée de politesses de tout le monde.

Un jeune suédois, baron Stjerncrona, a épousé à Paris la fille de Mme Hegelmann, veuve d'un banquier de Pétersbourg. Elle vient d'arriver et fut présentée, il y a quelques jours, à Drottningholm; elle est fort jolie et très aimable, et fut parfaitement accueillie. Si j'avais le courage d'épouser la petite Cramp, et qu'elle voulût encore de moi, le Roi la trouverait charmante.

Grimm est venu avec Nolcken, il doit partir demain. le Roi l'a beaucoup distingué. Je ne sais pas encore s'il aura quelque présent.

Le prince Bélosselski, protégé par la comtesse Löwenhuwud, a été fort accueilli, et le Roi l'a obligé plus de 8 jours de différer son voyage. Il a séjourné presque 15 jours à Drottningholm. Il prit congé dimanche, le 17, étant seul chez le Roi; il lui donna de sa propre main une bague de diamants, dont tout le prix consiste dans la manière de la donner, car, d'ailleurs, il [elle] est de très peu de prix. Le prince Bélosselski est fort gai et j'ai été assez lié avec lui; on le voit partir avec regret. Ce sera lui qui aura l'honneur de vous remettre celle-ci.

Tous vos amis et amies sont à la campagne: je viens de recevoir des nouvelles de Mme Bielke, de la province; elle me demande de vos nouvelles, elle est fâchée qu'au [que le] fusil qu'elle a commandé pour vous offrir comme un souvenir, ne soit pas encore achevé.

Je vous prie, mon Prince, de parler quelquefois de mon respectueux attachement pour Mgr le Grand-Duc.

Si le comte Panine sera [est] de retour à Pétersbourg, il ne faut pas m'oublier non plus.

Encore une fois je reviens à miss Cramp: je voudrais que vous la vissiez. Dites-moi franchement si vous m'eussiez soupçonné de cet héroïsme d'amour; elle a la naissance et la pauvreté contre elle, et il faut bien l'aimer pour se mettre au-dessus de ces réflexions. Il est vrai que chez nous on se met fort au-dessus de la première, surtout avec une étrangère; pour l'autre ce n'est pas de même, surtout pour quelqu'un qui compte faire beaucoup d'enfants.

Nolcken part aujourd'hui pour la Skanie avec sa femme, où elle prendra les eaux. Il se flatte plus du bon effet de celles-là que de ses propres facultés.

Quoique la ville est [soit] déserte, je n'ai pas été tout l'été à la campagne. J'aime ma liberté, dont on jouit parfaitement dans la solitude, jusqu'à ce que la Cour et les sociétés reviennent vers l'automne. Je vais deux fois par semaine à Drottningholm, et le reste de la semaine je fais des études.

1801. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 10.

Усердное вашего сіятельства стараніе по дѣлу зятя моего надворнаго совѣтника Криднера усугубляетъ чувствительнѣйшую мою къ вамъ благодарность. Сдѣлайте милость и принесите къ стопамъ дражайшаго и милостивѣйшаго Государя Цесаревича всенижайшую мою благодарность за покровительство Его Императорскаго Высочества.

Князь Александръ Алексѣевичъ, принявъ меня весьма благосклонно, съ особливимъ радѣніемъ изволить вступаться за сіе дѣло, почему оно въ каморь-

конторѣ и слѣдуется со строгостью и поспѣшностью, но компанейскій повѣренный Полозовъ и бывшая съ нимъ команда для спасенія своего прибѣгаютъ ко всевозможнымъ привязкамъ, чтобы только оправдать мнимую выемку, подъ предлогомъ которой происходили своевольственные и почти разбойническіе ихъ поступки. Они бросились за кубомъ, котораго они полагали сумнительнымъ, но онъ оказался клейменный, и помѣщикъ имѣлъ указъ изъ губернской канцеляріи, которымъ дозволено ему было курить вино по чину.

Они предъявляютъ, что въ лежащемъ неподалеку отъ мызы строеніи продавалось вино и пиво, но и на то помѣщикъ имѣлъ позволеніе отъ компанейской конторы. Они признаются сами уже въ томъ, что отъ амбаровъ отбивали замки, отпираясь еще отъ прочихъ наглостей, но изобличаются находившимися съ ними для присмотра губернскимъ солдатомъ и сосѣднимъ сотскимъ.

Со всѣмъ тѣмъ, приносить сіе дѣло бѣдному зятю моему, по нынѣшнему работному времени, великія хлопоты присылкою сюда приказчика, крестьянъ и дворовыхъ людей, да и отъ него самого часто требуются отвѣты на разные вопросные пункты. А какъ онъ самъ боленъ на мызѣ, во 120 в. отсюда, то пересылкою письменныхъ объясненій происходитъ можетъ иногда остановка, которой, однакожь, съ его стороны по сію пору еще не было.

Изъясняя вамъ, милостивому государю моему, обо всемъ томъ, покорно прошу представить о томъ и князь Александру Алексѣевичу для опроверженія входящихъ иногда до его сіятельства противныхъ по сему дѣлу толкованій.

1802. И. Грень—князю Александру Куракину.

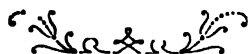
1777 г. августа 10. С.-Петербургъ.

Крайне сожалѣю, что не въ состоянїи удовлетво-
рить желанію вашего сіятельства, изображенному въ
письмѣ, которымъ вчерашняго числа меня почтить
изволили. Его сіятельство графъ Никита Ивановичъ,
сколько мнѣ извѣстно, не показалъ никому письма гра-
фа Бернсторфа, препроводившаго къ нему извѣстные
знаки данеброгскаго ордена, и тѣмъ меньше еще от-
далъ оное въ нашу канцелярію, а, уповательно, оста-
вилъ его у себя. Объ отвѣтѣ же, какой на оное пись-
мо воспослѣдовалъ, не могу я также ничего сказать,
потому что письменнаго не было, и его сіятельство,
видно, изволилъ только словесно отвѣтствовать чрезъ
г. Алефельта, который ему вручилъ письмо графа
Бернсторфа съ знаками.

1803. Deboli—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 11 août 1777.

Je m'empresse à [de] vous envoyer la ci-jointe lettre
du prince général Poniatowski, qui est une réponse à
celle que vous lui aviez adressée par mes mains. J'aurai
toujours beaucoup de satisfaction à voir passer par la
même voie la correspondance que vous voudrez, mon Prince,
entretenir avec le prince Poniatowski; car je sais à quel
point il désire votre amitié. La cultiver pour lui en vous
sera pour moi une aussi agréable occupation qu'est par-
faite la considération que j'ai pour vous, de mon côté,
et avec laquelle j'ai l'honneur d'être, mon Prince, votre
très humble et très obéissant serviteur.

1804. Le comte Keyserling—au prince Alexandre Kourakine.

Kœnigsberg, 12 (23) août 1777.

Vous êtes homme de Cour, mon cher Prince, et, par cet état même, vous avez des obligations de protéger les arts, indépendamment de votre penchant naturel. Permettez donc, chérissime ami, que je vous recommande le porteur de celle-ci qui, à mon avis, appartient au nombre des grands joueurs de violon que j'aie connus. Il se nomme Paisible, et paraît porter le nom de son caractère. Il a beaucoup de vitesse, beaucoup de précision, une netteté qui exprime chaque note, et joint à tout cela un propos très agréable. Daignez-le de votre protection: il ne cherche point d'engagements, il ne demande qu'à se produire. Je sais que S. A. I. Mme la Grande-Duchesse aimait autrefois la musique, et, si je ne me trompe pas, S. A. I. Mgr le Grand-Duc ne la hait pas. Il mérite d'être entendu des amateurs et connaisseurs. Il m'a demandé des lettres de recommandation pour St-Pétersbourg, et j'ai saisi cette occasion avec grand plaisir pour vous assurer de mon [ma] sincère estime.

1805. Княгиня А. И. Куракина — князю Александру Куракину.

1777 г. августа 17. Село Дугино.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. За письмо ваше, отъ 9 сего [мѣсяца] благодарствую. Простите, что къ вамъ отсюда не писала. Вы можете себѣ вообразить, въ какомъ я удовольствіи здѣсь, что я брата своего увидѣла, благодаря Бога; итакъ, все съ нимъ вмѣстѣ, чего давно не было, и велитъ ли Богъ впредь съѣхаться теперь. Хотя немного намъ остается всей семьею быть вмѣстѣ, жалѣю сердечно, что тебя,

другъ мой, съ нами нѣтъ. Мы живемъ очень весело. Боже, дай тебѣ свою милость, счастья.

Братъ вашъ князь Алексѣй Борисовичъ нами всѣми любимъ; думаю, что онъ вамъ то же скажетъ, и дѣлается охотникомъ съ собаки. Въ прочемъ [поручаю] васъ Богу.

1806. Le prince Alexis Kourakine—au prince Alexandre Kourakine.

Douguino, 17 août 1777.

Cela n'a été que le cinquième jour de mon arrivée ici que la poste doit partir, aussi ai-je été d'une très grande impatience à vous donner de mes nouvelles. Je me porte assez bien. J'ai eu quelques malheurs en chemin, mais de peu de conséquence; c'est pourquoi je n'en parle point ici. Tous nos parents ont été très contents de me voir arriver, mais très chagrins de me voir seul, croyant que vous viendriez pourtant; c'est pourquoi, à ce que je crois, ma réception n'a pas été des mieux: mais, présentement, cela s'est raccommoé, et nous sommes, de nouveau, les meilleurs amis du monde. Je m'amuse beaucoup ici; la chasse est l'occupation qui prend le plus de temps dans la journée, et le reste du temps est consacré au plaisir d'être tous ensemble.

Le comte Pierre vous écrit une lettre qu'il m'a lue, et il y a un article au sujet du prince Etienne, que je voudrais qu'il pût plus étendre, c'est de quoi j'aurai la satisfaction de parler avec vous à mon retour, qui sera vers le commencement du mois prochain; de même aussi de la lettre que vous m'avez écrite de Tsarskoé-Sélo. le jour de mon départ, [et] que je garde très précieusement. Ici je n'ai ni le temps, ni la commodité de m'étendre dans mes lettres.

Faites, je vous prie, mes compliments à Charpentier et priez-le, surtout, de faire en sorte que ma chambre à coucher et surtout mon cabinet soient prêts pour mon arrivée, que les livres soient tous en ordre. Dites-lui, je vous prie, qu'il ajoute ce service à tant d'autres qu'il m'a rendus, et je lui en aurai plus de reconnaissance.

1807. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 18. Село Дугино.

Изъ прежнихъ моихъ писемъ вашему сіятельству уже небезызвѣстно было, съ какою пріятностью мы здѣсь наше время препровождаемъ, къ чему нынѣ пріобщить могу голько сіе, что пріѣздомъ сюда его сіятельства князь Николая Васильевича съ его любезною фамиліею здѣшнія наши веселости наиболѣе еще пріумножилися, такъ что я оныя вамъ въ сущей ихъ точности перомъ моимъ изобразить не могу.

Братецъ вашъ князь Алексѣй Борисовичъ всѣми здѣшними забавами всячески не оставляетъ пользоваться, какъ вы сами себѣ оное легко представить можете; но быстротекущее время спѣшить, чтобы сдѣлать вскорѣ конецъ нашему здѣсь пребыванію, ибо чрезъ вѣсколько дней начнетъ уже здѣшнее любезное общество мало по малу разрушаться, и всѣ по домамъ своимъ разъѣзжаться. И его сіятельство графъ Никита Ивановичъ, какъ уповательно, въ исходѣ сего мѣсяца отсюда въ С.-Петербургъ отправится; слѣдовательно, отъ нижеписаннаго числа чрезъ мѣсяць я надѣюся имѣть несравненное удовольствіе васъ, моего милостивца, самолично увидѣть и найтить васъ въ пожеланномъ здоровіи и благополучіи.

1808. Charpentier — au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 18 août 1777.

Vous ne devez avoir aucune inquiétude que votre maison ne soit prête pour le 25; nous sommes libres du maçon et du charpentier. Pour vos appartements, mercredi prochain le menuisier posera les deux alcôves: il ne sera plus question que de les couvrir.

Vous m'avez marqué que ma première idée valait mieux. Vous me permettrez de vous dire que je n'avais pas réfléchi, que l'endroit de votre lit aurait eu une toise et demie de profondeur, ce qui aurait fait une espèce d'ancre fort obscur: c'est ce qui m'a déterminé à changer l'idée pour vous rendre l'endroit plus commode et vous y faire trouver des aisances que vous n'auriez pas eues dans le premier cas; en outre, le devis était déjà fait. Vous auriez souhaité que cela fût fait en toile blanchie! Comment auriez-vous pu supporter l'odeur de la colle? Bien plus, cela n'aurait pas été solide. J'ai pensé couvrir l'alcôve en dedans et en dehors de tapisserie collée, pareille à la chambre. J'attends vos ordres pour savoir si vous en voulez d'autres; comme ce n'est point une chambre à coucher de parade, cela, je crois, doit vous être égal. Vous avez écrit trop tard: l'alcôve était commencée et le bois coupé; mais je me flatte que lorsque vous la verrez, vous serez content de l'idée et des commodités que vous y trouverez. Quant au divan, je ne puis rien entreprendre sans vous consulter et sans savoir ce que vous emploierez. La chambre est verte. l'alcôve est verte, il n'y a pas assez d'étoffe pour la [le] faire pareille [pareil]. Je préparerai le bois et le marchepied, mais la couverture attendra vos ordres et l'étoffe.

S'il était possible que vous pussiez venir un de ces jours et m'en faire avertir d'avance, afin que je puisse me rencontrer avec vous sans vous faire attendre, cela

rendrait un grand service à l'avancement de vos affaires et à mon zèle, qui est rétréci, ne sachant à quoi m'en tenir sur le divan. Si j'étais, et que vous fussiez décidé, et que j'en sois pleinement instruit, vous jouiriez du plaisir d'entrer dans une maison neuve sans y penser. Mettez-moi à même de vous tromper agréablement en m'envoyant: 1) vos ordres, ou me faisant part de vos intentions, 2) de l'argent, car ce que vous m'avez envoyé ne me suffira pas. Je joins ici une note du gros des dépenses; il y en a de détail que je vous remettrai en vous rendant mes comptes.

Je désire votre arrivée avec toute l'impatience d'un homme qui désire vous voir content.

Vous voyez, par le compte, que je suis loin d'avoir ce qu'il faut pour faire face à tout.

1809. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 18. Село Дугино.

Сердечно, ей-ей, сожалѣю, дорогой и любезный мой князь Александръ Борисовичъ, что я тебя такъ долго оставлялъ безъ отвѣтовъ на твои откровенныя ко мнѣ письма, кои исправно мною получаемы были въ теченіе прошедшей и настоящей недѣли. Продолжавшіеся здѣсь чрезъ цѣлый мѣсяць почти безпреставно вѣтры, наконецъ, надули мнѣ такой флюсъ въ правую сторону во-кругъ глаза, что я не былъ въ состояніи строки написать, да и теперъ еще съ тягостью пишу; и для того, пожалуй, дорогой мой другъ, не подосадуя, что и здѣсь сокращаюся, тѣмъ паче, что ничего въ пользу вашу не нахожу къ объясненію вашихъ добродѣтельныхъ разсужденій. Остерегайся только, мой любезный, отъ похлѣбства своимъ подвигамъ настоящаго момента, не приучай себя къ изысканію особенныхъ резоновъ дѣ-

латъ исключеній общимъ правиламъ. Можно, мой другъ, останавливать оныя и оставаться въ молчаніи, когда употребленіе или исполненіе ихъ вы найдете неразмѣрнымъ для силъ вашего настоящаго состоянія, но надобно никогда себѣ [не] позволять, ни для какого настоящаго момента, прельщаемой васъ пользы сдѣлать, что ни есть прямо противное онымъ, дабы себя не сдѣлать лжецомъ предъ собой самимъ, что едва не вреднѣе ли истинной чести и добродѣтели, лжи противу другого, а по послѣдней мѣрѣ равно теряетъ почтеніе и довѣренность въ мысляхъ разумныхъ людей.

Я съ сердечнымъ удовольствіемъ свидѣлся теперь съ братомъ вашимъ; только беспокоитъ меня нѣсколько его нога, чтобы надолго такъ не осталось, потому что онъ уже и здѣсь ее опять нѣсколько помялъ вновь, шедъ съ лѣстницы неосторожно.

Принятая отъ Его Высочества деньги, 186 рублей, для перевода за цвѣты, пожалуй, изволь отдать Грену: онъ знаетъ, что съ ними дѣлать. Также прошу, — включенныя здѣсь два письма поднесите Ихъ Императорскимъ Высочествамъ съ удостовѣреніемъ о моей усердной преданности. А какъ мое удовольствіе ни велико бы было видѣть тебя здѣсь, мой дорогой другъ, но я охотно имъ жертвую желаніямъ Ихъ Высочествъ удержатъ тебя при себѣ, и васъ, конечно, похваляю, что вы оное исполнили.

Бабушка ваша и съ братомъ возвратится въ Москву 28 числа сего мѣсяца, такъ и я, окончавъ послѣ нихъ мои экономическія распоряженія, дня черезъ три отправлюся къ вамъ съ сердечнымъ желаніемъ найти васъ здоровыми и довольными. Теперь же, любезный другъ, душевно тебя обнимаю. Пребывай съ Богомъ.

1810. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 23, С.-Петербургъ.

Краткая историческая выписка, которую ваше сіятельство у меня видѣть изволили, о войнахъ и дѣлахъ татарскихъ съ Россіею для удовольствія вашего похвальнаго любопытства при семъ къ вамъ посылается, которую, по прочтеніи, покорно прошу мнѣ возвратить, гдѣ я намѣренъ еще многое прибавить; между тѣмъ желаю вамъ вождельннаго здравія.

1811. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 25 août 1777.

J'ai reçu de Michel les 50 roubles que vous m'avez envoyés, mais ce n'est qu'une pierre jetée dans un grand étang; cela fait un peu d'effet. Il aurait suffi de ce que vous nous avez donné, si vous n'eussiez pas été si coquet; vous voulez du galant, du mollet ou pour mieux dire du voluptueux; cela demande des frais que l'amateur de ces jolies choses ne doit pas se refuser. Vous avez cru, mon Prince, que je n'entendais pas, lorsque vous m'avez répété: „Comprenez-vous, que cela devait [doit] être prêt pour le 25“. Cela l'aurait été, même pour le 23, s'il vous avait plu rester au premier avis. Vous l'avez changé, vous avez voulu des augmentations: il faut du temps. Je crois cependant que cela ne passera pas le 27, car la salle [le salon] de compagnie sera tapissée aujourd'hui. La menuiserie du divan sera prête aujourd'hui, et demain on tapissera la chambre. Le poêle de la nouvelle chambre à coucher sera fait aujourd'hui, et, peut-être, dimanche on collera les nouvelles tapisseries dans cette chambre. La porte est refaite; l'alcôve sera finie demain; je ferai en sorte que la tapisserie à mettre

dessus ne tarde pas à être collée; nous ne perdons pas de temps.

Quant aux fauteuils, lorsque vous viendrez, vous pourrez les voir chez Desnoyer, ou les envoyer chercher; dans la minute, nous n'avons aucun endroit pour rien serrer. Votre maison est comme une lanterne dans laquelle on passe et repasse à tout moment; toutes les chambres sont remplies d'ouvriers qui sont occupés, et de vos gens qui nettoient. Vous sentez bien que cela gênerait tout. Soyez tranquille, mais tâchez d'être en fonds, car j'ai employé mon crédit pour vous, et je n'aime pas à devoir. J'ai pris le duvet, le coutil, la grosse toile des lanternes à crédit; envoyez plus que moins: le reste ne se perdra pas, je vous en rendrai un fidèle compte.

1812. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину.

1777 г. августа 26. Село Дугино.

Время нашего въ Дугинѣ пребыванія уже оканчивается, и пріятное здѣшнее общество начинаетъ разъѣзжаться. Князь Николай Васильевичъ сего теченія 25 уже отъѣхалъ въ Москву. Княгиня Наталія Александровна намѣрена отсюда отъѣхать въ С.-Петербургъ, съ ея любезною фамилією, 25 числа и съ нею братецъ вашъ князь Алексѣй Борисовичъ.

Ихъ сіятельствы княгиня Александра Ивановна, графъ Петръ Ивановичъ отсюда ѣдутъ въ Москву 30 сего-жъ мѣсяца, а его сіятельство графъ Никита Ивановичъ, проводя всѣхъ оныхъ своихъ дорогихъ гостей, положилъ на мѣрѣ въ свой путь отправиться сентября 3 числа. Итакъ, какъ я думаю, что сіе мое къ вамъ начертаніе изъ Дугина будетъ уже послѣднее.

1813. Charpentier—au prince Alexandre Kourakine.

St-Pétersbourg, 28 août 1777.

Par la lettre dernière que vous m'avez fait remettre par Michel, avec les 50 roubles inclus, vous m'avez flatté de l'honneur de vous voir en ville ce jourd'hui 28, mais, à mon grand déplaisir, j'ai été trompé dans mon attente. J'aurais cru que, ayant changé de sentiments, vous auriez eu la bonté par la poste de m'en avertir, du moins j'aurais pu vaquer à quelques affaires que j'ai été obligé de laisser pour me trouver à portée de votre maison à votre arrivée, afin de pouvoir prendre vos ordres que des conversations, en courant, n'expliquent pas assez.

Par ma précédente, j'ai eu l'honneur de vous marquer que votre salle [salon] de compagnie était entièrement tapissée. Le divan et la chambre sont finis aujourd'hui. L'alcôve n'est pas encore finie, elle le sera, j'espère, demain, et mardi, quoique ce soit fête, on la tapissera, de même que la petite chambre à coucher. Vous avez augmenté le travail, cela nous a pris du temps de plus. Votre maison était prête le 23 et non le 25, mais les nouveaux embellissements ont allongé la date du temps. Je ne perds cependant point une minute pour faire accélérer l'ouvrage; je suis continuellement sur les talons des ouvriers. Je ne sais si vous avez bien compris ma lettre écrite à la hâte. Vous devez avoir pu conjecturer que les dépenses, dans lesquelles nous sommes, excèdent de beaucoup les sommes que vous m'envoyez par parcelles. Ayez la bonté de faire un effort, afin de nous mettre au-dessus de nos affaires. Je me flatte que vous aurez cet égard.

1814. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 1. [Ямбургъ].

Любезный другъ и братецъ князь Александръ Борисовичъ. Надѣясь на твою ко мнѣ дружбу, прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе выпросить у Его Высочества, чтобы мнѣ позволено было выбрать изъ ремонту, который Науендорфъ привелъ, двухъ лошадей, а по крайней мѣрѣ одну, а я за нее либо деньги заплачу, что онѣ стоятъ, или чтобъ мнѣ дали знать, какой мѣры и какихъ лѣтъ мнѣ Великій Князь прикажетъ лошадь достать на мѣсто той, которую мнѣ дадутъ. Пожалуй, мой другъ, одолжи меня, выпроси мнѣ это позволеніе у Великаго Князя, а я тебѣ еще больше скажу, которыя именно лошади: на одной будетъ сидѣть унтеръ-офицеръ Горбуновъ, а на другой самъ ротмистеръ, а чтобы мнѣ и тебѣ не ошибиться, то спроси у Науендорфа,—я ему ихъ показывалъ.

1815. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 2. Сельцо Дугино.

Принося вашему сіятельству всепокорнѣйшую мою благодарность за почтенное письмо ваше, отъ 2 прошедшаго мѣсяца, пріемлю его новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости и, возвращая къ вамъ обратно ваше письмо, которое не застало здѣсь князя Алексѣя Борисовича, имѣю я честь вамъ, милостивый государь, донести, что третьяго дня отправились отсюда въ Москву ихъ сіятельствы графъ Петръ Ивановичъ и княгиня Александра Ивановна, и что его сіятельство графъ Никита Ивановичъ изволитъ отсюда выѣзжать завтра поутру въ намѣреніи пріѣхать въ вамъ непременно 15 числа сего мѣсяца. Я не премину, конечно, увѣдомить

ваше сіятельство, по прїѣздѣ нашемъ въ Новгородъ, о дѣйствительномъ прибытіи его въ С.-Петербургъ, дабы вы, милостивый государь, могли вѣдать точно, въ который день онъ изволитъ прїѣхать, а потому, можетъ быть, и соблаговолите выѣхать къ нему навстрѣчу.

1816. Turpin—au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 4 septembre 1777.

J'ai fait partir une caisse où vous trouverez six exemplaires reliés de mon Plutarque français; je me repose sur votre discernement et sur la bienveillance dont vous m'honorez, pour en faire une distribution convenable à mes intérêts.

Je n'ai pu remplir dans toute son étendue le plan que vous m'avez tracé, mais l'éloge indirect est toujours le plus délicat, et c'est, peut-être, par ce seul mérite que mon ouvrage a été accueilli. J'ai trouvé tous les cœurs bien disposés: Catherine a autant d'admirateurs à Paris qu'à Pétersbourg. Qu'il [me] serait glorieux de me voir décoré du titre de son historiographe! Ce serait m'associer à la gloire de son règne triomphant et fortuné: c'est ce seul titre et non les dons de la fortune qui flatte mon ambition; j'ai toute ma vie mâché des lauriers, qui sont l'aliment ordinaire des écrivains sans intrigues.

L'esprit est plus vivement frappé des objets qu'il voit de près que de ceux qu'il contemple dans le lointain: les déserts de la Sibérie m'offriraient les délices du vallon de Tempé.

Mon fils a eu l'honneur de vous écrire à mon insu. Ce mystère me le rend encore plus cher, puisqu'il manifeste ses penchans pour la personne que j'honore le plus. Son goût est tourné vers le génie, et je crois que

c'est entrer dans un champ bien stérile: un travail opiniâtre et continu lui a donné une connaissance superficielle de tout ce qu'un galant homme doit savoir. S'il y avait une niche où l'on pût placer ce petit saint, je le verrais partir sans regret; mais je craindrais tout pour lui s'il était éloigné de vos yeux.

J'aurais joint à mon envoi une centaine d'exemplaires, sans l'empressement du public à se procurer le dernier cahier. J'avais fait tirer à 1200, et le tout a été enlevé; je répare cette disette et j'en fais tirer un nouveau mille. Il me serait bien agréable d'apprendre que je pourrais en faire l'offrande d'un certain nombre à vos chers Russes, que vous m'avez appris à aimer. J'en ai présenté à tous ceux qui sont ici, et tous ont paru touchés de voir votre nom à la tête de mon ouvrage; j'ai été encore plus sensible aux sentiments favorables que vous leur avez inspirés. J'aimerai toujours qui vous aime; continuez à être aimable, il vaut mieux plaire que de briller: l'aménité des mœurs tempère l'éclat des talents et adoucit l'envie.

Je cours une carrière bien pénible. J'ai toujours les mêmes objets à peindre, et il est difficile de ne pas me répéter; quand je pense créer, l'on s'aperçoit que c'est une réminiscence. Mais malgré le cercle étroit que j'ai à parcourir, le public indulgent allume mon émulation par l'accueil qu'il fait à mon ouvrage; la Suède, le Danemark et la Hollande me sont encore plus utiles que la France.

L'empereur que nous avons eu ici a dû être bien content de nous, puisque nous avons été enchantés de lui. Ce n'est point un roi de théâtre, c'est un philosophe couronné qui ne voit dans les hommes que des amis qu'il faut consoler. Les sentiments qu'il a justement inspirés s'effaceront peut-être avec le temps parce qu'il n'a pas tourné ses regards sur les distributeurs de la

gloire. Il a préféré la solidité à l'éclat, et, indifférent aux talents agréables, il a laissé à Catherine la gloire d'accueillir ceux qui transmettent à la postérité les vertus des souverains.

Ne vous verrais-je jamais en France! Vous y feriez renaître l'amour que votre aïeul avait allumé dans tous les cœurs. Revenez ici avec les titres dont il était décoré; vous saurez encore les anoblir.

Vous savez, Prince, qu'en dînant avec le prince Repnine, votre oncle, je devins son admirateur jusqu'à enthousiasme. Ce sentiment ne s'est point affaibli. Daignez lui offrir un exemplaire, ainsi qu'au brave Roumiansev, le Turenne de la Russie et le héros de son siècle.

1817. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 5. Ямбургъ.

Любезный другъ и братецъ князь Александръ Борисовичъ. Податель сего письма г. квартирмейстеръ Дуровъ просилъ меня, чтобъ я тебя отъ себя попросилъ, чтобъ его представилъ бы самъ намѣстнику Волкову, а если самъ не можешь его увидѣть скоро, то прошу тебя, другъ мой, дать ему письмо къ намѣстнику, въ которомъ бы ты его описалъ обстоятельства и сказалъ бы, что это приказалъ Его Высочество, чтобъ овъ ему сдѣлалъ помощь въ обидѣ его.

Пожалуй, мой другъ, постарайся выпросить у Его Высочества, чтобы мнѣ позволено было выбрать двухъ либо одну лошадь изъ ремонта Науендорфа, а именно какихъ,—то ты узнаешь ихъ по моему письму, которое тебѣ Науендорфъ отдастъ.

1818. Самуиль, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 6. Ростовъ.

Искреннѣйшими сердца моего чувствованіями движимый, спѣшу Его Императорскому Высочеству принести мое чистѣйшее поздравленіе со днемъ его рожденія. Ваше ко мнѣ величественное благоволеніе и любовь увѣряютъ меня, что вы оное благопристойнымъ образомъ въ свое время поднести не оставите. Сіе одолженіе будетъ совершеннымъ увѣреніемъ о непоколебимости вашей со мною дружбы и усердія.

Съ нетерпѣливостью желаю знать, гдѣ нынѣ находится Петръ Васильевичъ, и возвратится ли онъ въ Петербургъ, или нѣтъ. Помня его благодѣянія, долженъ я всегда и вездѣ свидѣтельствовать ему мою благодарность, но не знаю, куда писать. Если бы онъ былъ, конечно бы мой жребій сравнялся съ прочихъ благосостояніемъ, но злость человѣческая, скрывающаяся въ нѣдрахъ сердца, заражаетъ своимъ ядомъ все то, къ чему прикасается. Трудамъ моимъ, подвигамъ и страданіямъ, бывшимъ во время язвы въ Москвѣ, готовилось нѣкое мздовоздаяніе, но люди неблагонамѣренные хотятъ исторгнуть и оное изъ рукъ моихъ. Требуется сколько я по конторскому присутствію получаю жалованья, и равно-ль съ присутствующими въ Синодѣ, но въ отвѣтъ написана энигма. Сказано вообще, что я равно съ прочими получаю, а о томъ умолчано, что въ Москвѣ положено по 900 р., а въ Петербургѣ по 1500 р., и изъяснено, будто такое требованіе есть излишнее. Итакъ, оное дѣло совсѣмъ остановилось, но если Богу угодно, оно, конечно, паки возобновится. Признаюсь чистосердечно, что я не сребролюбивъ, но хочется съ прочими быть на ряду. Обнадеженъ я былъ прибавкою къ титулу моему „архи“; но и сіе

предоставлено неизвѣстности будущаго времени. Такой мой жребій! Но вѣренъ Господь, иже не оставитъ искустися паче, еже можетъ человекъ! Всѣ бывшіе во время язвы до единаго награждены; двое только осталось: покойный суздальскій архіерей, мой товарищъ, да я. Онъ уже въ вѣчности, а я живу во времени. Итакъ, во мнѣ чувства остались всего того, что къ жизни честной нужно. Сіе прошу сохранить для себя; сіе извлекла изъ моего сердца ваша ко мнѣ истинная любовь. Если благопристойный случай откроется, то прошу внушить и Его Высочеству. Фаворитъ Камбалы къ вамъ, конечно, въ свое время поѣдетъ, еще больше станетъ работать, но вѣсть Господь неповинныя избавляти отъ смерти.

Я уже всю свою паству обозрѣлъ. Она вся виѣстѣ и, кажется, вѣтъ лучшаго положенія, исключая Пошеховья, гдѣ болоты, лѣса и воры, но по новому учрежденію все придетъ въ порядокъ. Алексѣя Петровича г. Мельгунова въ скорости сюда ожидаемъ. Я его ко мнѣ благосклонностью и, такъ сказать, почти дружбою весьма доволенъ. Не знаю, что впредь будетъ. Губернія откроется въ декабрѣ,—слѣдственно, я возвратиться долженъ въ Москву развѣ къ Новому году, когда фаворитъ Камбалы къ вамъ преселится.

Ея сіятельство княгиня Александра Ивановна обнадежила меня посѣтить въ семь мѣсяцѣ, но погода у насъ непрерывно продолжающаяся холодная, сырая, непостоянная ввергаетъ меня въ сомнѣніе, однако я помолюсь Богу и его угодникамъ, чтобъ открылось пріятное ведро, и совершилось бы мое желаніе. Я теперь больше упражняюсь въ размышленіяхъ о будущемъ открытіи губерніи; уповаю,—въ самое то же время возвеселится любезное наше отечество и о произращеніи благословеннаго плода отъ крови Павловой. Искренно желаю, и тогда прославимъ щедроты Божія

моими устами, но не знаю, въ какомъ будетъ положеніи мое здравіе,—стужа меня устрашаетъ: соборъ въ Ярославлѣ—при самой рѣкѣ Волгѣ, со всѣхъ сторонъ ужасными вѣтрами обуреваемый.

Я за особенное одолженіе почту, если вы моего желанія безъ удовольствія не оставите. Оно простирается къ тому, чтобъ имѣть мнѣ портретъ Ея Высочества Великой нашей Княгини. Какъ вы особенную милость Государя Великаго Князя на себѣ носите, то, кажется, вамъ легко меня сямъ одолжить; извольте только оный прислать ея сіятельству княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ, то и я, навѣрно, онымъ удовольствованъ буду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оный я уже видѣлъ; даже до того, что и въ нашемъ пустомъ Ростовѣ оный есть: получаютъ копію изъ Москвы, а сія, будто, получила изъ Голландіи посредствомъ какого-то дворянина Демидова. Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ видѣлъ оный портретъ и увѣряетъ, что есть нѣкоторое сходство, но я не сомнѣваюсь, что вы доставите мнѣ самое вѣрнѣйшее начертаніе лица особы добродѣтельнѣйшей и всѣми обожаемой, изъ числа коихъ я первый почитатель.

Справедливо г. Петръ Васильевичъ г. Акчурина никогда не ввѣрялъ себя; онъ мнѣ теперь великое препятствіе сдѣлалъ. Конечно бы я полное жалованье равномерно съ прочими получалъ, но онъ своимъ отвѣтомъ на вопросъ, къ нему присланный, лишилъ меня онаго; но милостивъ Богъ,—всѣ дни впереди. Есть пословица, что будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Прошу сіе оставить для себя.

О ярославскихъ обстоятельствахъ имѣю честь возвѣстить вамъ слѣдующее. Для присутственныхъ мѣстъ занята моя семинарія, погорѣвшая и состоящая въ Спасоярославскомъ монастырѣ. На отдѣлку оной употреблено до 5000 р. съ тѣмъ, чтобы послѣ тѣмъ строеніемъ

пользовалась семинарія. Мостовыя въ городѣ дѣлаются каменные; камня по Волгѣ, какъ я самовидецъ, премного, и можно сплавить всегда водою по рѣкѣ внизъ. Алексѣй Петровичъ занялъ было мой домъ ярославскій каменный, но нынѣ купилъ и построилъ новый, хотя небогатый, однако весьма выгодный. Теперь его желаніе исполнилось. Онъ пожалованъ полнымъ генераломъ-губернаторомъ; всѣ почти его доклады вышли, о чемъ онъ самъ ко мнѣ писалъ; одно только еще неизвѣстно, кто у него губернаторомъ и вице-губернаторомъ будетъ. Сіе его нѣсколько трогаетъ. Можетъ быть, опредѣлять такого, кой не будетъ соответствовать его намѣреніямъ. Слышно, что Чебышеву велѣно дать мѣсто, по чину его, должно быть, губернаторомъ. Если паче чаянія сей человекъ Алексѣю Петровичу помощникомъ будетъ, то думаю, что онъ не радъ будетъ и своей губерніи. Вамъ его качества извѣстны.

Еще почитаю нужнымъ нѣчто вамъ донести, т.-е., какъ ея сіятельство княгиню Александру Ивановну моск[овскій] преосвященный въ Троицкой лаврѣ принималъ, когда она на богомолье туда пріѣзжала. Какъ скоро изволила туда прибыть, то присланъ былъ намѣстникъ поздравить съ пріѣздомъ. На немъ повязана шея моднымъ, цвѣту блохи, платкомъ съ розовыми концами. Онъ поздравилъ княгиню на французскомъ языкѣ и извинялъ, что понеже его преосвященство нынѣ въ банѣ, то не можетъ видѣть ея сіятельство, а потомъ по-русски просилъ, чтобы княгиня на другой день посѣтила его преосвященство. Послѣ обѣдни на другой день княгиня исполнила требованіе, имѣла честь видѣть его святительскія очи. Какъ скоро пришли въ келии, такъ открылся пространный и многоплодный разговоръ. Пробылъ уже часъ пополудни. Велѣлъ его святительство подать по чашкѣ чая и сладкихъ конфетовъ. Никто оными не захотѣлъ пользоваться. Бьетъ два часа. Ве-

лѣно подать водки и вмѣсто хлѣба сахарныхъ кренделей. Умучивъ такимъ образомъ, въ третьемъ часу отпустилъ домой. Итакъ, надѣясь на святительшій обѣдъ, велѣли готовить у себя. и почти весь день въ постѣ прошелъ. Вообразите, совмѣстно ли сіе съ просвѣщеніемъ его! Я не понимаю, въ какомъ онъ положеніи тогда былъ, когда сіи странности творилъ. Но чего ожидать отъ такого человѣка, который во всѣхъ поступкахъ наблюдаетъ правила, его только мыслямъ и расположенію сердца свойственныя. Тако я изъяснился, надѣясь на велищебърную вашу дружбу и усердіе ко мнѣ.

1819. Henri Levetzau—au prince Alexandre Kourakine.

Copenhague, 7 septembre 1777.

Je m'acquitte d'un devoir bien agréable en vous adressant ces lignes, mon Prince, pour vous remercier très humblement de toutes les bontés et politesses que vous m'avez fait la faveur de me témoigner depuis le premier moment que j'ai eu l'honneur de faire votre connaissance à Stockholm. C'est certainement aussi à vous, mon cher Prince, à qui je dois des remerciements de l'obligeant accueil dont m'a honoré M. le baron de Sacken, à mon arrivée ici; recevez-en donc gracieusement mes sincères actions de grâce, et soyez persuadé. je vous prie. de l'attachement inviolable que vous vous êtes acquis à si juste titre de ma part. pour le reste de mes jours. Si je n'ai point eu l'honneur de vous témoigner, Monsieur, plus tôt, ma vive reconnaissance de vos bontés. ce n'a certainement point été par oubli que j'y ai manqué: la raison ne git que dans le temps que j'ai été obligé de passer sur la Baltique, entre Pétersbourg et Copenhague, ayant vogué, pendant 28 jours.

sans mouiller en aucun port, tant les vents m'ont peu favorisé. Aussi ai-je infiniment souffert dans ce voyage, car mes provisions n'ayant été faites que pour une quinzaine, j'ai été obligé de me contenter, ce temps expiré, de la nourriture dont se servait le capitaine du navire, laquelle était fort médiocre, et, sans un vent très favorable, les deux derniers jours de ma navigation nous aurions été sans eau.

Je regrette, on ne peut davantage, d'avoir été obligé de quitter Pétersbourg après un si petit séjour, et me rappelant avec reconnaissance toutes les bontés et politesses dont on m'a comblé, mes regrets de ne pouvoir en profiter encore ne finiront certainement pas de si tôt.

J'ai remis, selon vos ordres, mon Prince, les lettres que vous m'aviez confiées pour Mgr le prince héréditaire, M. le comte de Bernstorff et M. le baron de Sacken, en mains propres, à leurs adresses. Mgr le Prince m'a fait l'honneur de me dire qu'il se rappelait, avec plaisir, vous avoir vu ici, à Copenhague, et m'a demandé, avec beaucoup d'intérêt, de vos nouvelles.

Je vous prie, Monsieur, de présenter mes très humbles respects et remerciements des lettres dont m'a chargé S. E. M. le comte de Panine. Avec une recommandation aussi intéressante que la sienne, je suis sans inquiétude sur mon sort à l'avenir. C'est à vous, mon Prince, à qui j'en dois toute l'obligation, me l'ayant procurée; aussi la plus parfaite gratitude que je vous en porte ne finira qu'avec les sentiments de dévouement respectueux et d'attachement inviolable, avec lesquels j'ai l'honneur d'être pour la vie, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur.

1820. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 7. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Я сюда въ четвертый день, благодаря Бога, доѣхала; только дорога дурная меня очень разбила. Вы, надѣюсь, о моемъ путешествіи вѣдаете отъ пикернаго. Пожалуй, другъ мой, съ первой почтой отпиши ко мнѣ, какъ братъ мой къ вамъ пріѣдетъ. Боюсь дурной погоды; храни Боже, чтобъ его здоровья не повредила. Желая отъ всего моего сердца васъ, другъ мой, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ поздравать. Къ князю Алексѣю Борисовичу сегодня не пишу: голова моя мнѣ [не] даетъ много писать. Вамъ поручаю ему отъ меня поклониться. Въ прочемъ поручаю васъ всѣхъ Богу.

1821. Christian Hebbe—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 8 (19) septembre 1777.

Un voyage que j'ai fait, et dans l'attente [de] pouvoir marquer à vous, mon Prince, quelque chose [de] précis, m'a empêché [de] répondre plus tôt à la très gracieuse que Votre Excellence a daigné m'honorer sous le 2 (13) passé.

Lundi dernier, j'ai eu réponse de mon correspondant. Il s'est rendu sur le lieu. Tout le monde était parti et, malgré ses demandes, il n'a pu savoir pour où, ni quand, et si on retournera. On a voulu savoir quelle raison l'amenait, ce qu'il n'a pas jugé à propos de leur faire savoir. Ainsi il m'a renvoyé la lettre dont mon Prince a bien voulu m'en [me] charger; il me marque de plus qu'avec la fin de ce mois il ira s'établir dans une autre ville, ainsi hors d'état de me servir à l'avenir, ni [de] m'indiquer un autre, vu que la distance

est près de trois lieues, qu'il lui a fallu faire bien des courses la première fois, vu que l'adresse [n'] était point en ordre, sans compter ses frais et les fatigues de cinq lieues.

Ce contretemps me touche, car je me flatte que j'ai l'honneur d'être suffisamment connu de Votre Excellence, pour ne pas vouloir m'employer à son service; mais, mon Prince, votre séjour ici vous aura fait connaître que les commerçants, ici, ne sont guère d'[dans l'] usage de fréquenter la noblesse sur un pied à la [lui] rendre des visites; en charger des domestiques est délicat à tous égards; y aller soi-même attire des attentions, et je ne sais comment me [m'y] prendre avec celle que j'ai en mains, ainsi de celles qui me parviendront. Il y a apparence qu'on ne retournera à Stockholm qu'en novembre, et qui employer pour lors? J'attends donc les ordres à qui la remettre, ou s'il me faut la renvoyer à Votre Excellence.

Ne sera-t-il [n'y a-t-il] pas moyen que Votre Excellence ordonna [ordonne] [à] quelqu'un de la chancellerie russe qui [qu'il] s'en charge, ou faisant écrire au sieur La Bas, perruquier français de la Comédie royale ici, que lui ou sa femme s'en acquittent, moyennant un discrétion [crédit] annuel: ces gens ont des [les] entrées libres par l'état de leur profession, et que je dois ignorer.

J'espère que M. de Ruckmann aura contenté Votre Excellence en indiquant avec qui il a fait l'embarquement de votre carrosse et de votre portrait, d'autant plus qu'il me l'avait assuré.

Mon épouse qui jouit, ainsi que les siens, d'une bonne santé, grâce à Dieu, est ainsi que moi très sensible aux gracieux souhaits de Votre Excellence. Nous étions [avons été], mercredi, voir Mme la baronne de Gyldencrone à Nyckel-Hiken où tout le monde se portait

très bien. Ma femme a quitté son séjour de Dufnar, pour demeurer en ville; elle présente ses très humbles obéissances.

1822. La princesse Nathalie Kourakine — au prince Alexandre Kourakine.

Lambourg. 9 septembre [1777].

Notre vice-colonel, qui vient de passer chez moi, m'a appris l'accident qui vous est arrivé. Malgré les assurances qu'il m'a données sur ce que votre chute n'est pas dangereuse, je ne m'en rapporte pas à lui: mon amitié pour vous est trop vive pour n'être pas alarmée. Dissipez donc, mon aimable frère, mes craintes et calmez mes inquiétudes. Si vous n'avez pas la force d'écrire vous-même, chargez-en quelqu' autre, pourvu que j'aie de vos nouvelles le plus tôt possible. Une exacte définition de l'état de votre santé rendra tranquille votre amie; je ne saurai l'être dans cette cruelle incertitude. Adieu, mon cher ami, conservez-moi votre amitié et accordez-moi une part dans votre souvenir.

1823. И. В. Страховъ — князю Александру Куранину.

1777 г. сентября 12. Новгородъ.

Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ спозналъ я вчерась отъ его сіятельства графа Никиты Ивановича о приключившемся вамъ несчастіи. Дай Боже, чтобы мы нашли ваше сіятельство совсѣмъ возстановленнаго въ прежнее здорovie.

За долгъ поставляю донести вамъ, милостивый государь, что его сіятельство графъ Никита Ивановичъ изволилъ приѣхать сюды третьяго дни къ вечеру въ добромъ здорovie. Вчерашній день пропраздновалъ онъ

у г. Брессана въ деревнѣ, отстоящей отсюда въ семи верстахъ, гдѣ и было получено ваше письмо. Г. Брессанъ пріѣхалъ нарочно изъ С.-Петербурга для угощенія его сіятельства и далъ хорошій праздникъ, иллюминацію съ фейерверкомъ.

Сейчасъ отправляемся мы въ путь, и его сіятельство изволитъ полагать послѣзавтре ночевать въ Ижорѣ и пріѣхать въ С.-Петербургъ въ пятницу къ обѣду.

Его сіятельство графъ Никита Ивановичъ, свидѣвъ, что я пишу къ вашему сіятельству, изволилъ мнѣ приказать вамъ отъ него кляяться и донести, что онъ весьма сожалѣетъ о случившемся съ вами приключеніи и желаетъ сердечно найти васъ здороваго.

1824. J. H. F. Oldecop--au comte Jean Ostermann.

[Amsterdam, 15 (26) septembre 1777].

L'honneur de votre très gracieuse lettre du 1er août, par laquelle Votre Excellence plaise de [daigne] m'accuser réception des harengs envoyés et d'y joindre les très gracieuses assurances, de la part de Votre Excellence, de votre très gracieux désir à [de] m'être utile, me fait prendre la hardiesse, Monseigneur, pour [de] vous ressouvenir mes très humbles sollicitations tant de fois réitérées pour être avancé au rang de conseiller d'ambassade, avec un appointement de 1200 roubles. Je ne serais été [n'aurais pas été] assez téméraire d'importuner Votre Excellence de mes suppliques, si votre haute grâce ne m'en autorisa [m'y avait autorisé] en marquant combien vous souhaitez à me pouvoir être utile. Il ne dépend donc, Monseigneur, qu'à [que de] vous-même, pour réaliser et vérifier vos très gracieuses assurances, et, par là, Votre Excellence prouvera d'être [qu'elle est]

aussi bien mon très gracieux patron et bienfaiteur, comme l'a été S. E. Mgr le Comte, votre illustre père, envers le mien. Ils n'existent plus, mais, jusqu'au tombeau, je conserverai dans mon âme la plus vive reconnaissance aux mânes d'un seigneur qui fut le protecteur déclaré de ma famille. Vos très gracieuses promesses me donnent la plus flatteuse espérance de me voir enfin réussi pour être en état de soutenir une nombreuse famille de femme et enfants. D'ailleurs, ma demande ne peut pas faire du tort à d'autres employés dans le [au] Collège des affaires étrangères. Je me tais sur mon zèle prouvé en toute occasion, car, à cet égard, je n'ai fait que mon très humble et juste devoir. Qu'il me soit seulement permis, Monseigneur, de faire remarquer que c'est [qu'il y a] actuellement 25 ans qu'après la mort de mon cher père, j'ai eu [obtenu] la grâce d'être chargé ici des affaires de la Cour Impériale. S'il y a un des employés au Collège, qui a [ait] aussi longtemps servi dans un tel poste coûteux et affairé [et] qui ne soit plus avancé que moi, il aurait raison d'être jaloux à mon égard; mais si tous ces employés sont avancés bien au-dessus de moi, à qui pourrais-je faire du tort en demandant un avancement tant nécessaire pour subsister avec une nombreuse famille? Un agent du vaste et grand empire de Russie doit-il vivre dans la misère? Au nom de Dieu, Monseigneur, exaucez mes prières! C'est un bienfait à un sujet de l'Empire, n'étant pas un étranger, mais né sujet russe, et qui se glorifiera toujours d'avoir eu S. E. feu Mgr le Comte, votre illustre père, pour son parrain. Vos bienfaits ne seront [pas] versés pour un ingrat, mais jusqu'au tombeau je vous en serai le plus reconnaissant.

1825. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 21. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. За письмо ваше, отъ 15-го, благодарствую. Благодарю Бога, что братъ мой пріѣхаль, очень меня страшало дурное время и дорога безпокойная. Дай Боже, чтобъ онъ у васъ такъ былъ, какъ съ нами въ Дугинѣ, а тебѣ, другъ мой, сердечно желаю, дай Боже, чтобы скорѣе вамъ придти въ первое здравье. О чрезвычайномъ у васъ наводненіи мы здѣсь не только тужимъ,—я безъ слезъ вздумать не могу, какое это страхъ былъ и всенародный убытокъ. Ко мнѣ обстоятельно никто не пишетъ, а къ другимъ пишутъ. Отпиши, пожалуй, ко мнѣ, что въ городѣ повредило. Павлу Артемьевичу прошу отъ меня поклониться и поблагодарить, что онъ меня въ вашемъ письмѣ увѣдомилъ о пріѣздѣ брата моего.

Больше теперь писать нечего. Поручаю васъ Богу.

1826. Le baron H. J. de Duben—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 22 septembre (3 octobre) 1777.

Votre lettre, mon Prince, du 31 août, m'a fait d'autant plus de plaisir que j'ai été longtemps dans la privation de vos chères nouvelles. Je vous recommande mon secret autant qu'il est possible. Avouez que rien au monde [n'] est aussi incompréhensible que l'amour. La personne ignore que je pense plus à elle et surtout sérieusement. Elle n'a pas, que je sache, une fois de mes nouvelles, et sera, peut-être, très fâchée contre moi, puisque, à notre séparation, elle se crut tout à fait jouée. J'attends la décision de mon sort dans mon pays. Je suis trop accoutumé à mes aises, au superflu même,

comme garçon; il y a une furieuse différence en famille; car la demoiselle a bien peu de chose. Avec la mission, hélas, de M. Nolcken, je serais fort à mon aise, jointe à mes revenus. Le Roi me fait, en vérité, beaucoup d'accueil, mais j'attends d'être placé avant que de pouvoir me marier. On a tort de se marier jeune, à moins que l'on ne soit immensément, riche. Mais il est un âge où les frivolités de l'amour ont mauvaise grâce, et tout ce que l'on dépense avec ses maîtresses est chose perdue. Avec le meilleur tempérament on ne devient, à la fin, qu'un vieux débauché, dont le corps sera aussi usé que le sentiment. Pour un homme qui a bien l'ambition d'être utile à sa patrie et qui en a les facultés, s'il aime les femmes et les maîtresses, croyez-moi qu'il garde toujours la pusillanimité dans l'esprit, avec la dissipation des femmes. Je suis extrêmement sensible et romanesque en même temps. Toute ma vie j'ai été décidé d'épouser une étrangère, mais aussi je croyais épouser du bien. Dans la plus grande partie de l'Europe où nous avons été tous les deux, vous avouerez, mon Prince, qu'il est extrêmement rare de trouver une jeune personne qui ait de la beauté, de la naissance, des talents, de la douceur dans le caractère, et qui soit riche en même temps; et encore, plus difficile pour un étranger d'en épouser. Votre belle Sophie réunissait tous ces avantages, excepté les biens qui resteront aux fils. Elle est à la campagne depuis 4 mois, ainsi je ne vous en fait point de compliments.

Si S. E. le comte Panine est de retour, je vous prie de ne pas m'oublier auprès de lui. Je fais bien des vœux pour sa santé.

M. Munk est sur son départ, peut-être sera-t-il même prêt ce soir. Il amène par eau, en personne, 40 petits chevaux d'Oeland pour l'Impératrice, pour le Grand-Duc, pour le comte Ivane et le prince

Potemkine. Comme ils sont tout nouvellement pris dans l'île, ils sont encore maigres et presque pas jolis du tout. Ils le deviendront certainement dans un an. La calèche que le Roi a fait faire dans très peu de temps avec des [et les] harnais pour 8 petits chevaux sont, en vérité, magnifiques et très particuliers. La calèche est pour 6 personnes. le train en est fort léger, à l'anglaise, tout doré jusqu'aux roues et d'un bel or venisé, la caisse est couverte d'un fil doré, en dessin de corbeille de paille à jour, relevé par un satin vert; on a voulu imaginer quelque chose qui fût un peu particulier. L'étoffe de la caisse est une espèce de Sircaza vert et or, tout fait dans le pays, le dessin en est conforme à l'extérieur de la caisse, le tout galonné et couché de crépines d'or. La housse du cocher et celle du derrière sont magnifiques. Les housses sont de même étoffe, galonnées; le tout fera un assez drôle d'effet. Le Roi, étant à Gryps-holm, est venu exprès en ville pour examiner la réussite de tout cet équipage dont il s'est fort occupé. Il continue toujours dans les sentiments qu'il a emportés dans [de] son voyage.

Comme j'écris aujourd'hui avec la poste, M. Munk ne sera pas chargé de ma part d'aucune lettre pour vous, mon Prince. Il sera chargé de bien de compliments; c'est un bon garçon et que j'aime assez. Il a fait une assez jolie fortune, de page qu'il était, avec assez peu d'éducation. Je vous prie de vous intéresser pour lui auprès de M. le Comte, votre oncle. Je serai bien flatté si Mgr le Grand-Duc, aussi bien que M. votre oncle, voulussent [voulaien]t bien me faire la grâce de lui parler quelque chose sur [à] mon sujet, car, comme il est mon ami, cela sera utile pour moi à son retour. Faites autant, je vous prie. D'ailleurs, il n'est pas au fait de mon secret, ni personne; ainsi il ne faut pas lui en parler.

Le prince Frédéric est de retour de ses voyages. On lui a donné hier une fête à l'occasion de son arrivée à Grypsholm. Tout a été enchantement: château enchanté. femmes enchantées. fées bonnes et mauvaises; mais le tout dans un genre comique. J'ai eu des empêchements d' [pour] y venir. Je compte l'autre semaine y aller faire ma cour au Roi.

Nolcken est en Skanie avec sa femme, laquelle réussit assez bien chez les autres femmes. Les hommes ne s'en soucient point; aussi, à la vérité, n'est-elle pas bien brillante. Il en est content. c'est le principal. Elle est sage et honnête.

1827. Самуиль, епископъ ростовскій, — князю Александру Куракинѹ.

1777 г. сентября 23. Ростовъ.

Съ наибольшимъ удовольствіемъ имѣлъ я честь получить вашего сіятельства пріятнѣйшее письмо, августа отъ 12. Извините меня великодушно, что не скоро приношу за оное мою благодарность. Оно мнѣ доставлено сентября 12 дня. Ея сіятельство княгиня Александра Ивановна, возвратясь изъ Вязьмы. при своемъ письмѣ изволила мнѣ оное сообщить и доставить вѣрно. Я оное тѣмъ съ вѣщшею радостью читалъ, что благоволеніе Его Императорскаго Высочества ко мнѣ неотъемлемо продолжается и со дня на день умножается. Все сіе происходитъ отъ вашего ко мнѣ величественнаго усердія, которое навѣки въ душѣ моей будетъ незагладимо. Умноженіе двѣхъ жизни моей умножить чувствія моей къ вамъ благодарности. Колико бы я счастливъ былъ, если бы удостоился Ихъ Императорскимъ Высочествамъ принести мое изустное поздравленіе съ исполненіемъ всеобщей радости, отъ ихъ

евященнѣйшаго союза ожидаемой, но сіе зависить единственно отъ милосердаго Божія промысла. Довольно теперь для меня и того, что я, и въ отдаленныхъ предѣлахъ находясь, наслаждаюсь ихъ высочайшею ко мнѣ милостію такъ, какъ бы взирая на ихъ всевождебное лицо. Я весьма сомнѣваюсь, чтобы дозволено мнѣ было когда-либо пріѣхать въ Петербургъ. Стеченіе обстоятельствъ, кажется, не таково; но вѣрющему вся возможно суть. Мои извѣстные благодѣтели рады, чтобъ я и въ Москву никогда не возвращался, но всемогущая десница отворотить всѣ ихъ противоборствія.

Я свое путешествіе по епархіи совершилъ благополучно, хотя отъ худой погоды много претерпѣлъ. Я не преминулъ и въ Ярославлѣ быть. Описать не могу, съ какою жадностью меня приняли, но не столько теперь тамъ весело безъ Алексѣя Петровича. Всѣ въ движеніи для предбудущаго торжества. Итакъ, я поскорѣе возвратился въ Ростовъ. Удивляетесь моего дома огромности. Онъ построенъ митрополитомъ Іоной, который посвященъ отъ Никона патріарха и имѣлъ превеликую склонность, или страсть, къ строенію. Только совсѣмъ его древняя архитектура; похожа точно на Кремль въ Москвѣ. Двѣ грановитыя палаты и площадь подлѣ оныхъ, такъ точно, какъ въ кремлевскомъ дворцѣ, семь церквей каменныхъ, всѣ альфреско, только не живописью, а старымъ иконописствомъ расписаны. Можетъ быть, я найду впредь случай сообщить вамъ обстоятельное описаніе. Алексѣй Петровичъ приглашаетъ меня жить въ Ярославлѣ, но тамъ домъ мой весьма худъ, хотя также каменный и огромный, и строенъ тѣмъ же митрополитомъ, и положеніе свое имѣетъ при Волгѣ рѣкѣ на самомъ прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Въ немъ всемилостивѣйшая Государыня, будучи въ Ярославлѣ, изволила имѣть квартиру. Не знаю, какъ онъ по новому плану останется; не взять ли будетъ въ казну. Алексѣй

Петровичъ старается мнѣ новый домъ исходатайствовать, но будущее все отъ насъ непроницаемою завѣсою закрыто. Дома ростовскаго никакъ оставить не можно,—весьма достопамятное строеніе; только великая сумма на содержаніе нужна. Можно сказать, что въ Россіи три мѣста уваженія достойны: Троицкая лавра, Воскресенскій монастырь новоіерусалимскій и ростовскій архіерейскій домъ.

Несказанно радуюсь, что Алексѣй Петровичъ и Наталья Ивановна столь ласково обо мнѣ отзывались. Я съ моей стороны употребилъ все мѣры, служащія къ ихъ удовольствію, и не упустилъ ничего, что могло имъ доказать мое усердіе. По ихъ ко мнѣ доброму расположенію твердо заключаю, что наше обхожденіе подаетъ впредь новыя опыты къ пріобрѣтенію взаимной откровенности. Усерднѣйше благодарю васъ, что вы, по величественному своему участию, кое всегда пріемлете въ моемъ благополучіи, нашедъ къ тому удобный случай, произвели новое побужденіе въ сердцѣ Алексѣя Петровича для утвержденія сего ко мнѣ благоволенія и добрыхъ сентиментовъ. Я, конечно, съ его стороны буду спокоенъ, равномѣрно и съ моей стороны не подамъ ни малѣйшаго случая, относящагося къ какомулибо его неудовольствію. Повѣрьте, что я еще и нынѣ не забылъ калужскихъ обстоятельствъ: мнѣ они очень памяты. Вы удивитесь, если услышите, что теперь то же происходитъ въ Москвѣ, что было въ Калугѣ. Фаворитъ Камбалы со всѣми разсорился и творитъ чудеса, приносящія ему не честь, но поруганіе. Такъ меня пріѣзжающіе къ намъ увѣряютъ. Онъ, осмотрѣвъ свою епархію, возвратился въ Москву церемоніальнымъ образомъ таковымъ: карета дорожная утыкана была цвѣтами, напереді его семь дьячковъ верхами, у колеса, по правой и лѣвой сторонѣ, по три священника и дьякона верхами, за каретою одинъ

запасчикъ и протопопъ верхомъ. Послѣ слѣдовали повозки. Народъ весь сбѣжался и смотрѣлъ на сіе странное происшествіе съ великимъ смѣхомъ. Онъ, не вѣдуци на свое подворье прямо, ѣхалъ городомъ и остановился у Заиконоспасскаго монастыря; тамъ, нѣсколько бутылокъ аглицкаго очистивъ, во-своися тѣмъ же порядкомъ отправился. Вообразите, какое отъ сего духовному чину происходитъ предосужденіе! Благодарю Бога моего, что я нынѣ не въ Москвѣ. Видя такое сумасбродство, я-бъ сокрушилъ себя и безвременно жизни лишился. Къ стыду нашего чина и вѣка сіе дѣлается. Онъ, будучи въ конторѣ пьянъ, вступилъ въ споръ съ рязанскимъ, и едва дѣло не дошло до драки, ибо и сей съ похмѣлья едва видѣтъ свѣтъ могъ. Что, если-бъ я тамъ былъ, или бы сего вовсе не было, или бы я, ушедъ, далъ симъ людямъ свободу исполнить свое желаніе. А ргоро, вотъ его братецъ, протопопъ успенскій, у васъ. Онъ поѣхалъ въ надеждѣ на Камбалу, повезъ сына своего, чтобъ его выпустили офицеромъ изъ гвардіи, а при томъ чрезъ Камбалу ищетъ: 1) чтобъ ему дозволено носить въ служеніи архимандричью шапку, 2) чтобъ его имя въ ектеніяхъ возносимо было въ соборѣ. Такія требованія не суть ли плодъ сумасшедшаго человѣка. Вы сами на мѣстѣ больше услышите, а я сожалью, что такими нелѣпостями утрудилъ васъ.

За извѣстіе о Петрѣ Васильевичѣ приношу мою истинную благодарность. Я слышалъ, что на вопросъ его давъ ему отвѣтъ: или остаться тамъ, гдѣ онъ находится, или возвратиться. Кажется, благою часть онъ изберетъ, ежели будетъ наслаждаться тѣмъ жребіемъ, кой онъ нынѣ имѣетъ въ своихъ рукахъ.

Я недавно имѣлъ честь просить васъ о поднесеніи моего искреннѣйшаго поздравленія Его Императорскому Высочеству со днемъ его рожденія. Оно отправилъ я прежде полученія вашего письма. Я здоровьемъ весьма

слабъ, и для того мнѣ жизнь моя вывѣшная со дня на день пріятнѣе становится. Жаль только, что я лишуюсь лицезрѣнія моихъ благодѣтелей, которыхъ милостивыя и ласковыя бесѣды для меня всего дороже. Неблагомыслящіе люди теперь торжествуютъ, что я удалился; но если живъ буду, возвращуся къ Новому году, когда фаворитъ Камбалы къ вамъ отправится. Вы его не узнаете,—рожа престрашная сдѣлалась, и весьма растолстѣлъ. Сіе произвело дѣйствіе аглицкаго пива; оно, сказываютъ, очень хлѣбенно. Прошу обо мнѣ съ Акчуринымъ никогда ничего не говорить: онъ мой открытый злодѣй, какъ я къ вамъ прежде писалъ. Онъ совсѣмъ мое дѣло не только оставилъ, но и испортилъ. Онъ одного сорту съ фаворитомъ Камбалы; удовольствие его ежеминутное—аглицкое пиво. Всѣ знаютъ даже при дворѣ, но Камбала его поддерживаетъ.

Вы упомянули объ открытіи мнѣ второго намѣстничества,—костромского. Мнѣ тамъ быть не должно. Костромской архіерей есть особливый. Дай Богъ мнѣ открыть ярославское: довольно для меня по слабости моего здоровья.

1828. J. H. F. Oldesop—au prince Alexandre Kourakine.

Amsterdam, 26 septembre (7 octobre) 1777.

En me référant très humblement à ma dernière lettre du 15 (26) septembre passé, j'ai maintenant l'honneur de marquer à Votre Excellence l'accouchement de ma femme d'une fille qui a reçu au baptême le nom d'Alexandrine, conformément à votre gracieuse permission, dont j'ai aussi profité pour faire enregistrer Votre Excellence comme son illustre parrain. L'accouchée et votre filleule se portent, grâce à Dieu, à merveille: l'une et l'autre se recommandent à votre protection et

[à votre] bienveillance. J'y joins les miens, attendant tout de votre bon cœur, de vos bonnes grâces, de votre humanité, [de votre] douceur, de votre gracieuse affection et [de votre] très respectable amitié envers moi. Nos vœux se bornent pour [à] me voir dans un état qui m'assure un soutien solide,—pour [à] être conseiller d'ambassade avec un appointement de 1200 roubles; nul intérêt quelconque d'autre part. Votre appui et [votre] protection remplissent mes désirs, ceux de l'accouchée et ceux de votre petite filleule. J'attends tout de vos grâces et de votre affection. Quelle douce satisfaction pour un cœur aussi humain que le vôtre d'avoir contribué au bien-être d'un père et d'une mère de deux fils et de deux filles qui ne cessent de faire, à chaque instant, des vœux ardents pour votre félicité, [votre] prospérité, [votre] contentement et [votre] gloire.

1829. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1777 г. сентября 30. [Имбургъ].

Любезный другъ и братецъ князь Александръ Борисовичъ. Позволь мнѣ тебя отъ всего моего сердца поздравить въ новомъ чинѣ,—въ оберъ-прокурорскомъ. Дай Богъ, чтобы ты въ скоромъ времени больше получилъ. Я думаю, что ты теперь получишь позволеніе надѣтъ орденъ, тебѣ давно присланный. Жалѣю очень, что братъ князь Алексѣй не обрадованъ, но я думаю, что это не далѣе отложено, какъ до перваго праздника.

Пожалуй, мой другъ, одолжи меня: постарайся, какъ можно, выпросить мнѣ позволеніе у Его Высочества, чтобы пріѣхать мнѣ въ Петербургъ недѣли на двѣ; я имѣю прекрайнюю нужду видѣться со всѣми вами; теперь же довольно здѣсь штабъ-офицеровъ и безъ

меня: Чичеринъ, майоръ Науендорфъ, да Щукинъ. Я надѣюсь на тебя, что ты, любезный другъ, исполнишь мою просьбу.

1830. Сергѣй Дуровъ—князю Александру Куракину.

1777 г. октября 1. Городъ Суздаль.

Во-первыхъ, свидѣтельствую усердное мое высокопочитаніе, при томъ доложу, что я по приказанію вашего сіятельства былъ въ селѣ вашемъ, смотрѣлъ конный вашъ заводъ. Аглицкій жеребецъ очень хорошо содержится, видѣлъ отъ него плодъ—семь жеребятъ, очень хороши, а особливо одна кобылка,—точный жеребецъ: никакого въ примѣтахъ различья нѣту. Также былъ въ манежѣ, гдѣ вашего сіятельства сталмейстеръ показывалъ его искусство,—ѣздилъ на воровой лошади, на самой той, которую, сказывалъ, для вашего сіятельства прочить.

1831. Андрей Самборскій—князю Александру Куракину.

1777 г. октября 2 (13). Лондонъ.

Въ первомъ моемъ письмѣ имѣлъ я честь довести вашему сіятельству, что сотрудники мои довольное пріобрѣли знаніе аглинскаго языка ко вступленію въ теоретическія науки, сопряженныя съ хлѣбопашествомъ. Почитая васъ главнымъ посредникомъ и истиннымъ любителемъ моего предмета, за долгъ считаю увѣдомить васъ теперь, что мы, подъ предводительствомъ аглинскаго дворянина г. Арбутнота, который признается отъ всѣхъ первымъ и искуснѣйшимъ земледѣльцемъ, упражнясь на поляхъ, знатные сдѣлали усѣхи въ практическихъ операціяхъ. Не долженъ я оставить въ мол-

чаніи, что усердіе сего агличанина есть столь велико, что онъ дозволилъ намъ производить всѣ нужныя операціи на собственныхъ своихъ поляхъ. Кромѣ сего онъ объясняетъ намъ всѣ физическіе и механическіе способы и нерѣдко живетъ съ нами на поляхъ отъ утра до вечера, оставивъ свою семью. Правда, что всѣ агличане безъизъятно весьма усердны ко мнѣ, но онъ всѣхъ превосходитъ. И кажется, что главное его удовольствіе въ томъ теперь состоитъ, чтобы всѣ способы сего полезнаго знанія, т.-е. земледѣлія, сообщить Россіи. И что я предупѣлъ въ избраніи столь искуснаго и добраго наставника, то долженъ я приписывать славу великой Екатерины и высокому покровительству премудраго и великодушнаго мужа, его высокографскаго сіятельства Никиты Ивановича Панина, а при томъ и вашего сіятельства. Продолжайте, милостивый государь, оное. Я всѣ возможности употреблю, чтобы достойнымъ сдѣлаться вашего вниманія и общественной надежды.

1832. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. октября 2. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Я давно отъ васъ письма не имѣю; не знаю, выѣзжаешь ли послѣ своего ушибенья; пожалуй, отпиши, совсѣмъ ли боль прошелъ въ спинѣ. Боже, дай, чтобы сіе мое письмо нашло васъ совсѣмъ здорова.

Я отъ дурной погоды не совсѣмъ здорова; голова дурна, и вся слабѣю, а братъ мой все еще въ полѣ съ собаки. Думаю, что скоро нельзя будетъ ѣздить: сегодня морозъ былъ. Больше писать нечего. Поручаю васъ Богу.

**1833. Самуиль, епископъ ростовскій,—нязю Александру
Куракину.**

1777 г. октября 4. Ростовъ.

Имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ монаршею милостью, вамъ оказанною. Искренно желаю получить въ скорости новые знаки оной. Какъ я имаю ношу на себѣ пророка Самуила, то должно мое пророчество скоро исполниться. Сожалѣю только, что вы не въ нашемъ мѣстѣ, т.-е. не въ Синодѣ. Пожалуйте, нашего хотя въ сенаторы или въ губернаторы возьмите. Я никогда тужить о немъ не стану: въ разсужденіи моихъ дѣлъ нѣтъ безсовѣстнѣ сего человѣка. Кажется, я съ моей стороны никогда никакой не подалъ ему къ неудовольствію причины; но худорасположенное отъ натуры сердце всегда таково.

Я къ вамъ имѣлъ честь недавно писать о бывшемъ у васъ наводненіи; я получилъ свѣдѣніе съ чувствительнѣйшимъ сожалѣніемъ. У васъ были бури жестокія, и бѣднымъ жителямъ деревенскимъ много вреда причинили. О себѣ доношу, что я въ худомъ положеніи здравія нахожусь. Дай Богъ мнѣ слѣдующій подвигъ въ Ярославлѣ отправить съ желаемымъ успѣхомъ, но слабость здоровья крайне мѣшаетъ.

Прошу увѣдомить, что успенскій протопопъ получилъ у васъ. Онъ поѣхалъ просить, чтобъ ему носить дозволено шапку архимандричью, и чтобъ его имя возносили на ектеніяхъ въ Успенскомъ соборѣ. Вотъ безпокойная голова! Однако, такимъ людямъ всегда удается.

Если-бъ я былъ въ Москвѣ, какое бы участіе принялъ въ той радости, которую ощущаетъ ея сіятельство княгиня Александра Ивановна отъ изліянной на васъ Божіей и монаршей милости. Но повѣрьте, что я, и въ отдаленности находясь, раздѣляю оную со всѣми, вамъ кровію и любовью привязанными, соприсутствуя

имъ и вамъ моимъ искренностью и чистѣйшими желаніями исполненнымъ духомъ.

1834. Рѣчь, говоренная октября 11 дня 1777 г. княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, при его вступленіи членомъ въ Вольное Экономическое Общество.

Господинъ президентъ и почтенное собраніе! Еще прошлаго года имѣлъ я счастье лестнѣйшее получить доказательство снисхожденія и довѣренности вашей ко мнѣ доставленнымъ отъ васъ преимуществомъ,—избраніемъ меня въ сочлены столь почтеннаго и для общаго блага столь полезнѣйшаго собранія. Разныя обстоятельства, между прочимъ два отсутствія мои изъ отечества, послужили мнѣ препятствіями изъяснить вамъ прежде чувствуемую мною искреннѣйшую благодарность, но не менѣе сердце мое оною объято было.

Купно съ симъ чувствованіемъ существуетъ во мнѣ глубочайшее почтеніе къ благодѣтельному вашимъ трудовъ предмету, прилежаніе и уваженіе истинныхъ патриотовъ столь заслуживающему, и въ достиженіи котораго польза и выгоды не однихъ сельскихъ обывателей, но, смѣло сказать можно, польза и выгоды всего отечества нашего находятся. Есть ли упражненіе благороднѣе, для всякой чувствительной души удовлетворительнѣе, какъ привлекающее васъ въ собраніе сіе? Преподавать способы и наставленія къ исправленію и къ наилучшему до вѣднѣйшаго совершенства доведенію земледѣлія и всѣхъ до хозяйства каждаго гражданина касающихся частей, въ глазахъ моихъ, не иное есть, какъ самымъ дѣломъ къ утверженію внутренняго устройства и блага общества споспѣшествовать. Оными наслаждаемся мы совершенно матернимъ о насъ попеченіемъ премудрыя наша Монархиня: любовь къ человѣчеству, неусыпное стараніе подданнымъ своимъ воз-

можнѣйшее доставить блаженство, сіяя во всѣхъ знаменитыхъ ея дѣянiяхъ, одарили васъ великимъ ея покровительствомъ, которое, возвышая цѣну трудовъ вашихъ, лестнѣйшимъ вамъ въ ихъ продолжительности поощренiемъ служить должно. За отмѣнное преимущество ставлю онымъ соучаствовать, а совершенно счастливымъ назову себя, когда, по мѣрѣ желанiя моего, хотя до нѣкотораго успѣха въ оныхъ достигнуть удостоюсь.

1835. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. октября 26. [Москва].

Радуюсь, что вы своимъ состоянiемъ довольны, и сердцемъ желаю, чтобы Богъ вамъ способствовалъ дѣлать по вашему мѣсту столько благодѣяній, сколько я знаю вашей къ этому склонности.

Съ истиннымъ признанiемъ васъ, мой дорогой другъ, благодарю за тафту, которую, не думавши и безстыдно, у васъ выпросила, чтобы за нее заплатили. Я, конечно, принимаю это за знакъ вашей ко мнѣ безцѣнной дружбы, которую прошу мнѣ сохранить, зная, что признательнѣе меня быть никто не можетъ.

Сестра моя бѣдная васъ благодаритъ, что вы ихъ вспомнили; ихъ обстоятельства столь дурны, что мы того ждемъ, что они лишатся дневной пищи. Могу вамъ сказать, мой дорогой другъ, что насъ съ матушкою это совершенно крушить, а помочь никакъ не можемъ. Въ дополненiе то прибавлю, что этотъ чернотушникъ Репнинъ вновь подалъ въ Судный приказъ исковую челобитню на нихъ въ кантемировыхъ пожиткахъ. Итакъ, къ чему Богъ ихъ ведетъ,—неизвѣстно.

Очень лестно себѣ ставлю, что Семенъ Гавриловичъ меня помнитъ; прошу сказать ему мой поклонъ, какъ и то, что онъ прямо голову свергѣлъ княгинѣ

Аграфенѣ Михайловнѣ общаніемъ ей четверни, и хотеть знать, можетъ ли она этого ожидать.

1836. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. ноября 6. [Москва].

Признаюсь, что вы, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, меня усовѣстили своимъ приказаніемъ Варламову васъ репортовать о матушкиномъ здоровьѣ, чѣмъ больше еще изъявляете къ ней свою привязанность, о которой хотя никто изъ насъ не сумнѣвался, но ее этимъ очень обрадовали. Во удовольствіе ваше не обещаю всякую почту писать, а стану, конечно, чаще, единственно для того, чтобъ о ней васъ извѣщать, а таперь скажу,—ей, слава Богу, лучше гораздо, и на той недѣлѣ звана была ужинать къ Салтыковымъ, гдѣ смертельно заговорили.

Таперь я васъ хочу, мой дорогой другъ, спросить, не можете ли вы уговорить князь Степана Борисовича съ княгинею, чтобъ они вонѣшнимъ путемъ сюда ѣхали, а не откладывали до зимы. Я вамъ скажу, что ея мать очень на нее за это сердится, считая, что она веселье ей предпочитаетъ, и для нея мужъ дѣлаетъ, что такъ надолго откладываетъ. Совсѣмъ здѣшней винить не можно въ разсужденіе трудныхъ отпусковъ въ ихъ полку. И такъ, думаю, вы сами согласитесь, если ждате перваго пути, имъ, можетъ быть, не удастся больше мѣсяца здѣсь пробыть, оттого что часто зима здѣсь не становится прежде конца декабря. Я у нея случилась послѣдній почтовый день, и она меня принудила къ нимъ свое мнѣніе написать, чѣмъ, можетъ быть, я имъ досадила. Пожалуй, увѣрьте ихъ, что это было ей въ угодность, а я съ своей стороны только желаю, чтобъ они были довольны.

Княгиня Аграфена Мих[аиловна] мнѣ покоя не даетъ, для чего вы ей не отвѣчали на письмо; одолжите меня, пожалуй, напишите къ ней хотя одну строчку,—вы знаете ея малодушіе, и сколько этимъ ее утѣшите. Правду скажу, что она свои добродѣтели имѣетъ, чѣмъ таперь доказываетъ, что сводить Репнина съ нашимъ Лобановымъ, а на чемъ оснуется этотъ миръ, не оставляю вамъ сообщить.

1837. J. H. F. Oldecop — au prince Alexandre Kourakine.

Amsterdam, 10 (21) novembre 1777.

Pour vous dire vrai, mon Prince, le grand ménage de femme et quatre enfants coûte bien cher ici, et c'est impossible de subsister de [avec] 600 roubles; les secrétaires d'ambassade, conseillers honoraires et conseillers d'ambassade se sont toujours endettés à La Haye, tandis qu'ils n'avaient à soigner qu'eux seuls. Que n'ai-je donc pas besoin avec un grand ménage? Aussi, je serais depuis longtemps ruiné, si je n'eusse fait [de] mon mieux de [pour] profiter un peu dans le commerce, et que l'héritage de mon défunt cher père n'eût contribué à me soutenir. En attendant, tout doucement, mes biens se diminuent, et le ménage s'agrandit. Quelle triste perspective! Enfin, vivons en espérance. Votre appui seul me peut rendre heureux, et un instant favorable auprès du premier ministre sera de plus de poids que mes 25 ans de service.

Rien de plus agréable, mon Prince, que votre gracieuse approbation d'avoir nommé Votre Altesse comme parrain de la petite Alexandrine; ma femme en est au comble de [la] joie et vous supplie d'agréer ses compliments et ses vifs remerciements. Votre filleule et sa mère se trouvent en parfaite santé, quoique ma femme

s'affaiblit [soit affaiblie] par les couches réitérées dans peu d'années, ayant déjà morts trois enfants, outre sept à huit fausses couches. Tout cela absorbe des sommes immenses, principalement ici, où tout est si cher. Continuez, Seigneur, de nous prendre dans [sous] votre protection; que votre appui nous rende heureux soit tôt, soit tard, aimant mieux attendre patiemment que de vous importuner. Ce sont de ces choses qui peuvent trainer longtemps, tandis qu' [comme] elles peuvent arriver à l'improviste.

Mais passons tout cela. Je ne remarque que trop d'avoir bien manqué à mon'devoir, mais je compte sur votre indulgence. Ma lettre aurait dû commencer pour [par] avoir l'honneur de féliciter Votre Altesse sur [au sujet de] votre nomination de premier procureur du Sénat-dirigeant, avec la conservation de votre place à la Cour. Vous savez, mon Prince, comment je vous suis dévoué; c'est donc à vous-même à décider de ma vive joie, en apprenant l'avancement de mon ami, de mon patron, de mon appui, de mon bienfaiteur et de l'illustre parrain de ma fille cadette; et si mes vœux s'accomplissent, ces grâces ne sont qu'un commencement de celles dont l'auguste Souveraine, qui sait distinguer les vertus et les mérites, vous va combler par [dans] le temps, pour que Votre Altesse soit en état de faire briller avec éclat ces dons dont le ciel vous a embelli et qui vous rendent cher autant pour l'Empire que pour tout humain, même pour l'univers.

Agréez, mon Prince, mes plus sincères remerciements pour les 800 florins remis, n'ayant point manqué d'en créditer Votre Altesse en [sur le] compte; quant au restant, je l'attendrai, à votre commodité, dans le courant de l'année prochaine. En attendant, j'ai pris bonne note de la commission pour S. A. I. Mme la Grande-Duchesse, dont il vous a plu de m'honorer, savoir: pour

envoyer, au printemps prochain, pour 300 florins d'oignons de fleurs, dont la meilleure partie doit être des tubéreuses (les oignons de fleurs d'hyacinthes, de jonquilles, de tulipes, de narcisses, tujètes, etc. ne s'expédient que dans le mois d'août). vous suppliant aussi, mon Prince, de me gratifier, pour ce temps-là, des commissions dont Son Altesse Impériale vous pourrait charger, en quoi vous [m'] obligerez très essentiellement.

Je prends la liberté de joindre un catalogue de fleurs, pour qu'il vous plaise de [le] faire remettre à Son Altesse Impériale.

1838. Самуиль, архієпископъ ростовскій.—князю Александру Куракину.

1777 г. ноября 15. Ростовъ.

Усугубили ваше сіятельство радость мою, исходятайствовавъ новый отвѣтъ отъ Государя Великаго Князя на мое принесенное Его Императорскому Высочеству поздравленіе. Я недавно имѣлъ счастье получить отъ Ея Императорскаго Величества отличный знакъ ея монаршаго ко мнѣ благоволенія, т.-е. удостоень архієпископскаго сана, начертанія священнѣйшей ея десницы, не лишась при томъ на проѣздъ въ Ярославль и денегъ. Боже мой, какое вдругъ стеченіе радостныхъ обстоятельствъ! Благословенъ Господь, яко услыша гласъ моленія! Сіе ясно доказываетъ, что, гдѣ рука Божія покровительствуетъ человѣка, тамъ, по словамъ паря и пророка Давыда, „ничто же успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его“.

Теперь, кажется, все совершилось, исключая одно жалованье, въ которомъ великое сдѣлалъ помѣшательство оберъ-прокуроръ нашъ. Прошу ему ничего ни однимъ словомъ не говорить: что Богу угодно, то само

собой въ свое время ко мнѣ придетъ. Я теперь узналъ, что Богъ ведетъ меня постепенно, а не дозволяетъ мнѣ шагать безвременно. Такая милость его со мною да будетъ во всю мою жизнь. Сего средства нѣтъ лучше къ удержанію чловѣка въ своихъ предѣлахъ. Я не сомнѣваюсь, что вы по величїемъ своему ко мнѣ усердію примете искренное участіе въ нынѣшнемъ моемъ положеніи. Покорно прошу о всемъ изображенномъ, въ пристойное время, донести Государю Великому Князю, хотя, уповаю, Его Высочество извѣстенъ о чинѣ моемъ, но о прочемъ—нѣтъ. Писать о прочемъ впредь къ вамъ пространнѣ буду: теперь собираюсь въ Ярославль.

Государя Великаго Князя нынѣ письмомъ моимъ утруждать я не разсудилъ; предоставляю тому времени, когда Всевышній благословитъ его и всю Россію ожидаемымъ отъ священнаго его союза плодомъ. Теперь я въ великихъ суетахъ и трудахъ нахожусь. Три должно сказать проповѣди: при началіи открытія и окончаніи онаго, и при полученіи всерадостной вѣсти о счастливомъ разрѣшеніи Великой Княгини, а при томъ долженъ же я и поздравленіе написать всѣмъ высочайшимъ особамъ. Вотъ, милостивый государь, мой упражненія, но, къ несчастію, слабость здравія моего мѣшаетъ. Мѣсто здѣсь весьма нездоровое, особливо въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Въ январѣ мѣсяцѣ неотмѣнно потщусь быть въ Москву. По дорогѣ буду у преосвященнаго переяславскаго Теофилакта, вамъ довольно знакомаго, моего добраго сосѣда и друга и пріятеля,—однако одними и тѣми же, коими и я, гонимаго, но вѣсть Господь неповинныя избавляти отъ смерти.

Преосвященный рязанскій послалъ прошеніе объ отставкѣ его отъ всѣхъ дѣлъ: просить, чтобы данъ ему пенсіонъ и монастырь нижегородской епархіи Печер-

скій, или какая-то пустынь. Давно пора ему въ отставку. Повѣрьте, что только мѣшалъ въ дѣлахъ, а не пользу приносилъ. Вотъ если бы моего сосѣда на его мѣсто въ контору для присутствія. Какъ бы я порадовался, но да будетъ воля Божія. Его святому, милосердому и премудрому Промыслу вручаю васъ и себя.

1839. Княжна А. А. Куракина — князю Александру Куракину.

1777 г. ноября 23. [Москва].

Несказанное удовольствіе мнѣ сдѣлало ваше пріятное письмо, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, узнавъ изъ него о вашемъ выздоровленіи. Слава Богу, что такъ прошло; однако ничего лучше не сдѣлаете, какъ сбереженіемъ его, и желудокъ свой не такъ обременяйте; знаете, что это не первый разъ, какъ вы отъ него страждете.

Правда, что я къ вамъ писала о мирѣ нашего несчастнаго Лобанова, чему мы здѣсь очень радовались, и онъ, бѣдный, ничего къ этому не упускаетъ: но соперникъ его доказываетъ, что онъ въ существѣ таковъ, какъ я о немъ въ мысляхъ заключила; всякій день его къ себѣ возить и ничего отнюдь не дѣлаетъ, только передъ ними гордится, изъ чего заключаю, что никакого конца не будетъ.

Княгиня А[графена М[ихаиловна] благодаритъ васъ за поклонъ и стараніе о ней, чѣмъ очень утѣшается, считая навѣрно рано или поздно желаемое получать.

О князевой свадьбѣ утвердительнаго ничего сказать не могу, только что объ этомъ въ городѣ говорятъ, какъ и объ отъѣздѣ графини Головкиной таперъ здѣсь не слышно, а собирались они ѣхать видѣть своего прямо гнуснаго камеръюнкера. Вы, мой дорогой другъ, своимъ вопросомъ о ней сумнѣніе подали: неужели-ль

вы опять возобновили свое старое желаніе? Бога ради берегите себя сдѣлать жертвою богатства; сколько примѣровъ видимъ, что не въ эфтомъ состоитъ наше блаженство. Вы-жъ въ томъ положеніи, что собой сдѣлаете счастье другой, для чего непростительно вамъ такъ обожать и искать богатство, а тутъ отнюдь больше ничего не найдете. Я вамъ правду скажу, что нѣсколько тому время, что мнѣ пришла мысль: если вы вознамѣритесь когда жениться, имѣете въ Питербурхѣ, для меня, изрядную партію, которая, конечно, думаю, себѣ за честь поставитъ, и вамъ не въ потерю въ разсужденіе ея достоинства и довольнаго достатку, а кто такова, не скажу, чтобы вы меня опять не трагировали. Бога ради васъ прошу, чтобъ это между нами осталось. Вы вѣрво знаете, что я васъ люблю и такъ, какъ съ другомъ, чистосердечно открываюсь, не хотя никого во ономъ имѣть сообщника. Рады здѣсь будемъ, если вы рѣшитесь; и ежели вы захотите на этотъ случай насъ къ себѣ позвать, увѣрена, что матушка съ радостью для васъ поѣдетъ, въ чемъ я буду во всевозможномъ способствовать. Между тѣмъ вѣрьте, что никто не можетъ больше соучаствовать въ вашемъ благоденствіи, какъ я.

1840. Jacques Oubril—au prince Alexandre Kourakine.

[St-Pétersbourg], 26 novembre 1777.

Excusez-moi, je vous prie, si je ne vous envoie qu'un brouillon, et encore si je dois vous supplier de me le renvoyer après en avoir fait lecture. Il ne m'a pas été possible d'en faire une copie plus lisible depuis que j'ai eu l'honneur de vous parler; heureusement j'ai affaire à un bon faiseur. Monsieur votre oncle désire beaucoup, mon Prince, qu'il ne transpire rien de cette

preuve de sa tendre amitié pour vous. On n'en a aucune connaissance, même dans sa chancellerie: la lettre a été envoyée écrite de ma main. Elle est partie; c'est un fait que j'ai vérifié hier au soir.

1841. Comte de Fersen—au prince Alexandre Kourakine.

Stockholm, 27 novembre (8 décembre) 1777.

J'ai été sensiblement flatté du souvenir dont vous avez bien voulu m'honorer à l'occasion du départ de M. de Munk de Pétersbourg. Il m'a remis, à son arrivée ici, votre obligeante lettre ainsi que la boîte contenant la collection complète des médailles russes, dont je vous prie d'agréer mes remerciements. Cette attention de votre part m'a été d'autant plus sensible, qu'elle porte directement sur les sentiments avec lesquels je vous suis dévoué, Monsieur, et que vous vous êtes acquis en Suède à tant de titres. Je n'ai pas eu besoin de recourir à l'interprète que vous m'avez désigné pour l'explication des inscriptions. Le Roi a bien voulu me promettre une copie de celle qu'il a fait faire, en suédois, de son médaillier contenant les mêmes pièces. Je vous remercie, néanmoins, de cette adresse: elle pourra me servir au cas que je trouve quelque différence à la confrontation.

Ma femme et ma famille sont fort sensibles aux témoignages réitérés de votre amitié, et m'ont chargé de vous en témoigner leur reconnaissance, autant que ma plume en peut être susceptible. Elles se portent à merveille. Ma cadette a passé toute l'arrière-saison avec le comte de Piper, son époux, en Scanie, chez sa belle-mère: elle en est tout nouvellement revenue à sa terre d'Engsöö: je ne l'attends en ville qu'au mois de février prochain.

1842. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakine.

Londres, 28 novembre (9 décembre) 1777.

Les lettres, très cher et trop aimable Prince, dont vous m'honorez, me touchent autant qu'elles me flattent. Celle que j'ai eu la joie de recevoir ici, il y a 5 jours, en descendant de ma chaise de poste, y ajoutait encore un intérêt de plus. C'est la satisfaction de S. A. I. Mme la Grande-Duchesse, qu'elle a eu la grâce de me témoigner elle-même. Ce n'est que l'effet de sa belle âme; je saurai le reconnaître autant que je le dois. Je vous supplie, très cher Prince, de vouloir bien, lorsque l'occasion s'en présentera, me mettre à ses pieds et de l'assurer que je me suis déjà mis en train pour remplir les ordres dont Son Altesse Impériale a daigné me charger. et de me mettre pareillement aux pieds de S. A. I. Mgr le Grand-Duc.

La maladie qui m'a surpris à présent et dont je suis, à l'heure qu'il est, quitte, m'a infiniment dérangé les recherches que je m'étais proposé de faire. Voici cependant que j'en ai appris: c'est la réunion de la VIIe pièce avec la vôtre. Leipzig a été l'endroit au mois d'août; au mois de mai prochain on en parlera plus au long. Il y aura de Varsovie, de Brunswick et de Berlin qui, au demeurant, y ont déjà donné leur consentement. Blumenfeld, adepte et élève, suédois de naissance, a recueilli ces voix. Il a été à Florence et même à Merdon. C'est la source, je pense, de [à] laquelle puisent même messieurs les Anglais et Écossais. Au reste, il y a une infinité de détails qu'il n'est pas possible de coucher sur le papier, mais qui tous ensemble prouvent la validité et la vérité de la chose. Vous souvenez-vous encore, très cher Prince et frère, des réflexions que j'ai cru devoir vous suggérer dans votre chambre à

coucher, en bas; elles s'accordent si parfaitement avec celles que vous me faites du génie national, que je n'ai rien à y ajouter. A peu près les mêmes raisons nous engagent aussi à la même discrétion en Allemagne. Je ne doute pas que la permission d'y aller ce printemps ne me fût accordée, et cela pour y prendre femme. Dans cette course, j'apporterai un soin particulier à me faire instruire des procédures ultérieures. Vous les saurez, très cher Prince et frère, tout de suite. Je suis presque fâché de ce que vous me ressouvenez de vos commissions pendant que je les avais déjà ordonnées. Il n'y a que les boutons qui me chipotent. Adieu, très cher Prince et frère, tout à vous de cœur et d'âme.

1843. La princesse Nathalie Kourakine—au prince Alexandre Kourakine.

[Moscou], 30 novembre 1777.

Nous sommes arrivés très heureusement, dimanche, à 9 heures du matin, après être restés 6 jours en route. A ma très grande satisfaction, j'ai trouvé tous nos parents en très bonne santé: j'espère, de même, être contente en vous sachant entièrement rétabli. Votre frère est tombé malade, il a eu, hier, un accès de fièvre, c'est pourquoi nous restons aujourd'hui à la maison. Vous me pardonnez, mon aimable frère, si je vous entretiens si brièvement et d'une façon si peu intéressante: je vais auprès de mon mari.

Connaissant votre penchant à obliger, surtout vos amis, je vous prie, en grâce, de faire pour moi l'emplette de deux châles, et de me les envoyer aussitôt que, sans vous gêner, vous pourrez le faire. Ma tante, je crois, aura la complaisance d'en faire le choix, et Voronine vous remettra l'argent. Vous m'obligerez infiniment.

Adieu, mon cher frère, portez-vous bien, et remplissez mes souhaits en m'aimant aussi sincèrement que je vous suis attachée.

1844. Князь Степанъ Нуракинъ — князю Александру Нуракину.

1777 г. декабря 7. [Москва].

Любезный другъ и братецъ князь Александръ Борисовичъ. Пожалуй, не подосадуй на меня, что я съ самаго моего прїѣзда сюда къ тебѣ не писалъ. Оному была причиною простудная лихорадка, которая меня очень перевернула; и прошла, было, на что понадѣявшись, я сглуповаль, — выѣхаль и, сдѣлавъ нѣсколько визитъ, былъ въ комедіи и на часъ въ маскарадѣ, гдѣ опять почувствовалъ прежестокую лихорадку; прїѣхавъ домой, легъ въ постель и до вчерашняго дня никакъ не могъ встать, однакожъ я не думаю такъ скоро выѣхать.

Скажу тебѣ, любезный другъ, что вчерась мнѣ сдѣлалъ честь графъ Петръ Ивановичъ, — у меня обѣдалъ. Бабушка Арина Онисимовна Головина, матушка Прасковья Васильевна съ дочерью и съ сыномъ, князь Сергѣй Федоровичъ Хованскій съ двумя дочерьми, князь Лобановъ съ сыновьями, Барятинская и Фелькерзамъ; а бабушка княгиня Александра Ивановна и княжна ко мнѣ заходили изъ церкви пить чай, а обѣдать меня не удостоили. Наканунѣ же вчерашняго дня я посылалъ ихъ просить обѣдать; онѣ мнѣ прислали сказать, что онѣ не хотятъ меня беспокоить, что онѣ не будутъ, и чтобъ я никакъ обѣда не дѣлалъ, но такъ какъ я этотъ обѣдъ не для нихъ однѣхъ дѣлалъ, то никакъ не намѣренъ былъ отмѣнить. Итакъ, я думаю, что онѣ еще больше разсердились затѣмъ, что онѣ, бывъ намѣрены моихъ гостей къ себѣ перезвать, дѣлали большія

приготовленія къ своему столу, а, пришедъ ко мнѣ, и нашли у меня всѣхъ, и графа Петра Ивановича, который на нихъ разсердился за то, что онѣ не остались, и выговаривалъ имъ.

Пожалуй, мой другъ, попроси отъ меня брата князь Алексѣя Борисовича, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ одолженіе побывалъ бы у меня въ домѣ, осмотрѣлъ бы, все ли порядочно, а особливо объ верховыхъ и возовыхъ, и если же нѣтъ, то, приведя въ порядокъ, написалъ бы ко мнѣ. А тебя, любезный другъ, прошу попросить графа Никиту Ивановича, чтобъ онъ приказалъ Челюканову ѣздить на моихъ верховыхъ лошадяхъ, да и самъ, пожалуй, поговори ему и прикажи у меня въ домѣ, по которымъ днямъ ихъ водить въ манежъ.

Скажу тебѣ, мой другъ, что на третій день моего пріѣзда приведены были для тебя изъ завода семь воровыхъ мериновъ весьма дурныхъ: малы ростомъ, да сверхъ того худы, дурно вычищены, безъ гривъ почти, также и съ вытертыми хвостами. Графу ихъ лишь показали, то онъ тотчасъ же у себя велѣлъ пересѣчь всѣхъ конюховъ, лошадей назадъ послалъ, и приказъ съ превеликимъ выговоромъ шутмейстеру, обѣщая его прогнать безъ абшида.

Съ пріѣзда моего сюда я поручилъ Терентію двореческую должность, въ чемъ я имъ до сихъ поръ доволенъ.

1845. Самуиль, архіепископъ ростовскій, — князю Александру Куракину.

1777 г. декабря 9. Ярославль.

Долгомъ усердія и дружбы обязаннымъ себя нахожу донести вамъ, что наше намѣстничество благополучно открылось сего декабря 4 числа. Проповѣдь

моя, кажется, соотвѣтствовала ожиданію стекшихся для оной. Алексѣй Петровичъ и вся публика просвѣщенная (ибо есть и пошехонцы, т.-е. живущіе въ лѣсахъ и на болотахъ) весьма довольны были. Я употребилъ всѣ мѣры ко внедренію имъ великихъ намѣреній нашей Самодержицы и открылъ цѣну выгодъ, оттуда происходящихъ, сколько силы ума моего дозволили. Теперь остается сказать еще поученіе при окончаніи церемоніи, которая совершится, уповаю, 17 числа, судьямъ, основанное на одной морали. Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобъ я никому онаго слова не сообщалъ, донелъ не увидитъ онаго Ея Величество. Итакъ, извините меня, что не могу вамъ скоро сообщить. Алексѣй Петровичъ хочетъ утруждать Государыню, чтобъ оной проповѣди нѣсколько сотъ экземпляровъ напечатано и прислано къ нему для раздачи дворянству. Изъ сего я заключаю о совершенномъ его удовольствіи въ разсужденіе моей проповѣди. Еще стараюсь всѣми силами здѣсь прославить торжество Великаго Государя Князя. Дай Богъ скоро и благополучно о разрѣшеніи Великой Княгини получить извѣстіе. Я хочу здѣсь дожидаться въ Ярославль.

У насъ довольно увеселеній, и нѣтъ никакой скуки. Собраніе чрезвычайное, — не менѣе 700 человекъ дворянъ. Есть весьма изрядные и отличные. Здѣсь и волонтеры есть изъ Петербурга, а именно: флигель-адъютантъ Ея Величества Александра Федоровичъ г. Уваровъ. Онъ, возвратясь, увѣритъ всѣхъ о всемъ; уповаю, нарочно для того отправленъ. Я возвратиться въ Москву намѣренъ въ январѣ мѣсяцѣ. Московскій, какъ слышу, собирается въ Петербургъ; видно, что перемѣнилъ свои мысли или получилъ рѣшеніе своего прошенія, несоотвѣтствующее его желанію. Алексѣй Петровичъ съ Наталіей Ивановной поѣдутъ въ февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, обо всемъ сами изъясняются не оставляютъ. О прочемъ пространнѣе впредь донести не премину.

1846. Le prince Stanislas Poniatowski—au prince Alexandre Kourakine.

Varsovie, 10 (21) décembre 1777.

Vous savez mettre, mon Prince, une chaleur et une délicatesse aux sentiments que vous portez; que s'il est doux de vous aimer, il ne l'est pas moins de voir dans vos expressions le juste retour dont vous en payez.

C'est après vous avoir envoyé ma dernière lettre. que j'ai appris la place à laquelle l'Impératrice vous a appelé, et que le genre de vos études, votre zèle pour le bien me paraissent vous désigner. Je n'en connais pas dans l'Empire qui, servant d'entrée à la grande carrière politique, offre plus de moyens de se signaler, d'apprendre à connaître bien son pays, et de travailler avec une utilité jointe à de l'agrément, comme me paraît en offrir celle-là.

Je vous avouerai pourtant que son immensité m'effraye. et je suppose que pour la possibilité de la chose vous pourrez. quelquefois. simplement présenter. sans examen préalable, les choses qui, si elles devaient toutes être approfondies par vous, seraient le travail suffisant de trois ou quatre premiers procureurs.

Je ne veux pas vous ennuyer de mes remarques ultérieures, et du partage qu'il me paraît naturel de faire de ce département en plusieurs, vu que les établissements, servant à l'éducation et aux sciences, me paraissent un objet; les chemins, communications d'eau et par conséquent commerce—un autre; les provinces conquises—un troisième; les domaines, chancelleries appartenant à la Cour, etc.—un quatrième.

Vous aurez, probablement, des secrétaires attachés à une subdivision de départements à peu près semblables. mais dès que la besogne est trop immense pour qu'un

homme quelconque puisse l'embrasser, ce défaut inné ne peut se réparer qu'en laissant faire souvent à ces secrétaires de la besogne qui ne devrait pas être la leur. Je crois voir que plus l'éducation, l'émulation et le temps, accéléré dans sa marche lente par les soins de vos souverains, augmenteront le nombre des sujets capables. et plus ces travaux, qui paraissent trop nombreux, se simplifieront et s'amélioreront. Vous aurez sûrement fait, mon cher Prince, des remarques bien plus justes que celles que je vous présente. A voir les miennes, on dirait qu'elles demandent les vôtres. Je ne serais pas fâché que vous les vissiez de même, car vous êtes bien en état de fixer en bien appuyant mon jugement.

Je ne saurais avoir le même plaisir vous parlant de mon pays. où tout est mutabilité et faiblesse. Nous ne voyons ici que petits objets, et sommes obligés, pour nous refaire la vue, de la porter au dehors. L'appauvrissement palpable du pays est une des choses les plus douloureuses, et à laquelle il est le plus nécessaire de remédier, si l'on veut qu'il ait une existence un peu moins précaire.

J'ai peine à parler de la Pologne, car songeant à mon pays, il ne me vient jamais des idées flatteuses, et si je vous en entretiens moins que vous ne me demandez, c'est par charité, ne voulant pas vous envoyer du tragique. La seule chose qui doit relever le courage de tout Polonais, c'est la persévérance avec laquelle le Roi a toujours travaillé à faire le bien de ce pays et continue à y travailler encore. Il me paraît que sa sincérité devrait lui mériter la reconnaissance de ses sujets, et peut-être l'admiration du genre humain; mais ses sujets sont trop ignorants pour pouvoir lui porter la reconnaissance de ce qu'ils ignorent, et le monde juge par la réussite; or, les succès d'un roi sans force ne peuvent que bien difficilement avoir lieu.

Je crains que tout ceci ne vous paraisse du bavardage, et je conviens que cela est trop abrégé pour pouvoir être significatif. Je compte pourtant vous faire plaisir, mon cher Prince, vous apprenant que j'ai fait part au Roi de ce dont vous m'avez chargé pour lui. Croyez, sans compliments, qu'il connaît assez votre mérite personnel; il est lié d'ailleurs, et l'a été avec tant de personnes auxquelles vous tenez, qu'il est impossible que les assurances de votre attachement ne lui soient fort agréables, et voilà à peu près ce que le Roi m'a chargé de vous dire. Quoique je sache très bien apprécié le prix et l'étendue de vos occupations, je ne finirai pas sans satisfaire à l'article de votre lettre concernant Tiesenhaus. Il faut commencer par vous dire que cet homme peut s'appeler un génie, et génie tout à fait original. Vous en entendrez ici tout le bien et tout le mal possible; un jour je vous en dirai davantage; aujourd'hui je m'en tiendrai à l'affaire de Mme Borch.

La mère du neveu en question est une Mme Kosakowski, veuve, qui, avec le bien, a reçu l'administration des dettes de son mari; elle jouit de l'un, ne paye même pas les intérêts de l'autre: voilà ce qui a fait que Tiesenhaus, oncle et un des tuteurs, appelé en jugement lui même par les créanciers, a fait prendre ce neveu et veut administrer son bien.

Voilà comme la chose m'en a été dite. Je veux vous apprendre encore que la défense expresse de la part du Roi à Tiesenhaus n'a pas eu lieu. Vous trouverez, mon cher Prince, que voilà beaucoup de griffonnage; si vous croyez qu'il y en a trop, attribuez-le au plaisir qu'on a à s'entretenir avec vous.

Le courrier circoncis vient d'arriver; je vous remercie mille fois des choses charmantes qu'il m'apporte de votre part. Si on lui donne bientôt une impulsion rétroactive, j'aurai le plaisir de vous écrire par lui.

1847. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. декабря 11. [Москва].

Вамъ уже, конечно, извѣстно, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, что отправленная изъ Петербурга послѣдняя почта почти подъ городомъ вашимъ разбита, почему мы здѣсь обо всѣхъ васъ безызвѣстны. Желая только, чтобы вы были здоровы. Матушка, слава Богу, по новѣшнему времени въ изрядномъ состояніи, хотя рѣдко, однако, выѣзжаетъ. Графу Апраксину я говорила о деньгахъ, требуемыхъ Шарпантьемъ; онъ мнѣ сказалъ, что ихъ заплатитъ не прежде конца будущаго мѣсяца; итакъ, какъ скоро я ихъ получу, безъ задержанія отдамъ Соловьеву для переводу къ вамъ.

1848. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. декабря 14. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Напиши, пожалуй, совсѣмъ ли ты пришелъ въ свое здоровье, чего столько желаю, какъ сама себѣ. Намѣстничество князь Николая Васильевича меня очень удивило, потому что совсѣмъ противъ его склонности; мы всѣ здѣсь ожидали, что онъ поѣдетъ въ армию, а вышло совсѣмъ иное. Пожалуй, другъ мой, напиши ко мнѣ, дивизія его при немъ ли остается, и гдѣ онъ будетъ жить,—въ Смоленскѣ или въ Бѣлгородѣ, и беретъ ли онъ съ собою свою фамилію. Поручаю васъ Богу.

1849. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.

1777 г. декабря 18. [Москва].

Какъ я уже нѣсколько времени не писала къ вамъ, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, оставить сегодняшней почты не хотѣла, чтобы васъ не поздравить со всенародной радостью,—благополучнымъ разрѣшеніемъ Великой Княгини и рожденіемъ Великаго Князя. Здѣсь чрезвычайно всѣ этимъ обрадованы, только, признаюсь, досадилъ градодержатель, что не принудилъ архіерея Богу благодареніе воздать,—о сию пору молебства не было; послѣдній отговорился тѣмъ, что ждетъ изъ Синода формы; будто безъ указа Бога благодарить нельзя! Мы, напротивъ, своей семьей, дядюшка, матушка со мной самой, тотчасъ, какъ извѣстіе получили, въ домово́й церкви молебенъ благодарный отпѣли, и въ Москвѣ первые пропѣли многое лѣто Великому Князю Александру Павловичу. Вотъ, мой дорогой другъ, какъ мы отпраздновали. Таперь ожидаемъ отъ васъ извѣстія, не произведетъ ли этотъ случай кому какого счастья, желая всякому желаемаго получить, не исключая васъ, котораго сердечно люблю.

1850. Lesage—au prince Alexandre Kourakine.

Paris, 19 (30) décembre 1777.

Si, par vos ordres, je n'avais pas été obligé de consulter S. E. Mgr le prince Bariatinski pour les porcelaines, la première expédition aurait été faite il y a huit jours; mais la goutte, dont ce seigneur est malheureusement incommodé depuis quinze jours, l'a empêché de s'occuper de ce choix, aussi promptement que nous l'aurions désiré l'un et l'autre. Comme, malgré sa maladie, il a pu me donner son avis sur quelques articles,

tels que des déjeuners et des tasses, j'ai l'honneur de vous donner avis que je viens de les expédier tout de suite en une caisse, à laquelle j'en ai joint une autre qui contient vingt-cinq livres de poudre, fortement parfumée à l'œillet, et trois livres de pommade à la même odeur, en douze pots, d'un quarteron chaque [chacun]. J'ai fait mettre toute la pommade en petits pots, parce qu'elle [se] conservera mieux que dans des grands. Je remettrai deux caisses pareilles au courrier chaque semaine. J'espère que Son Altesse Impériale sera satisfaite, ayant apporté tous les soins qui peuvent dépendre de moi pour parvenir à la contenter.

1851. Самуиль, архієпископъ ростовскій,—ниязю Александру Куракину.

1777 г. декабря 23. Ярославль.

Имѣю честь поздравить ваше сіятельство со всеобщемою нашею неизреченною радостью, т.-е. съ Богомъ дарованнымъ намъ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ. Вы не можете вообразить, какую радостью и восхищеніемъ я объять былъ, получивъ о семъ увѣдомленіе, но мы еще и повныѣ не имѣемъ совершеннаго возвѣщенія, т.-е. ни высочайшаго манифеста, ни изъ присутственныхъ главныхъ мѣстъ указа. Уповаю,—нарочные во всѣ мѣста отправлены будутъ. Я, горячностью радостныхъ моихъ чувствій движимый, разсудиль, не ожидая, покуда вѣстникъ къ намъ пріѣдетъ, предварительно поздравить съ сею Божіею столь великою благодатью Государя нашего Великаго Князя. Покорно прошу сіе мое искреннѣйшее поздравленіе поднести Его Императорскому Высочеству.

Окончаніе нашего открытія намѣстничества совершилось 21 декабря. Я съ однимъ и тѣмъ же курье-

ромъ, съ коимъ послалъ г. Алексѣй Петровичъ свое доношеніе къ Ея Величеству, отправилъ и мой всеподданнѣйшій репортъ. Все благополучно у насъ происходило. Въ февралѣ мѣсяцѣ г. Алексѣй Петровичъ васъ самолично обо всемъ увѣрить можетъ. Проповѣди мои объ отъ г. Алексѣя Петровича посланы къ Ея Величеству. Я долженъ еще помѣшкать въ Ярославлѣ. Ожидаю совершеннаго возвѣщенія о нашей радости,—хочу вмѣстѣ торжествовать сей благознаменитый праздникъ съ Алексѣемъ Петровичемъ и прославить оный, сколько слабыя силы ума моего позволяютъ, моимъ краткимъ словомъ.

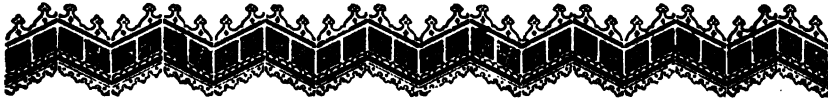
Покорно прошу увѣдомить меня о здравіи Государыни Великой Княгини и новорожденнаго Великаго Князя. Я проливаю горячія молитвы ко Всевышнему, чтобъ ихъ къ нашему счастью сохранилъ крѣпкихъ и непоколебимыхъ.

На сихъ дняхъ я получилъ извѣстіе изъ Москвы, что съ преосвященнымъ московскимъ послѣдовало приключеніе непріятное. Пришелъ къ нему челобитчикъ для подачи просительной бумажки и впущенъ былъ въ залъ; стоялъ у дверей тѣхъ, откуда архіерей изъ внутреннихъ покоевъ выходитъ. Какъ только архіерей, на сей случай будучи ногами боленъ, выступилъ изъ дверей, у которыхъ чугунная доска стояла большая и примѣрная для пола, то проситель палъ къ ногамъ и уронилъ свою бумажку. Между тѣмъ доска упала на больныя ноги; архіерей сильно закричалъ, а проситель спужавшись изъ залы убѣжалъ. Служители всѣ спужались и побѣжали къ больному, а просителя вовсе не стало, и кто и гдѣ дѣвался—неизвѣстно. Архіерей отъ удара и отъ страха кровь кивуть принужденъ былъ. Вотъ какое странное приключеніе.

1

Приложенія и примѣчанія къ IX т. „Архива князя Ф. А. Куракина“.

Биографія князя Бориса Ивановича Куракина *).

Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, бояринъ и воевода смоленскій, былъ отцомъ князя Бориса Ивановича, родившагося 18 августа 1677 г.

На седьмомъ году своего возраста онъ былъ стольникомъ при Петрѣ I и вскорѣ потомъ, въ числѣ прочихъ молодыхъ дворянъ, отправленъ въ Венецію для изученія языковъ и наукъ. Князь Борисъ Ивановичъ вступилъ на воинское поприще во время Азовскихъ походовъ 1693 и 1696 годовъ; въ 1700 и 1704 годахъ Куракинъ, бывший сперва капитаномъ, а потомъ майоромъ Семеновскаго полку, участвовалъ въ двухъ достопамятныхъ осадахъ Нарвы.

Въ 1707 году князю Борису Ивановичу поручено впервые важное дипломатическое дѣло: онъ былъ отправленъ въ Римъ и Венецію для содѣйствія пользамъ короля Августа II.

По возвращеніи въ Россію, 1708 г., князь Куракинъ былъ посланъ Царемъ въ Гамбургъ для воспрепятствованія шведамъ вербовать рекрутъ въ этомъ городѣ.

*) 1. Изъ Бергмановой исторіи Петра Великаго. Московскія Вѣдомости 1835 г., № 1, стр. 16—17.

2. Помѣщая въ настоящемъ сборникѣ не только рукописный, но, въ видѣ приложеній и примѣчаній, также и печатный матеріалъ по исторіи князей Куракиныхъ, мы приводимъ эту биографію для сравненія съ тою, которая уже напечатана на стр. 415—421 т. VIII „Архива князя Ф. А. Куракина“.

Ред.

Въ 1709 году, за оказанное въ Полтавской битвѣ мужество, князь Борисъ Ивановичъ произведенъ въ генераль-майоры.

Послѣ этой знаменитой битвы, жизнь князя Куракина была посвящена дѣламъ дипломатическимъ.

Въ томъ же году Петръ Великій послалъ Куракина въ Ганноверъ, къ курфирсту Георгу Людвигу, для склоненія его вступить въ союзъ съ Россією, и потомъ въ Брауншвейгъ, къ герцогу Антону-Ульриху, для окончательныхъ переговоровъ о бракосочетаніи царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлотою-Христиною-Софією.

Князь Куракинъ былъ полномочнымъ посломъ сперва въ Лондонѣ, а потомъ въ Гагѣ, на мѣсто отозваннаго оттуда Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ 1713 г. князь Борисъ Ивановичъ изъ комнатныхъ стольниковъ произведенъ въ тайные совѣтники, и въ слѣдующемъ году былъ посланъ на Брауншвейгскій конгрессъ; но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ недѣль, передалъ занятія свои ганноверскому министру, барону Шлейницу, и возвратился въ Гагу. Кончина британской королевы Анны (12 августа 1714 г.) предоставила англійскій тронъ ганноверской династіи, и Куракинъ, жертвуя Георгу I Бременомъ и Верденомъ, заключилъ потомъ въ Грейфсвальдѣ (28 октября 1715 г.) трактатъ съ Англією, долженствовавшій обезпечить для Россіи завоеванныя ею провинціи.

Но или Георгъ I желалъ только пріобрѣсти Бременъ и Верденъ, или происки барона Герца измѣнили политику короля Англии: Петръ I, вмѣсто вѣрнаго союзника, нашелъ въ Георгѣ отъявленнаго врага и завистника.

Въ 1717 г., во время пребыванія своего въ Амстердамѣ, Царь собственноручно возложилъ на Куракина орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

По возвращеніи Монарха изъ Парижа, Куракинъ въ іюлѣ и августѣ велъ переговоры съ Понятовскимъ и Герцогъ, участвовалъ въ постановленіи дружественнаго союза между російскимъ, французскимъ и прусскимъ Дворами, для споспѣшествованія торговлѣ и возстановленія мира и тишины въ Европѣ.

Куракину же Петръ I обязанъ возобновеніемъ дипломатическихъ сношеній съ испанскимъ Дворомъ, куда въ 1722 г. отправленъ полномочнымъ министромъ князь Сергій Димитріевичъ Голицынъ.

Въ 1723 г. Куракинъ, въ званіи полномочнаго посла, отправленъ въ Парижъ по двумъ дѣламъ, въ коихъ не имѣлъ однакоже успѣха: во-первыхъ, Куракину было поручено склонить Дворъ ссудить Россію деньгами, а во-вторыхъ, стараться о бракосочетаніи короля Людовика XV съ великою княжною Елисаветою Петровною.

Императрица Екатерина I пожаловала князя Бориса Ивановича въ дѣйствительные тайные совѣтники, а императоръ Петръ II назначилъ его полномочнымъ посломъ на Соассонскій конгрессъ; но въ самое сіе время, именно 17 октября 1727 г., Куракинъ скончался въ Парижѣ. Тѣло покойнаго привезено въ Москву и погребено въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ знаменитыхъ его предковъ.

Русскіе и иностранцы чтили въ князѣ Борисѣ Ивановичѣ Куракинѣ любезнаго и богатаго познаніями мужа; нуждающіеся видѣли въ немъ своего благодотворителя. Находясь уже на смертномъ одрѣ, онъ завѣщаль сыну своему князю Александру Борисовичу построить въ Москвѣ богадѣльню съ церковью для 15 заслуженныхъ офицеровъ. Сія богадѣльня существуетъ и понынѣ.

Князь Александръ Борисовичъ, бывшій нѣсколько лѣтъ полномочнымъ министромъ при французскомъ Дворѣ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ, сенаторомъ и кавалеромъ

рожь орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго, скончался въ 1749 г. Двѣ дочери князя Бориса Ивановича, княжны Татьяна и Екатерина, были въ замужествѣ: первая за фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, а вторая за фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ.

№ 1578, стр. 3. „Le comte Fleming“.—Померанская вѣтвь этой фамиліи пишетъ себя „Flemming“; она получила графское достоинство Римской имперіи въ 1700 г. Графъ Яковъ-Генрихъ Флеммингъ (р. 1667 † 1728)—саксонскій генералъ, посланникъ короля Августа при прусскомъ Дворѣ. Въ 1697 г. онъ былъ отправленъ въ Варшаву хлопотать о польской коронѣ для Августа и одержалъ ловкую побѣду надъ аббатомъ Полиньякомъ, представителемъ интересовъ принца Конти и Франціи. Менѣе счастливымъ онъ оказался въ попыткахъ уговорить Петра I уступить Ливонію Августу. Графъ былъ впоследствии фельдмаршаломъ и первымъ министромъ.

№ 1578, стр. 5. „Mylord Bolingbrok“.—Лордъ Болинброкъ, иначе Сентъ-Джовъ,—англійскій статсъ-секретарь; отравенный въ 1708 г. вигами, онъ былъ послѣ паденія ихъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и заключилъ Утрехтскій миръ; р. 1678 † 1751.

№ 1581, стр. 9. Баронъ Шакъ состоялъ сначала въ датской службѣ, а затѣмъ Петръ В. сдѣлалъ его русскимъ резидентомъ въ Англіи.

№ 1592, стр. 37. „Также и оставшимъ о убившихъ нѣкоторое награжденіе имѣть“.—Текстъ, видимо, испорченъ. Слѣдовало бы сказать „оставшимся отъ (или по) убитыхъ“.

№ 1593, стр. 39. Помянутыхъ въ этомъ письмѣ подъ разными литерами приложений въ подлинномъ томѣ не оказалось.

№ 1594, стр. 40. „Министръ шведскій Пальмквистъ планъ мирный объявилъ“.—Объ этомъ вѣчномъ противникѣ князя Бориса Ивановича слѣдуетъ сказать два слова. Въ 1678 г. Юганнь Пальмквистъ былъ уже секретаремъ шведскаго посольства въ Парижѣ, въ 1697 г. сдѣланъ резидентомъ въ Гагѣ, въ 1702 г. посланникомъ тамъ же; † 1716 г. въ Стокгольмѣ.

№ 1603, стр. 58. „Три фонтанжа куплены, новой моды“.—Fontange, иначе бантъ изъ лентъ и кружева на чепецъ, получилъ свое названіе отъ имени изобрѣтательницы—duchesse de Fontanges.

№ 1606, стр. 61. „Отправлены къ городу Архангельскому до вице-губернатора г. Курбатова“.—Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, первоначально крѣпостной графа В. П. Шереметева, прославился, какъ „прибыльщикъ“; онъ, между прочимъ, изобрѣлъ гербовую бумагу. Впослѣдствіи онъ былъ московскимъ вице-губернаторомъ, а затѣмъ архангельскимъ губернаторомъ.

№ 1610, стр. 70. „Аврама Федоровича въ отечество приказали отправить“.—Интересъ князя Бориса Ивановича къ А. Ф. Лопухину, брату царицы Евдокіи Федоровны, объясняется тѣмъ, что онъ былъ женатъ первымъ бракомъ на его младшей сестрѣ Ксеніи Федоровнѣ. Далѣе говорится про первую жену Лопухина—Феодосію Федоровну, урожд. княжну Ромодановскую. Аврамъ Федоровичъ, 9 декабря 1718 г., былъ казненъ за приверженность къ племяннику своему царевичу Алексѣю; изъ этой исторіи едва выпутался и самъ князь Борисъ Ивановичъ.

№ 1615, стр. 86. „Дабы та крѣпость до примиренія съ дукомъ голштенскимъ тѣми трупы была содержана“.—Здѣсь „трупы“ значать войска (les troupes).

№ 1616, стр. 87. „Агажanty“, т. е. украшенія (engageant привлекательный).

№ 1617, стр. 87. „Сподѣваюся оному переняту быть въ дорогѣ“, т. е. ожидаю, что и т. д. Это слово доселѣ употребляется въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, между прочимъ, въ Малороссіи, а также въ губ. Псковской и Тамбовской.

№ 1618, стр. 89. Письмо князя Бориса Ивановича дышетъ наставительностью и даже сознаниемъ своего превосходства въ смыслѣ знакомства съ европейскими обычаями, учрежденіями и придворнымъ этикетомъ.

О какомъ орденѣ идетъ здѣсь рѣчь, видно изъ отвѣтнаго письма Царицы и подьяческаго примѣчанія къ нему (см. т. II „Архива“, стр. 70).

№ 1626, стр. 107. Это письмо принадлежитъ знаменитому борцу за свободу Венгріи трансильванскому князю Франдиску-Леопольду Рагоци. Съ 1713 г. онъ жилъ изгнанникомъ во Франціи подъ именемъ графа Саароса. О немъ мы уже имѣли случай говорить подробно на стр. XV—XIX т. V „Архива князя Ф. А. Куракина“.

№ 1644, стр. 156. „О чемъ къ вамъ и въ собственномъ своемъ писать изволил“. — Помянутое письмо Петра I помѣчено 3 октября 1713 г. (см. т. II „Архива“, стр. 70—71, № 57).

№ 1649, стр. 165. „И его адерантовъ“, т. е. сторонниковъ (*adorant, adorateur*).

№ 1658, стр. 183. „Дѣлаючи калкулы повесенныхъ убыткамъ“, т. е. дѣлая подсчетъ, вычисленіе (*calcul*). „Оныя пункты при семъ прилагаю“. — Этыхъ приложений въ подлинномъ томѣ не оказалось. „Прежде нынѣ опасности въ томъ голштейнскомъ дѣлѣ починають приумножаться“, вѣроятно, „прежнія нынѣ опасности“.

№ 1662, стр. 191. „Министры саксонскіе флотируютъ себя“, т. е. оболъщаютъ себя надеждой (*se flatter*).

№ 1663, стр. 193. „При семъ прилагаю копію съ письма на французскомъ языкѣ“. — Этого приложения не сохранилось.

№ 1667, стр. 199. „Изъ-приложенной при семь тѣмъ ихъ словамъ записки“.—Черновика этой записки въ Надеждинскомъ архивѣ не имѣется.

№ 1686, стр. 247. „Богдану Оладьину указаль его величество быть при васъ“.—Стольникъ Богданъ Васильевичъ Оладьинъ (нынѣ пишутся Аладьяными) состоялъ при посольской канцеляріи князя Бориса Ивановича до самой смерти послѣдняго, т. е. до 1727 г. О дальнѣйшей его жизни мы знаемъ, что въ 1731 г., въ чинѣ гвардіи капитана, онъ назначенъ совѣтникомъ въ камеръ-коллегію, въ 1736 г. опредѣленъ совѣтникомъ мастерской палаты въ Москвѣ, а въ 1740 г. уволенъ отъ дѣлъ съ пожалованіемъ въ статскіе совѣтники.

№ 1694, стр. 263. „Мы проведемъ между собою счастливое теченіе нашей союзной жизни“.—Эти слова не были пустою фразою въ устахъ князя Алексѣя Борисовича: трогательная дружба связывала обоихъ братьевъ въ теченіе всей жизни, о чемъ лучше всего свидѣтельствуесть огромная ихъ переписка между собою, сохранившаяся въ Надеждинскомъ архивѣ.

№ 1697, стр. 266. „Послѣднеоставшихъ моихъ сына Никиты и дочери Софьи“.—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ имѣлъ отъ двухъ женъ 22 ч. дѣтей, изъ коихъ выжили лишь графиня Софія Петровна, впоследствии Тутолмина, и графъ Никита Петровичъ, впоследствии вице-канцлеръ Имперіи. Въ 1777 г. ему было 7 лѣтъ. Съ 1786 г. онъ, по желанію отца и въ цѣляхъ развитія, находился въ оживленной перепискѣ съ своимъ двоюроднымъ племянникомъ княземъ Александромъ Куракинымъ, который былъ старше его на 18 лѣтъ.

№ 1698, стр. 270. Молодой Тудъ—имѣніе, нынѣ принадлежащее Страннопримному дому графовъ Шереметевыхъ.
П. Б.

№ 1699, стр. 272. Князь Куракинъ вводитъ Цесаревича и его супругу въ сношенія съ ростовскимъ

епископомъ Самуиломъ Миславскимъ, будущимъ (съ 1783 г.) митрополитомъ кіевскимъ, у котораго связи и въ Москвѣ (гдѣ онъ архіерействовалъ на Крутицахъ и былъ близокъ съ семьей князей Куракиныхъ), и въ Кіевѣ по мѣсту воспитанія и архимандритства. Не былъ ли онъ также въ сношеніяхъ съ малороссійскимъ ген.-губернаторомъ графомъ П. А. Румянцевымъ? Сей послѣдній велъ тайную переписку съ Цесаревичемъ черезъ Котлубицкаго, и все это возбуждало подозрѣнія Екатерины.

П. Б.

№ 1699, стр. 273. „Онъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Калуги“.—Калуга тогда еще не была особой епархіей и вѣдалась изъ Москвы. Платонъ (передъ тѣмъ засѣдавшій въ Синодѣ) долженъ былъ присутствовать при открытіи Калужскаго намѣстничества.

№ 1699, стр. 275. „Не говорить об.-п. нашему“, т. е. оберъ-прокурору Синода Сергѣю Васильевичу Акчурина (р. 1722 † 1790). Самуиль, видимо, боялся Акчурина, тонкость и проницательность ума котораго цѣнились и Екатериной.

№ 1699, стр. 275. „Обѣщаннаго портрета съ нетерпѣливостью ожидаю“.—Уже въ 1777 г. у князя Куракина была охота дарить свои портреты.

П. Б.

№ 1699, стр. 276. Здѣсь узнаемъ имя супруги Мельгунова, въ этомъ 1777 г. поѣхавшаго (черезъ Москву) управлять всѣмъ сѣвернымъ краемъ: Вологдою, Ярославлемъ и Архангельскомъ. Онъ тоже находился въ перепискѣ съ Цесаревичемъ (Р. Арх. 1865 г.).

„Камбалою“ не называется ли Самуиль митрополита петербургскаго Гавріила?

П. Б.

№ 1700, стр. 276. „Видя вашъ хорошій пріемъ“, вѣроятно, у Императрицы, по возвращеніи изъ первой дипломатической миссіи (въ Швецію). Княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ было, конечно, извѣстно, что Екатерина втайнѣ не жалуется графовъ Паниныхъ, князя

Репнина и вообще куракинскую родню за их приверженность Цесаревичу.

№ 1703, стр. 279. Камергеръ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, бывшій до того псковскимъ губернаторомъ. Его мать, Анна Ивановна, была родомъ Панина, но не сестра графовъ. П. В.

№ 1704, стр. 280. Соловьевъ—предокъ того, кто управлялъ Страннопріимнымъ домомъ князей Куракиныхъ въ наши дни. П. В.

Прибавимъ, что Иванъ Васильевичъ Соловьевъ именовался „шпитальнымъ надзирателемъ и управителемъ домовою канцеляріи“. Онъ вышелъ въ отставку 26 сентября 1793 г. (т. 493/34 въ собраніи П. И. Щукина „Повелѣнія его сіятельства князя Александра Борисовича“ 1791—1793 гг.). Семья Соловьевыхъ по документальнымъ даннымъ служила князьямъ Куракинымъ болѣе 170 лѣтъ.

№ 1707, стр. 282. Въ письмѣ указанъ и адресъ Тюрпэна: Paris, rue Montorgeuil, près de la rue pavée, chez le papetier.

№ 1707, стр. 285. „Vestris, votre ancien maître“.—Этотъ знаменитый французскій балетмейстеръ обучалъ танцамъ князя Александра Борисовича Куракина и графа Николая Петровича Шереметева въ 1773 г., въ бытность ихъ въ Парижѣ.

№ 1707, стр. 286. Въ первыхъ трехъ строкахъ этой страницы—вѣрное опредѣленіе французскаго характера. Какое милое письмо Тюрпэна (р. 1709 † 1799), извѣстнаго историка и біографа! П. В.

№ 1708, стр. 287. П. А. Левашовъ былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь. Его письма напечатаны также въ XIV книгѣ „Архива князя Воронцова“. П. В.

№ 1710, стр. 288. Тогдашніе 300 р., назначенные славнымъ Рослэномъ за портретъ Князя, равняются, пожалуй, нынѣшнимъ 3000 р. П. В.

№ 1719, стр. 301. Баронъ Петръ Петровичъ Лефорть, генераль саксонской службы и внукъ петровскаго любимца, во вниманіе къ заслугамъ Россіи отца его и дѣда, былъ принятъ въ 1758 г. въ русскую службу съ назначеніемъ оберъ-церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора. Въ 1760 г., по его проекту была учреждена государственная лоттерея для содержанія отставныхъ и раненыхъ офицеровъ и рядовыхъ, при чемъ онъ самъ былъ сдѣланъ генераль-директоромъ этой лоттереи „подъ протекціей Правительствующаго Сената“. Какія-то несправильности, допущенныя Лефортомъ въ этомъ дѣлѣ, и были, кажется, причиною его высылки за границу. Прибавимъ, что у его потомства должны находиться письма и записки Петра Великаго.

№ 1723, стр. 306. Коммерческій агентъ русскаго Двора въ Амстердамѣ (еще съ 1752 г.)—Ольдекопъ былъ болѣе 20 лѣтъ поставщикомъ князя Александра Борисовича, и его, главнымъ образомъ, трудами наполнился рѣдкостями искусства огромный Надеждинскій домъ. Князь особенно любилъ живопись и самъ умѣлъ рисовать (см. въ собраніи П. И. Щукина т. 493/34 „Повелѣнія князя А. В. Куракина“, 1791—1793 гг.).

№ 1726, стр. 309—311. Такъ какъ князь Александръ Борисовичъ отправился въ Швецію въ октябрѣ 1776 г., то, естественно, письмо это ошибочно помѣчено 1777-нымъ годомъ. П. Б.

№ 1726, стр. 309. „Ваши благотворенія столь мнѣ чувствительны, что ихъ изъ памяти и сердца моего ничто истребить не можетъ“.—У князя Александра Борисовича, дѣйствительно, было золотое сердце: огромное количество лицъ пользовались его всегда безкорыстной и деликатной протекціей и, благодаря ей, вышли въ люди. Эту черту характера Князя часто отгѣняли и его современники, подносявшіе ему свои труды. Вотъ какъ изображаетъ ее князь П. В. Козловскій, дипло-

мать, авторъ извѣстныхъ записокъ (р. 1783 † 1840)
въ рѣдкой нынѣ брошюркѣ (Спб., 1802 г., съ указаго
дозволенія, печатано въ Императорской типографіи).

Его Сіятельству
Князю Александру Борисовичу
Куракину.

Стихи на выздоровленіе благодѣтеля.

S'il est des bénédictions humaines que le ciel daigne exaucer, ce ne sont point celles qu'arrachent la flatterie et la bassesse, mais celles que dicte en secret un cœur simple et reconnaissant: voilà l'encens qui plait aux âmes bienfaisantes!

J. J. Rousseau.

О ты, чѣмъ все животворится,
Чѣмъ бѣдный въ горѣ облегченъ,
Чему въ душѣ злодѣй дивится,
И въ чемъ самъ Богъ изображенъ,
Чьей нѣтъ сильнѣе въ мірѣ власти,
Отрада страждущихъ въ напасти,
Изохшихъ въ горести сердець,
Блаженство добраго прямое,—
Благотвореніе святое!
Ахъ, какъ прекрасенъ твой вѣнецъ!

* * *

Какъ славенъ смертнымъ благодѣтель!
Какъ славны добрыя дѣла!
Имъ Богъ на небесахъ свидѣтель,
И кто въ свой вѣкъ не дѣлалъ зла,
Кто другомъ былъ людей всечасно,
Тому, что можетъ быть опасно,
Когда и громъ надъ нимъ гремитъ? *)
Онъ въ жизни все находитъ розы:
О ближнихъ проливаетъ слезы,
А самъ спокойно въ бурю спитъ!

* * *

Когда-жъ болѣзнь или напасти
Грозятъ прервать покой его,
Тогда, прибѣгнувъ къ вышней власти,
Онъ ждетъ спасенья своего.
Быть добрымъ въ жизни не напрасно:
Тому страдать не такъ ужасно,
Кто всѣмъ страдальцамъ помогалъ!.....
Въ болѣзни томною душою,
О Князь! ты видѣлъ предъ собою
Людей, которымъ счастье далъ,—

*) Подражаніе стиху Деліля:

„Non, la foudre jamais n'a fait palir le sage“!

* * *
 Людей, тобою оживленныхъ.
 Ты видѣлъ чувство въ ихъ глазахъ,
 Читалъ въ движеніяхъ ихъ смятенныхъ:
 На лицахъ—горестъ, въ сердцахъ—страхъ.
 Какая лестная награда!
 Какая для тебя отрада,
 Счастливый, нѣжный человекъ,
 Сказать: «Не долгъ ихъ побуждаетъ,
 Ко мнѣ ихъ сердце призываетъ:
 Я былъ ихъ другомъ цѣлый вѣкъ».
 * * *

* * *
 Согласно съ нашимъ общимъ чувствомъ
 Тебѣ я жертву приношу.
 Поэтъ! гордись своимъ искусствомъ:
 Я не прославиться ищу;
 И если слабо изъясняюсь,—
 Въ пространствѣ чувствъ своихъ теряюсь:
 Безмолвенъ радости языкъ!
 Тебя лишиться мы страшились,
 Теперь съ тобой мы оживились,
 Восторгъ нашъ искрененъ, великъ!
 * * *

* * *
 О Князь, я подъ твоимъ покровомъ
 Въ сей шумный, гордый свѣтъ вошелъ;
 Я мнилъ страдать въ семъ свѣтѣ новомъ;
 Но я въ тебѣ отца нашелъ,
 Тобою къ жизни я привязанъ.
 Одинъ ли я тебѣ обязанъ?
 Тобою многие живутъ!
 Тебѣ въ сердцахъ мы заждемъ троны:
 Ахъ, благодарности законы
 И самые злодѣи чтуть!..

№ 1727, стр. 311. „Онъ несчастливъ тѣмъ, что
 остался меньше всѣхъ“.—Князь Иванъ Борисовичъ
 Куракинъ родился 26 октября 1761 г., слѣдовательно,
 ему было всего три года, когда скончался его отецъ, и
 восемь лѣтъ, когда умерла княгиня Елена Степановна.
 Князь воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ ка-
 детскомъ корпусѣ и въ общемъ не пользовался такимъ
 вниманіемъ опекуновъ, какъ его старшіе братья.

№ 1730, стр. 317. „Онъ принимаемымъ вами тру-
 домъ, тщаніемъ и ревностью къ созиданію предпріятого

вами зданія такъ доволенъ“. — „Предвѣрятое зданіе“ — не обращеніе ли Цесаревича къ масонству? П. В.

№ 1745, стр. 332. „Понеже я графа еще не видалъ“, т. е. графа Н. И. Панина.

№ 1750, стр. 338. Умилительна и поучительна связь, которая соединяла семью князей Куракиныхъ, сиротъ, согрѣтыхъ нравственно попеченіемъ и любовью бабки, урожд. Паниной, ея дочери и обоихъ графовъ Паниныхъ. Цисьма старушки дышатъ искренностью.

П. В.

№ 1752, стр. 339. Будущій кievскій митрополитъ слѣдуетъ „спасительному совѣту и чистосердечному наставленію“ сіятельнаго юноши. Вообще удивительно, какъ у этого юноши не кружилась голова въ омутѣ лести, со всѣхъ сторонъ ему расточаемой. П. В.

№ 1752, стр. 340. Петръ Васильевичъ, конечно, графъ Завадовскій, случай котораго относится именно къ этому времени. П. В.

№ 1755, стр. 344. Лѣтомъ этого 1777 г. Густавъ III пріѣзжалъ въ Петербургъ. П. В.

№ 1761, стр. 351—352. Кажется, что это единственный разъ графъ Н. И. Панинъ ѣздилъ въ пожалованное ему Екатериною село Дугино (Сычевскаго уѣзда Смоленской губ.). П. В.

№ 1765, стр. 355. Терентій Ворошнинъ былъ камердинеромъ князя Бориса-Леонтія Александровича Куракина, умершаго въ 1764 г.; по волѣ покойнаго князя онъ получилъ вѣчную отпускную (т. V „Архива“, стр. 253), но, какъ часто бывало въ старину, остался служить прежнимъ господамъ. Ворошнинъ былъ живъ еще въ 1791 г., состоя на княжеской пенсіи (см. т. 493/34 „Повелѣнія князя Александра Борисовича“, 1791—1793 гг., въ собраніи П. М. Щукина).

№ 1779, стр. 367. Въ счетъ Лесажа указанъ и его адресъ: Paris, rue Cristine, faubourg St-Germain.

№ 1781, стр. 370. Майоръ Бенигсенъ (род. 1745 г.) есть тотъ самый, который черезъ 24 года принималъ участіе въ извѣстномъ событіи. Такимъ образомъ князю Александру Бор. Куракину пришлось покровительствовать ему!

П. Б.

№ 1783, стр. 373. „Князь Николай Васильевичъ“, т. е. Репнинъ.

П. Б.

№ 1786, стр. 377. „Нашъ общій пріятель Петръ Васильевичъ“.—Любопытно, что графъ Завадовскій—пріятель Самуила; ухоть Завадовскаго относится къ этому времени. Письмо Самуила намекаетъ на беременность Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, что тогда еще держалось въ секретѣ.

П. Б.

№ 1786, стр. 378. Любопытно показаніе объ А. П. Мельгуновѣ, котораго біографіи еще не имѣется. Онъ былъ въ родствѣ съ Н. И. Салтыковымъ.

П. Б.

№ 1786, стр. 379—380. Извѣты малороссіянина на москвича Платона.

П. Б.

№ 1792, стр. 385. Нашъ гость—это пріѣзжавшій передъ тѣмъ въ Петербургъ Густавъ III. Неужели заходила рѣчь о разводѣ съ мужемъ стокгольмской красавицы молодого князя?

П. Б.

№ 1792, стр. 386. „Похищать чины черезъ пикинерскую службу“.—Князь С. В. Куракинъ въ 1775—1780 гг. служилъ въ кирасирскомъ полку Цесаревича Павла Петровича и ушелъ, оттуда не столько въ погонѣ за чинами, сколько вслѣдствіе крайней трудности службы подъ непосредственнымъ начальствомъ Великаго Князя. Впрочемъ онъ недолго оставался въ Двѣпровскомъ пикинерномъ полку: назначенный туда 9 июня 1777 г., онъ уже въ октябрѣ вновь перевелся въ кирасиры.

№ 1794, стр. 387. Хованскій, князь,—отецъ Василія Алексѣевича, въ первомъ бракѣ женатаго на племянницѣ князя Репнина. Это былъ единственный

большой сѣздъ родныхъ въ Дугинскій дворецъ, который Екатерина подарила графу Н. И. Панину, и который до того принадлежалъ Сапѣгѣ и его женѣ, урожд. Славронской. П. Б.

№ 1796, стр. 389. Марья Андреевна — графиня Румянцева, Екатерина Андреевна — графиня Шувалова, Прасковья Александровна — графиня Брюсъ, Анна Никитична — Нарышкина, Марья Степановна — Талызина. Вотъ главныя дамы молодого Двора. П. Б.

№ 1798, стр. 395. „Земледѣлецъ и его польское (sic) упражненіе“. — Можетъ быть, вмѣсто „полевая работа“. Впрочемъ рѣчь идетъ о крестьянахъ Смоленской губерціи, находившихся прежде подъ сильнымъ вліяніемъ польской шляхты.

№ 1800, стр. 401. „Grimm est venu avec Nolcken“. — Неужели это знаменитый баронъ Гриммъ, за годъ передъ симъ бывшій въ Петербургѣ? Возможно, что, привезя туда своихъ учениковъ, братьевъ графовъ Румянцевыхъ, онъ уѣхалъ въ Швецію съ посланникомъ шведскимъ при нашемъ Дворѣ, который тогда находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Густавомъ III. П. Б.

№ 1810, стр. 411. Какъ видно изъ письма № 1807, Павелъ Артемьевичъ намѣревался вернуться въ Петербургъ во второй половинѣ сентября. По этому и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ можно думать, что Левашовъ допустилъ ошибку въ датѣ, и что его письмо слѣдуетъ отнести къ 1776 г.

№ 1816, стр. 417. „Vous y feriez renaitre l'amour que votre aѣeul avait allumé dans tous les cœurs“. — Говорится о прадѣдѣ князя Александра Борисовича — князѣ Борисѣ Ивановичѣ, бывшемъ съ 13 февраля 1724 г. до кончины своей (17 октября 1727 г.) чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ во Франціи.

№ 1818, стр. 418. „Съ нетерпѣливостью желаю знать, гдѣ нынѣ находится Петръ Васильевичъ“, т. е.

Завадовскій, лѣтомъ этого года удалившійся отъ Екатерины противъ своей воли и поѣхавшій къ себѣ въ Малороссію. П. Б.

№ 1818, стр. 420. „Справедливо г. Петръ Васильевичъ г. Акчурину никогда не ввѣрялъ себя“.—Акчуринъ—тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, смѣнившій Чебышова. П. Б.

№ 1823, стр. 427. „Вчерашній день пропраздновалъ онъ у г. Брессана въ деревнѣ, отстоящей отсюда въ семи верстахъ“.—Александръ Ивановичъ Брессанъ, бывшій камердинеръ Петра III и свидѣтель его кончины, завѣдывалъ какою-то казенною фабрикою подъ Петербургомъ. П. Б.

№ 1825, стр. 429. „Павлу Артемьевичу“, т. е. Левашову. П. Б.

№ 1826, стр. 430. „Le comte Ivane“, т. е. графъ И. Г. Чернышовъ. П. Б.

№ 1826, стр. 430. „Excepté les biens qui resteront aux fils“.—Вотъ, гдѣ скрывается, вѣроятно, причина, по которой князь Александръ Борисовичъ не женился на прелестной графинѣ Ферзенъ: она была слишкомъ бѣдна для того, чтобы на этотъ бракъ дали свое согласіе родные Князя.

№ 1833, стр. 440. „Пожалуйте, нашего (т. е. оберъ-прокурора Синода) хотя въ сенаторы или въ губернаторы возьмите“.—Желаніе Самуила исполнилось только въ 1786 г., когда С. В. Акчуринъ былъ назначенъ сенаторомъ. (См. Русскій біографическій словарь А. А. Половцева, т. I, стр. 108—109).

№ 1834, стр. 441. Рѣчь князя Александра Борисовича была напечатана въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1777 г.

№ 1835, стр. 442. „Семень Гавриловичъ“—это Зоричъ, смѣнившій П. В. Завадовскаго. П. Б.

№ 1835, стр. 442—443. Здѣсь упоминается княгиня Аграфена Михайловна Борятинская, ур. княжна Лобанова-Ростовская, двоюродная сестра князя И. И. Лобанова-Ростовскаго, женатаго на княжнѣ Е. А. Куракиной, теткѣ молодыхъ князей Куракиныхъ.

№ 1836, стр. 443. „Уговорить князь Степана Борисовича съ княгинею“, —здѣсь говорится о первой женѣ князя С. Б. Куракина, добродѣтельной Натальѣ Петровнѣ, ур. Нарышкиной, племянницѣ князя Н. В. Репнина. П. Б.

№ 1839, стр. 449. „Чтобы вы меня опять не трагировали“, т. е. меня не выдали (trahir).

№ 1842, стр. 451. Письмо масонское. Не князь ли А. Б. Куракинъ способствовалъ поступленію въ масоны Цесаревича? П. Б.

№ 1844, стр. 454. „Съ превеликимъ выговоромъ штутмейстеру, обѣщая его прогнать безъ абшида“. — Выписанный изъ-за границы на большое жалованье штутмейстеръ Максъ былъ вообще дурного поведенія. Такъ въ 1776 г. управляющій орловской вотчины князей Куракиныхъ села Богородскаго жаловался, что онъ, вопреки княжескому распоряженію, отнялъ у проживавшей тамъ на пенсіи вдовы Соловьевой отведенную ей лошадь, постоянно пьянствуетъ и вмѣстѣ съ конюхами истязалъ старосту, вступившагося за Соловьеву (168/36 т. Надеждинскаго архива по старой нумераціи, листы 11—12). Несмотря на самую подробную инструкцію (тамъ же, лл. 1—3), Максъ очень небрежно относился къ дѣлу.

1848, стр. 459. „Намѣстничество князь Николая Васильевича меня очень удивило“. — Намѣстничество въ Литвѣ послѣ славныхъ военныхъ подвиговъ и посольства въ Царьградъ было для князя Н. В. Репнина нѣкоторою обидою. П. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВЯТОЙ КНИГИ „АРХИВА КНЯЗЯ Ф. А. КУРАКИНА“.

Предисловіе.

Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина

1713 г.

	Страницы.	Номер томъ и стр. Надежди- снаго архива.	№ хроноло- гическій и характеръ документа.
1578. 1713 г. іюня 12. Баронъ Шахъ — графу Г. И. Головкину	3—6	69, 262—266	2139 Ж.
1579. 1713 г. іюня 15. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	6	13, 49	2144 Ж.
1580. 1713 г. іюня 16. Князь Б. И. Ку- ракинъ—графу Шембеку	7—8	61, 94	2145 В.
1581. 1713 г. іюня 16. Князь Б. И. Ку- ракинъ—графу Г. И. Головкину	8—14	12, 339—349	2148 В.
1582. 1713 г. іюня 17. Князь А. Д. Меншиковъ—князю Б. И. Куракину	14—17	12, 350—352	2150 Ж.
1583. 1713 г. іюня 19. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	17	13, 2	2151 В.
1584. 1713 г. іюня 20. Князь А. Д. Меншиковъ—князю Б. И. Куракину	17—19	13, 45—47	2153 Ж.
1585. 1713 г. іюня 23. Князь Б. И. Ку- ракинъ—барону П. П. Шафирову	19—20	61, 101—102	2157 В.
1586. 1713 г. іюня 25. Князь Б. И. Ку- ракинъ—графу Г. И. Головкину	20—26	12, 3—14	2159 В.

Примѣчаніе 1-е. А обозначаетъ документы, представляющіе собою собственноручные подлинники, Б—подлинники, лишь подписанные собственноручно, В—собственноручные черновики, Г—черновики, лишь отчасти собственноручные, Д—черновики подъяческіе или руки разныхъ лицъ, Е—собственноручныя копіи, Ж—копіи подъяческія или руки разныхъ лицъ.

Примѣчаніе 2-е. Документы, отмѣченные звѣздочкою, помѣщены въ сокращенномъ видѣ, вслѣдствіе повтореній и по другимъ причинамъ. Обращеніе въ письмахъ, а также обычныя въ нихъ заключительныя строки вообще выбро-
Ред.

1587. 1713 г. іюня 26. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину	26—27	61, 102—108	2162 Г.
1588. 1713 г. іюня 27. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	27—30	13, 15—19	2168 Д.
1589. 1713 г. іюня 30. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	30—32	13, 40—44	2181 Д.
1590. 1713 г. іюль—Баронъ П. П. Шафировъ—князю Б. И. Куракину	32—35	61, 142—145	2182 Ж.
1591. 1713 г. іюля 3. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	35—36	12, 48	2189 В.
1592. 1713 г. іюля 7. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	36—38	13, 50—56	2195 Д.
1593. 1713 г. іюля 11. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	39	13, 57—58	2197 В.
1594. 1713 г. іюля 13. Князь В. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину	40—41	61, 119—120	2199 В.
1595. 1713 г. іюля 14. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	41—43	13, 88—90	2200 Д.
1596. 1713 г. іюля 14. Князь В. И. Куракинъ—графу В. П. Шереметеву	43—44	61, 116—118	2202 В.
1597. 1713 г. іюля 14. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	44—49	13, 77—87	2203 Г.
1598. 1713 г. іюля 17. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	49—53	13, 91—99	2205 Д.
1599. 1713 г. іюля 17. Князь В. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову	53—54	61, 124	2206 Д.
1600. 1713 г. іюля 21. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	54—55	13, 101—103	2212 Г.
1601*. 1713 г. іюля 24. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	55—57	13, 163—165	2219 Ж.
1602*. 1713 г. іюля 24. Князь В. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	57—58	61, 127—129	2220 В.
1603*. 1713 г. іюля 24. Князь В. И. Куракинъ—царицѣ Екатеринѣ I	58—59	13, 107—108	2223 В.
1604. 1713 г. іюля 28. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	59—60	13, 175—176	2231 Ж.
1605*. 1713 г. іюля 28. Грамота Петра Великаго—королю прусскому	60—61	69, 355—356	2237 Ж.
1606. 1713 г. іюля 31. Князь В. И. Куракинъ—царевичу Алексѣю Петровичу	61—62	13, 119—120	2239 В.
1607. 1713 г. августа 1. А. И. Дашковъ—князю В. И. Куракину	62—63	61, 153	2241 Ж.
1608. 1713 г. августа 1. Князь В. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову	63	61, 130	2242 Д.
1609. 1713 г. августа 1. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	64—68	13, 121—123	2243 В.
1610. 1713 г. августа 6. Князь В. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову	68—70	61, 135—139	2247 Г.

1611. 1713 г. августа 7. Князь Б. И. Куракинъ—Н. А. Мусину-Пушкину	70—71	61, 140	2249 Д.
1612. 1713 г. августа 7. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	71—80	113, 132—153	2250 В.
1613. 1713 г. августа 14. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	81—84	13, 199—202	2257 Ж.
1614. 1713 г. августа 15. Князь В. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	84—85	13, 154—156	2258 В.
1615. 1713 г. августа 18. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	85—86	13, 158—160	2269 Д.
1616. 1713 г. августа 20. Царьца Екатерина I—князю Б. И. Куракину	86—87	69, 352	2279 Ж.
1617. 1713 г. августа 21. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову	87—89	61, 157—161	2281 Д.
1618. 1713 г. августа 21. Князь Б. И. Куракинъ—царьцѣ Екатеринѣ I	89—90	13, 174	2282 В.
1619. 1713 г. августа 25. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	90—92	61, 163—167	2286 Д.
1620. 1713 г. августа 25. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	93—99	13, 166—182	2288 Г.
1621. 1713 г. августа 25. Князь Б. И. Куракинъ—А. В. Макарову	99—100	61, 162	2290 Д.
1622. 1713 г. августа 29. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	100—104	13, 184—195	2296 Г.
1623. 1713 г. августа 29. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	104	61, 170	2297 Д.
1624. 1713 г. августа 30. Царь Петръ Алексѣевичъ—князю Б. И. Куракину	105	57, 211	2300 Ж.
1625. 1713 г. сентября 1. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	105—107	13, 236—238	2310 Ж.
1626. 1713 г. сентября 2. Графъ Саврошь—князю Б. И. Куракину	107—108	98, 13—15	2314 А.
1627. 1713 г. сентября 4. Ли—князю Б. И. Куракину	108—109	87, 54—55	2315 А.
1628. 1713 г. сентября 5. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	109—110	13, 293—294	2316 Ж.
1629. 1713 г. сентября 8. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	111—120	13, 207—231	2318 В.
1630. 1713 г. сентября 8. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	121—122	13, 203—206	2320 В.
1631. 1713 г. сентября 14. Неизвѣстный—князю Б. И. Куракину	122—124	70, 49—51	2324 А.
1632. 1713 г. сентября 15. Князь В. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	124—125	61, 173—177	2327 Д.
1633. 1713 г. сентября 15. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	126	13, 234	2330 В.
1634. 1713 г. сентября 19. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину	126—127	13, 350—351	2333 Ж.

1635. 1713 г. сентября 21. Графъ Г.			
И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину . . .	127—129	14, 1—4	2339 Ж.
1636. 1713 г. сентября 22. Князь Б.			
И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину . . .	130—136	13, 259—257	2343 В.
1637. 1713 г. сентября 25. Князь Б.			
И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину . . .	136—137	13, 259—261	2350 В.
1638. 1713 г. сентября 25. Князь Б.			
И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову . . .	137—138	13, 187—188	2352 Д.
1639. 1713 г. сентября 26. Графъ Г.			
И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину . . .	138	13, 364	2355 Ж.
1640. 1713 г. сентября 29. Князь Б.			
И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову . . .	139—140	13, 315—316	2357 В.
1641. 1713 г. сентября 29. Князь Б.			
И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину . . .	140—154	13, 295—314	2358 В.
1642. 1713 г. сентября 29. Князь Б.			
И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину . . .	154—155	61, 192—193	2359 В.
1643. 1713 г. сентября 29. Князь А.			
Д. Меншиковъ—князю Б. И. Куракину . . .	155—156	13, 347—348	2361 Ж.
1644. 1713 г. сентября 30. Графъ Г.			
И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину . . .	156—158	14, 9—11	2362 Ж.
1645. 1713 г. октября 2. Князь А. Д.			
Меншиковъ—князю Б. И. Куракину	158—159	13, 351	2367 Ж.
1646. 1713 г. октября 2. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	159—160	61, 197—199	2370 Д.
1647. 1713 г. октября 2. Князь Б. И.			
Куракинъ—барону П. П. Шафирову	160—161	61, 195—196	2371 Д.
1648. 1713 г. октября 5. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	162—164	13, 319—323	2374 В.
1649. 1713 г. октября 6. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	164—165	61, 199—202	2375 Д.
1650. 1713 г. октября 6. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	165—166	61, 324—325	2378 В.
1651. 1713 г. октября 9. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	166—173	13, 326—346	2380 Г.
1652. 1713 г. октября 10. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	174	61, 202—203	2384 Д.
1653. 1713 г. октября 13. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	174—175	13, 352—354	2385 В.
1654. 1713 г. октября 15. Графъ Г. И.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	175—176	14, 18—19	2388 Д.
1655. 1713 г. октября 16. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	177—179	13, 355—361	2390 В.
1656. 1713 г. октября 17. Князь Б. И.			
Куракинъ—царю Петру Алексѣевичу	180—181	13, 362—363	2392 В.
1657. 1713 г. октября 21. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю П. А. Голицыну	181—182	29, 25—26	2394 В.
1658. 1713 г. октября 24. Графъ А. Г.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	182—184	61, 226—230	2396 Ж.

1659. 1713 г. октября 27. Князь Б. И.			
Куракинъ—барону П. П. Шафирову	185—188 61, 214—218	3402 Д.	
1660. 1713 г. октября 27. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	188—189 61, 211—212	2403 Г.	
1661. 1713 г. октября 27. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу А. Г. Головкину	189—190 61, 213—214	2404 В.	
1662. 1713 г. октября 30. Князь Б. И.			
Куракинъ—А. И. Дашкову	190—192 61, 219—222	2410 Д.	
1663. 1713 г. октября 30. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	192—193 14, 5—8	2413 В.	
1664. [1713 г. ноябрь]. Баронъ Шакъ—			
князю Б. И. Куракину	193—196 61, 203—207	2364 Ж.	
1665. 1713 г. ноября 3. Графъ Г. И.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	196—197 14, 51—52	2419 Ж.	
1666. 1713 г. ноября 3. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю А. Д. Меншикову	197—198 14, 13—15	2420 В.	
1667. 1713 г. ноября 3. Князь В. Л.			
Долгоруковъ—князю Б. И. Куракину	198—200 62, 29—31	2422 Д.	
1668. 1713 г. ноября 6. Князь Б. И.			
Куракинъ—Витворту	200—201 48, 35—36	2429 Д.	
1669*. 1713 г. ноября 14. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	201—204 14, 21—28	2431 В.	
1670*. 1713 г. ноября 14. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу А. Г. Головкину	204—205 62, 9—12	2432 Д.	
1671. 1713 г. ноября 17. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу А. Г. Головкину	205—207 62, 16—20	2443 Д.	
1672*. 1713 г. ноября 17. Князь Б. И.			
Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	208—210 62, 21—29	2444 Д.	
1673. 1713 г. ноября 17. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	210—212 14, 29—34	2446 В.	
1674. 1713 г. ноября 17. Графъ А. Г.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	213—214 62, 32—34	2447 Ж.	
1675. 1713 г. ноября 19. Графъ Г. И.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	214—217 14, 60—65	2450 Ж.	
1676. 1713 ноября 27. Князь Б. И.			
Куракинъ—царицѣ Екатеринѣ I	218 14, 40—41	2459 В.	
1677. 1713 декабря 1. Князь Б. И. Ку-			
ракинъ—графу Г. И. Головкину	219—221 14, 44—49	2464 В.	
1678. 1713 декабря 4. Графъ Г. И.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	221—227 14, 104—109	2468 Ж.	
1679. 1713 декабря 5. Князь В. Л.			
Долгоруковъ—князю Б. И. Куракину	227—228 62, 41—42	2473 Д.	
1680. 1713 декабря 8. Князь Б. И.			
Куракинъ—графу Г. И. Головкину	228—229 14, 57—58	2474 В.	
1681. 1713 декабря 8. Князь Б. И.			
Куракинъ—барону П. П. Шафирову	229—231 62, 36—39	2476 В.	
1682. 1713 декабря 11. Графъ Г. И.			
Головкинъ—князю Б. И. Куракину	232 14, 142—143	2477 Ж.	

1683. 1713 г. декабря 15. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	282—243 14, 74—95	2482 В.
1684*. 1713 г. декабря 25. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину	243—244 14, 101—103	2501 В.
1685*. 1713 г. декабря 26. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову	245 62, 47—48	2507 В.
1686*. 1713 г. декабря 28. Графъ Г. И. Головкинъ—князю В. И. Куракину	245—248 14, 170—174	2512 Ж.
1687*. 1713 г. декабря 29. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову	248—249 62, 49—50	2514 В.
Бумаги князя Александра Борисовича Куракина. 1777 г.		
1688. 1777 г. январь. Опекунскій протоколъ по дому малолѣтнихъ князей Куракинскихъ	253—256 448, 6—9	14466 Ж.
1689. 1777 г. января 6. Евграфъ Сносоевъ—князю Александру Куракину	256—257 447, 307—310	14468 А.
1690. 1777 г. января 15. Н. В. Энгельгартъ—князю Александру Куракину	257—258 448, 4—5	14472 А.
1691. 1777 г. января 16. И. С. Рикманъ—князю Александру Куракину	258—259 447, 311—313	14473 А.
1692. 1777 г. января 21. Баронъ К. И. фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ—князю Александру Куракину	259—262 427, 93—96	14475 А.
1693. 1777 г. января 21. Князь С. Б. Куракинъ—князю Александру Куракину	262 401, 115	14478 А.
1694. 1777 г. января 23. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	263—264 378, 210—213	14479 А.
1695. 1777 г. января 25. Графъ Ульрихъ Шефферъ—князю Александру Куракину	264—265 447, 87—90	14482 А.
1696. 1777 г. января 26. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	265 366, 21—22	14483 А.
1697. 1777 г. января 28. Письмо графа П. И. Панина	266—267 989, 178—180	14486 Б.
1698. 1777 г. января 28. Завѣщаніе графа П. И. Панина	268—272 989, 181—186	14487 Б.
1699. 1777 г. января 31. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	272—276 429, 25—32	14489 А.
1700. 1777 г. февраля 2. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	276—277 366, 23—24	14490 А.
1701. 1777 г. февраля 9. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	277 366, 25—26	14495 А.
1702. 1777 г. февраля 9. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	277—279 378, 221—224	14496 А.
1703*. 1777 г. февраля 10. А. В. Нарышкинъ—князю Александру Куракину	279 417, 127—128	14497 А.
1704. 1777 г. февраля 16. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	279—280 378, 225—226	14500 А.
1705. 1777 г. февраля 17. Лейбъ- NN	280—281 448, 16—17	14502 Ж.

1706. 1777 г. февраля 20. Гюльден- крене—князю Александру Куракину	281—282 482, 82—83	14508 А.
1707. 1777 г. февраля 28. Тюрпэнъ— князю Александру Куракину	282—287 447, 431—434	14505 А.
1708. 1777 г. февраля 27. П. А. Ле- вашовъ—князю Александру Куракину	287 447, 287	289 14507 А.
1709. 1777 г. марта 2. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	288 366, 27—28	14510 А.
1710. 1777 г. марта 8. Рослянь—князю Александру Куракину	298 447, 405	14512 А.
1711. 1777 г. марта 9. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	288—289 366, 13—32	14513 А.
1712. 1777 г. марта 10. Графъ Ульрихъ Шефферъ—князю Александру Куракину	289—290 447, 100—108	14516 А.
1713*. 1777 г. марта 13. Баронъ Дюбенъ —князю Александру Куракину	290—291 447, 355—358	14526 А.
1714*. 1777 г. марта 13. Княжна А. А. Куракину—князю Александру Куракину	291—292 367, 17—19	14527 А.
1715. 1777 г. марта 14. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	298—294 433, 176—179	14528 А.
1716. 1777 г. марта 17. Графиня Біельке —князю Александру Куракину	294—295 447, 91—93	14529 А.
1717. 1777 г. марта 17. И. С. Рикманъ —князю Александру Куракину	296—300 447, 314—326	14530 А.
1718. 1777 г. марта 17. NN—князю Александру Куракину	300—301 447, 13—16	14531 А.
1719. 1777 г. марта 18. Баронъ П. П. Лефорть—императрицѣ Екатеринѣ II.	301—302 448, 23—24	14532 Б.
1720. 1777 г. марта 18. Баронъ П. П. Лефорть—князю Александру Куракину	302 448, 20—22	14533 А.
1721*. 1777 г. марта 21. Баронъ Дю- бенъ—князю Александру Куракину	303—304 447, 360—363	14534 А.
1722. 1777 г. марта 23. Князь Степанъ Куракинъ—князьямъ Александру и Алексію Куракинымъ	304—306 401, 91—93	14535 А.
1723*. 1777 г. марта 24. Ольдекопъ— князю Александру Куракину	306 433, 180	14536 А.
1724. 1777 г. марта 24. Графъ Фервенъ— князю Александру Куракину	306—307 447, 94—96	14538 А.
1725. 1777 г. марта 25. Баронъ фонъ- дери-Остенъ-Сакенъ—князю Александру Ку- ракину	307—309 427, 101—104	14539 А.
1726. 1777 г. марта 27. Самуэль, епи- скопъ ростовскій,—князю Александру Куракину	309—311 429, 33—37	14540 А.
1727*. 1777 г. марта 30. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	311—312 367, 21—24	14542 А.
1728. 1777 г. апрѣля 10. П. А. Сту- пшинъ—князю Александру Куракину	312—313 447, 53—54	14544 Б.

1729. 1777 г. апрѣля 10. Графъ Карлъ Сварре—князю Александру Куракину	318—314	448, 44—45	14545 А.
1730*. 1777 г. апрѣля 12. Евграфъ Смосоенъ—князю Александру Куракину	315—317	447, 333—339	14546 А.
1731. 1777 г. апрѣля 12. Рослэнъ—князю Александру Куракину	318	447, 406	14547 А.
1732. 1777 г. апрѣля 13. Графиня Ферзенъ—князю Александру Куракину	318—319	447, 97—99	14548 А.
1733. 1777 г. апрѣля 14. И. С. Рикманъ—князю Александру Куракину	319—321	447, 327—330	14549 А.
1734*. 1777 г. апрѣля 14. Баронъ Дюбенъ—князю Александру Куракину	322	447, 359	14550 А.
1735. 1777 г. апрѣля 23. Рослэнъ—князю Александру Куракину	322—323	447, 407	14555 А.
1736. 1777 г. апрѣля 24. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	323	366, 34—35	14556 А.
1737*. 1777 г. апрѣля 28. Десажъ—князю Александру Куракину	323—324	439, 31—32	14559 А.
1738. 1777 г. апрѣля 28. Левецау—князю Александру Куракину	324—325	447, 395	14562 А.
1739. 1777 г. конецъ апрѣля. Шарпантъе—князю Александру Куракину	325	447, 452	14566 А.
1740. 1777 г. апрѣля 30. Шарпантъе—князю Александру Куракину	325—326	447, 449—450	14568 А.
1741. 1777 г. мая 1. Шарпантъе—князю Александру Куракину	326—327	447, 454—455	14570 А.
1742*. 1777 г. мая 1. Левецау—князю Александру Куракину	327—329	447, 396—399	14571 А.
1743. 1777 г. мая 2. Ольдекепъ—князю Александру Куракину	329—331	433, 181—184	14572 А.
1744*. 1777 г. мая 3. Шарпантъе—князю Александру Куракину	331	447, 451	14573 А.
1745. 1777 г. мая 4. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	332—333	378, 231—234	14574 А.
1746. 1777 г. мая 5. С. А. Колычовъ—князю Александру Куракину	333—335	448, 53—56	14575 А.
1747. 1777 г. мая 5. Рослэнъ—князю Александру Куракину	335	447, 408—409	14576 А.
1748. 1777 г. мая 6. Левецау—князю Александру Куракину	335—336	447, 402—404	14577 А.
1749. 1777 г. мая 7. Пестель—князю Александру Куракину	336—337	447, 343—346	14578 А.
1750. 1777 г. мая 8. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	338	36, 366—37	14579 А.
1751. 1777 г. мая 8. Людовикъ, герцогъ вюртембергскій, —князю Александру Куракину	338	457, 28	14580 А.
1752. 1777 г. мая 8. Самуиль, епископъ ростовскій, —князю Александру Куракину	339—340	429, 38—42	14581 А.

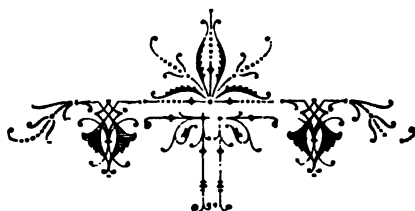
1753. 1777 г. мая 10. Алефельтъ—князю Александру Куракину	341	447, 18—19	14583 А.
1754. 1777 г. мая 11. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину . . .	341	366, 38	14584 А.
1755. 1777 г. мая 12. Баронъ Дюбенъ—князю Александру Куракину	342—344	447, 364—368	14585 А.
1756. 1777 г. мая 15. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину	345	952, 34	14592 Б.
1757. 1777 г. мая 15. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	345	367, 20	14593 А.
1758. 1777 г. мая 15. Рослякъ—князю Александру Куракину	346—347	447, 410—412	14594 А.
1759. 1777 г. мая 16. Баронъ К. И. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ—князю Александру Куракину	347—350	427, 108—111	14596 А.
1760. 1777 г. мая 16. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину	350—351	447, 266—268	14597 А.
1761. 1777 г. мая 17. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину	351—352	952, 80—81	14599 А.
1762. 1777 г. мая 20. Баронъ Дюбенъ—князю Александру Куракину	352—353	447, 369—370	14602 А.
1763. 1777 г. мая 22. Десаждъ князю Александру Куракину	353	439, 38	14604 Б.
1764. 1777 г. мая 26. Десаждъ—князю Александру Куракину	354	439, 34—35	14605 Б.
1765. 1777 г. мая 27. Терентій Ворошинъ—князю Александру Куракину	355—356	448, 30—33	14608 А.
1766. 1777 г. мая 29. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину	356—357	447, 269—271	14615 А.
1767. 1777 г. іюня. Доношеніе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Правительствующему Сенату	357	448, 70	14619 Ж.
1768. 1777 г. іюня 2. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину	357—358	447, 272—273	14622 А.
1769. 1777 г. іюня 6. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	358—359	401, 98	14627 А.
1770*. 1777 г. іюня 11. Князь И. С. Барятинскій—князю Александру Куракину	359—360	447, 50—52	14628 А.
1771. 1777 г. іюня 15. А. В. Наршикинъ—князю Александру Куракину	360—361	447, 135	14630 А.
1772. 1777 г. іюня 15. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	361	366, 39	14631 А.
1773*. 1777 г. іюня 16. Баронъ Дюбенъ—князю Александру Куракину	362—363	447, 371—373	14632 А.
1774. 1777 г. іюня 19. С. Г. Домашневъ—князю Александру Куракину	363	448, 65	14635 А.
1775. 1777 г. іюня 20. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину	363—364	447, 274—276	14637 А.

1776. 1777 г. іюня 27. И. Ф. Богдановичъ—князю Александру Куракину	364	447, 277	14643 А.
1777*. 1777 г. іюня 28. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	365	447, 211—214	14644 А.
1778. 1777 г. іюня 29. Герцогъ Сюдерманландскій—князю Александру Куракину—	365—366	448, 475—476	14645 А.
1779. 1777 г. іюля. Счетъ князю Александру Куракину королевскаго портного Лесажа	367—369	439, 102—103	14646 Б.
1780*. 1777 г. іюля 2. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину . . .	369	401, 121	14647 А.
1781. 1777 г. іюля 3. Эрнстъ, герцогъ Мекленбургскій,—князю Александру Куракину	369—370	448, 74—76	14648 А.
1782. 1777 г. іюля 4. Станиславъ II, король польскій,—Тизенгаузену	371—373	482, 127—130	14649 Ж.
1783. 1777 г. іюля 5. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину	373	952, 50	14650 А.
1784. 1777 г. іюля 5. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину . . .	373—374	367, 27—28	14652 А.
1785. 1777 г. іюля 5. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	374—375	447, 215—218	14653 А.
1786. 1777 г. іюля 6. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину . .	375—380	429, 43—51	14654 А.
1787. 1777 г. іюля 9. Графъ И. А. Остерманъ—князю Александру Куракину . . .	380	448, 81—82	14655 А.
1788. 1777 г. іюля 11. Графъ И. А. Головинъ—князю Александру Куракину . . .	381—383	448, 77—79	14657 А.
1789. 1777 г. іюля 11. Алефельтъ—князю Александру Куракину	383	447, 21	14659 А.
1790. 1777 г. іюля 11. Князь Н. В. Репнинъ—князю Александру Куракину	383	432, 110	14660 А.
1791. 1777 г. іюля 15. Князь Н. В. Репнинъ—князю Александру Куракину	384	432, 111—113	14662 А.
1792. 1777 г. іюля 19. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину	384—386	952, 54—57	14664 А.
1793. 1777 г. іюля 19. Приказъ по полку о князѣ Степанѣ Куракинѣ	386—387	448, 80	14667 Ж.
1794*. 1777 г. іюля 24. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину . . .	387	367, 29—30	14675 А.
1795*. 1777 г. іюля 26. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	387—388	447, 219—222	14682 А.
1796. 1777 г. іюля 27. Нюсенъ—князю Александру Куракину	388—389	447, 22—25	14683 А.
1797. 1777 г. іюля 28. Генераль князь Полятовскій—князю Александру Куракину .	390—393	1003, 7—14	14686 А.
1798*. 1777 г. августа 1. Ш. А. Левашовъ—князю Александру Куракину	394—395	447, 298—300	14694 А.
1799. 1777 г. августа 4. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину	395—396	448, 83—84	14708 А.

1800*. 1777 г. августа 9. Баронъ Дюбенъ—князю Александру Куракину	396	402 447, 374—388	14709 А.
1801. 1777 г. августа 10. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину	402—403	109, 131—134	14710 А.
1802*. 1777 г. августа 10. И. Гренъ—князю Александру Куракину	404	447, 250—252	14711 А.
1803. 1777 г. августа 11. Деболи—князю Александру Куракину	404	1003, 22	14712 А.
1804. 1777 г. августа 12. Графъ Кейзерлингъ—князю Александру Куракину	405	447, 121	14713 А.
1805. 1777 г. августа 17. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	405—406	366, 40—41	14714 А.
1806. 1777 г. августа 17. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	406—407	378, 235—237	14715 А.
1807. 1777 г. августа 18. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину	407	447, 301—302	14716 А.
1808. 1777 г. августа 18. Шарпантье—князю Александру Куракину	408—409	447, 469—472	14717 А.
1809. 1777 г. августа 18. Графъ Н. И. Панинъ—князю Александру Куракину	409—410	952, 46—49	14719 А.
1810. 1777 г. августа 23. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину	411	447, 303	14722 А.
1811. 1777 г. августа 25. Шарпантье—князю Александру Куракину	411—412	447, 476—478	14726 А.
1812. 1777 г. августа 26. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину	412	447, 304	14729 А.
1813. 1777 г. августа 28. Шарпантье—князю Александру Куракину	413	447, 473—475	14730 А.
1814. 1777 г. сентября 1. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	414	401, 127	14745 А.
1815. 1777 г. сентября 2. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	414—415	447, 234—236	14747 А.
1816. 1777 г. сентября 4. Тюрпънъ—князю Александру Куракину	415—417	447, 435—437	14749 А.
1817. 1777 г. сентября 5. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	417	401, 128	14752 А.
1818. 1777 г. сентября 6. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	418—422	429, 52—58	14753 А.
1819. 1777 г. сентября 7. Генрихъ Леведау—князю Александру Куракину	422—423	449, 463—466	14758 А.
1820. 1777 г. сентября 7. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	424	366, 45—46	14759 А.
1821. 1777 г. сентября 8. Христианъ Геббе—князю Александру Куракину	424—426	449, 482—485	14761 А.
1822. 1777 г. сентября 9. Княгиня Н. П. Куракина—князю Александру Куракину	426	401, 129	14762 А.

1823. 1777 г. сентября 12. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	426—427 447, 241—244 14763 А.
1824. 1777 г. сентября 15. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	427—428 438, 196—197 14764 Б.
1825. 1777 г. сентября 21. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	429 366, 47—48 14766 А.
1826. 1777 г. сентября 22. Баронъ Дибенъ—князю Александру Куракину	429—432 447, 392—397 14767 А.
1827. 1777 г. сентября 23. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	432—436 429, 59—68 14768 А.
1828. 1777 г. сентября 26. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	436—437 438, 193—194 14771 А.
1829. 1777 г. сентября 30. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину .	437—438 401, 131 14774 А.
1830*. 1777 г. октября 1. Сергѣй Дуровъ—князю Александру Куракину	438 448 115—116 14775 А.
1831. 1777 г. октября 2. Священникъ Андрей Самборскій—князю Александру Куракину	438—439 448, 107—108 14776 А.
1832*. 1777 г. октября 2. Книгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину .	439 366, 51 14778 А.
1833. 1777 г. октября 4. Самуилъ, епископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	440—441 429, 77—79 14779 А.
1834. 1777 г. октября 11. Рѣчь, говоренная княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ при его вступленіи въ число членовъ Вольнаго Экономическаго общества . .	441—442 — 14781 Ж.
1835*. 1777 г. октября 26. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину .	442—443 367, 40—42 14796
1836. 1777 г. ноября 6. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину . . .	443—444 367, 43—45 14803 А.
1837. 1777 г. ноября 10. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	444—446 438, 199—201 14805 А.
1838. 1777 г. ноября 15. Самуилъ, архіепископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	446—448 429, 80—83 14807 А.
1839*. 1777 г. ноября 23. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину .	448—449 367, 47—51 14815 А.
1840. 1777 г. ноября 26. Убри—князю Александру Куракину	449—450 448, 143—144 14816 А.
1841. 1777 г. ноября 27. Графъ Ферзель—князю Александру Куракину	450 447, 109—112 14818 А.
1842. 1777 г. ноября 28. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину	451—452 448, 126—129 14820 А.
1843. 1777 г. ноября 30. Книгиня Н. П. Куракина—князю Александру Куракину .	452—453 401, 141 14821 А.

1844. 1777 г. декабря 7. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину . . .	453—454	401, 112—113	14825 А.
1845. 1777 г. декабря 9. Самуилъ, ар- хіепископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	454—455	429, 84—87	14828 А.
1846. 1777 г. декабря 10. Генералъ князь Станиславъ Понятовскій—князю Але- ксандру Куракину	456—458	1003, 15—18	14829 А.
1847. 1777 г. декабря 11. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину .	459	367, 52—53	14830 А.
1848 1777 г. декабря 14. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину .	459	366, 67—68	14836 А.
1849. 1777 г. декабря 18. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину .	460	367, 54—55	14843 А.
1850. 1777 г. декабря 19. Лесажъ— князю Александру Куракину	460—461	439, 46	14845 А.
1851. 1777 г. декабря 23. Самуилъ, архіепископъ ростовскій,—князю Александру Куракину	461—462	429, 88—92	14847 А.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ

ВЪ ДЕВЯТОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ф. А. КУРАКИНА“.

А.

Августъ, курфюрстъ саксонскій и король польскій. 84, 87, 88, 97, 98, 165.
Алчуринъ Сергѣй Васильевичъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода. 274, 420.
Александровичъ. 371.
Александръ Павловичъ, великій князь. 460—462.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ. 61.
Альфелдъ, баронъ, посоль. 45, 46, 50, 58, 64, 81, 86, 91, 92, 124, 125, 131, 134, 137, 138, 202, 204, 208, 213, 215, 248.
Альфенъ (фонъ-). 167.
Апраксинъ Петръ Матвѣевичъ, графъ. 232.
Апраксинъ Степанъ Степановичъ. 263, 265, 325.
Апраксинъ Федоръ Алексѣевичъ, графъ. 268, 266, 276, 459.
Апраксинъ Федоръ Матвѣевичъ, графъ, адмиралъ. 60, 197.
Арбутовъ, англійскій дворянинъ. 438.

Б.

Балъ 277.
Басанжуръ, пенсіонарій города Амстердама. 37, 237—239.
Басовичъ (Басевичъ), дипломатъ. 167, 206.

Беръ, баронъ, дипломатъ. 203.
Бернеръ, дипломатъ. 187, 188, 192.
Бестумовъ Дмитрій, посоль. 57, 60, 82, 87, 165, 176.
Богдановичъ Ипполитъ Федоровичъ, поэтъ. 350, 356, 357, 363, 364.
Боргъ (также Боркъ), генералъ. 20, 155.
Борятинская Аграфена Михайловна, княгиня. 442—444, 448, 453.
Борятинскій Иванъ Сергѣевичъ, князь, посоль. 323, 324, 333, 354, 359, 460.
Ботмаръ, баронъ, посоль. 95, 134, 157, 171, 172.
Боуръ, генералъ. 184.
Браницкій, генералъ. 272.
Брессанъ (де-) Александръ Ивановичъ. 427.
Бреттонъ, посоль. 154.
Брумлей, статсъ-секретаръ. 154.
Брюсъ Прасковья Александровна, графиня. 389.
Бурманія, депутатъ Фрисландской провинціи. 167.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій Александръ Михайловичъ, князь. 401.
Бѣлоусовъ, унтеръ-офицеръ. 257.

В.

Вамербатъ. 128.
Варламовъ, 289, 355, 448.

Вейде Адамъ Адамовичъ, генераль. 161.

Велеть, графъ. 168.

Велингъ, графъ, генераль. 11.

Верторъ, графъ, полномочный по-
соль. 60.

Вильгельмъ, король. 143.

Виларсъ, маршалъ. 118, 197, 219, 245.

Витвортъ, дипломатъ. 76, 200.

Волженскій Михайль Никитичъ,
князь. 380.

Волнова, жена повѣреннаго въ дѣ-
лахъ въ Данцигѣ. 362.

Вольский, ротмистръ. 57, 60, 82.

Воронинъ. 279, 452.

Ворошинъ Терентій. 355, 454.

Г.

Гагаринъ Гаврииль Петровичъ, князь.
364, 396.

Галлсъ, принцъ (prince de Galles),
претендентъ на английскую ко-
рону. 203, 219, 221.

Гемсъ, баронъ, министръ цесарскій.
24, 25, 42, 111, 112, 121, 183, 134.

Генрихъ, принцъ. 345.

Генсіусъ, ратпенсіонарій. 167, 234.

Герцъ (Герицъ), баронъ, дипломатъ.
124, 183, 184, 213, 214, 227.

Гитердъ Самуиль, купецъ. 59.

Голцинь Александръ Михайловичъ,
князь. 380.

Голцинь Петръ Алексѣевичъ, князь,
режскій губернаторъ. 158, 181,
196.

Головина Арнаа Онисимовна. 453.

Головина, графиня. 448.

Головинъ Александръ Гавриловичъ,
графъ. 26, 40, 58, 154, 177, 182,
183, 204, 205, 213, 215, 216, 247.

Головинъ Алексѣй Гавриловичъ,
графъ. 382.

Головинъ Гаврииль Ивановичъ,
графъ, государственный канц-
лель. 3, 6, 8, 17, 20, 27, 30, 35, 36,
39, 44, 49, 54, 55, 58, 59, 64, 71,
81, 84, 85, 93, 100, 105, 109, 111,
126, 127, 130, 136, 138, 140, 141,
156, 166, 175, 192, 196, 201, 210,
214, 219, 221, 228, 232, 243, 245.

Головинъ Иванъ Александровичъ,
графъ. 381.

Горбуновъ, унтеръ-офицеръ. 414.

Горнъ, графъ, посоль. 143, 229, 230.

Греть Иванъ. 357, 404, 410.

Гульдешитеръ, графъ. 229, 231.

Д.

Дашеунгъ, герцогъ, дипломатъ. 220.

Дашневъ Алексѣй Ивановичъ, ди-
пломатъ. 62, 129, 185, 190.

Дабери (де-Верри), герцогъ. 196.

Дабль, дипломатъ. 176, 223, 226, 239.

Дашкъ-Палефельдъ, генераль. 45, 105,
228.

Дашковъ, дворянинъ. 420.

Демъ, графъ, полномочный по-
соль. 60.

Дюмаръ, бригадиръ. 10.

Долгорукий, князь. 288, 353.

Долгоруновъ Алексѣй Васильевичъ,
князь. 133, 247.

Долгоруновъ Василій Лукичъ, князь,
посоль. 29, 30, 33, 56, 57, 81, 82,
90, 104, 106, 107, 124, 137, 159,
164, 174, 188, 198, 208, 212, 227, 245.

Домашновъ Сергій Герасимовичъ.
363.

Домонгъ, герцогъ, посоль. 54.

Дорсона (Доссуна), герцогъ, полно-
мочный посоль. 57, 80, 154.

Дуксель (marquis d'Uxelles), маршалъ.
80.

Дуронъ, квартирмейстеръ. 417, 438.

Дюкеръ, генераль. 69.

Е.

Евменій, принцъ, полководецъ. 145,
197, 211, 219, 245.

Екатерина I, царица. 58, 86, 87, 89,
218.

Екатерина II, императрица. 301, 415,
417, 433, 439, 441, 445, 446, 455,
462.

З.

Завадовскій Петръ Васильевичъ,
графъ. 273—275, 340, 377, 379,
418, 420, 435.

Зеричъ Семенъ Гавриловичъ, генераль-адъютантъ. 442.
Зотовъ, ревельскій комендантъ. 158, 196.

I.

Юна, митрополитъ. 483.

И.

Ииненъ Фридрихъ, купецъ. 99.
Исаевъ Илья Ивановичъ, первый русскій оберъ-инспекторъ рижской таможи. 62.

К.

Карбандъ, графъ, дипломатъ. 62.
Керхнеръ (фонъ-). 79.
Кирхбахъ, бригадиръ. 10.
Кишкинъ, прапорщикъ. 176.
Коллеръ, графъ, посоль. 42.
Колычевъ Степанъ Алексѣевичъ, дипломатъ. 328, 333.
Кордесъ, рижскій купецъ. 59, 62.
Косановская. 458.
Кречетниковъ Михаилъ Никитичъ, графъ. 278, 378.
Кридеръ, надворный совѣтникъ. 402.
Крощтейнъ, генераль. 10.
Кремъ Иванъ Ивановичъ. 402.
Куракина Аграфена Александровна, княжна. 311, 345, 355, 373, 374, 387, 442, 443, 448, 459, 460.
Куракина Александра Ивановна, княгиня. 265, 276, 277, 283, 291, 310, 311, 323, 338—341, 361, 365, 374, 378, 388, 406, 412, 414, 419—421, 424, 429, 432, 439, 440, 453, 459.
Куракина Наталья Петровна, княгиня. 426, 452.
Куракинъ Алексѣй Борисовичъ, князь. 262, 263, 265, 277, 279, 287, 289, 304, 323, 326, 331, 332, 333, 373, 406, 407, 412, 414, 424, 454.
Куракинъ Иванъ Борисовичъ, князь. 311, 332.
Куракинъ Степанъ Борисовичъ, князь. 262, 263, 304, 358, 369, 385, 386, 406, 414, 417, 437, 443, 453.

Курбатовъ Алексѣй Александровичъ. 59, 61.

Л.

Ламбертъ, купецъ. 225.
Лешашевъ Павелъ Артемьевичъ. 287, 394, 407, 411, 412, 429.
Лещинскій Станиславъ, король польскій. 34, 48, 63, 87, 88, 96, 97, 165.
Лили, вице-адмиралъ. 69.
Линденъ, полковникъ. 313.
Литвиновъ Василій Панкратьевичъ. 138.
Лобановы-Ростовскіе, князья. 263.
Лобановъ-Ростовскій Иванъ Ивановичъ, князь. 277, 292, 365, 444, 448, 458.
Лоняко, графъ, полномочный посоль. 80.
Лопухинъ Аврамъ Федоровичъ. 70.
Лухтеръ, купецъ. 225.
Люденикъ Яганъ, бургомистръ ревельскій. 245.

М.

Макаровъ Алексѣй Васильевичъ. 99.
Матвѣевъ Андрей Артамоновичъ, графъ, посоль. 82, 38, 64, 82, 83, 109, 115, 127—129, 157, 158, 179, 222.
Маттонъ Матейсъ, купецъ. 113.
Мельгунова Наталья Ивановна. 276, 434, 455.
Мельгуновъ Алексѣй Петровичъ. 276, 340, 378, 419—421, 433, 434, 455, 462.
Менакиеръ, полномочный посоль. 80.
Мендеръ-Залгонъ, прусскій посоль. 202, 205.
Меншиковъ Александръ Даниловичъ, князь, генералиссимусъ. 3—6, 14, 17, 26, 32, 40, 41, 45, 46, 54, 58, 60, 61, 69, 81, 88, 105, 115, 121, 139, 155, 158, 162, 165, 166, 173, 174, 189, 197, 206, 209, 215, 216.
Меттернихъ, графъ, полномочный посоль. 80.
Монтеленъ, маркизъ. 57.

Мусинъ-Пушкинъ Алексѣй Семеновичъ, графъ. 395, 451.
Мусинъ-Пушкинъ Н. А. 70.

Н.

Нарышкина Анна Никитична. 338, 389.
Нарышкина Прасковья Васильевна. 458.
Нарышкинъ Алексѣй Васильевичъ. 279, 360.
Науендорфъ, майоръ. 414, 417, 438.
Немодисная. 391.
Никонъ, патріархъ. 433.

О.

Обрѣзовъ Алексѣй Михайловичъ. 388, 394.
Оладынъ Богданъ Васильевичъ. 79, 247.
Орловъ-Чесменскій Алексѣй Григорьевичъ, графъ. 356.
Остерманъ Андрей Ивановичъ, графъ. 29.
Остерманъ Иванъ Андреевичъ, графъ. 282, 308, 357, 380, 427.

П.

Павелъ Петровичъ, великій князь. 375, 419, 446, 447, 455.
Пальминовъ, дипломатъ. 40, 42, 51, 139, 146, 186.
Панина Софья Петровна, графиня, впоследствии Туттолмина. 266, 268.
Панинъ Никита Ивановичъ, графъ. 257, 262, 266, 280—282, 292, 303, 309, 312, 332, 333, 335, 336, 346, 351, 352, 353, 357, 365, 373, 374, 378, 379, 383, 384, 388—391, 397, 400, 402, 404, 407, 409, 412, 414, 423, 426, 427, 428, 430, 431, 439, 454.
Панинъ Никита Петровичъ, графъ. 266, 268, 270, 365.
Панинъ Петръ Ивановичъ, графъ. 262, 268, 267, 270, 272, 280, 292, 304, 305, 310, 340, 355, 365, 374, 378, 380, 394, 408, 412, 414, 453, 454.
Пассекъ Петръ Богдановичъ. 387, 388.
Патнулъ, вице-полковникъ. 387.

Петкувъ, дипломатъ. 187, 188, 192.
Петръ I Алексѣевичъ. 60, 105, 180.
Петровъ Иванъ, секретарь. 357.
Племянникова Екатерина Григорьевна. 277, 361.
Плуненфельтъ. 315.
Полынянъ, аббатъ, полномочный посолъ. 80.
Полтвъ. 355.
Полосовъ, повѣренный. 403.
Полятовскій Станиславъ, князь, генералъ. 390, 404, 456.
Перышковъ. 332.
Потемкинъ Григорій Александровичъ, князь. 386, 430, 431.
Потоцкій, графъ, воевода кievскій. 63.
Пугачовъ Емельянъ. 361.
Пушкина Анна Степановна. 138.
Пушкинъ Степанъ. 138.

Р.

Радзивиллъ. 371.
Рацковъ, полковникъ. 200.
Репина Наталья Александровна, княгиня. 412.
Репинъ, князь. 292, 442, 444.
Репинъ Николай Васильевичъ, князь. 266, 373, 383, 384, 386, 407, 412, 417, 459.
Рижманъ Иванъ Севастьяновичъ, дипломатъ. 258, 296, 316, 317, 319, 425.
Робинсонъ Ральфъ, купецъ. 59, 108.
Розенбаумъ, агентъ. 98, 102.
Румянцова Марья Андреевна, графиня. 389.
Румянцовъ-Задунайскій Петръ Александровичъ, графъ. 321, 417.
Рутхеръ, купецъ. 99.

С.

Салтыковъ Николай Ивановичъ. 311, 339, 378, 443.
Салтыковъ Федоръ Степановичъ, корабельный мастеръ. 108.
Самборскій Андрей. 438.
Самуилъ, архіепископъ ростовскій. 272, 309, 339, 375, 418, 432, 440, 446, 454, 461.

Собантъ Михаилъ Григорьевичъ.
254, 255.

Соловьевъ Иванъ Васильевичъ,
управляющій. 290, 355, 459.

Страховъ Иванъ Варфоломеевичъ.
357, 365, 374, 387, 414, 426.

Страффордъ, графъ. 9, 22, 23, 49—51,
55, 71—73, 76, 80, 82—85, 91, 92,
109, 111, 112, 115, 121, 130, 134—
136, 139, 141, 146, 152, 164, 166,
177, 178, 186, 194—196, 204, 235,
236, 243.

Строгановъ, баронъ, генераль-маюръ.
336.

Ступининъ Петръ Александровичъ.
812.

Суссовъ Евграфъ. 256, 315, 319, 320.

Т.

Талызина Марія Степановна. 291,
399, 398.

Терреса, графъ, полномочный по-
сосль. 80.

Трауценъ, принцъ. 42.

Туголкинъ, тверской губернаторъ.
394.

У.

Уваровъ Александръ Федоровичъ,
графъ. 455.

Ульрика, шведская принцесса. 228,
230, 231.

Урсина, принцесса. 74, 139, 153—155,
166, 201, 220.

Ф.

Фаделюсъ. 257.

Фейеръ, баронъ. 315—317.

Фелькерзамъ, г-жа. 453.

Филиппъ V, король испанскій. 201,
220.

Фонтинсенъ Диръ, купецъ. 224.

Х.

Хованскій Алексѣй Васильевичъ,
князь. 387, 388, 394.

Хованскій Сергѣй Федоровичъ, князь.
453.

Ц.

Цинцондорфъ, графъ, полномочный
посоль. 79, 141.

Ч.

Чарторисскій, князь. 371.

Чебышовъ Петръ Петровичъ, оберъ-
прокуроръ Синода. 421.

Ченалевскій Петръ Матвѣевичъ.
308, 343.

Чемкиновъ. 454.

Чернышовъ, графъ. 292.

Чичеринъ, штабъ-офицеръ. 438.

Чуйковъ, солдатъ. 176.

Ш.

Шатоновъ, посоль. 120, 126, 135—137,
202, 220.

Шафирова Петръ Павловичъ, баронъ.
19, 32, 42, 53, 63, 68, 87, 141, 142,
160, 185, 229, 243.

Шереметевы. 71.

Шереметевъ Борисъ Петровичъ,
графъ, фельдмаршалъ. 33, 43,
222, 232.

Шлейницъ, баронъ, русскій дипло-
мать. 13, 68, 95, 101, 116, 156,
157, 244.

Штангельбергъ, графъ, дипломать.
372, 380.

Шредеръ Генрихъ, купецъ. 224.

Штейнбогъ, генераль. 17, 104, 125.

Шувалова Екатерина Андреевна,
графиня. 389.

Шуваловъ, графъ. 396.

Щ.

Щунинъ, штабъ-офицеръ. 438.

Э.

Эдмгеръ, купецъ. 245.

Зигальгартъ Николай Васильевичъ,
генераль-маюръ, выборгскій гу-
бернаторъ. 257.

Я.

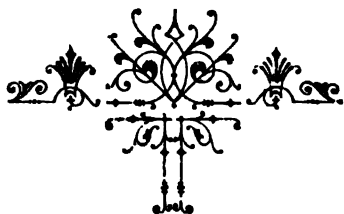
Яблонскій, воевода рузскій. 63.
Ягуминскій Павелъ Ивановичъ, графъ.
227.

Ягуминскій. 328.

Яковлевъ, генераль. 69.

Ө.

Өеффлянтъ, епископъ перемыслав-
скій. 447.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ДЕВЯТОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ф. А. КУРАКИНА“.

А.

Ahlefeldt (Mme de). 328.
Ahlefeldt, генераль. 307, 308,
328, 335, 336, 341, 348, 383, 404.
Albertine (princesse). 322.
Allamand, профессоръ. 331, 337.
Arnaud, писатель. 330.
Assendelft. 122.

В.

Bechtolsheim, камергеръ. 349.
Beiger. 328.
Bennigsen, майоръ. 370.
Bernstorff (comte de). 260, 307,
389, 404, 423.
Bertouch. 259.
Beylon. 298, 299.
Bielke (comtesse de). 291, 294, 299,
303, 344, 401.
Blomenfeld, масонъ. 451.
Bolingbrog, лордъ. 5, 6.
Borch (comtesse de). 384, 458.
Borch (comte de). 371.
Boton. 384.
Bruhl (comte de). 328.

С.

Charles (prince). 291, 322, 342.
Charpentier. 325, 326, 331, 407,
408, 411, 413, 459.

Chevry, парикмахеръ. 323, 354.
Gramp (miss). 397, 401.

Д.

Deboli. 390, 404.
Dernat (von), графъ. 3, 5, 154.
Desnoyer. 412.
Dogat, писатель. 286.
Duben (baron). 289, 290, 297, 298,
303, 322, 342, 352, 362, 396, 423.
Dubois (Mlle), танцовщица. 362.

Е.

Eck, почтдиректоръ. 382.
Ehrenswärd (baron). 343, 353.
Eickstedt, генераль. 307, 308.

Ф.

Fersen (comtesse). 299, 303, 318,
322, 344.
Fersen (Sophie, comtesse). 258, 290,
291, 295, 314, 319, 322, 342, 362,
400, 430, 450.
Fersen (comte), начальникъ швед-
ской артиллерии. 122.
Fersen (comte). 259, 306, 314, 450.
Flemming (comte), фельдмаршалъ.
3, 5, 16, 20, 38, 41, 42, 45, 46, 57,
81, 104, 105, 125, 160, 182, 187,
189, 200, 206, 207, 209, 213.

Frédéric, датскій принцъ. 297,
389, 492.
Frederiks (baron de). 387.
Fresse (Früz). 381, 388.

G.

Gardel, балетмейстеръ. 285.
Gaspari. 108.
Gersdorf (baron). 8, 50, 131, 133,
134.
Gluck. 285.
Grimm (baron). 401.
Guldenbourg (comte). 5.
Guldencrone или Gyldecrone
(baronne). 425.
Guldencrone или Gyldecrone
(baron). 281.

H.

Hafften (baron). 299.
Hay. 400.
Hebbe (Christian). 424.
Hegelmanн, вдова банкира. 401.
Hélissant, банкиръ. 108.
Hjärne (Mme de). 343.
Hörken (Mme de). 258, 321.
Huk. 398.

J.

Jennings. 363.

K.

Kameke (comtesse de), урожд.
графиня Головкина. 381.
Kaunitz (comte). 299, 300, 316,
321, 343.
Keyserling (comte). 405.
Klinckowström (Mme de). 319,
362, 400.
Köller (Mme de). 349.

L.

La Bas, парикмахеръ. 425.
La Fontaine. 350.

Langlois, капитанъ. 354.
Lantingshausen (baron de).
314, 321.
Lee (George), купецъ. 108.
Lefebvre, писатель. 284.
Le Fort (baron) Петръ Петро-
вичъ. 301, 302, 349.
Le Grand, банкиръ. 280.
Lehdorf (comte de), камергеръ.
395.
Lesage. 323, 353, 354, 360, 367,
460.
Levetzau (Henri, comte de). 258,
262, 324, 327, 335, 383, 422.
Lewenhaupt (Louis, comte de).
321, 342, 366.
Loos (Ryn Hendriks). 306.
Löwenhelm (также Löwenhielm,
Mme de). 258, 299, 321.
Löwenhauud (comtesse de). 401.
Lundberg, портретистъ. 259,
300.

M.

Marmontel. 286.
Martin, капитанъ. 353.
Mecklemburg (Ernest, duc de).
369, 370.
Meerfeldt (Mme). 321.
Moltke (comte). 349.
Munk. 430, 431, 450.

N.

Necker. 334.
Nicolaï Андрей Львовичъ, би-
блиотекаръ и секретарь Цесаре-
вича. 349.
Nolcken (baron). 344, 346, 401,
402, 430, 432.
Noverre. 235.
Numsen. 328, 341, 388.

O.

Oberkirch (baronne d'). 349.
Oldesop (Alexandrine, Mlle). 436,
444.

Oldesop, торговый агентъ. 298, 306, 329, 353, 427, 436, 444.
 Osten-Sacken (baron von der). 259, 307, 347, 390, 422, 423.
 Oubril (Jacques), совѣтникъ Иностранной коллегіи. 449.
 Oxenstierna (Axel, baron d'). 300, 343.
 Oxenstierna (comte d'). 395.
 Oxford, лордъ. 5.

P.

Paisible, скрипачъ. 405.
 Palschaur. 328.
 Pestel. 336.
 Pfeffel, писатель. 330.
 Piper (comte). 314, 450.
 Posse (comte). 343, 353.
 Prangen. 336.

R.

Rakoczy (prince de). 107, 108.
 Reventlau (comte). 308, 348.
 Ribbing, сенаторъ. 295.
 Ritter. 349.
 Bondeloux (также Rondely). 354, 369.
 Rosenkrantz, дипломатъ. 4, 5, 193, 228.
 Roslin, портретистъ. 288, 318, 322, 328, 335, 346.
 Rubin. 261, 332.

S.

Saaros (comte de), см. Rakoczy (prince de).
 Salderu (comte), воспитатель князя Александра Куракина. 285.
 Schack (baron). 3, 9, 21, 54, 78, 79, 84, 93, 94, 120, 157, 193, 226, 242, 246.

Scheffer (Ulrich, comte), сенаторъ. 258, 264, 289, 353.
 Schmettau (comtesse de), урожд. графиня Головкина. 382.
 Schönenbecke (comte). 7.
 Schwicheldt (Mlle de). 370.
 Simolin. 362, 363.
 Sparoonfeld. 124.
 Sparre (Mlle la comtesse de). 319.
 Sparre (comtesse de). 319, 343.
 Sparre (Charles, comte de). 313.
 Stanislas II, король польскій. 371.
 Stenbock 343.
 Stierncrona (baron). 401.
 Stockenström (Mlle). 314, 321.
 Sudermanie (Charles, duc de). 299, 322, 343, 365, 366, 342.

T.

Tauprein. 321.
 Teunile (Claas), капитанъ. 330.
 Tiesenhausen. 371, 458.
 Turpin, писатель. 280—282, 415.

V.

Vestris, балетмейстеръ. 285.
 Vietinghoff (baronne de). 396.
 Vietinghoff (baron de). 396.
 Voltaire. 284, 286.

W.

Wachtmeister (comte de). 320, 343.
 Wrangel, генералъ. 300.
 Wurtemberg (duchesse de). 350.
 Wurtemberg (Louis, duc de). 338.

ПОПРАВКИ

къ IX тому «Архива князя Ф. А. Куракина».

Страница	Строка		Напечатано:	Должно быть:
	сверху	снизу		
60	—	15	ваше величество во время своей быт- ности въ шведѣ,	ваше величество, во время своей быт- ности въ шведѣ,
217	11	—	такъ взятыя про- винціи,	тамо взятыя про- винціи,
228	5	—	Не можемъ	Не можетъ
342	—	7	Lagordsjårder	Lagerdsjården
435	1	—	запасчикъ	заказчикъ

